

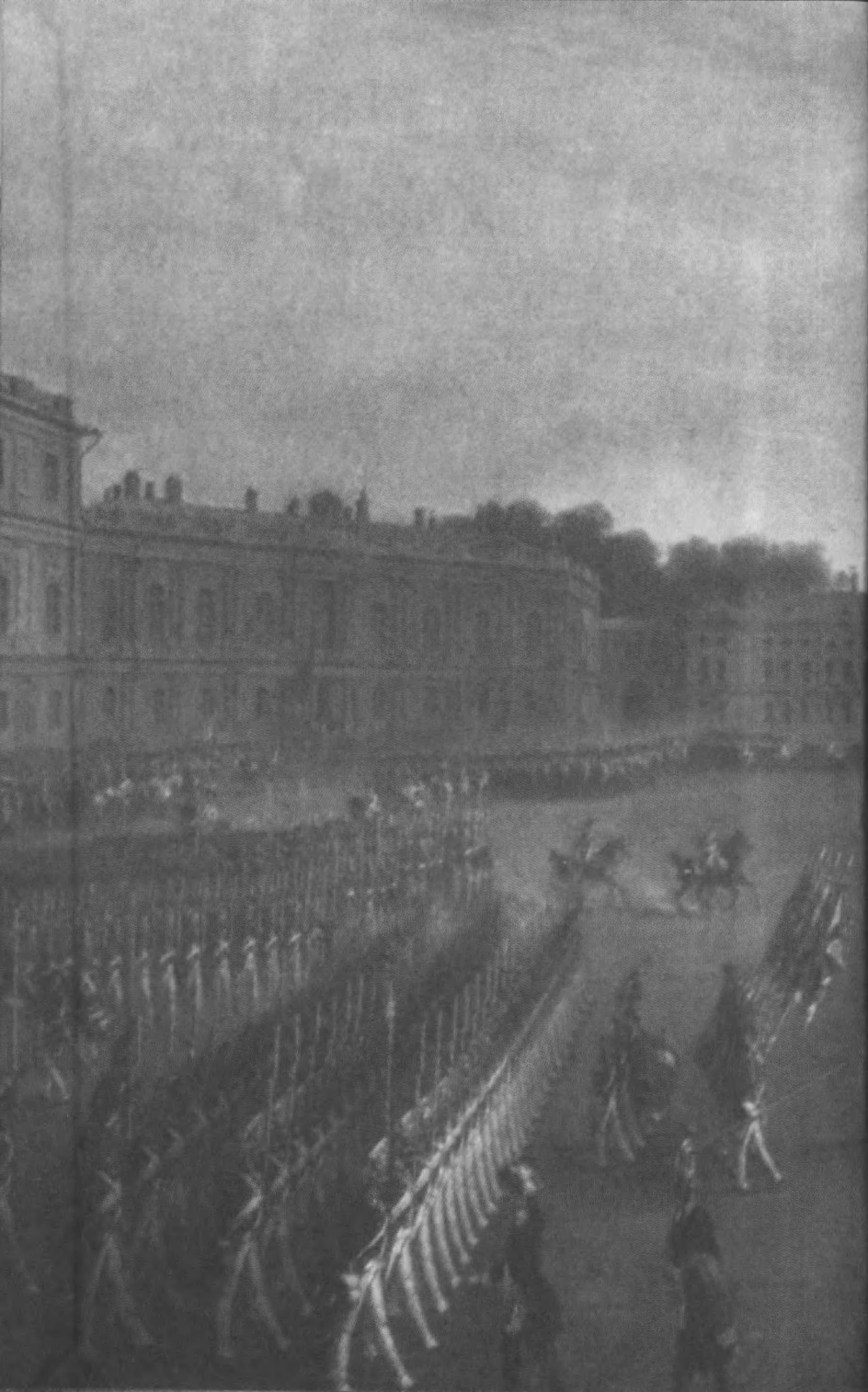
ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

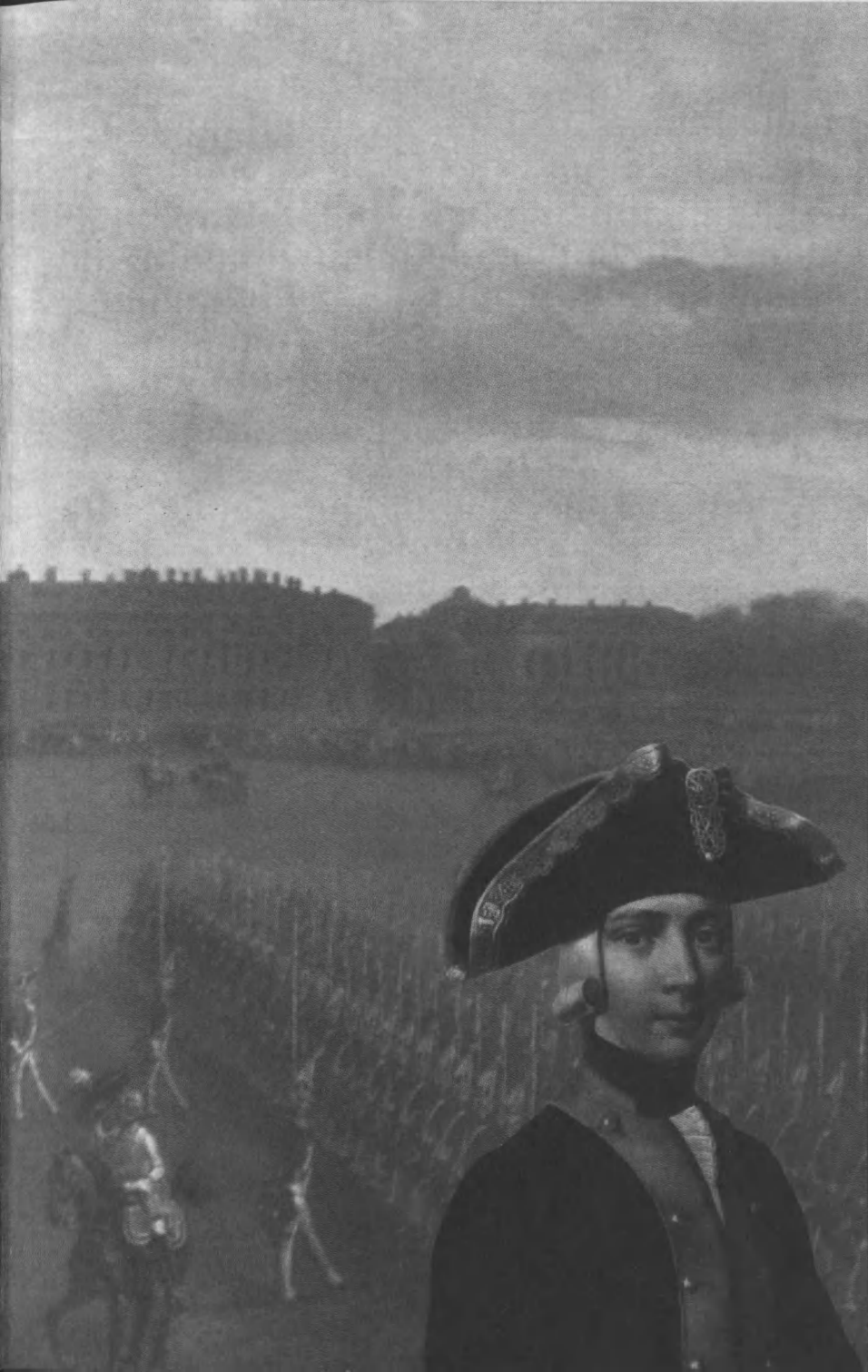
Сергей Охлябинин

ПОВСЕЛЕННАЯ ЖИЗНЬ

РУССКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЕНА СУВОРОВСКИХ ВОЙН









ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА



ПОВСЕДНЕВНАЯ

Сергей Охлябинин



МОСКВА

ЖИЗНЬ

РУССКОЙ АРМИИ
ВО ВРЕМЕНА
СУВОРОВСКИХ ВОЙН



УДК 355.1«17»
ББК 63.3(2)47
О 92

Художественное оформление серии
С. ЛЮБАЕВА

ISBN 5-235-02544-X

© Охлябинин С. Д., 2004
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2004



Век восемнадцатый — особый. Начинаясь он в России таинственно, да и завершился загадочно. Держава, не зная удержу, металась из края в край. От мятежей к переворотам. От переворотов — к заговорам. От войн — к новым войнам и новым мирным трактатам. Отдельные островки спокойствия были столь же редки для России, как заржавевший в ножнах солдатский клинок.

Знаменательно, что военных терминов в русской речи той далекой поры было столь много и оказались они так выразительны и звучны, что военные словари и лексиконы, словники и энциклопедии былых времен читаются сегодня, как драгоценный свиток, отпечаток необыкновенных дней. Даже названия родов войск — кавалергарды и гренадеры, мушкетеры и лейб-кампанцы, кирасиры и атаманцы, уланы и конно-егеря — звучат, словно музыка, пусть и военная.

В этой книге была предпринята попытка рассказать о повседневной жизни Русской армии — начиная с рядового солдата и кончая фельдмаршалом и самой императрицей в полковничьем мундире. Но была у автора и другая, не менее важная задача: приоткрыть завесу тайны над блестящими победами, во множестве одержанными Русским Солдатом — простым российским мужиком.

Чем более удаляется от нас век восемнадцатый, тем сильнее он привлекает, притягивает наше внимание

буквально всем. А особенно делами военными, что позволили не просто укрепить Россию, но значительно увеличить ее территорию. Чеканный шаг русского солдата отдавался тогда эхом по всей Европе. И к шагу этому прислушивались. Одних он удивлял. Других поражал. Третьих раздражал и склонял к противоборству.

Страна, в которой лишь несколько лет прошло со времени создания регулярной армии, вдруг выдвинулась на одно из первых мест в мире. Как могло произойти такое? Ответ на этот вопрос — и в гении Великого Петра, и в деяниях и подвигах великих наших полководцев, в числе которых в первую очередь надо назвать фельдмаршала Румянцева и генералиссимуса Суворова. Но еще и в нравственном духе русского солдата, в особого рода заботливости начальников по отношению к нему — «яко отцов к детям». А значит, понять природу триумфальных побед русского оружия XVIII века нельзя без обращения к быту русских солдат и офицеров во дни мира и войны.

На взгляд автора книги, рассказ об этом сколь поучителен, столь же и увлекателен. И в описании нравов, царивших в те времена, привычек, причуд и забав военных людей, и в рассказе об их экипировке и вооружении, предметах повседневного быта, давно ставших музейными экспонатами.

В самом деле, разве не интересно узнать, например, в чей же мундир облачилась Екатерина II во время знаменитого дворцового переворота? И что известно о ее боевом коне нормандской породы и серой масти по кличке Бриллиант, что когда-то в богатом конском уборе, с мужским седлом, прошитым по малиновому бархату серебром и золотом, стремительно возносил к трону свою лихую хозяйку?

А разве не настраивают на сумрачно-боевой лад турецкие солнечные часы XV века на массивном чугунном постаменте, с высеченными на мраморной доске арабскими названиями знаков зодиака? Или двое серебряных с позолотой литавр, подаренных императрицей Елизаветой своему любимцу графу Алексею Разумовскому в 1751 году? Не навевает ли

воспоминания о русских солдатах в Берлине овалный, темной бронзы барельеф прусского короля Фридриха Вильгельма I? Каким образом попал этот лик в Петербург? Оказывается, был взят в берлинском арсенале во время Семилетней войны.

Многие из этих раритетов былого надежно хранит наша прежняя и все такая же молодая столица. Здесь же и своеобразное военное императорское «обмундирование» — военные платья Екатерины II Кирасирского, Конного, Семеновского и других полков. А небольшая оседланная деревянная лошадка — напоминание об императоре Павле еще во дни его детства.

Отступая к началу барабанно-боевого XVIII столетия, мы с трепетом рассматриваем полковничий мундир лейб-гвардии Преображенского полка. Светло-синий, с красными обшлагами и золотыми пуговицами, принадлежал он самому Петру. Его же треугольная, черная, пуховая шляпа, пробитая пулей, а также серебряный вызолоченный нагрудный знак с изображением на эмали распятия св. Андрея Первозванного. Здесь же и петровская шпага с вызолоченным эфесом, надетая на кожаную с серебряными пряжками португую.

Особые чувства вызывает взгляд на ключи от прусского города Мемеля, взятые русскими солдатами в Семилетнюю войну.

А вот и облачения противников Русской армии. Седло XVII века с массивными аксессуарами принадлежало шведскому королю Густаву Адольфу. Рядом мундир синего сукна на красной подкладке и с такого же цвета обшлагами. По нему струится серебряная нить аксельбанта и шитая звезда ордена Черного Орла — боевой гардероб Фридриха Великого. Из-под воротника и рукавов мундира выглядывают кружева манжетов полотняной рубашки, надевавшейся под мундир. Здесь же и пара замшевых перчаток нежно-го цвета слоновой кости...

...Акорды нежные рояля старого,
Портреты пыльные на стенах зал,
И звон бубенчиков... и шаг Чубарого,
И весь сияющий огнями бал.

Эти удивительные, проникновенные строки принадлежат офицеру лейб-гвардии Семеновского полка, человеку необыкновенной судьбы, князю Федору Николаевичу Касаткину-Ростовскому, и написаны они были спустя сто с лишним лет после швейцарского похода Суворова. В трагические годы Гражданской войны и массового исхода русской аристократии в эмиграцию с особой силой проявилось чувство щемящей тоски по веку минувшему, веку русской воинской славы. Это чувство живо и сейчас, и подтверждением тому — книга, которую автор предлагает вниманию заинтересованного читателя.

«ВЕСЕЛАЯ ЦАРИЦА БЫЛА ЕЛИЗАВЕТ...»

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ — ОТ ГВАРДИИ К АРМИИ

«Сверх комплекта, без жалованья»

В архиве лейб-гвардии Семеновского полка сохранились документы, касающиеся службы Александра Васильевича Суворова простым солдатом-семеновцем. Обнаруженные в последние годы XIX столетия, в связи с приближавшимся столетием со дня смерти великого полководца, они позволили наглядно представить повседневную жизнь простых солдат знаменитого гвардейского полка Елизаветинской поры*.

В те времена дворяне записывались на военную службу с колыбели и к юношескому возрасту достигали уже офицерских чинов. Для маленького Суворова, которому шел 12-й год, срок записи был давно пропущен. Однако уступая страстному желанию сына, а также совету знаменитого Ганнибала — «арапа Петра Великого», Суворов-отец решает записать сына в Семеновский полк рядовым. И только в следующем году постановлением «полковых штапов»**

* Помимо материалов полкового Семеновского архива, солдатский быт той поры отразился и в таких документах, как «Общий архив Главного Штаба» и его Московского отделения. Автор воспользовался также трудами А. Петрушевского «Генералиссимус князь Суворов» и П. Дирина «История лейб-гвардии Семеновского полка».

** Совет, комитет штаб-офицеров полка, имевших решающее значение в полковых делах.

Александра Суворова зачисляют в полк. Было ему тогда 12 лет от роду.

А вот и дословный текст этого документа:

«1742 году октября 22-го дня по указу Ея Императорского Величества лейб-гвардии Семеновского полку господа полковые штапы приказали: явившихся с прошениями ниже означенных недорослей, а именно: Федора Векентьева, Дмитрия Усова, Алексея Кармалина, князя Николая Волконского, Николая да Сергея Дурновых, князя Юрья Долгорукова, Николая Колтовского, князя Сергея Юсупова, Петра Шереметева, Федора Шереметева, князя Алексея Волконского, Сергея Ергальского, Александра Шереметева, Николая Ходырева, Петра Орлова, Александра Суворова, Сергея Бредихина, Андреяна и Илью Ергольских написать лейб-гвардии в Семеновский полк в солдаты сверх комплекта без жалованья и для обучения указных наук по силе состоявшегося Блаженныя и Вечно-достоинныя памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны в прошлом 736 году декабря 16-го дня именного указа со взятъем обязательств от отцов или от сродников их, кроме князя Юрья Долгорукова, отпустить в дома их на два года, а помянутого князя Долгорукова на два года, и о том в роты ордеровать.

*Андрей Ушаков
Степан Апраксин
Петр Чаадаев»*

Чтобы представить тогдашнюю обстановку в гвардейских частях, проследим за дальнейшей службой в полку сверстников юного Александра. Каким же наукам должны были обучаться дворянские недоросли той поры?

Из документа, появившегося 9 октября 1742 года, явствует, что науки эти были самыми разнообразными.

«По указу Ея Императорского Величества... недорослей Ивана Чаадаева, Алексея Сухотина, Александра Благова, Николая Щербачева, Василия Лопухи-

на... лейб-гвардии в Семеновский полк выписать в солдаты сверх комплекту без жалованья и обучаться им по силе состоявшегося 736 году... указу: арифметике, геометрии, тригонометрии, планов геометрии, фортификации, часть инженерии и артиллерии, из иностранных языков, также военной экзерциции и других указных наук...»

Так что принятый на службу в 1742 году 12-летний Суворов тотчас же получает отсрочку на 2 года, то есть до 1744 года. Затем, так и не побывав в полку, — еще на 2 года. На этот счет сохранилась расписка его отца Василия Ивановича.

«Декабря 11-го дня 8-й роты солдат Александр Суворов отпущен в дом его в Москву в приход Николая Чудотворца, что в Покровской, генваря по первое число будущего тысяща седьмьсот сорок шестаго году, к сему реверсу, вместо сына своего Александра Суворова, подписуюсь».

Точно такую же расписку Василий Иванович дает и за соученика Суворова Лопухина, соседа по местожительству.

В то время семейство Суворовых обреталось в конце Покровской улицы, что была продолжением Покровки и Басманной, на углу Никольского переулочка, поблизости от Семеновской слободы. Там находилась церковь Николая Чудотворца, прихожанами которой были Суворовы.

Возможно, что именно близкое соседство с Семеновской слободой, где постоянно пребывала небольшая команда полка и часть его канцелярии, значительно облегчило запись малолетнего солдата в этот полк.

Что же касается вышеперечисленных наук, то, зная скупость Василия Ивановича, трудно предположить, чтобы он заботился о расширении приведенной программы обучения своего отпрыска. Все, что было сверх «указных наук», будущий генералиссимус постигал исключительно благодаря самообразованию.

В то время Семеновский полк насчитывал 13 рот: 1 гренадерскую и 12 мушкетерских. Кстати, Александр был зачислен в 8-ю роту. Все эти роты были сведены в 3 батальона по 4 роты в каждом. А вот

гренадерская принадлежала к составу 1 батальона. Сверх того в полку была и так называемая «заротная команда», позже именовавшаяся нестроевой ротой.

Солдат Суворов

Однако то, что юный Суворов находился в отпуску, вовсе не мешало ему наравне со сверстниками продвигаться по служебной лестнице. 25 апреля 1747 года он был произведен в унтер-офицеры 8-й роты. А вот и список произведенных одновременно с ним в унтер-офицеры его товарищей по роте, как тогда их называли — «одноротников»: «в сержанты — князь Алексей Голицын, Иван Саблин, Семен Хоненев и Александр Демидов, в каптенармусы — Иван Чичерин, Петр Озеров и Степан Кутузов, в подпрапорщики — Иван Данилов и Никита Епанчин, в фуриеры — Антон Ащерин, Александр Трофимов, Василий Майков и князь Алексей Голицын и в капралы — Василий Греков, Иван Данилов, Иван Перской, Федор Майков, Петр Кожин, Иван Лихачев, Матвей Плацеев и Александр Суворов».

К унтер-офицерскому чину в полку относили сержанта, каптенармуса, прапорщика, капрала, а также фуриера. Причем и каптенармус, и фуриер были чинами хозяйственными.

Из «определения полковых штапов» мы узнаем и такую удивительную подробность той поры. В унтер-офицеры производили либо «в комплект с жалованием» (штат 1732 года), либо «в комплект без жалования» (штат Петра Великого), либо «сверх комплекта без жалования» (облегчение для полка при несении множества нарядов). В две последние группы попадали лишь те, которые «могли себя содержать на своем коште без жалования». Но именно поэтому они продвигались по службе несколько быстрее прочих. И как мы узнаем чуть позже, именно к этой когорте принадлежал Суворов. Оказывается, все свои чины и звания, будучи нижним чином, он получил сверх комплекта.

Так завершился отпуск, длившийся в общей сложности 5 лет и 2 месяца. Капрал Суворов наконец-то покидает отчий дом в Москве и прибывает в полк.

Приказ от 1 января 1748 года гласит: «...явившемуся из отпуска 8-й роты капралу Суворову быть при 3-й роте». Именно с этого дня начинается действительная служба будущего генералиссимуса.

Но оказавшись на действительной службе, надо было еще и выдержать экзамены в знании «указных наук». Причем это было жесткое, неприменное условие для всех новопривывших солдат-дворян.

Вот, к примеру, расписки других солдат-дворян, сверстников Суворова:

«Солдат Сергей Ергольский обучился арифметике, а прочим наукам еще не обучался, в чем и подписуется. Солдат Сергей Ергольский подписуюсь».

«Капрал Федор и солдат Петр Шереметевы обучались: часть по французски, арифметике, геометрии, в чем подписуются — Капрал Федор Шереметев подписуюсь. Солдат Петр Шереметев подписуюсь».

Поскольку далеко не все недоросли-дворяне успевали выполнить эту учебную программу, то позже Семеновский полк учреждает уже собственную полковую школу. А наиболее рьяные солдаты-дворяне посещают еще и другие учебные заведения. Так, например, Иосиф Шестаковский и Александр Суворов посещают кадетский корпус, ревностно слушают лекции. Другие солдаты-семеновцы бывают даже и в Академии наук.

Сколь строги были экзамены и присуждение очередных званий в гвардии, можно судить по следующему факту. Из 20 юношей, принятых на службу 22 октября 1742 года, различных званий достигло всего 6 человек. И это после шести лет занятий. Кто же были эти счастливчики? Вот их имена: подпрапорщики — князь Николай Волконский, Николай Ходырев, Александр Шереметев. Капралы — Александр Суворов, Федор Шереметев и Федор Векентьев.

Удальцы-семеновцы!

Какова же была жизнь этого удивительного полка в те далекие годы? Каков был его быт, служба и, конечно же, состав? Оказывается, вплоть до 1739 года у

полка, расквартированного в Петербурге, не было своей отдельной слободы. Размещался он в совсем еще юной столице разбросанно. И понятно, что от этого страдал внутренний распорядок, и в результате — сама служба. И лишь 13 декабря 1739 года появляется указ императрицы Анны Иоанновны о пожаловании полку особого места — «позади Фонтанки, за обывательскими дворами». Чтобы представить себе более наглядно границы этой территории, взглянем хотя бы на план столицы конца XIX века. Все пространство от Невского до Забалканского проспекта и от реки Фонтанки (кроме прибрежных домов) до Шушарских болот, за деревней Купчино, принадлежало знаменитому полку.

Ко времени прибытия в полк восемнадцатилетнего капрала Суворова и его юных сослуживцев-однополчан слобода была прекрасно обустроена. Вот уже два года действовал полковой храм. Эта уютная небольшая деревянная церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы была освящена в канун полкового праздника. Ее точное местонахождение — на месте пересечения Клинского проспекта и Можайской улицы.

Близ церкви строится полковой двор, то есть помещения полкового штаба. Сооружается и учебный плац. На карте города XIX века его нетрудно обнаружить. Он продолжал называться Семеновским и спустя полтора века после описываемых событий. Интересно, что каждая из рот сверх того имела свое парадное место у ротной «съезжей избы».

Вся полковая слобода была разбита на «перспективы и правильные улицы». А каждой роте был отведен определенный участок, на котором строились солдатские дома и дворы. Кстати, они не имели ничего общего с позже возведенными казармами. Это были так называемые «связи», деревянные с небольшим числом обитателей. По мере того как полк обстраивался, семеновцы размещались в более комфортных условиях — шире и просторнее.

Поначалу у каждой роты было по десять домов (на 1746 год). Затем количество домов быстро возраста-

ло. Просторны были и солдатские дворы, и огороды. Они занимали «длинняку (в длину. — С. О.) по двадцати, поперешнику по семи сажень»*.

На этих просторных участках (в 140 сажень) солдаты размещались с большим удобством и рационально, используя буквально каждую сажень. Многие из семеновцев жили семьями. Что же касается казенных «связей», то здесь существовали непререкаемые нормы. В каждой «связи» можно было размещать не более 4 человек на светлицу.

В ту пору население полка не ограничивалось одними военными и их семьями. В приказах того времени можно встретить и разрешения лицам разного звания селиться у своих родственников — солдат и офицеров полка.

Особенность Семеновского полка заключалась в том, что в середине XVIII века он наполовину состоял из дворян. Причем каждый из них обладал еще и собственными крепостными. Некоторые из солдат располагали большим количеством дворни. И даже при полковых походах в Москву брали с собой по 15—16 человек дворовых. Имел при себе дворню и Суворов. Правда, небольшую. Всего двух человек — Сидора Яковлева и Ефима Иванова. Причем второй был человек преоригинальный и грамотей.

От щедрот государей

Дворянский состав полка определял не только отношение к нему общества, но и характер службы того времени. Былые помещичьи привычки и наклонности солдат-дворян, с которыми они не хотели расставаться и в армии, были причиной множества разнообразных льгот и послаблений. Ведь к тому времени суровые времена Петровских походов миновали. Гвардия, гордая своими недавними боевыми походами и собственным значением и влиянием во дни мира, всю пользовалась щедротами своих государей.

* Сажень — 2,133 м.

Одной из наиболее распространенных льгот, постоянно предоставляемой солдатам из дворян, было разрешение жить вне полка — на вольных квартирах, у родственников или просто в собственных апартаментах. Так, например, в приказе по полку от 6 сентября 1748 года можно прочитать следующее:

«Поданной ведомостью от 3-ей роты предоставлено, что прикомандированный во оную роту из 8-й роты капрал Александр Суворов просит, чтобы позволено было ему жить лейб-гвардии в Преображенском полку, в 10-й роте, в офицерском доме, с дядею его родным реченного полку с господином капитаном-поручиком Александром Суворовым же, того ради вышеописанному капралу Суворову со оным дядею его родным жить позволяется»*.

Солдаты-дворяне имели некоторые послабления и по службе. Привожу текст одного из приказов:

«Нижеписанных рот солдат, а именно: 2 роты князь Антона Стокасимова, Иева Казимерова... (далее указан еще ряд имен. — С. О.) как на караулы, так и на работы до приказу не посылать, понеже оные, вместо себя, дали людей своих в полковую работу для зженья уголья; того ради оных людей прислать сего числа пополудни во 2 часу на полковой двор и велеть им явиться у господина полкового обозного Сабурова и быть в его команде».

Если хозяйственных и строительных работ в полку было множество, то со строевыми занятиями особенно не усердствовали. Они частенько отменялись или откладывались по случаю непогоды. Трудно даже представить, что капризному петербургскому климату в те годы уделялось так много внимания.

«Ежели на сей неделе будет благополучная погода, то господам обер-офицерам, командующим, начать роты свои обучать военной экзерциции, также и господину подпоручику Чичерину вновь написанных солдат из армейских полков, также из недорослей и

* Александр Иванович — родной брат Василия Ивановича, отца генералиссимуса.

рекрут по посланному сего числа списку начать же обучать военной экзерциции».

Поскольку солдаты-дворяне были достаточно образованны, на них зачастую возлагались самые серьезные поручения. Они командировались не только в российскую глубинку, но нередко ездили от иностранной коллегии и за границу, с серьезными поручениями.

Итак, служебные обязанности тогдашних солдат из дворян были совсем необременительны. Положение же унтер-офицеров гвардии того времени было и вовсе отменным. Примечательно, что в большинстве приказов того времени при нарядах и служебных командировках унтер-офицеры и капралы наравне с офицерами перечисляются поименно. Тогда как простые солдаты «наряжаются» общим числом.

Кроме того, унтер-офицеры-дворяне приглашаются наравне с офицерами на маскарады и даже на Высочайшие балы.

Крайне любопытно содержание одного из таких приказов по Семеновскому полку:

«...О бытии... на маскараде, который по Величайшему Ея Императорского Величества соизволению назначен быть в будущую пятницу, т. е. февраля сего 8 числа... быть... всем знатным чинам и всему дворянству Российскому и чужестранными с фамилиями, кроме малолетних, в приличных масках и притом, чтоб платья пилигримского и арлекинского и непристойного деревенского, тако-ж и на маскарадные платья мишурного убранства и хрусталей употреблено не было да и не иметь при себе никаких орудий... того ради в ротах и заротной команде всем чинам... объявить и кто из дворян пожелает быть в том маскараде, о тех подать за руками командующих г. обер-офицеров в полковую канцелярию ведомости неотменно».

Новые времена — новые нравы

То было веселое в Петербурге время. Гнетущая бироновщина только-только миновала. Общая амнистия всем жертвам Бирона возвращает семьям их от-

торгнутых родных. Все это сказывается на настроении в обществе. Веселость, часто безудержная, становится отличием эпохи. Обожаемая императрица, дочь Великого Петра, продолжает осыпать милостями и знаками благоволения.

И кто же в первую голову подхватывает это радужное настроение и безудержное веселье? Естественно, гвардия. Состоятельные гвардейцы, каких было немало в Семеновском полку, от души отдаются заразной веселости придворного и городского общества. За ними тянутся и менее богатые.

Нередко можно увидеть, как унтер-офицеры являются на придворные балы в собственном «богатом» платье. И более того — у редкого из них нет собственного выезда. Бывало, что их даже приходилось ограничивать в... количестве лошадей. А иной раз приключаются и из ряда вон выходящие камуфлеты — можно было встретить унтер-офицера гвардии, разъезжающего по улицам столицы в карете с выбитыми стеклами и с опущенными от падающего снега скромными шторками.

Однако при всем значении унтер-офицеров гвардии их нравы порой носили, мягко говоря, довольно странный характер, явно несвойственный их высокому положению. Так, в приказе от 1 июля 1748 года с удивлением узнаем:

«Понеже 8 роты капралы Петр Кожин, Иван Лихачев, будучи в компании, сержанта Шестаковского* били, который обучает; Петр Кожин разбил ему бутылкою лоб до кости, Иван Лихачев драл за волосы, отчего оный Шестаковский находится в болезни».

Как видим, поведение тогдашних избалованных солдат и унтер-офицеров-дворян отличалось не только частым озорничанием, но и большими буйствами. Но серьезные проступки нередко влекли и суровые взыскания.

Так, дерзкая выходка капралов Кожина и Лихачева имела поучительную развязку: «И за вышеписанные

* Шестаковский — преподаватель полковой школы.

их продерзости Кожина и Лихачева при собрании всех унтер-офицеров и школьников (то есть учеников полковой школы. — С. О.) на полковом дворе поставить их на сутки через час под 6 ружей да сверх ружей одного господину подпоручику Приклонскому* взыскать с них, Кожина и Лихачева, за увечье ему, сержанту Шестаковскому, денег 50 рублей и пользоваться оным, Кожину и Лихачеву, его Шестаковского от болезни его своим коштом; того ради унтер-офицеры и капралы, как находящиеся в школе, так и прочим приказать, дабы такие молодые люди от таких не порядков себя весьма хранили, а ежели кто впредь так не порядочно в компании чинить будут и таковые без упущения имеют быть штрафованы и написаны в солдаты».

В пору, когда Александр Суворов и 20 юношей, его сверстников, явились к лейб-гвардейцам, Семеновским полком командовал граф Степан Федорович Апраксин. Об этой своеобразной личности подробно будет рассказано во втором разделе 1-й главы — «Военачальник иль вельможа?»

Пока же поговорим о другом, а именно о пределах его власти. Оказывается, власть его была вовсе невелика. В свое время император Петр Великий, внедряя повсюду коллегиальное решение военных вопросов (как прекрасное средство против злоупотреблений), не сделал исключения и для полков. А потому действительными распорядителями их судеб оказались *«господа полковые штапы»*. Проще говоря, комитет, совет штаб-офицеров полка.

Командир Семеновского полка по существу являлся только председателем этого упомянутого совета. Иными словами, он был всего лишь первым среди равных. Удивительно, но даже и приказы по полку не подписывались в эти времена командиром. Они отдавались от имени все тех же «полковых штапов». Так что в итоге от командира лейб-гвардии Семеновского полка Степана Федоровича Апраксина мало что зависело.

* Заведующий полковой школой.

По идее, заложенной еще Петром Великим, «гвардейский полк был в сущности нечто среднее между военно-учебным заведением и учебною образцовой частью»^{*}.

Перед глазами государей проходила свой служебный «искус» целая вереница начальствующих чинов всех рангов. Именно из их числа выбирались не только командиры полков и офицеры, но частично и унтер-офицеры для грядущей службы в армии.

Главное же, чем славился Семеновский полк, была действующая «полковая школа», открытая еще в 1721 году. Однако занятия здесь происходили эпизодически. Причиной тому постоянные походы солдат и неудобства квартирования полка.

В 1747 году, как уже говорилось, полк наконец был водворен на свое новое место, и «школа» начала действовать фактически. Из приказа по полку: «...для обучения определить умеющих из унтер-офицеров, а именно: каптенармусов Иосифа Шестаковского, Михаила Ленивцева и других, кто по усмотрению способен явиться, а кто пожелает учиться, о том чрез приказ в полк объявить и какие чины и кто именно да и каким наукам желающие найдутся обучаться».

Поначалу курс наук состоял все из тех же упомянутых выше «указных наук». Но что самое удивительное — большинство учебников для учащихся семеновцев было на... немецком языке. Немногие — на французском. И совсем уж мало — на русском. В прямом смысле смешивая французский с нижегородским, назывались они в приказах по полку — «Государственный шпрах-мейстер», «лар дебнен парле франсе», «ласиянс дезенженнер».

Как же размещали военных учеников в этой школе? Здесь все было более чем демократично. Дворяне рассаживались в классах наравне с недворянами.

^{*} Геруа А. Суворов-солдат. СПб., 1900. С. 19.

Солдаты — с унтер-офицерами. Взрослые — с малолетними. Кроме того, учащиеся (естественно, только взрослые) имели право изучать те науки, какие сами пожелают. Окончание полковой школы ставили в заслугу. И, как правило, награждали завершивших курс следующим чином.

Первым учителем школы был каптенармус Иосиф Шестаковский, набиравший, в свою очередь, знаний на лекциях в кадетском корпусе. Любопытен, в частности, приказ по полку (от 14 января 1743 года) по этому поводу:

«10-й роты солдату Осипу Шестаковскому велено быть в кадетском корпусе безотлучно; того ради онаго Шестаковского от 10-й роты числить в кадетском корпусе и в роту онаго не требовать».

В этом-то и заключается маленький курьез той эпохи: командировки почти всегда носили не временный, а постоянный характер. А потому солдаты могли быть одновременно и кадетами. И примеров таких было немало.

Для тех учеников, что не были откомандированы от рот на долгие месяцы, а продолжали нести свои прямые служебные обязанности, занятия проходили ежедневно. Они продолжались по 7 часов — с 6 часов утра и до часу пополудни.

С водворения полка на новом месте по-новому стали смотреть и на «школу». Ее начальник, или, как его именовали, «заведывавший», подпоручик Приклонский бывал очень строг. И ревностно проверял знания пребывающих в полку недорослей.

И если солдатам-дворянам не возбранялось переносить свои патриархальные помещичьи привычки на службу в полк, то это нельзя относить ко всем молодым барчукам. Поначалу и Суворову был не чужд помещичий комфорт на службе, но все это было в разумных пределах.

Небогатый дворянин, Александр Васильевич, понятно, не принадлежал к среде состоятельных гвардейцев, привыкших к широкой жизни, не мог он, да и не хотел тянуться за своими богатыми товарищами. Но зато его можно смело причислить к немалой в

полку группе серьезных и работоспособных солдат-дворян. Они и прилежно несли службу, и учились в «полковой школе».

Надо сказать, ревностная служба в полку всегда замечалась начальством и непременно поощрялась. Капралы, фурьеры, сержанты получали по этому случаю почетные назначения и командировки. Вот один из таких приказов от 7 мая 1748 года:

«Командировать в Кронштадт для провожания корабля «Захарий и Елизавет» г-д офицеров: капитан-поручик Майков, поручик князь Несвижский, подпоручик Кошелев, прапорщик Лосев, сержанты: Козинский, Кологривов, два каптенармуса: Приклонский, Ушаков, фуриер Бабкин, капралы: Суворов, Толбузин, Молчанов, Путятин, лекарской ученик 1, барабанщиков 2, фельдшер 1, солдат 180 человек, с роты по 15 человек второй и третьей шеренги, а кто именно командированы будут, о том сего числа подать в полковую канцелярию имянные ведомости, прописав оные для получения жалованья окладов; и оной команде, взяв провианту на весь май месяц, и быть во всякой готовности».

Назначения в команду делались по строгому выбору. Сборы были сравнительно недолги. На все про все понадобилось около месяца. Наконец в середине июня после приема галер в Адмиралтейств-коллегии команда из отобранных семеновцев отправляется в Кронштадт*. Вместе с ними отплывает и команда преображенцев. А ее начальник — капитан Челищев назначен руководить этим объединенным отрядом.

«Провожание» корабля «Захарий и Елизавет» происходило в Высочайшем присутствии и необыкновенно торжественной обстановке. Празднества завершились в 20-х числах, и объединенная команда возвратилась в Петербург.

Все летнее время 1748 года полк провел в отведенном ему месте, в городе. Здесь же происходили и все ученья и стрельбы (из ружей и пушек).

* Руководил командой капитан-поручик Майков.

Однако ж главная служба полка — караульная. Ежедневные посты расставлялись у Летнего дворца, в Тайной канцелярии, в Кронверке, в Адмиралтейской крепости, в Петергофе. Кроме того, выделяются семеновцы для пикетов и патрулей при охране внутреннего порядка в полку. Немало солдат «наряжается» для постоянных работ в самой семеновской слободе.

В полку случались и чрезвычайные происшествия. Так, например, в июле 1748 года ударился в бега дворовый человек Александра Суворова Сидор Яковлев. Вот что гласил отданный по этому случаю приказ по полку:

«Ведомостью от 3-й роты представлено, что от прикомандированного в оную роту из 8-й роты капрала Александра Суворова сего июля 20-го числа бежал от него крепостной его дворовый человек Сидор Яковлев, который приметам росту среднего, лицом смугл, одутловат, широконос, глаза серые, волосы светло-русые, от роду ему 20 лет; на нем платье — кафтан серого цвета, шит по-лакейски, кушак красный, в сапогах смазных тупоносых, на голове шляпа без обшивки черная, а с собою снес денег два рубля. Того ради в ротах и в заротной команде всем чинам объявить, ежели кто объявленного беглого человека по вышеописанным приметам где признает, то б, поймав, приводили в полковую канцелярию».

Примечательно, что к этому же времени относится и известный случай пожалования будущему генералиссимусу рублевой монеты от самой императрицы.

Вот как все произошло. Будучи в Петергофе в карауле, молодой капрал Суворов стоял на посту у Монплезира. Императрица Елизавета Петровна, проходившая мимо, обратила внимание на ловкость, с которой отдал ей честь непредставительный с виду солдат. Государыня спросила, как его зовут. Узнав, что это Суворов, сын лично ей известного Василия Ивановича, она собственноручно пожаловала молодому солдату рубль. Однако Александр, памятуя стро-

гость караульной службы, отказался принять «крестовик».

— Молодец, знаешь службу, — молвила в ответ государыня и, потрепав Александра по щеке, пожаловала поцеловать руку.

— Я положу его здесь, на земле, — добавила она. — Как сменишься, так возьми.

Крестовик этот Суворов хранил всю жизнь. Однако самое удивительное в этой истории, что ни в одном приказе по полку нет упоминания имени Суворова. Так что следует предположить, что рассказанный им случай относится к пребыванию Суворова на посту в садах Летнего дворца. Ведь именно здесь устраивались зачастую гуляния в Высочайшем присутствии.

Интересно, что в те веселые Елизаветинские времена при несении караульной службы нижними чинами допускалось немало вольностей. Так, из приказа от 5 июля 1748 года узнаем следующее:

«Ее Императорское Величество соизволила усмотреть, что на пикетах в Петербурге стоящие обер- и унтер-офицеры отлучаются от своих постов, того ради... наикрепчайше подтверждается, чтоб г-да обер-офицеры, также унтер-офицеры и прочие чины были на своих местах безотлучно...» Так что, прекрасно зная о расхлябанности и необязательности назначаемых в караул, Елизавета, пообщавшись с юным Суворовым, была приятно удивлена совсем иным отношением к делу.

«Шествие» в Первопрестольную

Между тем в ноябре 1748 года начинаются сборы гвардейского отряда в поход в Первопрестольную. В состав отряда был включен и 3-й батальон семеновцев. Многоверстный переход в древнюю столицу готовился по случаю «шествия» туда государыни Елизаветы Петровны.

Сборы батальона на этот раз длились около двух месяцев, и выступление в Москву последовало лишь 29 декабря. Из числа семеновцев помимо 3-го бата-

льона в поход отправлялась и половина гренадерской роты, заротная команда и даже полковая школа.

В этот же поход был включен и Александр Суворов, временно прикомандированный к 3-му батальону. Кстати, среди солдат полка было много москвичей.

Семеновский полк не был гостем в Москве. Он еще не порвал связей с Первопрестольной. А петербургские корни были еще не глубоки. В Москве «близ рек Хопиловки и Яузы» (то есть по соседству с местожительством Суворовых) у полка была своя слобода, пожалованная еще императором Петром Великим. Имелась там и своя церковь, правда, построенная чуть позже (к началу 50-х годов), и свой особый полковой «двор», где содержалась постоянная небольшая, так называемая «Московская команда».

Солдаты вновь прибывшего 3-го батальона разместились по квартирам близ своего двора. Причем всем чинам предписывалось «мягкое обращение с хозяевами квартир и доброе поведение во время пребывания в Москве». А вот для прибывшей в столицу «полковой школы» приказано было «занять дом впредь до отводу от полиции из прежде отведенных под батальон домов».

Здесь, в Москве, «школа» продолжала действовать, как будто и не случилось никакого переезда. Да и жизнь батальона скоро вошла в свои привычные рамки. Начались, как и прежде в Петербурге, ежедневные полковые разводы, караулы в «дом Ея Императорского Величества». Правда, несколько чаще обыкновенного в приказах по Московской команде встречаются выговоры и строгие взыскания за дружеские возлияния и озорничанье солдат-дворян.

Насколько привилегированными были гвардейские полки, можно судить по отправке их отдельных представителей с депешами за границу. Причем это касается не только господ-офицеров, но и солдат-дворян. В начале 1752 года в зарубежную командировку был отправлен и сержант Александр Суворов. Ученый-историк А. Петрушевский упоминает о двух подорожных, которые выписаны на имя Суворова — «он был послан в Дрезден и Вену с депешами, где и

находился с марта по октябрь. Причиной выбора Суворова для такой командировки было, конечно, кроме служебной репутации, его знакомство с иностранными языками».

Шесть лет спустя, в 1752 году, семеновцам вновь пришлось сопровождать императрицу в Москву. Как и прежде, им предстояло участвовать в московских празднествах. Заранее, за три с лишним месяца, начинаются батальонные сборы. Приказ по полку от 13 сентября 1752 года гласит:

«По силе Высочайшего Ея Императорского Величества именного указа для прибытия Ея Императорского Величества в Москву командирован лейб-гвардии Семеновского полку 1 батальон и половина гренадерской роты и того батальона господ обер-офицеры и унтер-офицеры... того ради 1 баталиону быть к походу во всякой готовности».

Состав офицеров и унтер-офицеров был укомплектован из других двух батальонов полка. Причем к походу подготавливали и большое количество всякой провизии. А потому для конвоирования «питья и прочей провизии», а также посуды следовавшего в Москву двора наряжены особые люди. Небольшая команда отправлена и «при фрейлинской свите».

Для этого грандиозного похода необходимо подготовить десятки, если не сотни подвод. Кроме того, предусматривается и быстрая смена лошадей, так называемая подстава.

Так что уже к концу ноября приказано «командировать... ко отправлению... на станции» 8 офицеров и при них 7 унтер-офицеров, 9 капралов и 142 солдата. Цель посылки этой команды — сбор подвод на подставе для двора.

Кроме того, предлагалось «подать от рот и от заротной команды... ведомости: из командированного баталиона в Москву, кроме господ обер-офицеров також унтер-офицеров и капралов, только из солдат и других нижних чинов, кто желает и кому можно поверить, ехать напредь баталиона в Москву».

«За майора» командовал батальоном господин капитан Любовников. Батальон выступил уже перед са-

мыми праздниками и только в первой половине января прибыл в Москву.

Жизнь в Первопрестольной протекала и на этот раз почти так же. Те же караулы «в доме Ея Императорского Величества». Те же дежурства и дневальства. И, конечно же, те же строгие приказы о соблюдении внутреннего порядка и внешней благопристойности.

А наряду с этим в батальоне продолжали царить веселый образ жизни и несколько легкомысленное отношение солдат-дворян к службе. Как и раньше, от частых служебных нарядов семеновцы пытаются уклониться разными способами. Какой же наиболее употребим был в XVIII веке? Как и сегодня — под предлогом болезни.

Когда число мнимых больных превзошло всякие пределы, появился строгий приказ по Московской команде полка (от 30 января 1753 года):

«Хотя приказано и отдано было, чтоб унтер-офицеры пред караулами больными не сказывались, а ныне были наряжены сержанты князь Алексей Гагарин — на караул, Александр Суворов — на ординарцию к Его Высокопревосходительству господину подполковнику к Степану Федоровичу Апраксину и, как пришли с нарядов, то сказались больными; а которые скажутся при наряде больными, таковых велено было приказом привозить на полковой двор; токмо видно, что господа командующие обер-офицеры по тому не исполняют; и впредь таковых по силе отданного приказу привозить без всяких отговорок на полковой двор, а впредь в неисполнении полковых приказов командующие господа обер-офицеры имеют ответственovati; того ради прислать от роты для показания оных сержантов дворов к господину лекарю Келлеру солдат; а ему, господину лекарю Келлеру, осмотря, рапортовать Его Превосходительства господина премьер-майора».

На этот раз пребывание в Москве 1-го батальона Семеновского полка вместе с частями других гвардейских полков затянулось. Елизавета Петровна не спешила распрощаться с Первопрестольной и находилась здесь около года.

ВОЕНАЧАЛЬНИК ИЛИ ВЕЛЬМОЖА?

Степан Федорович Апраксин был человеком хорошо известным в России. Судьба его изобиловала такими поворотами и жизненными камуфлетами, что могла бы лечь в основу многочисленных приключенческих историй. Впрочем, рассказы или романы, эссе или даже водевильные сюжеты, полагаю, не смогли бы до конца разгадать тайну этого неординарного человека. Многие в его биографии так и остаются скрытым за темным флером непостижимого.

Но прежде чем мы попытаемся ответить на вопрос — так кем же был Степан Апраксин, военачальником или вельможей, выслушаем мнение о нем известного историка и публициста, общественного и государственного деятеля России и младшего современника Апраксина Михаила Щербатова*. Оценка эта является вдвойне любопытной, поскольку и сам Михаил Михайлович с ранних лет носил мундир знаменитого Семеновского полка.

Гардероб из многих сот кафтанов

«Степан Федорович Апраксин, человек благодарный и доброго расположения сердца, но мало-знающ в вещах, пронырлив, роскошен и честолюбив, а к тому хотя и не был пьяница, но не отрекался иногда в излишность сию впадать... Всегда имел великий стол, гардероб его из многих сот разных богатых кафтанов состоял в походе, когда он командовал российской армией противу прусского короля, все спокойствия, все удовольствия, какие возможно было иметь в цветущем торговлею граде, с самою роскошью, при звуке оружий и беспокойстве маршей, ему последовали.

Палатки его величиною город составляли, обоз его более нежели 500 лошадей отягчал, и для его соб-

* Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790), князь, русский общественный деятель. В 1778 г. — президент камер-коллегии, в 1779 г. — сенатор, действительный тайный советник. Написал «Историю Российскую от древнейших времен».

ственного употребления было с ним 50 заводных богато убраных лошадей... Человек пышный и роскошный, помнится мне, до конца жизни своей на фаянсе едал, довольствовался иметь чаши серебряные, и я слышал... что он первый из собственных своих денег сделал себе сервиз серебряный».

Нет слов, портрет сделан Щербатовым мастерски. Но если сопоставить его с другими изображениями строгого историка, то окажется, что на их фоне Апраксин сильно выигрывал. Да, конечно же, он имел недостатки, но — если верить Щербатову — у других эти недостатки проявлялись в гораздо более острой форме и больших размерах. В то же время у Апраксина оказываются достоинства, которые князь Щербатов не видел у большинства своих современников. А потому можно сказать, что выбор, сделанный императрицей Елизаветой, назначившей Апраксина главнокомандующим действующей армии, во всяком случае не был неудачен.

Степан Федорович Апраксин, родившийся 30 июля 1702 года, происходил из старинного рода дворян Апраксиных. Их родоначальник, Матвей Андреевич Опраксин, поступил на службу к великому князю Ивану III Васильевичу в XV веке. Праправнук Матвея Андреевича, Никита Иванович Апраксин, имел трех сыновей: Василия, Ивана и Федора. Внук старшего из них, Федор Карпович, будучи стольником, женился на Елене Леонтьевне Кокошкиной. От этого брака и родился сын Степан.

В младенчестве ребенок лишился отца. Воспитывался он у своего родственника, Петра Апраксина. Затем, по обычаю дворян того времени, начал службу рядовым лейб-гвардии в Преображенском полку. В царствование императора Петра II состоял в чине капитана. А при Анне Иоанновне, в 1734 году, был произведен в секунд-майоры с переводом в Семеновский полк.

Затем с 1737 года Степан Федорович участвует в Турецкой кампании под началом Миниха, за отличие при штурме Очакова получает чин премьер-майора и поместья. Два года спустя он генерал-майор с

повелением оставаться дежурным при фельдмаршале графе Минихе. 10 сентября того же 1739 года Апраксин привозит в Петербург известие о взятии крепости Хотин и получает орден святого Александра Невского.

По окончании войны молодой генерал назначен начальником войск, расположенных в Астраханской губернии, близ тогдашней границы России с Персией. Под началом Апраксина 5 пехотных и 6 драгунских полков.

Однако в том же году он оказывается в Петербурге. Миних, прекрасно узнавший характер Апраксина еще по былой службе, посвящает его в тайны дворцового заговора и с его помощью совершает переворот в пользу правительницы Анны Леопольдовны. Участие Апраксина замечено — он пожалован богатыми поместьями.

Позже дворцовые щедроты буквально окутывают участника опасного переворота — он и генерал-кригс-комиссар, и вице-президент военной коллегии. А 25 июля того же 1742 года Апраксин пожалован подполковником гвардии Семеновского полка и генерал-лейтенантом армии. Этот воистину царский презент преподносят ему буквально накануне дня его рождения. Затем он становится генерал-аншефом, кавалером ордена св. Апостола Андрея Первозванного и наконец 5 сентября 1756 года произведен в генерал-фельдмаршалы.

И вот тут-то мы зададимся вопросом: так ли уж часто участвовал он в военных кампаниях или здесь проскальзывает какая-то иная, тайная, скрытая от глаз линия его поведения и отношения к нему самому? И тотчас вспоминаем — да он же Апраксин! Пускай и не по прямой линии, но все же находится в отдаленном родстве с графами Апраксиными — Петром и Федором Матвеевичами и, возможно, пользуется их покровительством. Кроме того, оборотистый Степан Федорович женится на дочери канцлера графа Гавриила Ивановича Головкина, Настасье Гавриловне. Наконец, Апраксин на дружеской ноге с графом А. П. Бестужевым-Рюминым и братьями Шуваловыми.

Степан Федорович пользовался особенным благоволением императрицы Елизаветы Петровны. Трудно сказать, объяснялось ли это обаянием самого Апраксина или же императрица помнила о роли фельдмаршала в своем восхождении на престол. А может, срабатывало чисто русское чувство: «Не по хорошу мил, а по милу хорош». Благоволение Елизаветы распространялось и на вторую супругу фельдмаршала, Агриппину Леонтьевну — дочь генерал-поручика Леонтия Яковлевича Соймонова. День 26 октября 1756 года остался на всю жизнь в памяти Степана Федоровича. Агриппина Леонтьевна была пожалована статс-дамой, ну а сам Апраксин при отправлении в Ригу для начальствования над русской армией получил драгоценный соболий мех с богатой парчой и изысканной работы серебряный сервиз весом в... 18 пудов, то есть 288 кг.

Но обладая столь высокими чинами, званиями, связями и расположением императрицы, Апраксин не располагал главным для военачальника — полной власти.

Оказывается, положение русских полководцев было стеснено учрежденной в январе того же 1756 года *Конференцией*. Что же представляло собой это новое объединение, кто в него входил, а главное, какие цели ставились перед ним? Члены Конференции — канцлер граф А. П. Бестужев, князь Трубецкой, Бутурлин, граф М. И. Воронцов и графы П. и А. Шуваловы. Основания к ее образованию были выработаны канцлером. Он находил, что «с потребной скоростью и силой управлять и двигать такую машину, каков есть корпус в 55 000 человек, удовлетворительное онаго содержание, предприемлемые им (войском. — С.О.) операции и множество сопряженных с тем обстоятельств с полным совершенством могут быть разрешены только комиссиею под личным руководством императрицы».

Появлению этой «Конференции» предшествовала любопытная информация, полученная Бестужевым

за год до того, в 1755 году, от его заграничных агентов. Она содержала новейшие сведения о составе и реорганизации вооруженных сил главнейших европейских государств. Из сопоставления их с отечественными выходило, что по численности войск первое место принадлежало России.

Так как Апраксин являлся фельдмаршалом, он должен был понимать, что одного лишь численного превосходства недостаточно. И что нынешняя обстановка настоятельно требует скорейшего развертывания на предполагаемом театре военных действий сильной и боеспособной армии. Естественно, правильно организованной и снабженной всем необходимым.

А между тем реформы, организованные военным ведомством, начались всего лишь за несколько месяцев до захвата прусским королем Фридрихом Саксонии. На кого же ложилась ответственность за припозднившееся проведение реформ? В первую очередь, на самого Бестужева. Возможно, снимая часть вины с собственных плеч, канцлер и преподнес это свое новое детище — «Конференцию». Но что было делать в таком «стреноженном» положении Апраксину? Ведь Конференция официально имела полное право вмешиваться в его дела. А вместе с тем следовало проводить и реорганизацию армии.

В России армия комплектовалась за счет рекрутского набора, в то время как на Западе применялась вербовка. И надо сказать, что наш порядок комплектования армии имел больше сильных сторон, придавая ей национальный характер.

Но в начале похода обнаружили и минусы русской системы комплектования. Армия Апраксина выступила в поход, имея некомплект в... 12 000 человек. Он был восполнен лишь к августу следующего, 1757 года.

Ремонтирование лошадьми к 1756 году производилось по распоряжению командиров частей. А обозные лошади для всей армии поставлялись населением, с уплатой за взятых лошадей небольшой суммы. Однако вследствие реформ, предпринятых в

русской коннице в начале 1756 года, от населения великороссийских губерний потребовался значительный запас верховых лошадей. А вот его-то как раз и не было.

Сверх того на перемену конского состава наших драгун, конногренадер и кирасир, вошедших в армию Апраксина, губительно повлияли и другие причины. Неблагоприятное время года и, как следствие, недостаток путей сообщения. Ну, и как всегда, несовершенство законов, определяющих сбор лошадей с населения.

Но что оставалось делать армии? С огромным трудом и большими затратами лошади от населения собраны и к июлю 1757 года доставлены в армию. Но... к сожалению, не принесли нашей коннице ожидаемой пользы. Не подходя по многим требованиям ни драгунам, ни кирасирам, ни конногренадерам, но требуя огромного количества фуража, они становятся тяжелой обузой в походе Апраксина в Пруссию.

«Обсервационный корпус» графа

Каково же было положение пехоты ко времени Прусского похода? Оказывается, еще с послепетровских времен в пехоте устанавливают какие-то нецелесообразные, причудливые правила. «...При начатии кампании, — пишет один из биографов С. Ф. Апраксина, — всегда гренадерские роты, отбираясь от полков, бывали в особливые полки совокупаемы и тогда к ним определялись временные же полковые командиры и другие штаб-офицеры»*.

Так происходило из года в год. К этому неудобству привыкли как к досадной необходимости. И хотя к 1756 году немалый вред формирования таких новых частей уже был осознан, по старой, сложившейся традиции вновь приступили к формированию четырех новых гренадерских полков. Естественно, что собирали их все из тех же третьих гренадерских рот всех полков армии.

* Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2. С. 244.

Причем в видах «скорейшего тех полков учреждения» признают необходимым взять гренадер из полков известной дивизии графа П. И. Шувалова — из Эстляндии (Эстонии) и Лифляндии (Литвы). К чему это привело — судите сами. Полки будущей действующей армии всего лишь за несколько месяцев до похода лишились 200—300 человек. Причем отбирали лучших. Третьи же гренадерские роты полков, расположенных на рубежах России, назначены для укомплектования мушкетерских полков, находящихся в Остзейском крае (в Прибалтике).

Но этим дело не ограничилось. Ввиду формирования запасного, или, как тогда называли, «Обсервационного корпуса» графа Шувалова от каждого полка, расположенного внутри России, было отобрано по 420 человек. А недостающее число людей покрывается солдатами из гарнизонов и ландмилиции.

Так состав войск, и без того имевший некомплект, был еще более ослаблен. Всего не хватало девяти тысяч только строевых.

Предусмотрительный Апраксин, прекрасно осознавая бессмысленность и даже огромный вред всех этих перетасовок, доносит об этом упомянутой нами Конференции. И что же получает в ответ? Ему предписывают, например, ставить в строй... денщиков. А это выглядит уже как насмешка.

Удивительное дело — не принималось решительных мер к ускорению привода в армию рекрутов с их предварительным обучением еще в тылу. Так что совсем уж странно было видеть сотенные, а иногда и тысячные команды, догонявшие армию до и после перехода ее через реку Неман в 1757 году.

Не лучше обстояло дело и с вооружением вновь прибывших. «Коллегиальность», организованная канцлером Бестужевым, приводила лишь к коллективной безответственности. Так, всех солдат решено было перевооружить ружьями нового образца. И действительно, часть заказа, а именно для Обсервационного корпуса, была выполнена по распоряжению графа П. И. Шувалова. Но вот остальные выступили в поход с ружьями старых, прежних образцов.

Зато Конференция не забыла позаботиться о наличии в Апраксинской армии рогаток — этих прадедовских средств обороны. Но зачем они нужны были Апраксину в этой нелегкой войне с талантливым и энергичным противником — королем Пруссии? Уже в Ковно фельдмаршал оставляет часть этих «динозавров». А вскоре брошены, сожжены и остальные.

Мы упоминали ранее о малопригодном конском составе драгунских полков. Оказывается, еще в 1755 году комиссия при военной коллегии отметила эти недостатки. И особенно обратила внимание на отвлечение многих конных полков на так называемую «форпостную», то есть пограничную, службу. Фельдмаршал Апраксин полностью с этим согласился и ждал нововведений для конницы. И что же? Уже весной 1756 года, в ожидании войны с Пруссией, в состав действующей армии назначены 5 конногренадерских и 4 драгунских полка. Они должны быть перестроены на новых началах. Но поскольку половина из этих полков находилась «на форпостах», быстро сосредоточить силы к возможному началу войны стало непросто.

Видя, что кавалерия Русской армии в полном расстройстве, Апраксин доносит об этом в Петербург (в то время он находился в Риге). Степан Федорович убедительно просит отложить поход до весны. Однако Конференция ставит во главу угла не готовность армии к военным действиям, а политические соображения. Иными словами, настойчиво требует быстрого открытия кампании.

Верхоконные... в пешем строю

Мы упомянули о регулярной кавалерии русской армии. Но в подчинении Апраксина находилась и нерегулярная конница. Она тоже предназначалась к походу и составляла 23 тысячи сабель. В чем-то она даже превосходила регулярную конницу, но ей, конечно же, явно мешало «отсутствие правильных начал организации», то есть проще говоря, отсутст-

вие жесткой армейской дисциплины. Кроме того, команды были разнородны (правда, кроме калмыков), а иногда и просто слабы. К примеру, как Слободские казаки.

По подсчетам Апраксина, из числа нерегулярных войск его армии 5 000 человек, а главное, 10 000 лошадей (вследствие обычая в нерегулярных войсках служить «о двуконь») по уровню подготовки были малополезны и, более того, представляли совершенно лишнее бремя для армии. Особенно это сказывалось на поставках фуража для огромного числа лошадей.

Существовали и другие пути, которые не были заметны со стороны, особенно из Петербурга. Так, восемь тысяч кирасир, конногренадер и драгун служили в пешем строю, следовательно, около 18 000 лошадей, которые ими фактически не использовались, можно было исключить из армии совершенно безболезненно.

Как же смотрел на все это Степан Федорович? Очень печальным взглядом. Ведь эта огромная погрешность в организации армии даже им не могла быть исправлена. Вся трагедия состояла в том, что его, Апраксина, армия руководилась не им, известным и заслуженным полководцем, а *Конференцией*. Причем проявлялось это на каждом шагу.

Взять, например, артиллерию, которую почти два столетия спустя в России стали называть «богом войны». В действующей армии существовала резкая разница в составе артиллерии собственно армии Апраксина, с одной стороны, и так называемого «Обсервационного корпуса» — с другой.

«Обсервационный корпус» был прекрасно экипирован. Именно он получал новейшие орудия, отличался прекрасной подвижностью, большей дальностью и действенностью стрельбы. У него был огромный запас разрывных снарядов. Парадокс состоял в том, что эта, лучшая часть артиллерии была фактически не подчинена Апраксину.

Руководство «Обсервационным корпусом» осуществлял, как упоминалось, граф Петр Иванович

Шувалов. Причем был он не только фельдцейхмейстером*, но и одним из главных членов Конференции. Человек необычайно деятельный, Петр Иванович испросил себе позволение набрать из всех полков особый корпус. Поначалу называвшийся запасным, или более громко — Обсервационным, со временем он становится известен как Шуваловский.

Корпус этот представлял внушительную силу. В его составе был один гренадерский и пять мушкетерских полков с полковой артиллерией. На 7 октября 1757 года в корпусе состояло 15 846 старослужащих. И еще ожидалось 13 193 рекрута. Кроме того, корпусу энергичного графа было придано 6 конных регулярных рот, а также 2 400 гусар, башкир и казаков.

Что же касается артиллерии, здесь и по сей день граф оставил нам немало загадок. Поначалу его артиллерийский парк должен был состоять из 120 полковых и 24 полевых орудий. Но Петр Иванович переигрывает свое же собственное решение и оставляет за собой лишь 92 орудия, правда, самых разнообразных калибров.

Но самое удивительное, что энергичнейший граф командует собственным Шуваловским корпусом, оставаясь в... Петербурге. И в этой ситуации «стреноженный» по рукам и ногам Апраксин не только не имеет никакой возможности рассчитывать на усиление шуваловцами армии, но даже не в состоянии оградить интересы армии от ущерба в пользу интересов Шуваловского корпуса. И в результате такой автономии привилегированный корпус не усиливал, а, наоборот, ослаблял армию.

А теперь упомянем полевой штаб. Оказывается, Апраксину как главнокомандующему не полагалось иметь помощника. Был он лишен и содействия начальника штаба армии. При Степане Федоровиче не числилось и старших, авторитетных чинов артиллерийского и интендантского ведомств. Но все-таки кто-то ведь должен был находиться при главноко-

* Фельдцейхмейстер — главный начальник всей артиллерии России.

мандующем? Да, были, конечно, офицеры, но все это лишь второстепенные лица. И самое безотрадное — все они зависели от своих генералов в Петербурге.

Какие же козыри оставались в руках у Апраксина, коль все нити руководства тянулись к Петербургу, к Конференции? Единственным и, пожалуй, самым верным его оружием был русский солдат и простой окопный офицер и унтер-офицер. Так что главнокомандующий, всецело подчиненный Конференции, мог полностью полагаться лишь на бесконечное мужество и стойкость Русской армии.

Шуваловская партия

Чтобы представить воочию всю сложность положения Апраксина в действующей армии и понять расклад сил в Елизаветинские времена, необходимо более подробно рассказать о самом фельдцейхмейстере.

Петр Иванович Шувалов, генерал-фельдмаршал, второй сын Ивана Максимовича Шувалова (старшего), обладал целым букетом чинов и званий. Генерал-фельдцейхмейстер и конференц-министр, сенатор и действительный камергер и, наконец, лейб-кампании поручик.

Родился Петр Иванович в 1710 году, а ушел из жизни год спустя после кончины Елизаветы Петровны. Да и вся его служба фактически прошла на глазах дочери Петра Великого. Как он начал служить камерпажом при дворе цесаревны Елизаветы, так и продолжал до тридцати лет. Но почему-то в ноябрьском перевороте 1741 года его участие не было примечательным. Да и маркиз Шетарди, французский посол при русском дворе, свидетель, а быть может, и участник дворцового переворота, отзывается о роли Шувалова в восхождении на престол Елизаветы как о второстепенной.

И тем не менее уже 24 декабря 1741 года Елизавета производит П. Шувалова в действительные камергеры, а в коронационный день 25 апреля, то есть всего через четыре месяца, он был награжден орденом святого Александра Невского. А два года спустя Петр

Иванович пожалован генерал-поручиком и наделен тремя мызами в Венденском уезде.

Но вернемся к упомянутой нами Конференции при дворе Ея Величества, основанной в 1756 году. Участие Шувалова в Конференции совпадает с моментом его наивысшего могущества. Отныне он конференц-министр и сенатор, генерал-аншеф и государственный межевщик. И самое важное — преобразователь армии, да и целого ряда отраслей государственной жизни. Он обладает огромной, а главное, реальной властью, подкрепленной к тому же родством с фаворитом — Иваном Ивановичем Шуваловым*.

6 апреля 1756 года Конференция составляет доклад для представления императрице.

Ввиду наступающей войны, говорилось в этом докладе, «...великая надобность и польза есть в содержании в исправном и порядочном состоянии артиллерии и принадлежащего к оной знатного артиллерийского и инженерного корпуса и протчаго». Между тем вся эта отрасль военного дела пришла в крайний упадок «по причине частых перемен нижних командиров и неимения со многих лет сряду главного командира», то есть генерал-фельдцейхмейстера.

И уже через полтора месяца (31 мая 1756 года) копия с Высочайше утвержденного доклада Конференции о назначении Петра Ивановича генерал-фельдцейхмейстером артиллерии поступает в Сенат.

Так что готовясь к войне, Шувалов должен был реформировать не только армию, но и артиллерию.

Примечательно, что еще до своего назначения генерал-фельдцейхмейстером — с 1753 по 1757 год — Шувалову удалось довести количество орудий до 741. И в их числе было много новоизобретенных — шуваловских гаубиц, единорогов и так называемых «близнят».

* Шувалов Иван Иванович (1727—1797), действительный тайный советник, обер-камергер, генерал-лейтенант, генерал-адъютант императрицы Елизаветы Петровны. Первый куратор Московского университета, президент Академии художеств. Род Шуваловых проводит Ивана Ивановича в фавориты. Причем первые годы он делил привязанности государыни не только с ее старым фаворитом Разумовским, но и с новыми симпатиями — Каченовским и Бекетовым.

Вот о чем писал граф Шувалов в эти годы: «...Главное и первое есть упование в том, чтобы биться и победу свою доставить действием артиллерии». Мысль, конечно же, верная. Но вот как повысить уровень артиллерии и качественно, и количественно?

И вот вызревает решение: для сохранения меди, потребной для гаубиц, уже 28 сентября 1756 года последовало запрещение употреблять медь на какие-либо иные изделия. А с 7 мая 1757 года начинают ежегодно отпускать на усиление артиллерийской команды при гаубицах по 8100 рублей.

Однако этим дело не ограничивается. Как тогда говорили, «в целях повышения артиллерийского дела в частности и оружейного вообще» уже через четыре месяца (то есть 28 сентября 1757 года) энергичному Шувалову подчиняют и Оружейную канцелярию.

Интересно, что именно в это время Петр Иванович создает некое подобие арсенала — музея, где со знанием дела и превеликим усердием собирает коллекцию не только современного, но и старинного оружия. Причем свозит его в свою канцелярию отовсюду, где только оно могло сохраниться. Даже из древних монастырей.

Как позже выяснилось, самым удачным годом для П. И. Шувалова оказался 1757-й. 30 марта последовало утверждение реляции графа о содержании фурштатских* чинов при всей артиллерии. 1 мая Конференция предоставила очередное ассигнование в 22 669 рублей. Они предназначались на изготовление для армии артиллерийских орудий, именуемых единорогами и «близнятами». Причем изобрел их и соорудил сам Шувалов. И, наконец, 20 октября того же 1757 года деятельный граф удостоивается нового — как бы мы сказали сегодня, целевого — ассигнования. Оно было выдано на литье двенадцатифунтовых единорогов и на снабжение ими гвардии и армии.

* Фурштатские чины — т. е. чины фурштата, военного обоза. Солдат же фурштата назывался фурлейт.

Чтобы сформировать новый корпус численностью в 30 000 человек, нужны были огромные средства. Шувалов находит, казалось бы, оригинальный выход. «Для оборудования и содержания корпуса», как пишет он 7 октября 1756 года, он предлагает новый передел медной монеты.

Конференция принимает это предложение и, более того, поручает графу заведовать этим переделом. И вот дальше начинается уже чисто дипломатическая эквилибристика. Конференция заявляет Сенату, что новообразуемый корпус изымается из подчинения... главнокомандующему армией. Тогда в чем же подчинении он будет находиться? В ведении все той же Конференции.

Итак, в мае 1757 года этот Обсервационный корпус располагается близ российских западных границ, около Риги, Ревеля (Таллина) и Пернау (Пярну), от Смоленска по границе и по Двине в Можайске. Отчасти и в самом Петербурге.

«Стреноженный» фельдмаршал

Поведав о роли Конференции, претензиях Шувалова на руководство армией, мы вкратце обрисовали положение Апраксина. С формальной точки зрения он — Степан Федорович — главнокомандующий. Фактически же... и пехота, и конница, и особенно артиллерия — в полуподчинении.

Подобное положение сказывалось и на хозяйственных делах армии. С одной стороны, устройство магазинов (то есть продовольственных складов) на главной базе (на Западной Двине и в верхнем течении Днепра до впадения реки Сожи) было почти окончено до вступления Апраксина в командование армией. И мало того, меры для устройства магазинов в Лифляндии (Литве) и Эстляндии (Эстонии) были приняты еще в 1755 году.

С другой же... Подсчитав запасы этих магазинов, Конференция признала их недостаточными для обеспечения довольствия самостоятельной армии. И еще задолго до августа 1756 года воспретила вывоз

хлеба из Лифляндии и Курляндии за границу морем. Кроме того, Конференция уведомила губернаторов пограничных областей, что в крайнем случае запасы продовольствия будут взяты от населения «натурой».

На это «хлебное место» был назначен отставной генерал-майор Даревский. Именно он теперь был главным подрядчиком для заготовки продовольствия в Литве и Польше в случае похода Русской армии в Пруссию.

Но тут произошло то, о чем никто не задумывался. Конференция своевременно не вложила средства в продовольственные запасы Курляндии и Лифляндии. Этой отечественной промашкой и воспользовались агенты прусского интендантства, которые заблаговременно начали закупать имеющиеся запасы.

К счастью, далеко не все. А потому наши провиантмейстеры все-таки умудрились обеспечить в Эстляндии и Лифляндии «текущее довольствие» для армии Апраксина на зимний период 1756/57 года. Ну, а дальше? Ведь война с пруссаками совсем не походила на однолетнюю.

Фельдмаршал Апраксин, приняв начальство, был связан пресловутой инструкцией Конференции от 5 октября 1756 года, которой предписывалось не рассчитывать на Венский и Дрезденский дворы, в свое время обязавшиеся снабжать наши войска продовольствием. А потому в Польшу были высланы офицеры с немалыми суммами для заготовки продовольствия и фуража уже по пути.

Но деликатность положения фуражиров заключалась в том, что они ни в коем случае не должны были обнаружить, с какой стороны русская армия явится в Пруссию. По сосредоточению же продовольственных запасов прусская разведка легко могла бы определить это. В результате сосредоточение войск у прусской границы совершалось таким образом, чтобы «королю прусскому сугубая (с Двины и Днепра) диверсия сделана была бы, и тем невозможно узнать, на какое прямо место сия туча собирается». Фельдмаршалу Апраксину необходимо было так маневрировать, чтобы для него было «...все равно прямо на

Пруссию, или влево через всю Польшу в Силезию маршировать». И, конечно же, Степан Федорович должен был принять меры для обеспечения довольствия войск, в каком бы направлении они ни пересекли границу Пруссии.

Длань Конференции вторгалась даже в довольствие войск. Подводы разрешалось собирать в Лифляндии, Курляндии и Польше, но с «обещанием за все платы и с объявлением, что, в противном случае, вы с сожалением принуждены брать оных силою».

Войскам полагалось иметь с собой двухнедельный запас провианта. Причем «платою за все» Апраксин должен был «приласкать и приохотить поляков к добровольной поставке». Теоретически все это выглядело прекрасно, но в том лишь случае, если бы в распоряжение фельдмаршала были предоставлены значительные денежные суммы. А между тем в деньгах ощущался явный недостаток. Конечно, Апраксин мог бы обратиться к реквизиции, но это привело бы к политической напряженности в отношениях с Польшей. И в результате вся ответственность снова падала бы на него.

«Из огня да в полымя!» — положение, как позднее говорили, хуже губернаторского. Связанный по рукам и ногам, Апраксин и шагу не мог ступить без оглядки. А потому вынужден был действовать крайне осторожно.

Как же выходит Степан Федорович из столь затруднительного положения? До вступления в пределы Пруссии он решает заготавливать продовольствие исключительно за наличные деньги и устраивать магазины на главных операционных путях с Западной Двины и Днепра к Неману. А «заподряжать» запасы для этих магазинов начинают уже вскоре по прибытии Апраксина в Ригу, зимой 1756 года.

Всюду деньги, всюду деньги, всюду деньги, господа!

Слово «солдат» (нем. Soldat от итальянского soldato, что, в свою очередь, восходит к итальянскому же soldare — «нанимать», «платить жалованье») в конеч-

ном итоге происходит от названия итальянской разменной медной монеты «сольдо» (soldo), 1/20 лиры, впервые появившейся в Милане в конце XII столетия. И, соответственно, в любую эпоху и в любой армии чем больше солдат, тем выше расходы. Тем более в зарубежном походе. А потому на основании указа правительствующего Сената от 16 мая 1757 года в распоряжение фельдмаршала ассигнуется 2 000 000 рублей. Правда, до конца мая была отпущена только половина этой суммы. О пересылке второго миллиона еще идет переписка.

Насколько велика эта сумма? Чтобы ответить на этот вопрос, сравним цены той поры на провиант и фураж. И вот к какому выводу мы приходим: при составе Русской армии в 128 000 человек и 92 000 лошадей провиант и фураж не могли обойтись менее 500 000 рублей в месяц. И даже за исключением прибывших позднее 15 000 нерегулярных «о двуконь» — не менее 300 000 рублей в месяц.

Таким образом, исходя из ассигнования в 1 000 000 рублей, армия могла довольствоваться — даже при наивыгоднейших условиях поставки — в течение не более чем трех месяцев.

Сложность снабжения Апраксинской армии заключалась и в другом. Первая часть войск (с Днепра) выступила еще в феврале, вся же армия — только в мае. И уже к началу июня стало ясно, что отпущенной полусуммы, то есть миллиона, недостаточно. Тем более что возникают и непредвиденные расходы — например, плата за подводы, да и меняется — с началом войны — курс рубля.

Как же поступает главнокомандующий? Раз уж Конференция все бразды правления держит в своих руках, а денежных средств не хватает, Апраксин требует оплаты его расходов золотом.

Так что и при очень скромных средствах расторопный Степан Федорович успевает заготовить в Литве запасы провианта и фуража. И более того — он пополняет не только «проходные магазины», то есть склады с запасом на два-три дня для соответствующей колонны войск. Главнокомандующий умудряет-

ся заполнить до отказа и «основные магазины», причем на целых три месяца для всей армии (эта вспомогательная база устроена вдоль реки Неман).

Апраксин предполагал обеспечить довольствием армию еще до занятия Кенигсберга. Однако настоячивые требования из Петербурга вынуждают его уже 16 июня выступить с армией в Ковно, к прусской границе.

Всего к тому времени в армии Апраксина насчитывалось примерно около 90—100 тысяч солдат (фактически годных к бою было не более 50—55 тысяч). В Прусской же армии солдат было много меньше. Всего имелось 22 батальона и 50 эскадронов при 64 орудиях. Итого в общей сложности 24 000 человек. Казалось бы, соотношение сил далеко не в пользу пруссаков. Однако победы русской армии были одержаны лишь благодаря нечеловеческому напряжению русского солдата.

Что же касается Конференции, то, как мы видим, она далеко не всегда действовала нужным образом. Да и как, находясь на севере, в Петербурге, можно было управлять всем тем, что происходит на западе, в Пруссии?

Историки XVIII и последующих веков порицают Апраксина за крайнюю нерешительность, особенно после победы под Грос-Егерсдорфом. Но при всей пассивности фельдмаршала ему нельзя поставить в вину то, что он, пусть и считался «паркетным» (он сделал свою карьеру благодаря блистательным придворным связям), всеми силами пытался сохранить армию. Даже и ценой отступления.

Измена либо... сохранение солдат

В начале сентября 1757 года, спустя немногим более недели после полной победы фельдмаршала при Грос-Егерсдорфе, военный совет примет решение о восстановлении сообщений с Россией. В частности, необходимо будет пополнить запасы продовольствия и фуража у Тильзита, а также без промедления занять Лабнау и обеспечить подвоз продовольствия

при помощи флота. Фельдмаршал разделял мнение Совета, однако и сам не уклонялся от ответственности. Это видно из его донесения от 3 сентября 1757 года: «...не я ретировался, но его (неприятеля) из крепкого места выжив, оное Вашему Величеству в подданство подвергнул, и тако со всякой честью и славою к Тильзиту поворотить для того, чтобы утомленное толикими маршами войско в голодной земле какому-либо несчастью не подвергнута».

И, разъясняя Конференции, что волей-неволей нужно помириться с отступлением, фельдмаршал продолжает: «...воинское искусство не в том одном состоит, чтобы баталию дать и, выиграв, далее за неприятелем гнаться, но наставляет о следствиях часто переменяющихся обстоятельств более рассуждать, всякую предвидимую гибель благовременно отвращать и о *целости войска* неусыпное попечение иметь».

Впоследствии Апраксин подвергнется обвинениям и суду. Армейская и особенно дворцовая молва забрет еще шире: его обвинят в измене. Но так ли поступал бы изменник, если возвратиться из сентября в конец августа, ко времени руководимого им сражения?

Вот как описывают эти дни Грос-Егерсдорфской битвы ученые Императорского Русского исторического общества под председательством А. А. Половцова:

«Положение нашей армии было опасно: пехота, имея возможность выйти из леса только по двум дорогам, при малейшей задержке могла подвергнуться дружному удару всей 1-й прусской линии; задержка же была неизбежна, так как обозы, бывшие при войсках, загромождали дороги из Норкиттена в Грос-Егерсдорф и Зитгерфельде.

Главкомандующий при помощи своих советников понял, что главная опасность угрожала нашему правому флангу, а потому и отдал ряд приказаний с целью его усиления. Эти приказания еще не были приведены в исполнение, как последовала решительная атака пруссаков.

Около 5 часов утра кавалерия принца Гольштейнского, сбив гусар и казаков и двигаясь на Удербален к

южному выходу, атаковала 2-й Московский полк, отбивший эту атаку при поддержке Выборгского полка. Полки дивизии Лопухина не выждали приказа фельдмаршала и начали поодиночке пробираться сквозь обозы по дороге в Зиттерфельде и выстраиваться правее и левее 2-го Московского полка, а так как дивизия Фермора (русского военачальника. — С. О.) еще не трогалась, то прорыв боевого порядка нашей армии был неминуем.

Левальд, заметив торопливое выстраивание частей 2-й дивизии и интервал между полками Лопухина и Фермора, приказал 12-ти батальонам 1-й линии графа Дона, завязавшим уже перестрелку с дивизией Лопухина, взять «пол-оборота направо» с целью прорвать центр наших войск.

Эту атаку пришлось выдержать 11-ти слабым батальонам 2-го Московского, Киевского, Нарвского и 2-го гренадерского полков, причем правый фланг последнего был охвачен пруссаками. Охват этот не мог не отразиться, и притом критически, на ходе боя растянутой в одну линию 2-й дивизии, которая вследствие выбытия из строя генералов Лопухина и Зыбина и больших потерь (до 50% во 2-м гренадерском и Нарвском полках) пришла в расстройство, а правый ее фланг в беспорядке начал отступать в лес.

В это «самонужнейшее время» четыре полка резерва, находившегося под начальством Румянцева и успевшего занять свое место впереди обоза, перешли в наступление и бесповоротно вырвали победу у пруссаков, ударив, в свою очередь, во фланг прусским гренадерам Манштейна и Поленца, обошедшим наш 2-й гренадерский полк, причем пруссаки *«тотчас помешались и по жестоком кровавом сражении с достаточным числом своих войск, в наивысшем беспорядке свое спасение бегством искать стали»*.

К этому времени успех боя был обеспечен и на нашем правом фланге. По тревоге бригада Салтыкова дивизии Фермора должна была податься влево для связи с Лопухиным, а обеспечение правого фланга

возлагалось на часть 3-й дивизии, остальные поступили на усиление Фермора, располагавшего только 5-ю полками, которые уже и двинулись к левому флангу 2-го гренадерского полка...»*

Удивив закаленных пруссаков

Так с переменным успехом и необыкновенным напряжением сил завершалась эта знаменитая битва. В итоге армия Апраксина одержала полную победу над пруссаками. Правда, и потери были немалыми. Если противник потерял 2337 человек, то Русская армия — 4494. Немного радости прибавили отбитые у пруссаков трофеи, в том числе 11 пушек.

В этом сражении солдаты Русской армии проявили себя с наилучшей стороны, немало удивив даже таких закаленных во многих боях воинов, как пруссаки. Они не покидали поле боя, даже будучи ранеными. Вот, например, что пишет Степан Федорович в донесении императрице Елизавете Петровне:

«Ваше Императорское Величество приметить извольте, колико они (офицеры. — С. О.) исполняли свою должность. Словом сказать: никто не пренебрег иной, а буде кто презирал что-либо, то только жизнь свою, ибо ни один из раненых с места не сошел, и раны перевязать не дал, пока победа не одержана и дело совсем не окончено. Буде кто из генералов сам не получил, то, конечно, под тем лошадь, а под иным две ранены».

Уже на следующее утро после сражения Апраксин высылает «для рекогносцирования неприятеля» конный отряд Демолина в составе 100 гусар и 1500 казаков.

Главные же силы армии он оставляет в окрестностях Грос-Егерсдорфа. И 20, и 21 августа они заняты выпечкой хлеба из больших запасов муки. Отправляют пленных и раненых в Тильзит. Заняты и печальным делом — погребением убитых в этой кровопролитной сече. И конечно же, празднуют победу.

* Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2. С. 249.

Почему же Апраксин не развивал наступление после выигранного сражения? Так ли уж виноват был главнокомандующий или и вовсе на нем нет никакой вины? Для ответа на эти вопросы стоит, наверное, обратиться к третейскому судье, к суждениям военного совета, а также к положению вещей, сложившихся тогда в Русской армии.

Прекрасно зная, что армия, выдвинувшаяся за границы Российской империи и временно остающаяся в Пруссии, находится в затруднительном, если не сказать тяжелом положении, Апраксин приказывает Военному совету рассмотреть положение и решить, как поступать дальше.

Казалось бы, победа диктовала единственное решение — наступление, но... начинали сказываться недостаток продовольствия, ослабление воинского состава, почти безвыходное положение при эвакуации больных и раненых и, конечно же, естественное в условиях иностранного похода неустройство тыла в Восточной Пруссии. И если признавать вынужденное отступление за измену, тогда пришлось бы признать виновным и все высшее командование апраксинской армии. А это ни в коей степени не соответствовало действительности.

Итак, армия начинает отступать, прежде всего, чтобы сохранить свои силы. Но куда идти? Решено — к Либаве (Лиепая). Кстати, уже сейчас, заранее, Апраксин требует, чтобы Конференция приказала заготавливать там продовольствие и фураж. 12 сентября фельдмаршал занимает Тильзит и делает все возможное, чтобы уклониться от боя с прусским авангардом Левальда.

Степан Федорович настолько внимательно продумывает каждый свой шаг в ретировке, что уже день спустя, 13-го, его армия достигает переправы. Весь этот день по единственному мосту через реку Неман переходит конница. День спустя, 14-го, переправляется пехота. А уже 15-го завершено строительство двух вновь устроенных мостов, по которым и завершают переправу главные силы с обозами. День спустя сюда, за Неман, отходит и русский арьергард. По-

сле чего мосты спешно разбирают. И только два дня спустя Тильзит занимают пруссаки.

А между тем Конференция, вместо того чтобы действительно помочь Апраксинской армии, старается сохранить «хорошую мину при плохой игре». Уже 13 сентября она предписывает Иностранной коллегии объявить союзным дворам, что отступление Апраксина объясняется лишь недостатком провианта и фуража и трудностями подвоза этих запасов.

Но тогда что же предписывается делать самому главнокомандующему? Конференция требует от него непременно перейти в наступление и «...вновь с лучшим успехом продолжать свои операции, как то самим делом вскоре доказано будет».

Как поступает в таком случае под сильным напором Бестужева фельдмаршал? Уже в середине сентября (14-го числа) он доносит, что ввиду «переменяющихся обстоятельств» он должен отступить в Курляндию, так что о переходе 22-го числа в наступление и речи быть не может. И Конференция, явно сдерживая свой собственный пыл и укрощая амбиции, повелевает Иностранной коллегии сообщить союзным дворам уже новое «состояние дел», при котором «...справедливо мог наш фельдмаршал рассудить, что не только для нас, но и для самих союзников наших несравненно полезнее сохранить к будущей кампании изрядную армию, нежели напрасно подвергать оную таким опасностям, которые ни храбростью, ни мужеством, ни человеческими силами отвращены быть не могут».

В заключение же указа, противореча сами себе, члены Конференции излагают уже прямо противоположное требование: «...Но великодушие наше и прямое союзническое о интересах их попечение превышает все вышеизображенные уважения, почему мы сколь скоро сие последнее нам неприятное известие получили, что наш фельдмаршал и Неман реку переходить намерен, то еще повелели ему всё возможное в действо употреблять, дабы удержать себя в Пруссии и, буде случай будет, неприятеля атаковать».

Тем временем Русская армия подошла к Мемелю. Время для передвижения было выбрано крайне неудачно. Хмурая, влажная осень, распутица заставляли бросать множество повозок и имущество. Часть конницы была распущена. И в этот, совершенно неудачный для действующей армии момент, 28 сентября 1757 года, в главную квартиру в деревне Лапинен прибывает указ (за № 134), снова требующий перейти в наступление.

Как человек, трезво оценивающий существующее положение вещей, Апраксин в очередной раз созывает Военный совет, который уже в категорической форме отвечает: «...невозможное возможным учинить нельзя, следовательно и армию в Тильзит и в прочие предписанные места никак расположить не можно».

Постановление совета фельдмаршал утверждает и дополняет его и своими пожеланиями: «...как против природы ничего сделать не можно, так и армии, которая толикою гибелью от того угрожаема, в здешней земле зимовать не место».

И вновь уже в который раз Конференция — этот, казалось бы, коллегиальный орган, который должен трезво оценивать обстановку, — делает совершенно противоположные выводы. Конференция продолжает смотреть на армию как на «великую машину», которой следует управлять по произволу политики. Мнение Апраксина, да и всего Военного совета перечеркнуто. И появляется очередной рескрипт (за № 135), но уже «за подписанием собственной руки» императрицы Елизаветы Петровны. И вот теперь члены Конференции, заручившись поддержкой монарха, требуют от уставшей и истощенной армии невозможного — «сохранить Мемель». В случае перехода Немана прусской армией Левальда Апраксину предписывается «...не только подать к баталии повод, но сыскав его (Левальда. — С. О.), атаковать, для чего буде успеть возможно, чтоб поворотить конницу». А далее «высадить десант в Лабнау и по меньшей мере вид показать к намерению на Кенигсберг».

От предыдущего 134-го указа до нынешнего 135-го проходит всего лишь неделя. Как раз в эти часы (в ночь с 5-го на 6 октября) большая часть армии была стянута к Мемелю. И Апраксин снова вынужден собрать Военный совет, который со знанием дела вновь обрисовывает Конференции истинное положение вещей. И весь груз ответственности за происходящее вчерашний вельможа, а нынешний полководец, беспokoящийся за сохранение армии, смело берет на собственные плечи. А ведь поступок этот и Степана Федоровича, и всех членов Военного совета крайне мужествен. Ибо на этот раз они выступили против решения императрицы.

Именно поэтому я и привожу выдержки из четко аргументированного ответа Военного совета Апраксинской армии буквально по каждому пункту выдвинутых Конференцией требований.

По 1-му пункту совет постановил, что не видит «никаких возможностей» к наступлению «без под-вержения к истреблению всех людей и лошадей голодом, а потом их совершенному и безоборонному от неприятеля всей армии разбитию; прежде получения точного высочайшего повеления в невзиращии ни на какую видимую всей армии бесплодную погибель в то не вдаваться».

По остальным пунктам постановлено: по 2-му — «Мемель будет сохранен и удержан во что бы то ни стало»; по 3-му — «в случае перехода через Неман будет дан отпор, чем можно»; по 4-му — «высадиться в Лабнау невозможно, так как нет годных судов».

Участвовавшие в совете генералы, представив глyбую и тяжкую их скорбь от недоверия к ним государыни, просили: «...для достоверности же, что армия всеконечно в таком изнеможенном состоянии, сим всеподданнейше весь генералитет просит, дабы повелено было к освидетельству прислать каких поверенных персон, но не замедля, чтобы могли они все увидеть прежде нежели через отдохновение поправиться может».

И наконец, совет заключил, что «все резоны приносятся (по их должности) дабы усматривая, через

собственное испытание подвержение армии *очевидному, естественному сначала истреблению*, а потом неминуемому бесславному от неприятеля разбитию... буде же не взирая на все те резоны соизволения Ея Величества будет, чтобы мы токмо ниже подписавшиеся положением своего живота доказали те невозможности, то каждый из нас жизнь свою, на то готовую, всеподданнейше приносит и к пользе Ея Императорского Величества с радостью оную посвятить желает»*.

Далее же события развиваются самым невообразимым образом. При дворах союзников России в этой войне начинается брожение. Русского медведя, и без того сыгравшего в войне с Пруссией огромную роль, стараются увлечь в очередную схватку. Австрийский и французский послы пишут жалобы на фельдмаршала. Конференция, в свою очередь, отправляет в армию указ за указом. Один грознее другого.

А как же вел себя в те мрачные месяцы Бестужев — канцлер Елизаветы Петровны? Положение этого царедворца было крайне сложным. С одной стороны, он был в дружеских отношениях с Апраксиным, но, как Елизаветинский канцлер, должен был требовать от своего друга немедленного наступления на пруссаков по воле французов и австрийцев.

От успеха Апраксина теперь зависела и судьба канцлера. А беспричинное, при взгляде из Петербурга, отступление армии Степана Федоровича после победы приводило Бестужева в отчаяние.

Еще 13 сентября 1757 года он пишет своему другу: «Я крайне сожалею, что армия вашего превосходительства почти во все лето недостаток в провианте имея, наконец, хотя и победу одержала, однакож принуждена, будучи победительницей, ретироваться. Я собственному вашему превосходительству глубокому проницанию представляю, какое от того произойти может безславие, как армии, так и вашему превосходительству, особливо ж когда вы неприятельские земли совсем оставите».

* Русский биографический словарь. Т. 2. С. 253.

Однако кроме общероссийского огорчения это неведомое отступление будит в Бестужеве и личную тревогу. Тем более что потянулись липкие слухи, будто отступление Апраксина — плод бестужевской интриги. И не какой-нибудь, а по делу о престолонаследии (недомогания Елизаветы Петровны давали к тому лишний повод). Отступление апраксинской армии поставили при дворе в прямую связь с новой болезнью Елизаветы. Невзирая даже на то, что захворала она 8 сентября, а донесение об отступлении было получено еще за две недели до этого (27 августа).

Как же приходится вести себя в столь шатком положении Бестужеву? Тем более что дело осложняется еще и нелепыми толками об измене Апраксина, будто бы подкупленного прусским королем. А потому, желая прекратить всяческие толки и о своем косвенном участии в отступлении армии (тем более, всем было известно, что Апраксин и Бестужев друзья), канцлер Алексей Петрович не только не выступил в защиту своего вчерашнего приятеля — фельдмаршала, но принялся нападать на него даже яростнее остальных.

Ситуация накаляется. Просят высказаться всех членов известной нам Конференции (ее заседание прошло 7 октября). Бестужев высказывается за смену Апраксина и отправление его в Ригу, впредь до расследования дела. Подобным же образом высказались и другие члены Конференции — фельдмаршал А. Бутурлин и князь Трубецкой, генерал-адмирал князь Голицын и оба Шувалова. Именно последние категорически требовали предания Апраксина суду.

И вот 16 октября 1757 года появляется достаточно жесткий, если не сказать жестокий указ, предназначенный для сообщения министрам иностранных дворов (то бишь послам). В нем между прочим говорится следующее:

«Предприятая единожды без указу нашим генерал-фельдмаршалом Апраксиным ретирада тем более неприятные произвела по себе следствия, что мы

оной предвидеть и потому предупредить не могли, наступившее же ныне паче всех лет рано суровое и почти уже зимнее время делает бесплодными все наши усиления поправить их вскорости... Мы чувствуем от того еще большее огорчение, что 1) Операция нашей армии генерально не соответствовала нашему желанию ниже тем декларациям и обнадеживаниям, кои мы учинили нашим союзникам... Как бы ни было, наше намерение тем не менее твердо и непоколебимо от согласенных мер ни мало не отступать, и как к сему наиглавнейше принадлежит испытать прямые причины, отчего поход нашей армии сперва медлителен был, а потом она и весьма ретироваться принуждена была, дабы потому толь надежнее потребные меры взять можно было, то мы за нужно рассудили команду над армией у фельдмаршала Апраксина взяв, поручить оную генералу Фермору, а его (Апраксина) сюда к ответу позвать».

Через два дня после приведенного указа, то есть 18 октября, фельдмаршал получает предписание ехать в Петербург. При этом он пишет императрице Елизавете Петровне, что этот указ «совершенно отчаянную жизнь вновь ему возвратил».

Путь был долгим, тягостным и печальным. В дороге Степан Федорович заболевает. В начале ноября в Нарве он получает через ординарца лейб-кампании вице-капрала Суворова Высочайшее «обнадеживание монаршею милостию». Однако ж при этом ему приказано отдать все находящиеся у него письма. Оказывается, до императрицы дошли слухи о его сношениях с молодым двором — то есть с великим князем Петром Федоровичем (будущим Петром III) и Екатериной Алексеевной (будущей Екатериной II). Кому же он, Апраксин, был обязан появлением этих пересудов? Оказывается, своему закадычному другу-врагу Бестужеву-Рюмину. Примечательно, что, отправляя ему письма великой княгини Екатерины, Бестужев почему-то не забывает их показать бывшему тогда в Петербурге австрийскому генералу Буккову, чтобы убедить его в сочувствии, как своему, так и Екатерины, к новой войне.

И что же получает взамен за свою лояльность и прямо-таки открытость Бестужев? Австрийский двор не может простить канцлеру его бывшее противодействие коалиции. И австрийский посол Эстергази доносит об этой переписке императрице, причем придав ей характер интриги.

А теперь вспомним об отстраненном от командования армией его друге Апраксине. Он отрешен от должности теперь уже окончательно. Предан суду. Следствие тянется долго. А сам фельдмаршал, по всей вероятности, не понимает сущности дела. Он даже не подозревает, где находится эпицентр интриг, в который он, без вины виноватый, был вовлечен. А то, что он в этом деле человек невинный, видно даже из того «умиловительного» письма, которое он написал императрице 14 декабря.

Рано или поздно, но невинность Апраксина в отношении ведения военных операций не могла не обнаружиться. Правда, остается еще один вопрос — о переписке Степана Федоровича с великой княгиней Екатериной Алексеевной при прямом посредничестве Бестужева. И, как ни странно, именно от этого вопроса и зависел исход суда, которому подвергся фельдмаршал.

Великий инквизитор

В январе 1758 года начальник тайной канцелярии, или, как его тогда называли, «Великий или государственный инквизитор», граф Александр Шувалов* отправился в Нарву. В документах тех лет о цели этой поездки говорилось весьма деликатно: «...переговорить с Апраксиным насчет упомянутой переписки (имеется в виду переписка с великой княгиней Екатериной Алексеевной. — С. О.)». А попросту говоря, для снятия допроса.

* Александр Иванович Шувалов (1710—1771) достиг сана генерал-фельдмаршала и в течение многих лет был главой Тайной канцелярии. Известны его письма к императрице Елизавете Петровне, касающиеся великой княгини Екатерины Алексеевны (Истор. вестник, 1881. Т. XII). Шуваловы — старинный дворянский и графский род. Известен в России со второй половины XVI века.

Арестованный фельдмаршал, еще ранее передавший письма великой княгини, теперь категорически продолжал утверждать, что «молодому двору» он «никаких обещаний не делал и от него никаких замечаний в пользу прусского короля не получал».

Тем не менее заключение Степана Федоровича продолжалось. Его перевезли в урочище «Три Руки», что близ Петербурга. И продолжали обвинять в государственной измене.

Что же касается друга Апраксина Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, то его нападки — и довольно яростные — на Степана Федоровича характеризуют канцлера Елизаветы Петровны отнюдь не с лучшей стороны. Однако, подталкивая к аресту своего приятеля, он так и не сумел спасти себя самого.

Противники Бестужева решают отделаться и от него. Самыми усердными в этом нелицеприятном деле оказались австрийский посол Эстергази и французский Лопиталь. Последний при этом заявил, что если через две недели Бестужев останется канцлером, то он прервет все сношения с Воронцовым и будет впредь обращаться к Бестужеву.

Воронцов с И. И. Шуваловым поддались откровенному шантажу и поспешили довести дело до ареста Бестужева, а заодно и его бумаг. Ведь кто-кто, а они-то прекрасно знали, что там должны были найтись следы дворцовой интриги.

Как же повел себя сам Бестужев в эти предарестные дни? Канцлер все-таки успел сжечь все компрометирующее его и сообщил об этом Екатерине. Но переписка, начавшаяся таким образом, была перехвачена.

А теперь необходимо напомнить читателю о роли в этом деле упомянутого выше Воронцова*. Почему австрийскому и французскому послам не стоило особого труда подвигнуть его на арест канцле-

* Воронцовы — древний дворянский род. Его представители известны в истории России с начала XVI века, когда Семен Иванович Воронцов, боярин и воевода, ходил против казанского царя Махмет-Аминя (1505—1506 гг.). А в 1514 г. командовал запасными полками, стоявшими на реке Угре.

ра? Судьба Михаила Илларионовича Воронцова (1714—1767) достойна целой череды романов. Четырнадцать лет был он определен камер-юнкером при дворе великой княжны Елизаветы Петровны. Воронцов служил ей и пером, которым отменно владел, и деньгами своей богатой свояченицы, жены своего брата Романа Илларионовича. Именно он вместе с Шуваловым стоял на запятках саней, в которых молодая цесаревна Елизавета умчалась в казармы Преображенского полка. В эту знаменательную ночь дочь Петра была провозглашена императрицей.

Вместе с медиком Лестоком Михаил Воронцов участвовал в аресте правительницы империи Анны Леопольдовны с ее семейством. За это Елизавета пожаловала его действительным камергером, а также поручиком только что учрежденной лейб-кампании. Но и это еще не все. Молодая самодержица делает его владельцем богатых поместий.

Особо доверительным отношениям с Елизаветой способствовала женитьба Михаила Илларионовича. 3 января 1742 года он вступил в брак с Анной Карловной Скавронской, двоюродной сестрой государыни. Два года спустя, в 1744 году, Воронцов возведен в графское достоинство Российской империи и вслед за этим назначен вице-канцлером. В 1748 году он едва не подвергся опале — на него пало обвинение в соучастии в заговоре Лестока. Но энергичный и изворотливый Воронцов легко оправдался и возвратил расположение императрицы.

Вот здесь-то и кроется основная причина ареста Бестужева-Рюмина. Оказывается, на его место после опалы был назначен именно Воронцов. Так что, надо полагать, австрийскому и французскому послам было не столь уж трудно уговорить Михаила Илларионовича сместить бывшего канцлера.

Забегая вперед, расскажем вкратце о дальнейшей судьбе Воронцова. Унаследовав от Бестужева-Рюмина так называемую систему Петра — союз с Австрией (против Турции), он при Елизавете Петровне деятельно продолжает войну с Пруссией. Но при Петре

Федоровиче едва не вступает в союз с пруссаками. Примечательно, что Михаил Илларионович искренне привязался к Петру III. И даже после состоявшегося переворота (29 июня 1762 года) пытался отстаивать его права как императора.

Он отказался присягнуть Екатерине II и сделал это только после того, как услышал о смерти Петра Федоровича. Екатерина же, видевшая в нем опытного и трудолюбивого дипломата, а быть может, и уважая в нем стойкую и не конъюнктурную привязанность к бывшему императору, оставила его по-прежнему канцлером.

Надо сказать, что принципиальность Воронцова не позволила ему сблизиться с Н. И. Паниным и с другими приближенными императрицы. Непростые отношения складываются у него и с Григорием Орловым. Но особенно холодность императрицы заставляет его, многоопытного дипломата, уйти в отставку (1763 год). И хотя ряд историков находят в нем немало отрицательных черт, все-таки большинство его современников свидетельствуют о нем как о человеке честном, мягком и гуманном. Прекрасно характеризует Михаила Илларионовича и его горячая дружба с Ломоносовым. Он был ревностным покровителем Михаила Васильевича. Интересовался успехами отечественной науки и русской словесности (свидетельство тому множество писем, особенно последнего десятилетия). Род Воронцовых и в последующие века представил России немало славных имен военных и дипломатов.

Бестужев — хождение по мукам

Бестужев, арестованный в феврале 1758 года, всего через месяц после заточения под стражу Апраксина, предстал перед следственной комиссией из трех членов — князя Трубецкого, графа Бутурлина и графа А. Шувалова при секретаре Волкове. Примечательно, что граф Бутурлин чистосердечно высказался по поводу ареста: «Бестужев арестован, а мы теперь ищем причины, за что его арестовали».

Следователи старались всячески запутать и окончательно погубить Бестужева. Требовали от него признаний, но безуспешно. Государыне они жаловались на отсутствие искренности в показаниях канцлера. А перечисляя все «преступления», или, как тогда говорили, «вины», делали упор на следующем: «Государственный преступник он (то есть Бестужев. — С. О.) потому, что знал или видел, что Апраксин не имеет охоты из Риги выступить и против неприятеля идти, и что казна и государство напрасно истощаются, монаршая слава страдает, не доносил о том Ее Императорскому Величеству».

Все эти грозные слова — сплошная риторика. И в России, и в армии хорошо знали о несправедливом обвинении Бестужева, поскольку все эти страшные «вины» должны были вместе с канцлером разделить и другие члены Конференции.

Ну а на следующих страницах осуждения как раз и всплывает то, что так ревностно хотели скрыть «бесстрастные» судьи: «Оскорбитель он Величества, что вместо должного о том донесения, что может то лучше исправить собственно собою и вpletением в непозволенную переписку такой персоны, которой в делах такого участия иметь не надлежало, и через это нечувствительно в самодержавное государство вводил соправителей и сам соправителем делался».

К весне 1758 года дело Бестужева было доведено до конца. За все его «вины» комиссия приговаривает бывшего канцлера к смертной казни. Однако императрица Елизавета Петровна проявила «великодушие» и повелела сослать Алексея Петровича в имение Горетово, в Можайский уезд. Все недвижимое имущество осталось за ним.

И с той поры, вплоть до восшествия на престол Екатерины II, опальный канцлер продолжал жить в Горетове. Ссылку свою, по свидетельству современников, он снес с твердостью. В своем невольном уединении граф Алексей Петрович написал книгу «Избранные из Св. Писания изречения в утешение всякого неповинно претерпевающего христианина». Кроме того, он был занят своим любимым медальер-

ным искусством. В память своего хождения по мукам он чеканит медаль со своим портретом. А на обороте (реверсе) мы видим две скалы среди бушующих волн. С одной стороны они озарены солнцем, с другой — угнетаемы грозой.

Восшествие на престол Петра III принесло свободу многим ссыльным предыдущего царствования. А как же Бестужев? Вот как новый император отозвался об Алексее Петровиче: «Я подозреваю этого человека в тайных переговорах с моей женой, как это было уже раз обнаружено; в этом подозрении подкрепляет меня то, что покойная тетушка на смертном одре говорила мне весьма серьезно об опасности, какую представляло бы возвращение его из ссылки».

Однако срок ссылки завершился самым неожиданным образом. Июньский переворот 1762 года возвращает бывшему канцлеру высокое положение. Уже 1 июля запыленный от бешеной скачки курьер торжественно передает опальному указ. Ему следует немедленно возвратиться в Петербург. Еще две недели — и он уже при дворе.

Императрица принимает старика очень тепло. Советуется с ним по разным важным вопросам. Но Алексей Петрович просит лишь об одном. Об оправдании. И вот наконец 31 августа 1762 года обнародован Манифест, текст которого выставлен во всех публичных местах и зачитан в храмах. Оказывается, Екатерина из любви и почтения к Елизавете и по долгу справедливости считает нужным исправить невольную ошибку покойной императрицы и оправдать Бестужева в возведенных на него преступлениях. Ему возвращены, со старшинством, прежние чины и ордена и назначен пенсioen по 20 000 рублей в год. Что характерно, Манифест этот составлен лично Екатериной и собственноручно ею же и подписан.

Затем молодая самодержица назначает Бестужева «первым императорским советником и первым членом нового, учреждаемого при дворе императорского совета».

Не все поступки Алексея Петровича оказались приятны императрице, но тем не менее ее милости к бывшему опальному канцлеру продолжают. Незадолго до ухода из жизни Бестужев сооружает в Москве, у Арбатских ворот храм во имя св. Бориса и Глеба. Покровительствует и Петербургской лютеранской церкви Петра и Павла (памятуя о своей супруге-лютеранке). Примечательно, что кончину свою он увековечил медалью. По тем временам он прожил достаточно долгую жизнь — с 1693-го по 1766 год.

Без вины виноватый или...

А как же сложилась судьба Апраксина?

Следователи и судьи так и не решились ни отказаться от обвинения, ни признать фельдмаршала невиновным. Ведь в таком случае нельзя было бы оправдать отнятие у него начальства над армией. Ну а как поступить с Апраксиным по другому, важнейшему обвинению? В ведении недозволенной переписки с великой княгиней? Но оказалось, что эта переписка совсем не имеет преступного характера и, напротив, как великая княгиня, так и канцлер Бестужев убеждали фельдмаршала идти скорее в поход.

Так что неизвестно, чем бы окончился этот неправый суд, если бы фельдмаршал не ушел из жизни 6 августа 1758 года. Похоронен он был в Санкт-Петербурге, в Александро-Невской лавре, но без всяких церемоний, довольно таинственно. И, быть может, эта быстрота и тайна обросли какими-то фантастическими подробностями, молва о которых еще многие десятки лет разгуливала по ветреным и холодным улицам Петербурга.

И по сей день не прекращаются споры относительно вины и безвинности Степана Апраксина. Так кем же он был и остался для России? Военачальником или вельможей? Ответ неоднозначен.

И все же большое видится на расстоянии. Как показало время, фельдмаршал может быть причислен к разряду лучших военных людей второго поколения петровской России (если считать первыми извест-

ных полководцев — «птенцов гнезда Петрова»). И поскольку детство и юность его протекали в царствование Державного преобразователя, то и преподанные им начала были усвоены Апраксиным со рвением и неуклонной твердостью.

Он ясно сознавал то, что так и не смогли понять его руководители — члены знаменитой Конференции: «...воинское искусство не в том одном состоит, чтобы баталию дать и, выиграв, далее за неприятелем гнаться, но наставляет о следствиях часто перемещающихся обстоятельств более рассуждать, всякую предвидимую гибель благовременно отвращать и о целости войска неусыпное попечение иметь».

«Отбытие генерал-фельдмаршала Степана Федоровича между солдатами к разным гаданиям повод подало, — писал современник. — Они себе за крайнее несчастье поставляют, что такого главного командира, которого весьма любят и почитают, лишились, они друг к другу сими экспрессиями прямо отзываются: в кои-то веки Бог нас было помиловал, одарив благочестивым фельдмаршалом, да за наши грехи опять его от нас взял. А от нечестивых немцев какого добра ждать?..»

Судя по оценкам профессиональных военных той поры, в отношении подготовительных и дополнительных операций Апраксин делал все, что от него зависело, чтобы навести Конференцию на правильные решения. И в то же время сам восполнял допущенные ею пробелы и исправлял чужие ошибки. Фактически он, Степан Федорович, корректировал, по возможности, все многочисленные оплошности этой высокой, но полупрофессиональной организации, находящейся в Петербурге.

Что же касается главных военных операций, то Апраксин во всем ориентировался на мнение Военного совета. Но вся трагедия этого человека состояла в том, что буквально каждый его шаг контролировался Конференцией. Он не имел права ее послушаться. И вынужден был действовать вопреки собственной логике здравого смысла. И конечно же, все про-

счеты, допущенные Конференцией, ложились на его плечи.

По своим же личным человеческим качествам Апраксин был «благодетелен» и добр — воистину «благочестивый фельдмаршал», как называли его солдаты. Он усердно помогал раненым и дряхлым воинам. Был верен в дружбе (даже и после его порицания Бестужевым ни разу не выступил против последнего), а также в своем служении Отечеству и императорам.

ПАРКЕТНЫЙ ЭТИКЕТ

Офицерской среде присущ особый незыблемый кодекс чести. Его черты формировались на протяжении многих веков — едва ли не со времен княжеских дружин и яростных схваток с кочевыми народами, что неумолимыми волнами накатывались на нашу страну из таинственных глубин Азии.

Нападения на Русь были и часты, и неожиданны, а потому страна жила в ритме и быту осажденной крепости. Это, в свою очередь, требовало от самодержца абсолютной власти, необходимой для того, чтобы мгновенно выступить против диких кочевых орд.

Титаническая работа по безопасности границ государства вызывала моральное и военное напряжение, не меньшее, чем участие в войнах. Постепенно дружина князя превращалась в особое сословие поместного дворянства, зависимое от князя, а затем и от государя. Так что кодекс чести служилого сословия сложился на принципе личной преданности государю. Служилое дворянство было воспитано и воспитывало последующие поколения, и прежде всего собственных детей, в верности присяге и долгу. А самый главный завет, вошедший в плоть и кровь русского офицерства уже в эпоху регулярной армии, — «в службе и честь».

Русская регулярная армия ведет свое начало с императора Петра Великого.

Подвигла же Петра на ее создание история войны России со Швецией. Иноземные наемники первыми сдались в плен шведам под Нарвой. То были солдаты фельдмаршала фон Круи. И с той поры Русская армия переходит на комплектование за счет рекрутских наборов. Обязаны были служить в то время и дворяне. Исключение составляли лишь дряхлые старики и дети.

Офицерский состав Русской армии был исключительно дворянским. Готовили его в созданных тогда же кадетских корпусах, а также непосредственно в войсках гвардии. Причем здесь дворяне служили обычными рядовыми и затем выходили офицерами в армейские полки.

В XVIII веке в России своей подготовкой славились сухопутный кадетский, артиллерийский и инженерный кадетские корпуса. Их целью было «сделать добродетельными и благочестивыми воспитанников, прививать им точное исполнение обязанностей, чувство долга, преданности государю, повиновение начальству, почтительность к родителям, уважение к старшим, любовь к ближнему»*.

Еще в 1714 году было принято решение зачислять дворян в полки с 13-летнего возраста. Молодые люди должны были в сокращенные сроки проходить 10-летнюю солдатскую службу и таким образом становились офицерами. Так что поначалу гвардия состояла почти из одних только дворян. Так, Преображенский полк состоял из трех тысяч солдат и ста двадцати офицеров. Семеновский — из трех тысяч и ста офицеров. Затем, уже при Анне Иоанновне, формируются новые полки — Измайловский и Конно-гвардейский. Все они первое время — полностью дворянские. Почиталось высокой честью зачислить туда своих детей.

* О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей / Под ред. В. Н. Лобова. М., 1988.

Дворянин-гвардеец жил в обычной полковой казарме, как солдат. Исполнял все работы рядового и получал солдатский паек. Служба нижними чинами закаляла будущих офицеров, подготавливала их к военной жизни, помогала находить общий язык с солдатами. А также смягчала их порой буйный нрав.

Особенно поражались этому иностранные дипломаты. Еще вчера солдаты-преображенцы веселились в Летнем саду в обществе императора. А сегодня эти же гвардейцы усердно чистят канавы, забивают тяжеленные сваи, стоя по пояс в ледяной воде. Еще вчера чужеземцы пили на брудершафт с солдатами-князьями, солдатами-графами, а сегодня те заняты самой черной работой.

Но, к сожалению, времена менялись. Уже к середине века постепенно меняются и нравы, и быт солдат-дворян. Как мы уже знаем, служа нижними чинами, они начинают держать при себе крепостных. Далеко не всегда живут в казарме, а лишь являются в полк на дневное время. Позволяют себе роскошествовать, а всю черную работу теперь исполняют за них их крепостные.

Четверкой цугом...

Существовали определенные неписанные правила, которыми руководствовались офицеры-гвардейцы при проезде в экипажах.

Так, например, офицерам полагалось ездить четверкой цугом (то есть лошади запрягались в одну линию друг за другом). Имевшие же чин бригадира и выше ездили шестеркой. А вот наносить визиты пешком считалось для гвардейского офицера вовсе неприличным.

Князь П. Долгоруков вспоминает о следующем, достаточно характерном для той поры эпизоде. «Однажды в царствование императрицы Елизаветы Петровны сенатор князь Одоевский, известный своей нечистой игрой в карты, вернулся домой очень взволнованным. «Представьте себе, — объявил он

гостям своей жены, — что я только что видел — сенатор Жуковский в наемном экипаже четверкой вместо шестерки! Какое неприличие! Куда мы идем?»»

До принятия указа о вольности дворянства в России было слишком много военных, страдавших различными недугами. Однако, как говорится, ларчик просто открывался. Многие из гвардейских офицеров и унтер-офицеров вместо того, чтобы добросовестно служить, добывали себе правдами и неправдами свидетельства о болезни. И в результате жили в Москве или в усадьбах, в провинции, постоянно возобновляя эти отпуска. Говорили, что существовала даже определенная такса на подобный временный уход, а точнее, манкирование от службы. Так что некоторая часть гвардейцев просто-напросто покупала себе разрешение на отпуск. Если же у них не было наличных денег, то они, случалось, расплачивались крепостными.

«Дарили одну, две, три семьи, — писал П. Долгоруков, — считая эту плату людьми делом совершенно обыкновенным и естественным.

И так же как крепостной находился в полной зависимости от барина, так и сам барин был в полной зависимости от монарха. В этом отношении интересен случай, произошедший в елизаветинские времена с братом тайного супруга Елизаветы Петровны. Однажды он, гетман Разумовский, увлекся игрой в карты со Степаном Федоровичем Апраксиным. Последний смошенничал. Гетман заметил это неловкое (как замечают современники) шулерство, поднялся из-за стола и дал Апраксину пощечину. Однако этим не ограничился. В превеликом гневе схватил его за ворот камзола и затем хорошенько поколотил.

А что же Апраксин? Фельдмаршал молча проглотил обиду, даже не вызвав Разумовского на дуэль. И это несмотря на его огромную физическую силу. Такое непротивление объясняется не только молчаливо признанной неправотой фельдмаршала, но и родственными связями Разумовского с императрицей.

Гвардейские офицеры и унтер-офицеры ежедневно наблюдали жизнь двора — иногда весьма и весьма неприглядную. Пышность и блеск дворцовых покоев, изыск балов и приемов совсем не действовали на них. А поскольку гвардейские полки представляли собой прекрасно обученное воинское соединение с многолетними сложившимися традициями и суровым и незыблемым корпоративным духом, они были первыми, кто мог бы решиться и кто в действительности решался на переворот. (Как известно, эпоха дворцовых переворотов, начавшаяся сразу же после смерти Петра I, продолжалась в течение всего XVIII века.)

Да и сами монархи далеко не всегда вели себя с гвардейцами достойным образом. Можно припомнить, например, такой трагикомический случай, произошедший с гвардейцем П. И. Паниным. Он стоял на часах и неожиданно почувствовал позыв к зевоте. К несчастью, в эту минуту мимо него проходила императрица Анна Иоанновна. Панин успел пересилить себя, тем не менее судорожное движение челюстей было замечено императрицей, увидевшей в нем намерение сделать гримасу. За эту «небывалую» вину несчастный юноша был выслан рядовым солдатом в пехотный полк, направлявшийся на войну с турками.

Гвардейские офицеры и унтер-офицеры были прекрасно осведомлены о многих сторонах жизни царствующих особ, в частности и о самих дворцовых зданиях, в которых они служили. Если дома крестьян, незнатных дворян, как правило, были деревянными, то дворцы императоров (да и знати) возводились по большей части из камня, а стены, полы, а иногда и потолки обшивали красным тёмсом. Обивали материей (отсюда и само название — «обои»), цветным сукном, а также шелковыми и золотыми тканями.

На стенах дворцовых помещений висели зеркала. Об известных событиях в России и мире хозяев и гостей извещали лубочные листки. На стенах располагались картины, написанные масляными красками.

Особым разнообразием, выдумкой и оригинальностью отличалась и кухня московских царей и высших сановников. Гвардейский караул мог наблюдать трапезу, состоящую из огромного набора блюд русской кухни XVIII века. Так называемый «список Домостроя»^{*} насчитывал до 200 блюд и напитков. В него входили заяц черный, голова свиная под чесноком, ноги говяжьи, тетерев под шафраном, лебедь медвяной, журавли под зваром с шафраном, зайцы в рассоле, куря в лапше, уха в зверине, лососина с чесноком, спинка осетровая, белужина, разные сорта икры, до 20 сортов пирогов, сладкие блюда, безалкогольные и спиртные напитки и т. д. Наряду с водкой употребляли и «заморские пития»: романею, ренское, французское.

В елизаветинские времена высшие военные чины покупают или заказывают нарядные немецкие кареты, обитые внутри бархатом, дополненные специальными внутриэкипажными шкафчиками для хранения столовой посуды, вин и т. д. На окнах карет можно рассмотреть не обычные стекла, а так называемые зеркальные (с добавлением серебра). Нередко и использование фацета, что позволяло каретным стеклам играть всеми цветами радуги. Иной раз в Европе заказывали кареты не с обычными подножками, а со сквозным, почти кружевным орнаментом, когда, откидываясь на остановках, они распахивались полупрозрачным подобием веера.

В домах некоторых крупных военачальников даже обстановка выстраивается на зарубежный лад. Стены обивают «золотыми кожами» (в частности, бельгийского производства). Залы и комнаты украшают картинами, напольными и настенными часами. А пиры да и просто торжественные обеды (даже в усадьбах) сопровождаются музыкой. Причем каждому блюду соответствует определенная музыкальная заставка.

Из кого же состоял в елизаветинскую пору выс-

^{*} Домострой по списку Общества истории и древностей российских / Подг. к печати И. Е. Забелин. М., 1882.

ший слой русского офицерства? Это был своеобразный сплав, слияние различных социальных групп, берущее свое начало еще со времен Петра Великого. В него входили и потомки родовитого боярства — Голицыны, Долгорукие, Репнины, Щербатовы, Шереметевы, Головины, Бутурлины. И выходцы из глубокого дворянства — Ордин-Нащокин, Неплюев. И представители шляхетства. И иноземцы или инородцы — Шафиров, Ягужинский, Остерман, Брюс, Миних, Геннинг. В составе тогдашнего армейского руководства можно было увидеть и потомков служилых людей времен формирования Московского государства, и представителей обрусевших татарских ханских родов, и грузинских князей, и польско-литовских шляхтичей.

В эпоху Елизаветы старое, дедовское смешивалось с новым иноземным, создавая необыкновенную, причудливую смесь нравов, в которой московская «старозаветность» прекрасно уживалась с европейским «политесом».

«Все, что касается до тонкости обращения и до светских приличий, усвоено петербургским обществом в совершенстве»*. Что же это означает в чисто практическом применении? Что наш отечественный гвардейский, армейский да и просто дворянский бомонд уже давно приобрел светский блеск взамен старой выправки казармы. А ведь всего лишь несколько десятилетий назад, при Петре Великом, ценился дворянин-артиллерист. Общество строилось по военному образцу, а характерным времяпрепровождением в свободные от службы часы считались незатейливые матросские пирушки.

И пожалуй, первой значимой книжкой для дворянской и, в первую очередь, армейской молодежи была книжка «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов». Переведена и издана она была по приказу Петра I.

* Это отметит уже позже французский посол в Петербурге граф де Сегюр.

Что же предлагалось на ее страницах? Первое правило — ни в коем случае не быть похожим на деревенского мужика. Шляхетство же, по словам авторов книги, достигается тремя благочестивыми поступками и добродетелями: приветливостью, смирением и учтивостью.

Вот какие наставления предлагались для молодого русского шляхтича. «Повеся голову и потупя глаза на улице не ходить и на людей косо не заглядывать, глядеть весело и приятно с благообразным постоянством, при встрече со знакомыми за три шага шляпу снять с приятным образом, а не мимо прошедше оглядываться, в сапогах не танцевать, в обществе в круг (то есть вокруг. — С. О.) не плевать, а на сторону, в комнате или в церкви в платок громко не сморкаться и не чихать, перстом носа не чистить, губ рукой не утирать, за столом на стол не опираться, перстов не облизывать, костей не грызть, ножом зубов не чистить, руками по столу не колобродить, ногами не мотать, над пищей, как свинья, не чавкать, не проглотя куска не говорить, ибо так делают крестьяне».

Кроме того, молодой шляхтич должен быть «...обучен языкам, конной езде, танцам, шпажской битве, красноглаголив и в книгах начитан, уметь добрый разговор вести, обладать отвагой и не робеть при дворе и государе».

А насколько быстро все эти правила были освоены дворянской служилой (в большинстве своем военной) молодежи, можно судить по высказыванию Андрея Болотова: «...С середины царствования Елизаветы, вместе с карточной игрой, и вся нынешняя светская жизнь получила свое основание и стал входить в народ тонкий вкус во всем».

Судьба этого удивительного человека наглядно отражает смену нравов в России. Андрей Тимофеевич Болотов (1738—1833) — типичнейший представитель русского офицерства, сформированного в елизаветинскую пору. А его долгая жизнь — личное мемуарное свидетельство всех этих периодов. Андрей

родился в семье офицера еще петровской поры. Малолетним (как водится) зачислен в полк, которым командовал его отец. В 17 лет, рано осиротев, поступает на действительную службу. Вскоре он уже на полях сражений. Участник одного из главных сражений Семилетней войны при Грос-Егерсдорфе (1757).

В последние годы царствования Елизаветы Петровны Андрей Болотов служит в канцелярии русского военного губернатора в Восточной Пруссии Н. А. Корфа. И только с изданием манифеста 1762 года «О даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству» уходит в отставку.

Удивительное дело — насколько быстро утверждается в высших дворянских кругах европейская мода. Не прошло и полустолетия, как когда-то современнейшее «Юности честное зерцало» становится азбучной истиной, и ей на смену выступают уже тонкости обращения и светские приличия, усвоенные «петербургским обществом в совершенстве».

Так что не случайно в начале 1753 года (в середине царствования Елизаветы) в северной столице получает широкое хождение уже сатира на чересчур изысканную моду. Автор «Стихотворного жала» на «петиметра»* и кокетку — И. П. Елагин.

Увижу я его, сидяща без убора,
Увижу, как рука проворна жоликёра (то есть парикмахера)
Разжённой сталию главу с висками сжег,
И смрадный от него в палате дым встаёт,
Как он пред зеркалом, сердясь, дышит,
И солнечны лучи безумно проклинаят,
Мня, что от жару их в лице он чёрен стал,
Хотя он отроду белее не бывал.
Тут истощает он все благовонны воды,
Которыми должат нас разные народы,
И, зная к новостям весьма наш склонный нрав,
Смеется, ни за что с нас втрое деньги взяв.
Когда б не привезли из Франции помады,
Пропал бы петиметр, как Троя без Паллады.
Потом взяв ленточку, кокетка что дала,
Стократно он кричал: «Уж радость, как мила
Меж пудренными тут лента-волосами!»
К эфесу шпажному фигурными узлами

* Петиметр — франц. («*pétit-maître*»), великосветский кавалер, щёголь, воспитанный по-французски.

В знак милости ея он тщился прицепить
И мыслил час о том, где мушку налепить.
Одевшись совсем, полдня он размышляет:
«По вкусу ли одет?» — еще того не знает,
Понравился ль убор его таким, как сам,
Не смею я сказать — таким же дуракам.

Рассказывая о повседневной жизни высшей военной среды времен Елизаветы, нельзя не сопоставить ее с Петровским временем, чтобы почувствовать, насколько одно отличается от другого. Да и как могла широкая русская натура удерживаться в узких рамках немецкого придворного этикета?

Во время Рождественских праздников молодой русский царь Петр, окруженный многочисленной шумной и пьяной компанией приближенных, объезжает дома вельмож. Или, празднуя спуск нового корабля, во всеуслышание объявляет, что тот бездельник, кто по такому радостному случаю не напьется до изнеможения. И нередко после многочасового возлияния некоторые участники пира сваливались под стол, одни замертво, а другие, чтобы воздержаться от дальнейших винных переборов.

Примечательно, что даже дворцовые помещения не всегда приходились по вкусу молодому монарху — были тесны. А потому в летние месяцы придворные увеселения происходили в Петергофском саду. Помимо различных садово-парковых диковин находился здесь удивительный орган.

«Так, по приказу царя, — пишет Берхгольц, — в большом гроте было поставлено несколько стеклянных колоколов, подобранных по тонам, или, как говорили тогда, колокольня, которая водою ходит. Пробочные молоточки у колоколов приводились в движение посредством особого механизма, колесом, на которое падала вода.

Колокола издавали во время действия приятные и тихие аккорды на разные тоны».

И вся эта удивительная, единственная в своем роде музыка воспринималась на фоне петергофских клумб и аллей, гротов, украшенных статуями, редкими раковинами и кораллами, и затейливо извергающих воду фонтанов.

Перед нами описание одного из праздников, происходивших в Петергофе.

Ровно в 5 часов вечера раздается пушечный громогласный сигнал. И в эти минуты к берегу Петергофского сада пристает целая флотилия небольших судов. Приглашенные русским царем еще с уровня воды при подходе к саду могли любоваться его красотами.

Когда же гости сходили на берег, поддерживаемые под руки галантными матросами, начинался «променада», прогулка по аллеям. Следом — танцы. Петр всегда в таких случаях выступал распорядителем и не просто дирижировал сменой одного танца другим, а пытался придумывать и совершенно новые, замысловатые фигуры. Так что все эти танцевальные «па», рождающиеся здесь же, под небом Северной Венеции, еще более накаляли страсти, будили воображение, придавали особую театральность происходящему.

Впрочем, ассамблеи петровской поры нередко собирались, что называется, в принудительном порядке. Тот же Берггольц отмечал: «Что мне не нравится в ассамблеях, так это, во-первых, то, что в комнате, где дамы и где танцуют, курят табак и играют в шашки, отчего бывает вонь и стукотня, вовсе неуместные при дамах и при музыке; во-вторых, то, что дамы всегда сидят отдельно от мужчин, так что с ними не только нельзя разговаривать, но не удастся почти сказать и слова: когда не танцуют, все сидят, как немые, и только смотрят друг на друга».

Что же до угощения? Да, это, пожалуй, был отрезвляющий душ. Мало кого из приглашенных могло обрадовать то обстоятельство, что к столу подавали обычную водку. Но бережливый и мудрый царь прекрасно рассчитал, что об угощении, каким бы изысканным оно ни было, состоятельные приглашенные тотчас же забудут, а вот впечатление от сада, музыки, скульптур, облачений придворных и происходящего на этом фоне увеселения останется в памяти на всю жизнь.

Интересно, что во всех этих увеселениях (а Петр Великий завел целый календарь придворных ежегодных праздников, различного рода торжеств, балов и маскарадов) проскальзывал и чисто военный уклон. Празднества сопровождалось громом пушек, присутствием многочисленной мундирной публики, да и вообще сам характер увеселений должен был напоминать приглашенным, и прежде всего иностранцам, о той России, что велика территорией и силой.

Пожалуй, даже и принятие Петром в октябре 1721 года императорского титула сделано было, прежде всего, для возвеличивания страны. Чтобы Россия стала империей, нашему монарху пришлось возложить на себя титул императора*.

Во всех своих делах, пристрастиях и нововведениях Петр остается прежде всего Солдатом. Недаром и скромная прислуга вокруг него — всего лишь 12 молодых дворян незнатного происхождения — названы по-армейски денщиками. Частично это объясняется и тем, что юный Петр воспитывался не так, как прочие наследники престола. С детства он был предоставлен самому себе. Его постоянно окружали дети спальников и дворовых, конюхов и сокольничих, солдат и матросов, плотников и кузнецов, каретников и кучеров, медников и портных.

Так что неудивительно, что царь-солдат в своей будничной жизни был до предела скромнен. Вставал он очень рано, знакомился с делами. А уже в 6 утра, после завтрака, объезжал верфи с остовами завтраш-

* В России вплоть до конца XVIII века не существовало специального закона об императорском доме или об императорской фамилии. Его разработали только в 1797 г. Это лишний раз доказывает, что и самому Петру важнее была империя, чем император. Однако кто же составлял императорскую фамилию по закону 1797 г.? Император, императрицы (супруга, мать), цесаревич (старший сын монарха), великие князья (сыновья, дочери, внуки, правнуки и праправнуки царствующего или покойного императора), а также князья императорской крови (лица дальнего родства). Семья Петра Великого была совсем немалочисленной. Две супруги и дети от них. Царица Прасковья с дочерьми и сестры императора. При Николае I императорская семья насчитывала уже 28 чел., при Александре II — 43 чел., при Александре III — 46. При Николае II в начале XX века — 53, а в 1914 г. — свыше 60.

них боевых кораблей, стройки казарм и общественных правительственных учреждений. Затем работал сам. И только после этого, как на приятную закуску, отправлялся в Адмиралтейство. В полдень монарха поджидал скромный обед. После — два часа сна. И вновь за дела. Вечер — гости или в гости. Отходил ко сну рано.

Да и весь уклад его жизни был отнюдь не царским. Будучи самым, пожалуй, богатым, не говоря уже о могуществе, монархом Европы, царь-солдат оставался необыкновенно скромным и в быту. Носил незатейливый кафтан из грубого толстого сукна (производства русских суконных фабрик). Чулки Петра Алексеевича были заштопаны, а ботинки стоптаны. По городу царь носился в простенькой одноколке или выдавшем виды кабриолете.

Просто, по-солдатски вел он себя и с окружающими его женщинами. Его врач замечал: «У Его Величества должен быть целый легион демонов сладострастия в крови»*. Злые языки утверждают, что Петр оставил незаконное потомство, численность которого не уступает потомству Людовика XIV. Так что, быть может, не так уж далек от истины ходивший тогда в Петербурге анекдот о том, что у каждой из 400 дам, состоявших при супруге императора, был от него ребенок. Рассказывали, что и платил он женщинам чисто по-солдатски — 1 копейку.

...Как начинался XVIII век с военных маршей семеновцев и преображенцев, так ими, военными, и продолжился. Ушел Петр, но военные, их роль и вес в стране остались неколебимы. Начинается эпоха «дворцовых переворотов», в которых первая скрипка — за русской гвардией. Но если при Петре на первом месте стояли империя и ее военная мощь, то уже при Анне Иоанновне надо всей Россией витает прежде всего иное понятие — императрица. На первый план выходят вкусы императрицы (кстати, весь-

* Оларт Е. Петр I и женщины. Киев, 1991.

ма невысокого свойства), ее пристрастия, причуды, прихоти и капризы. Петербург, совсем еще недавно деятельный, энергичный и разворотливый град, за- тапливает безлика, всё угнетающая роскошь.

Талантливый, но лукавый царедворец фельдмаршал Б. Х. Миних вспоминал, что Анна Иоанновна «...любила порядок и великолепие и никогда двор не управлялся так хорошо, как в ее царствование». Зимний дворец времен Петра Великого кажется ей теперь слишком тесным. И самодержица распоряжается о строительстве нового, в 3 этажа и в 70 помещений разных размеров. Здесь же должны быть предусмотрены тронный зал и театральные помещения. Причем общая сумма расходов на двор превышает все мыслимые размеры — 260 000 рублей. При Петре же расход на все содержание двора составлял около 180 000 рублей (в последние годы царствования).

Добравшись до власти, монархиня, ставшая императрицей благодаря еще Петровским нововведениям, предается сплошному празднику, который продолжается в течение долгого времени — 10-ти лет. «Роскошь двора Анны Иоанновны, — пишет Д. А. Корсаков, — поражала своим великолепием даже привычный глаз придворных виндзорского и версальского дворов. Жена английского резидента леди Рондо приходит в восторг от великолепия придворных праздников в Петербурге, переносивших ее своей волшебной обстановкой в страну фей и напоминающих ей шекспировский «Сон в летнюю ночь».

Этими праздниками восторгался и избалованный маркиз двора Людовика XV, его посол в России де ла Шетарди. Балы, маскарады, куртаги, рауты, итальянская опера, парадные обеды, торжественные приемы послов, военные парады, свадьбы «высоких персон», фейерверки — пестрым калейдоскопом сменяли один другой и поглощали золотой дождь червонцев, щедрой рукой падавший на них из казначейства».

И если при дворе Петра I на первый план выступа-

ли мастерство вести беседы, остроумие, необыкновенность и талантливость в общении, то при Анне Иоанновне главной обязанностью при дворе становится незатейливая роскошь. Придворные размышляют лишь о том, как набить карманы и блеснуть невообразимыми одеждами и экипажами. Как отмечали описывавшие это правление М. Щербатов и П. Долгоруков, «подлость и низость развиваются необычайно... Обстоятельствами правления и примерами двора злые нравы учинили».

После императорской России Петра страна очень быстро погружается во тьму, дикость и безрассудство. Придворные, постоянно видевшие вокруг себя грубое, бесчеловечное обращение, и прежде всего со стороны Анны Иоанновны и ее фаворита Бирона, сами приобретают низменные свойства характера.

Особенно злобствует герцог Бирон — фаворит императрицы. Честь и слава России — ее первейшие семейства, из чьей среды постоянно выходили знаменитые военные, адмиралы, дипломаты, государственные деятели, — все они фактически попадают в опалу. За ними постоянно ведется слежка, и малейшее неудовольствие ведет к эшафоту.

Быстро дичают и иностранцы, находящиеся здесь же, при дворе. Особой жестокостью отличается, к примеру, бывший шведский офицер, граф Оттон Густав Дуглас, который доходит до того, что публично сечет людей. А затем приказывает посыпать изодранные в клочья спины порохом и поджигать. Это мерзкое «развлечение» он называет «жечь фейерверки на спинах».

Скачет, стреляет в охотку

Чем же была занята Анна Иоанновна во время, свободное от развлечений? Опять же — развлечениями, но уже иного свойства. Императрица была страстной охотницей. Она любила лошадей, сноровисто скакала верхом. Метко стреляла из ружья, била влёт птиц.

Специально для императрицы был построен вме-

стителный манеж. Конюшни на 379 лошадей обслуживал внушительный штат конюхов. Придворное Конюшенное ведомство обходилось государству в 100 000 рублей ежегодно. Совсем упраздненная при Петре придворная охота возрождается.

Спору нет, именно в охоте оттачивались мастерство и сноровка офицеров-кавалеристов. Но в Петровские времена происходило столько войн, что военное ведомство вполне удовлетворяло участие кавалеристов во многочисленных сражениях.

Русские послы в Париже, Лондоне и других странах от важных дипломатических дел были отвлечены закупкой огромных партий охотничьих собак и лошадей. Охоты следуют за охотами. Балы за балами. Причем богатство облачений далеко не всегда сопрягается с хорошим вкусом. Много яркости и роскоши, но недостает элегантности и вкуса.

Примечательно, что придворные маскарады и балы продолжаются многие часы, а то и дни. И нужно было иметь отменное здоровье, чтобы выдержать их. Так, например, придворный московский маскарад в 1731 году продолжался целых 10 дней.

Когда же в результате дворцового переворота к власти приходит Елизавета, многое в повседневной жизни России преобразуется. Приходит конец и засилью немцев, прежде всего — в армии. Да и в языке и культуре происходят заметные изменения к лучшему.

Если при Петре и Анне преобладал немецкий язык, то с приходом Елизаветы перевес берет французское влияние. Интересно, что до елизаветинского правления (в 1733 году) из 245 русских кадет в недавно организованном тогда шляхетском кадетском корпусе русскому языку обучалось всего лишь 18 человек. Французскому — 51. Ну а немецкому — 237 человек.

Елизавета меняет все ориентиры. Французская речь начинает царить повсюду. От высшего света до приятельских встреч на гвардейских пирушках. Однако не следует забывать, что и Германия тогда находилась под сильным французским влиянием. Немец-

кий язык был в загоне и у самих немцев. И даже король-воин Фридрих II писал не иначе как по-французски.

Но нужно отдать должное Елизавете: быт и нравы в ее двадцатилетнее правление находятся на совершенно иной ступени развития в сравнении с предшествующим правлением Анны Иоанновны.

Новой императрице не была чужда роскошь, но при том все вокруг нее отличалось прекрасным вкусом. Вот что писал по этому поводу историк Щербатов: экипажи «возблестили золотом», двор облекался в златотканые одежды, «подражание роскошнейшим народам возрастало, и человек делался почтителен (т. е. почтен) по мере великолепия его житья и уборов». Дворцы строит знаменитый Растрелли.

2 января 1751 года «Петербургские ведомости» описывают великолепие и грандиозность придворного бала в северной столице: «...как знатные обоюга пола персоны и иностранные господа министры, так и все знатное дворянство с фамилиями (то есть с семейством. — С. О.) от 6 до 8-го часа имели приезд ко двору на маскарад в богатом маскарадном платье, и собирались в большом зале, где в осьмом часу началась музыка на двух оркестрах и продолжалась до семи часов пополуночи. Между тем убраны были столы кушаньем и конфектами для их императорских высочеств с знатными обоюга пола персонами и иностранными господами министрами в особливом покое, а для прочих находившихся в том маскараде персон в прихожих парадных покоях на трех столах, на которых поставлено было великое множество пирамид с конфектами, также холодное и жаркое кушанье.

В одной большой зале и в парадных покоях в паникадилах и крагштейнах горело свеч до 5000, а в маскараде было обоюга полу до 1500 персон, которые все по желанию каждого разными водками и наилучшими виноградными винами, также кофеем, шоколадом, чаем, оршатом и лимонадом и прочими напитками довольствованы».

А вот как вспоминал то романтическое время бывший офицер, участник Семилетней войны, приятель братьев Орловых Андрей Болотов. Прожив около 100 лет, он мог прекрасно сравнивать, сопоставлять времена и нравы. «Все, что хорошего жизнью зовется, — писал он о елизаветинском времени, — тогда только что заводилось, равно как входил в народ тонкий вкус во всем. Самая нежная любовь, толико подкрепляемая нежными и любовными в порядочных стихах сочиненными песенками, тогда получала первое только над молодыми людьми свое господство».

Западные забавы, свидетелями и участниками которых становится и русское офицерство, в половине века проникают и в деревню, в помещичьи усадьбы. Теперь и там происходят своего рода ассамблей. Правда, тяжеловатые и грубоватые, как всё в деревне. Появляются здесь и карты. А на смену отечественным танцам приходят менуэты и контрдансы.

Интересно, как же веселилось офицерство средней руки в глубине России, в губерниях? Возвращаясь в 1752 году из Петербурга к себе в усадьбу, молодой Андрей Болотов заехал к псковскому помещику Неклюдову, женатому на его старшей сестре. И попал как раз на ее именины. «Именины праздновались на славу. Был большой съезд окрестных помещиков и, конечно, с семействами. Приехал П. М. Сумороцкий, важный сосед в полковничьем чине, уважаемый всей округой, и привез с собою, по просьбе хозяина, свой домашний оркестр из нескольких дворовых скрипачей, которые в свободное от занятий искусством время помогали хозяйским лакеям прислуживать за столом. Приехал другой Сумороцкий, небогатый маленький и худенький человек с претолстою и предородною женою и с тремя из бесчисленного количества дочерей всех возрастов, из которых состояла его семья. Приехал помещик Брылкин из простаков, любивший отменно курить табак и выпить иногда лишнюю рюмку...»

Приехали многие другие, имен которых не сохранила память автора воспоминаний. Обед, как и подобало торжественному случаю, тянулся несколько часов. После обеда общество предалось увеселениям. Молодежь занялась танцами, причем Болотов щеголял сшитым в Петербурге синим кафтаном с белыми разрезными обшлагами и «должен был открыть менуэт», танцуя в первой паре с полковничьей дочерью.

«Дамы сели за карточные столы, забавляясь какою-то игрою в «памфель», мужчины продолжали беседу за рюмкой. Наконец оживление, все возрастая, охватило всех; карты и разговоры были брошены, все пустились в пляс. Элементы отечественной культуры взяли верх над европейской, и чинный западный менуэт уступил место русской, под песни дворовых и лакеев. Так продолжалось до ужина. Гости, разумеется, ночевали у радушного хозяина и стали разъезжаться только на другой день после обеда».

Жизнь усадьбы офицера средней руки — это и ее обстановка. Так что опишем вкратце одну из таких подмосковных вотчин, принадлежавшую большому барину князю Д.М. Голицыну. В конце 30-х годов, перед тем как ее конфисковать, в усадьбе составили опись. Это немалое село Богородское, что расположилось на юге Московской области на реке Пахре, раньше принадлежало князьям Одоевским. Здесь, конечно, совсем нет той роскоши, которой в недавнее время стали блистать столичные дома.

Небольшой старинный господский дом состоит из двух светлиц. Украшений совсем немного. Образа «черкасской» работы, возможно, вывезенные князем из Киева, где он одно время был губернатором. На нас с таинственной настороженностью поглядывают из темных добротных рам картины с какими-то неведомыми России событиями. Лишь одна из них достоверно и учтиво воскрешает не столь давнее — знаменитую Полтавскую баталию. А вот на остальных и имя живописца, и изображенное прикрыты легкой вуалью латыни («литеры латинския»).

Деревенская усадьба — пока еще не место постоянного пребывания барина, но лишь источник ресурсов, что подпитывает его значительно более изысканную и богато украшенную усадьбу городскую. Отсюда и очевидная скромность обстановки.

Негромкий быт служилого дворянства

Ну а как же жил сам упомянутый Андрей Болотов, боевой офицер, водивший дружбу со знаменитыми впоследствии братьями Орловыми, прекрасно знавший блестящее столичное офицерство, но предпочитавший для себя губернскую глубинку? Его зять Неклюдов владел благоустроенным имением. Добротный дом с отменно оштукатуренными стенами был расписан масляными красками и обращал на себя внимание даже людей, бывавших в Италии и видавших там нечто подобное. Неклюдовский дом разделялся, как принято было тогда, на две половины — жилую, в которой располагались хозяева, и парадную, рассчитанную исключительно на прием гостей.

Сам же Болотов жил в Тульской губернии в весьма стесненных обстоятельствах. Если у других помещиков были вотчины, включающие в себя село с несколькими деревнями, то здесь было все наоборот. Одна скромная деревенька из 16 дворов на речушке Скниге принадлежала трем Болотовым. Здесь же находились и три усадьбы, почти бок о бок.

Дом вчерашнего офицера стоял у пруда. К нему примыкали фруктовый сад с конопляником. Назвать его в полном смысле усадебным домом постеснялся бы и сам владелец.

Ветхое строение крайне невзрачного вида, одноэтажное, без фундамента, наполовину вросло в землю. Чтобы закрывать ставни на крохотных оконцах, нужно было нагибаться чуть ли не до земли. Состояло же оно всего из трех помещений, причем «...из этих трех одна большая зала была необитаема, потому что была холодной и не отапливалась. Она была скудно меблирована. Вдоль тесовых стен, сильно почерневших от времени, тянулись скамьи, а в пе-

реднем углу, украшенном множеством таких же почерневших икон, стоял стол, покрытый ковром. Две другие небольшие комнаты были жилыми. В светлой угольной громадная, выложенная разноцветными изразцами печь распространяла тепло.

На стенах такое же множество икон, и в переднем углу висел киот с мощами, перед которыми теплилась неугасимая лампада. В этой комнате стояли несколько стульев, комод и кровать. Здесь, почти не выходя из нее, жила, овдовев, мать Болотова. Третья, общавшаяся с сениями, совсем уже маленькая комната служила в одно и то же время детской, девичьей и лакейской. От всего в этом дворянском доме веяло стариной еще XVII века, и только тетрадь геометрических чертежей, появившаяся вместе с молодым хозяином, была новостью среди этой старинной обстановки*.

Усадебный дом Андрея Тимофеевича Болотова, хотя и существовал в веке восемнадцатом, своим убранством относился, конечно же, к семнадцатому столетию. Тому же столетию принадлежал и другой усадебный дом его родственника — двоюродного деда М. О. Данилова. Судя по запискам майора Данилова, содержался он в прекрасном состоянии.

«Усадьба, где он жил (имеется в виду М. О. Данилов. — С. О.), в селе Харине — преизрядная была: два сада, пруд и кругом всей усадьбы рощи. Церковь в селе деревянная. Хоромы у него были высокие на омшаниках и снизу в верхние сени была со двора предлинная лестница; оную лестницу покрывал ветвями своими превеликий, стоящий близ крыльца широкий и густой вяз. Все его высокие и обширные с виду хоромы состояли из двух жилых горниц, через сени стоящих; в одной горнице он жил зимою, а в другой летом».

В похожих, хотя и более скромных условиях жило, а точнее ютилось провинциальное служилое дворянство в первой половине XVIII столетия. Причем

* Богословский М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. М., 1906.

даже и эти достаточно бедные «дворянские гнезда» в те годы, как правило, пустовали. Причина проста. Обитатели большей частью пребывали на военной службе. Андрей Болотов вспоминает о своих детских годах: «Околоток наш был тогда так пуст, что никого из хороших и богатых соседей в близости к нам не было».

А оживали все эти усадьбы только на короткое время между военными походами, когда служилые люди распускались по домам. С возникновением же регулярной армии, которая чуть ли не постоянно находилась на театре военных действий, такие поголовные роспуски служилых людей и вовсе прекращаются. Их заменяют уже увольнения отдельных лиц, да и то — в кратковременные отпуска.

Служилому дворянину надолго приходится расставаться со своими милыми сердцу окрестностями — полями, рощами, лесами. А когда, одряхлев и постарев на службе, он получал отставку, то о родных местах у него сохранялось лишь смутное воспоминание.

Интересно, к примеру, донесение Сенату некоего бригадира Кропотова. В нем он упоминает, что в своем поместье не бывал целых 27 лет, находясь постоянно на военной службе.

И только в начале 30-х годов XVIII века служебное бремя дворянина немного ослабевает. Причина в том, что рядовой контингент постоянной регулярной армии пополняется посредством рекрутских наборов из податных сословий. Так что служилый дворянин используется только для занятий офицерских должностей. Однако вместо одних тягот появляются другие. Помещик становится ответственным перед правительством за сбор подушной подати со своих крестьян. И вот это-то как раз и требует присутствия дворянина в деревне. Так что теперь военную обязанность перевешивает финансовая.

Уже после Петра I появляется целый ряд мер, направленных к облегчению и сокращению срока дворянской службы. При Екатерине I значительное число офицеров и солдат из дворян получает продолжи-

тельные отпуска из армии для наблюдения за домашней экономией.

Анна Иоанновна делает еще один шаг к облегчению участи служилого дворянства. По закону 1736 года один сын из дворянской семьи получает свободу от военной службы для занятий сельским хозяйством.

Именно в эти годы военная служба ограничивается сроком в 25 лет. И при укоренившемся среди дворян обычае записывать детей на военную службу еще в младенчестве отставка для многих наступает очень рано. Так постепенно начинается отток представителей Русской армии в провинцию.

Однако настоящее оживление в провинции заметно уже после появления закона о дворянской вольности 1762 года. А последующие законы 1775 и 1785 годов объединяют, сплачивают «вольных дворян» в дворянские общества и организуют из их числа местную администрацию.

Междоусобицы отправленных в отставку

Как же выглядела российская глубинка до провозглашения «вольностей»?

Удивительную особенность порождала пустота провинции в первой половине XVIII века. Одинокие и редкие обитатели усадеб, свободные от службы, быстро дичают. И наряду с радушием и гостеприимством, свойственным славянской натуре и распространенным среди русского дворянства, складывается и какой-то новый, особый тип помещика. Это угрюмый нелюдим. Когда-то служивший в армии, но давно уже вышедший в отставку, а то и вовсе «не нюхавший пороху», он никуда не выезжает и никого не принимает. Весь в собственных усадебных заботах и мыслях о борзых и гончих сворах. Да и куда выезжать и кого принимать, если вокруг пусто.

Упомянутый уже майор Данилов так описывает жизнь своего родственника в ту пору: «Он никуда не ездил по гостям, да я и не слыхивал, чтоб и к нему кто из соседей равные ему дворяне езжали».

Но поразительно другое — и 50, и 100 лет спустя эта нелюбимость некоторой части провинциальных помещиков отражается на их быте и нравах. Даже и при Екатерине они остаются угрюмо-уединенными.

После оживления жизни в провинции каждое имение — это как бы маленькое государство. И высший закон в имении — воля барина. Так что и отношения к соседям — помещикам, что только-только освободились от военной службы, — как в маленьких государствах.

Каждая крупная усадьба обладает своим «приказным человеком», то есть адвокатом из крепостных. Иногда же всеми юридическими тяжбами занимается сам помещик. Иной бывалый офицер находит в этом даже некоторое удовольствие. Наряду с борзой и гончей охотой он «хаживает» в суд. Сутяжничество иногда становится страстью.

Вот портрет одного из таких «ябедников». Это отставной лейб-гвардии прапорщик князь Никита Хованский. Как характеризуют его окружающие — политический и религиозный вольнодумец. Он бросил жену. Более 10 лет не ходит на исповедь. Называет высокопоставленных особ дураками (возможно, и за дело) и злорадствует по поводу пожара в Московском дворце, зубоскаля, что императрицу преследуют стихии. Из Петербурга ее гонит вода — наводнение. А из Москвы — огонь.

По этому случаю появляется и соответствующий указ. Он предписывает Никите Хованскому бросить юридические споры и никому не давать никаких советов и наставлений под опасением конфискации движимого и недвижимого имущества. А за свой воинствующий атеизм и слишком резкий язык «адвокат» расплачивается плетью и последующей ссылкой поначалу в монастырь, на покаяние, а затем в свои деревни.

Но при всей любви к процессам и сутяжничеству многим, особенно горячим и неумным натурам в среде этого в прошлом служилого дворянства не хватает терпения поджидать окончания тяжб. А потому они, по призванию люди военные, предпочитают

решать возникающие недоразумения прямо-таки открытым боем.

И порой доходило до трагикомичного. Соседовотчинники нередко вступают в самые настоящие войны друг с другом. И если принять во внимание, что предводители той или иной вотчины еще вчера носили военный мундир и служили в армии или гвардии, итоги этих частных войн нередко бывают плачевны.

В начале царствования Елизаветы Петровны (1742 год) богатый вяземский помещик Грибоедов формирует из числа своих дворовых настоящих боевой отряд. Вооружает рогатинами и дубьем и под покровом ночи нападает на усадьбу помещицы Бехтеевой. Владелицу имения попросту выгоняет. Сам же селится на ее месте.

А в Орловской губернии в 1754 году происходит и вовсе кровопролитное сражение с человеческими жертвами. Причем один офицер выступает против другого. Трое братьев Львовых — советник, ассессор и руководящий ими корнет — предпринимает поход против поручика Сафонова — своего соседа. Выступление «армии» обставлено торжественно. В ее рядах 600 человек. Звучат напутственные речи. Воинственный дух поднимает и чарка водки, поднесенная перед походом «воинам». Вооруженные крестьяне следуют в пешем строю. Помещики и приказчики — верхом. Схватка происходит на сенокосе. Итог печален — 11 человек убито, 45 ранено, причем тяжело, и двое пропало без вести.

Но самое удивительное, что в этих «войнах местного значения» принимают участие даже жены и дочери служилых людей. Так, в схватке крепостных помещицы Побединской с соседями-помещиками Фрязиным и Леонтьевым последние погибают (1755 год). Известна и другая «битва» 70 крепостных генеральши Стрешневой с людьми князя Голицына.

Подобным «сражениям» способствовал не только неужённый, мятежный нрав вчерашних офицеров и офицерш, но и сформированные, правда, для других целей, боевые отряды. В середине XVIII века повсюду

шалили разбойничьи шайки, частенько нападавшие на усадьбы. А потому владельцы имений, сами, как правило, военные, умело формировали, обучали и вооружали собственных крестьян.

Елисавет — Преображенского полка полковник

А как же проводила свои дни на престоле сама Елизавета Петровна — полковник Преображенского полка? Современники наперебой утверждали, что увеселения занимали большую часть ее времени. Но так ли это? Или увеселения просто более заметны, чем деловые часы императрицы? И была ли ее страсть к развлечениям и нарядам такой уж фантастической? Попробуем найти ответ на этот деликатный вопрос у императрицы Екатерины II.

«Дамы тогда были заняты только нарядами, и роскошь была доведена до того, что меняли туалеты по крайней мере два раза в день, императрица сама чрезвычайно любила наряды и почти никогда не надевала два раза одного платья, но меняла их несколько раз в день; вот с этим примером все и сообразовывалось: игра и туалет наполняли день»*.

Ну что ж, в этом Екатерина II была права, но всего лишь частично. И действительно, во время московского пожара в 1753 году во дворце сгорело 4000 платьев Елизаветы. А после ее кончины Петр III обнаружил в Летнем дворце своей тетки гардероб с 15 000 платьев, «...частью один раз надеванных, частью совсем не ношенных», 2 сундука шелковых чулок, несколько тысяч пар обуви и более сотни неразрезанных кусков «богатых французских материй».

Но мешало ли все это Елизавете управлять? «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей» — позже напишет Александр Сергеевич Пушкин. Так и Елизавета. Одно совсем не мешало другому. Немало энергии, но главное, мужества потребовалось обаятельной красавице, дочери Петра, чтобы встать во главе военного переворота 1741 года. Вот

* Екатерина II. Записки. СПб., 1907.

как отзывается об этой далеко неординарной самодержице известный русский историк С. М. Соловьев*:

«...Главным достоинством Елизаветы, несмотря на вспыльчивость ее в отдельных случаях жизни, было беспристрастное и спокойное отношение к людям, она знала все их столкновения, вражды, интриги и не обращала на них никакого внимания, лишь бы это не вредило интересам службы; она одинаково охраняла людей, полезных для службы, твердо держала равновесие между ними, не давала им губить друг друга».

Достаточно высокого мнения об императрице придерживается и другой знаменитый историк В. О. Ключевский, хотя и с оговорками: «...умная и добрая, но беспорядочная и своенравная русская барыня XVIII века». И, наконец, «...с правления царевны Софьи никогда на Руси не жилось так легко, и ни одно царствование до 1762 года не оставляло по себе такого приятного воспоминания**».

Ноябрьский переворот 1741 года, возведший на российский престол дочь Петра Великого, был «очередным» только на первый взгляд. Да, он совершен, как и предыдущие, при помощи штыков гвардии. Но если раньше солдаты и офицеры использовались лишь в роли статистов, то ныне они полноправные, полноценные действующие лица. Без них никакого бы переворота не произошло.

Еще до переворота Елизавета много времени проводила среди гвардейцев. Она лично крестила их детей, снабжала деньгами. Так что к началу переворота (который на этот раз был не дворцовым, а солдатским) она — общая любимица и заступница, но главное, дочь человека, служившего на благо России.

По подсчетам историка Е. В. Анисимова***, из тех, кто оказался рядом с Елизаветой в ночь переворота, около трети начинали служить еще при Петре I. «Можно представить, как седоусые ветераны рассказывали своим слушателям о годах, проведенных в

* Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XII. С. 605.

** Ключевский В. О. Сочинения. М., 1989. Т. IV. С. 312—316.

*** Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. СПб., 1986. С. 43—72.

походах рядом с великим императором, о Елизавете, выраставшей на их глазах».

Переворот, заговор, в котором практически не участвовали представители правящей верхушки, был направлен против «засилья иностранцев», против «бироновщины», но что удивительнее всего, в нем-то как раз и участвовало много иностранцев. В частности, дипломатов. Остались свидетельства, что французский посол И.-Ж. Шетарди и шведский Э. М. Нолькен усердно уговаривали Елизавету решиться на переворот. И даже снабжали ее деньгами.

Конечно же, деньги завтрашней императрице нужны безумно, да и уговоры иностранцев действуют, но осторожная великая княжна никаких обещаний не дает. И никаких обязательств не подписывает.

Она прекрасно осознает требования времени. В условиях исторического подъема заявлять о своей солидарности со шведами (а ведь те объявили войну России) — это ли не самоубийство? Потому Елизавета и выступила безо всякой помощи, самостоятельно. Она собственной персоной является в казарму и, взобравшись на какое-то возвышение, произносит:

«Ребята, вы знаете, чья я дочь, идите за мной!» И штурм царского дворца начинается. Примечательно, что эти ключевые слова — «чья я дочь» дословно воспроизводят и те лица, с которыми арестованный Тайной канцелярией отставной капитан В. Калачев собирался обратиться к Елизавете, чтобы напомнить ей о ее правах на престол.

И хотя впоследствии пришедшая к власти императрица обычно подписывалась на французский лад «Елисавет», но и во мнении гвардейцев-солдат, и в памяти потомков, да и вообще в русской истории она остается не как императрица Елизавета I, но прежде всего как Елизавета Петровна — дочь Великого Петра.

Лейб-кампанцы и их капитан

Забвение петровских принципов в анненскую эпоху превращает Елизавету в глазах гвардии в своего рода символ. А ее второстепенное, а фактически

теневое положение при дворе воспринимается прежде всего как оскорбление памяти российского императора иностранцами, узурпировавшими власть в стране.

Некоторые историки считают, что эти чувства цесаревна умело подогревала, чтобы использовать их в нужный момент. Но это вряд ли. Сама придворная ситуация прекрасно работала на популярность императорской «дщери».

Следует напомнить об интересном случае, произошедшем с цесаревной еще за год до переворота. Однажды, выйдя из дворцовых покоев, Елизавета заинтересовывается оригинальным покроем мундира солдата Ингерманландского полка, что стоял на карауле. Служивый отвечает, что такая одежда пошита по приказу командира полка, грузинского царевича. Тогда цесаревна «изволила спросить о прежде бывшем в Ингерманландском полку полковнике иноземце, також и о нынешнем того же полку полковнике... который из них лутче?»

Солдат отвечает, что «им полковники все равны, и на то де Бя Высочество изволила сказать, что нынешний их полковник грузинский царевич по-русски худо говорит, я де не могу у него речи разслышать, так же, как и в Семеновском полку подполковник Его Высочество генералиссимус (то есть принц Антон Ульрих Брауншвейгский. — С. О.) по-русски говорит худо»*.

Эта история впоследствии разгуливала по казармам среди солдат Семеновского полка, трансформируясь по ходу дела. Солдаты вроде бы угадали суть елизаветинского вопроса — неприязнь к нечленораздельной, непонятной речи иностранцев, говоривших на плохом русском языке. Хотя этого подтекста у Елизаветы и в помине не было. Вопрос цесаревны был безобиден и не содержал какого-то двойного тайного смысла. Но важно другое. Опору Елизавета нашла не в офицерской, а именно в солдатской среде.

* Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. М., 1999. С. 275.

И неудивительно, что прежде всего солдаты поддерживают великую княжну Елизавету Петровну при возведении ее на престол. Особое место здесь занимает гренадерская рота лейб-гвардии Преображенского полка. Именно при ее содействии происходит знаменитый переворот 25 ноября 1741 года.

Как же в дальнейшем складывается судьба лихой гренадерской роты преображенцев?

Всего лишь через месяц с небольшим, под новый 1742 год (31 декабря) появляется Высочайший указ императрицы Елизаветы — рота переименована в Лейб-Кампанию. За этим последовали щедрые, воистину царские награды. Императрица, возложившая на себя звание всего лишь капитана Лейб-Кампании (не в пример Екатерине — полковнику), присваивает чинам ее следующие ранги. Капитан-поручику — полного генерала, двум поручикам — генерал-лейтенантов, а двум подпоручикам — генерал-майоров. Адьютанту — бригадира, прапорщику — полковника, восьми сержантам — подполковников, шести вице-сержантам — премьер-майоров, подпрапорщику и квартирмейстеру — секунд-майоров. Двенадцати капралам — капитан-поручиков. А все триста grenader превращаются в поручиков. Штат Лейб-Кампании вместе с нестроевыми и музыкантами составляет теперь 364 человека.

Щедроты сыпятся как из рога изобилия. Все нижние чины, те, что не из дворян, возведены в потомственное дворянство и щедро наделены поместьями. Кроме того, лейб-кампанцам предоставлен особый герб с надписью: «За верность и ревность». Пожаловано знамя с надписью: «Силою креста победила». Им шьется особая, очень эффектная форма.

И, конечно же, особых милостей они удостоиваются при коронации Елизаветы Петровны, а также и при других торжественных случаях. В эти дни лейб-кампанцы облачаются в знаменитые, уже опробованные временем мундиры кавалергардов и несут кавалергардскую придворную службу. Размещаются лейб-кампанцы в прекрасных условиях. Им отведено помещение рядом с Зимним дворцом. А все со-

держание на нее отпускается из придворной конторы. Именно они, вчерашние преображенцы, не только несут охрану Зимнего дворца, прежде всего внутреннюю, но и сопровождают самодержицу во всех ее путешествиях.

Но эти исключительные милости и внимание Елизаветы совсем не идут на пользу гвардейцам. Их крайнюю распущенность и почти полное отсутствие дисциплины дочь Петра продолжает терпеть на протяжении долгих 20-ти лет.

И хотя взошедший следом за Елизаветой на престол Петр III и упраздняет кампанцев (21 марта 1762 года), но пришедшая к власти летом того же года Екатерина II вновь принимает на службу большую часть уволенных.

И делает это буквально в первые же дни своего царствования. При Екатерине Алексеевне вновь формируется Кавалергардский корпус, для него-то и набраны вчерашние лейб-кампанцы. Не забыты и остальные чины. Пожелавшие уйти в отставку (а их менее 80 человек) получают пенсию, размер которой равен полугодовому окладу жалованья.

ВЕК ЗОЛОТОЙ ЕКАТЕРИНЫ

ТРОН, ПОКАЧНУВШИЙСЯ В ИЮНЬСКОМ ПЕТЕРБУРГЕ

Внук Петра Великого Петр III процарствовал в России всего лишь полгода. Когда, бывая в Третьяковской галерее в Москве, останавливаешься около его фигурного портрета во весь рост, при всех регалиях и на вовсе безоблачном, ничего дурного не предвещающем фоне, пытаешься угадать по мелким деталям хоть какой-то намек на грядущую трагедию. Но нет ничего в этом огромном полотне, что хоть немного известило бы зрителя о том, что скоро случится. Ни штриха, ни блика, ни знака судьбы.

Необыкновенным и почти фантастическим протекает короткое, «метеоритное» правление. Но еще более удивительным становится его «возвращение» в Россию. Не менее дюжины самозванцев в самой империи (чего стоит один лишь Емельян Пугачев, он же Петр III!) и за границей. А легенды, родившиеся с уходом императора и возродившиеся в народе десятки лет спустя, продолжали раскачивать устоявшуюся версию об исчезновении этого несчастного монарха. И пожалуй, ни с кем из предыдущих (кроме Великого Петра) и последующих императоров (кроме Павла I) не было связано столько сказаний, притч и невообразимых историй, как с Петром Федоровичем.

Так как же все это происходило в те часы военного переворота в конце июня 1762 года, когда повседневная размеренная жизнь гвардейских и армейских полков Петербурга, казалось бы, не предвещала ничего экстраординарного? Вот что писал об этом историк М. И. Семевский:

«...В светлый июньский вечер 27 июня, когда заря стоит на петербургском небе во всю ночь, сильный удар в наружную дверь заставил вздрогнуть и без того уже взволнованную восемнадцатилетнюю княгиню Екатерину Романовну Дашкову. Несмотря на свое тревожное состояние, она должна была лечь в постель, чтобы не возбудить любопытства в своих слугах и не заставить подозревать таинственных подготовлений.

В эту ночь решалась участь императрицы Екатерины.

Накануне Дашкова узнала об аресте Пассека*; у ней сидел ее дядя, Никита Иванович Панин, когда вошел отыскивавший его артиллерийский капитан Григорий Орлов и сообщил о неожиданном аресте одного из главных заговорщиков. Панин со своей обычной флегмой и хладнокровием принялся рассуждать, что Пассек, вероятно, посажен под арест за какой-нибудь беспорядок по службе. Дашкова горячилась и доказывала, что арест его должен служить сигналом для начала их действий.

Убедить Панина она не могла и просила Орлова поехать разведать обстоятельнее о причинах ареста, и если окажется, что Пассек посажен как государственный преступник, то немедленно уведомить об этом ее и Панина. Лишь только ушел Орлов, Дашкова, горя юношеским нетерпением, выпроводила от себя стеснявшего ее Панина, накинула мужской плащ и направилась к дому Рославлева. На дороге

* Заговорщики были разделены на 4 группы с отдельными начальниками в каждой. Капитан Преображенского полка Петр Пассек был одним из таковых. Рославлев — премьер-майор в Измайловском полку. Ласунский — офицер Измайловского полка, имевший большое влияние на своего полкового командира Кирилла Разумовского.

увидела она всадника, быстро мчавшегося ей навстречу. Мысль, что это один из братьев Орловых, из которых она знала в лицо только одного Григория, мгновенно промелькнула в ее голове. Она громко окликнула скакавшего. Тот остановился.

Действительно, это был Алексей Орлов. Дашкова назвала себя и стала расспрашивать. Оказалось, что Пассек арестован за государственное преступление: четверо часовых стоят у дверей и по двое у каждого окна. Григорий Орлов поехал с этим известием к Панину, а Алексей — к Рославлеву. Дашкова распорядилась тут же на улице. Она велела (как потом рассказывала) передать Рославлеву и Ласунскому, чтобы они тотчас отправлялись в свой Измайловский полк и дожидались там приказа встретить императрицу при въезде ее в город. Орловым велела мчаться в Петергоф, уговорить императрицу сесть в приготовленную ею, Дашковой, карету и везти ту в Измайловский полк, который уже подготовлен провозгласить Екатерину императрицей и будет ее конвоировать при въезде в Петербург.

Воображая, что она стоит во главе всего заговора, что ее приказания беспрекословно исполняются и она руководит всем, Дашкова готова была сама ехать встречать императрицу, но портной не принес заказанный ею мужской костюм, вследствие чего она должна была оставаться дома и лежать в постели в мучительном ожидании, когда сильный стук в наружную дверь заставил ее вскочить с постели. В страшной тревоге она выбежала в соседнюю комнату и велела отворить, кто бы там ни стучал.

Вошел незнакомый молодой человек, отрекомендовался Федором Орловым и объявил, что пришел спросить: не будет ли с их стороны слишком поспешным ехать за императрицей? Не потревожит ли ее попустому преждевременный призыв в Петербург?

Дашкова вышла из себя. Не считая нужным себя сдерживать, она со свойственной ей надменностью, резко и не стесняясь в выражениях, высказала свое неудовольствие на Орловых, не послушавшихся ее распоряжений.

— Вы потеряли самое дорогое время, — продолжала она запальчиво. — Что тут думать о беспокойстве императрицы! Лучше привезти ее в обмороке в Петербург, чем подвергнуть на всю жизнь заключению или эшафоту вместе со всеми нами!

Орлов ушел, успокоив Дашкову, что брат его тотчас отправится в Петергоф за императрицей.

Неизвестно, точно ли Орловы не решались тогда ехать за императрицей или прикрылись только видом нерешительности, чтобы разведать, в каком настроении находится сестра любимицы императора (ибо Екатерина Дашкова была родной сестрой Елизаветы Романовны Воронцовой, фаворитки Петра III. — С. О.), не колеблется ли она между долгом родства и преданностью к личности Екатерины.

Но Дашкова не колебалась. Желание ее видеть Екатерину на престоле было в эти минуты сильнее, чем когда-либо. Волнение ее достигло высочайшей степени нервного состояния...

Молодая Дашкова не успела еще справиться со своим расходившимся воображением, как Алексей Орлов, быстро промчавшись 28 верст, отделяющих Петергоф от Петербурга, входил в небольшой садик Монплезира. Было шесть часов утра; полная тишина царила в прямых аллеях нижнего петергофского парка, распланированного Петром Великим. Все покоится в бывшем его домике, в котором помещается Екатерина.

Орлов проходит через палисадник прямо к домику, входит в комнату императрицы и говорит совершенно покойным голосом:

- Все готово для вашего провозглашения.
- Как? Что? — спрашивает императрица.
- Пассек арестован.

Екатерина больше не спрашивает. По уходе Орлова она торопливо одевается в траурное платье, свой обычный ежедневный костюм, и направляется через цветник Монплезира к выходу в парк. Она так ловко проскользнула, что ее лишь мельком заметил один часовой.

Навстречу ей попадают двое мужчин, императ-

рица быстро поворачивает от них влево и выходит в боковую калитку. Алексей Орлов садится на козлы той кареты, в которой приехал. Друг его, инженерный капитан-поручик Василий Ильич Бибилов, готовится верхом сопровождать императрицу. Екатерина со своей камер-фрау садится в карету, преданный ей камердинер Шкурин становится на запятки, и карета мчится...

Рубикон переи́ден. Впереди ожидает великую княгиню или жизнь, полная полезной деятельности, славы, блеска, или монастырь, вечное заточение, может быть, смерть...

Между тем к измайловским светлицам* собралась на рассвете небольшая группа главнейших сторонников Екатерины, главнейших не по чинам, а по горячему сочувствию к предпринимаемому делу. Для Екатерины, равно как и для всех участвовавших, как тогда говорилось, «в секрете», было чрезвычайно удобно положение измайловских казарм. Они находились в предместье тогдашнего Петербурга, недалеко от петергофско-ораниенбаумской дороги. Так что при въезде своем в Петербург Екатерина могла рассчитывать на возможность тотчас опереться на военную силу.

Было около восьми часов утра, когда к одной из рот Измайловского полка подкатил запыленный экипаж. У казарм ждало только 12 человек и барабанщик. Ударили тревогу. Вмиг сбежалось несколько десятков солдат, знавших более или менее, в чем дело. Три роты, осторожно подготовленные своими офицерами, окружают приехавшую императрицу. Она обращается к ним с трогательной речью, которая заканчивается словами:

«Только на вас, моих верных подданных, возлагаю надежду на спасение».

Солдаты отвечают ей дружным криком: «Ура! Да здравствует матушка Екатерина Алексеевна!» Екатерина проходит по некоторым светлицам, прося защиты у измайловцев, и везде слышит тот же ответ:

* Светлицами назывались тогда казармы.

— Рады сложить свои головы за матушку государыню!

Двое солдат приводят под руки полкового священника, в ризе с крестом. Под открытым летним небом начинается присяга. Утро прекрасно и служит хорошим предзнаменованием. Только что началась присяга, к казармам подъехали извозчичьи* дрожки, и с них слезает в своем блестящем мундире шеф Измайловского полка Кирилла Григорьевич Разумовский, который заявляет Екатерине свои верноподданные чувства и тут же принимает присягу. Пример всеми любимого начальника сильно действует на солдат и офицеров; те, которые еще колебались, идут охотно присягать. Не прошло и получаса, как весь полк был на стороне государыни...

Лишь только подъехала Екатерина к семеновским светлицам, ее встречают громкими криками «Ура!». Семеновцы на ее стороне, их начальник, премьер-майор граф Брюс, явно заявил свои верноподданные чувства, поспешив к ней навстречу с приветствием. Солдаты не вполне понимают, в чем дело, но, не желая отстать от своего начальника и измайловцев, приветствуют Екатерину громкими криками и присоединяются к ее шествию.

Триумфальный кортеж, окруженный двумя полками гвардейцев, медленно, шаг за шагом двигается по нескончаемому Загородному проспекту и заворачивает на нынешний Невский. Тогда это был бульвар с деревянными мостками вместо тротуаров. Тенистые липовые аллеи, окаймлявшие перспективу, кое-где перемежались зелеными лужками. Пустыри окружали деревянные дома, которые носили еще на себе характер Петровской эпохи.

Вот и Аничков мост, перекинутый через Фонтанку, тогда еще не скованную гранитной набережной. Вот и чертоги графа Разумовского — великолепное здание талантливого архитектора — художника Растрелли. За этим дворцом тянется тенистый сад, зани-

* Извозчичьи дрожки, т.е. наемные, так что особой конспирации, как видим, не соблюдалось.

мавший все то место, где ныне Александрийский театр и Публичная библиотека. А тут же, против палат любимца императрицы Елизаветы графа Алексея Разумовского, площадь, покрытая дровами и бревнами.

Поезд все двигается. Толпа все растет. Торопливый говор, будоражащие крики оглашают свежий утренний воздух. Быстрее молнии пробегают по этим толпам странные слухи, Бог знает кем распространяемые: «Императора нет на свете, он упал вчерашнего дня с лошади и всею грудью ударился об острый камень!» — «Он после шумной пирушки упал с палубы корабля в море и потонул». — «Государь был на охоте и его нечаянно застрелили». В минуты всеобщего недоумения и переполоха толпа доверчиво принимает любую небылицу.

Никто не знает, куда едет Екатерина. Очевидно, в собор — но зачем: провозгласить ли себя государыней или сына своего возвести на престол? Одно ясно: начинается новое правление — время Петра III прошло безвозвратно...

К неумолкаемым крикам «ура!» присоединяется звон колоколов: духовенство, недовольное Петром III, явно принимает участие в перевороте.

Архиепископ Дмитрий Сеченов, окруженный духовенством, стоит в полном облачении на паперти собора Рождества Богородицы — небольшого деревянного здания, на месте которого построен был позднее Казанский собор. Он готовится встретить государыню. Ближайшие к собору куранты пробили 9 часов. Екатерина торжественно входит в храм. Начинается молебен. Архиепископ, вознося моления Всевышнему о здравии государыни и благодарения за успех ее предприятия, еще недоумевает, как провозгласить ее — государыней или только правительницей, за малолетством сына ее Павла Петровича, как вдруг долетают до него с площади крики: «Да здравствует императрица Екатерина Алексеевна!» Орловы и их сторонники действуют энергичнее.

Провозгласив самодержавие Екатерины, они разом уничтожили замысел Никиты Панина и всех, кто

желал видеть Екатерину только правительницей до совершеннолетия Павла Петровича.

«Ставши сразу в определенное положение к народу и войску, Екатерина направляется в нынешний Зимний дворец, тогда только что оконченный и не весь оштукатуренный, и велит привезти к себе туда восьмилетнего своего сына Павла Петровича. Измайловский и Семеновский полки, принявшие уже присягу, окружают дворец и ставят свои караулы охранять все его выходы...

Перед дворцом происходили следующие сцены: гвардейцы отовсюду сносили мундиры и разные принадлежности, устроенные по прусским образцам и по вкусу Петра III. Форма эта была им ненавистна и они публично выражали свою к ней ненависть: рвали в клочья и ломали все принадлежности вновь данной им Петром формы и тут же, на улице, переодевались в прежние мундиры времен Елизаветы.

Гвардейцы тем с большим удовольствием занимались этой потехой, что им тогда же было объявлено от государыни, что все в их военном быте восстановится по-старому, как было при Елизавете, и что похода на Данию не будет»*.

Голицинская кичка

Однако как же выглядели все эти ненавистные одежды?

Император Петр III, питающий особенное уважение к прусскому королю Фридриху Великому, ввел в одежду и вооружение Русской армии следующие значительные перемены, в коих для образца приняты прусские войска. Итак, с «1-го генваря повелено было во всех полевых, гарнизонных и ландмилицких полках, как пеших, так и конных, штаб- и обер-офицерам носить мундиры не длинные и не широкие и у них узкие рукава, с малыми обшлагами, по образцу офицерских мундиров в Пруссии.

* Цит. по: Русская старина. Путеводитель по XVIII веку / Авт.-сост. А. В. Кургатников. М.; СПб., 1996. С. 197—203.

1 апреля состоялось положение об обмундировании полевых мушкетерских полков и гренадерских баталионов, по которому мундиры, или кафтаны, оставались, как и прежде, зеленые, подборой красный; цвет же воротника, обшлагов и вновь прибавленных лацканов предоставлялся на произвол шефов, от воли которых зависел и выбор цвета для камзола, штанов и пуговиц, из коих первые два могли быть: палевые или лосинные, белые, желтые и померанцевые*, а последние чисто медные, или медные, вылуженные под вид серебра.

На основании вышеприведенного положения, обмундирование рядового мушкетера составляли:

Мундир суконный, зеленый с небольшим отложным воротником, пришитым к нему всеми четырьмя краями, с лацканами (или без оных) и с малыми разрезными обшлагами; все три цветами по воле шефа;

Камзол и штаны суконные же, одного из четырех цветов: лосинного или палевого, белого, желтого и померанцевого;

Манжеты белые;

Галстух черный;

Штиблеты всендневные черные, с штибель-манжетами, а на параде — белые.

Башмаки, а для походного времени сапоги;

Шляпа с обшивкою из узкого шерстяного галуна и с бантом, или кокардою, из белой ленты;

Епанча васильковая;

Мундир — то же, что прежний кафтан, в покрое мало отличался от употреблявшегося в предшествовавшее царствование, только был теснее и короче, и рукава имел уже. Лацканы, шириною: вверху — до 2-х, внизу 1 1/2 вершка — на ладонь руки не доходили до пояса и имели, на каждой стороне, по шести прорезанных петель, которые застегивались на пришитые против них к мундиру пуговицы и были расположены, как называли тогда, гнездами, т.е. попарно, таким образом, что расстояния между 1-ю и 2-ю, 3-ю и 4-ю, и 5-ю и 6-ю были уже, нежели между 2 и 3-ю и 4 и 5-ю.

* Померанцевый цвет — оранжево-красный.

Независимо от сих петель и пуговиц, по две таковые же находились на каждой стороне мундирного борта, под лацканами и по две же на передней стороне обшлагов. Каждая из сих петель обшивалась узкою шерстяною тесьмою, желтою или белою, по цвету пуговиц, с кисточкою при конце, или без кисточки. Точно такие нашивки, по-тогдашнему шлейфы, и то же расположение петель и пуговиц полагались и для мундиров, не имеющих лацканов.

На правом плече положено было носить нитяный, по цвету шлейфов, аксельбант, длиною до 3/4 аршина, состоявший из трех петель, банта и двух концов, с медными или с оловянными наконечниками и надевавшийся, одною из петель, на пуговицу, пришитую на правом плече, под воротником. Мундир застегивался небольшими крючками и петлями, пришитыми снизу, под лацканами.

Камзол, штаны, манжеты, галстук, штиблеты, штибель-манжеты, башмаки и сапоги остались без изменений в покрое, кроме одного камзола, который полагался без рукавов, и на карманных клапанах имел не по три, как прежде, а только по две пуговицы.

Шляпа, несколько длиннее прежней, обшивалась тесьмою, в полвершка шириною, желтою или белою, сообразно цвету пуговиц, и имела для бóльшего украшения три гарусные кисти: две цветами по воле шефа на боковых углах, а одну белую над продолговатою петлицею из белой тесьмы, одним углом задетую за верхнюю кисть, а другим за пуговицу, пришитую к шляпе, почти над левым глазом мушкетера.

Епанча осталась та самая, какая была и прежде.

Уборка волос, пудрение их и плетение в косу также не подвергалось изменению.

Вооружение и амуницию рядового мушкетера составляли: шпага с португеею; ружье с шомполом и штыком железными, с прибором медным, с погонным ремнем и полунагалищем* красными; патронная

* Нагалище — ружейный чехол. Полунагалище покрывает только замок и казенную часть.

сума с перевязью; ранец и водоносная фляжка; все прежние, кроме бляхи на суме, которая, вместо полкового герба, имела изображение Императорского вензеля, состоявшего из двух накрест положенных латинских литер Р и, под ними, римской цифры III.

Самую суму носили уже не на боку, как прежде, а за спиною, ближе к правой стороне, и все лосинные вещи белили.

При шпаге полагался темляк*, из белой тесьмы, с столбчиком и кистью, из коих первые были нитяные, а последняя гарусная, цветами по выбору шефа. Вся длина его была 11 или 12, а ширина до $\frac{3}{4}$ вершков.

Обмундирование капралов, фурыеров, фанен-юнкеров или подпрапорщиков, каптенармусов, сержантов и фельдфебелей было одинаковое с рядовыми, с тем только отличием, что последние пятеро имели золотой или серебряный, смотря по цвету пуговиц, галун, на шляпе, воротнике и обшлагах. Галун сей, по краям шляпы и по воротнику нашивался в один, а на обшлагах: у фурыера и подпрапорщика в один же, у каптенармуса в два, у сержанта в три, у фельдфебеля в четыре ряда. Вооружение и амуниция сих чинов были следующие:

Капрала — шпага с темляком и португеею, ружье со штыком и прочим прибором; патронная сума с перевязью; ранец и водоносная фляжка, т.е. все то же, что у рядового.

Фурыера — шпага с темляком и португеею и фурыерский значок, который сохранил прежнюю форму и употреблялся в военное или в походное время, а в остальное заменялся алебардою, которая была одинаковая с вышеописанною (в предыдущие царствования) алебардою гвардейских унтер-офицеров, и имела цвет дrevка по произволу шефа, кроме желтого, предоставленного гвардии.

* Темляк — согнутая пополам тесьма (нитяная, кожаная или из галуна) с кистью на конце; носят его на рукоятке (эфесе) меча, шпаги, сабли, шашки. Рыцари надевали темляк на руку, чтобы крепче держать оружие в бою. В русской армии темляк являлся также и знаком отличия (темляк с георгиевской лентой или анненской).

Подпрапорщика (по указу 1-го генваря 1762 объявленного носить ротное знамя, что прежде возлагалось на прапорщика), — шпага с темляком и португеею; ранец и водоносная фляжка.

Каптенармуса — шпага с темляком и португеею; сума для запасных патронов, с перевязью; алебарда, ранец и водоносная фляжка.

Сержанта и фельдфебеля — шпага с темляком и португеею; алебарда, ранец и водоносная фляжка.

Независимо от описанного здесь оружия, все унтер-офицеры носили трости с кожаным темляком, которые в строю привешивали за вторую пуговицу правой стороны мундира.

Указом 7-го февраля 1762 года запрещено было вкравшееся временем обыкновение: что капралы и унтер-офицеры, отправляясь на учения, вахт-наряды и другие сборные места, не носили сами ружей и алебард, а поручали их своим служителям или другим лицам.

Обмундирование мушкетерских офицеров составляли: кафтан, камзол, штаны, манжеты, галстук, штиблеты (вседневные черные, в параде белые); при черных штиблетах и сапогах штибель-манжеты, башмаки, для походного времени сапоги, шляпа и епанча; всё одних цветов и покроя с присвоенными рядовым мушкетерам, с переменою только: медных и луженых или оловянных пуговиц — на вызолоченные и высеребрённые; нитяных мундирных шлейфов, аксельбанта, галуна, и боковых кистей при шляпе — на золотые или серебряные, из коих первые, т.е. шлейфы были вышитые; и с переменою верхней кисти у шляпы на кокарду из белых шелковых лент.

В летнее время, когда мундир не весь застегивался, верхняя часть камзола оставалась также незастегнутой, и из нее выставлялась накрахмаленная и в мелкие сборки собранная белая манишка. Как летом, так и зимою носили замшевые перчатки с лосиными обшлагами.

Вооружение и амуницию мушкетерских офицеров составляли: шпага с португеею и темляком и эспантон. Первые две не изменили прежней формы,

еще при императрице Анне Иоанновне заимствованной из Пруссии; темляк был одной меры и вида с установленным для рядовых, но весь золотой с двумя, у краев, черными, шелковыми полосками, а эспантон, на основании Указа 19-го февраля 1762 года, состоял из насаженного на деревянное древко, с медным подтоком, плоского, стального пера, с золотою насечкою, изображавшею вензелевое имя Императора, окруженное воинскою арматурою.

Ниже онаго — заглавные литеры названия полка, а выше, в лавровом венке и под короною — опять арматура, двуглавый орел и, над ним, лента или хартия, с надписью: «Никого не устращусь». Древко было одного цвета с алебардным.

К строевому убору офицеров принадлежали еще шарф и знак. Первый, по-прежнему надевавшийся по поясу, только не в один, а в два перехвата, был выткан из золота, с черными шелковыми полосками, и штаб-офицерский от обер-офицерского отличался только тем, что имел канительные, а не гладкие кисти*.

Знак, нисколько не изменивший прежней формы, был: у субалтерн-офицеров весь серебряный, у капитанов с позолоченным рубчиком, у штаб-офицеров весь позолоченный. По Указу 11-го марта 1762 года его носили на черной ленте, надевая ее сверх воротника».

Вот это-то успевшее надоесть — пусть и за короткий срок — облачение солдаты с яростным увлечением сбрасывали, сдергивали с себя. Со стороны все это производило какое-то смешанное чувство удивления, недоумения и даже в немалой степени жалости к отвергнутому императору.

«И вот гренадерские шапки топчутся ногами, — продолжает М. И. Семевский прерванный нами рассказ, — прокалываются штыками, бросаются в грязь или высоко поднимаются на штыках ради потехи окружающих. Да из всех военных головных уборов голштинская кичка, ныне мирно украшающая бра-

* См.: Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 3. СПб., 1899. С. 99.

вые головы солдат лейб-гвардии Павловского полка, была наименее популярна в день 28 июня 1762 года*.

Впрочем, не все солдаты глумились и уничтожали ненавистную им форму; более расчетливые тотчас же обратили все принадлежности своего туалета голштинского образца в продажу, с целью приобрести кое-что на выпивку по случаю радостного дня».

А такая возможность в этот и последующие дни была уже заблаговременно предусмотрена заговорщиками. Как вспоминали современники, очевидцы тех дней, «вино лилось рекой и било фонтаном». Об этом «разливанном море пития» красноречиво свидетельствует «Реэстр» по Санкт-Петербургу и Ингерманландской губернии, сколько всего» в кабаках и погребах сего 1762 году июня 28 дня по нынешнему случаю солдатами и всякого звания людьми безденежно распито питей и растащено денег и посуды», составленный директором питейных заведений И. И. Чиркиным:

По истинным ценам:	руб.	коп.
В Санкт-Петербурге питей на денег и посуды	2730 310	67 1/2 67
По Ингермоландии		
В Петергофской дистанции питей на денег и посуды	3379 1671	93 1/2 14 1/4
В Красноселской питей на денег и посуды	986 65	91 90
В Ближней что по Петергофской дороге питей на денег и посуды	1523 436	35 1/2 84
В Смоленской вверх по Неве реке питей на денег и посуды	2097 102	48 22
В Сестрорецкой дистанции питей на денег и посуды	170 26	71 1/2 60
В Санкт-Петербурге и в Ингермоландии питей на денег и посуды	10 889 2613	7 37 1/4
Всего:	13 504	44 1/4

* Голштинская кичка — прозвище военного головного убора, носимого при Петре III. Кичка — бабий головной убор, кокошник с высоким передом. Этот иноземный головной убор, введенный Петром III, вызывал неприязнь у русских солдат, оттого и был столь язвительно-резко прозван.

Сумма же, предъявленная к оплате по так называемым продажным ценам (то есть включающим стоимость обслуживания и различные налоги) составляла почти 23 тысячи рублей. И, самое важное, сумма эта, представленная новым властям, была оплачена.

«А дед мой — в крепость, в карантин...»

Между тем историк М. И. Семевский так продолжает свой рассказ о событиях июньского переворота:

«Но неужели мелкая формалистика Петра III и предпочтение, явно им оказываемое немцам, до того возбудили против него начальников гвардии, что в рядах их не осталось никого, кто бы сочувствовал несчастию, постигшему императора?»

Таких личностей оказалось весьма немного... Из них известны: дядя императора — принц Георгий, флигель-адъютант Рейхер, генерал-майор Измайлов, полковник Будберг, капитаны Петр Измайлов и Л. Пушкин, майоры Воейков и Шепелев. Все они, будучи в Петербурге, энергично защищали интересы Петра III. Остальные приверженцы императора находились вместе с ним в Ораниенбауме... Из сторонников Петра флигель-адъютант его Рейхер пробовал прорубить себе дорогу саблей, но был схвачен. Генерал-майор фон Толь, как уверяют, делал попытку поднять армейский полк против гвардии. Генерал-майор Иван Михайлович Измайлов, шеф Невского кирасирского полка, не позволял своим подчиненным принять сторону Екатерины. Полковник Будберг привел свой полк в столицу для защиты интересов Петра. Четыре офицера Преображенского полка, которые останавливали своих солдат стать за Екатерину, были: известный уже нам майор Воейков, майор Шепелев, капитан Петр Иванович Измайлов, родной дядя известного впоследствии писателя Владимира Васильевича Измайлова, и капитан Лев Пушкин, дед знаменитого поэта Александра Сергеевича Пушкина, про которого тот писал:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,
Как Миних верен оставался

Особе Третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой — в крепость, в карантин...

«Нет сомнения, — замечает Гельбиг, — что было и больше людей, деятельно защищавших Петра III, но так как попытка их не имела в общем ни малейшего значения, то фамилии их остались неизвестны».

Мы можем, однако, еще указать на одно частное лицо, которое, находясь в столице, заявило свою преданность императору, — это был директор фабрики гобеленов, статский советник Брессан, занимавший некогда должность камердинера при Петре III. При первой вести о волнениях в столице он призвал к себе верного своего слугу и вручил ему записку к императору. Записка была на французском языке приблизительно следующего содержания:

«Императрица во главе возмущившейся гвардии. Теперь 9 часов, она входит в Казанский собор: народ, по-видимому, следует за этим движением, а верно-подданные вашего величества не показываются».

Посланному с этой запиской Брессан строго приказал как можно скорее доставить ее в Ораниенбаум и отдать лично императору. Рассказывают, что посланный переоделся крестьянином, сел в простую телегу, запряженную в одну лошадь, и только благодаря такому маскараду мог свободно выехать за город, так как в то время расставляли уже гвардейские караулы по улицам и мостам, ведущим к Петергофской дороге. Дорога так тщательно охранялась, что, по словам английского посланника Кейта, никто по ней не проехал, кроме двух лиц: Льва Александровича Нарышкина и Романа Ларионовича Воронцова.

Вскоре по этой петергофской дороге показался кирасирский полк. Он состоял из 3-х тысяч отборных солдат. Офицер, командовавший кирасирами, не знал, чьей стороны держаться. Он получил приказание от императрицы вступить в Петербург и шел с полком, ничего не зная о случившемся. «Я сам видел, — пишет Позье, — как он чуть не подрался с караулом конногвардейцев, не хотевших пропустить его чрез мост у дворца, пока он не крикнет: «Да здравствует императрица Екатерина!»

— Как это, разве император умер?

«...В центре города все кончилось тем, что были разбиты некоторые кабаки. Перепившиеся бурлили, шумели, грозились перебить всех иностранцев, но вскоре и тут порядок был водворен.

Представители некоторых иноземных дворов поспешили выразить свое сочувствие действиям Екатерины. Некоторые из них, как, например, посланники австрийский и французский, велели купить своим слугам несколько бочек водки, выставить их перед подъездами своих домов и угощать проходивших солдат»*.

Великий шум в полку Преображенском

Если картина военного переворота в Петербурге 28 июня 1762 года, произведенного Екатериной II, примерно ясна, то, очевидно, для полноты и реальности изображения следует услышать тихие и правдивые (что же им лукавить, если они остались верны самодержцу даже в несчастье!) слова противоборствующей стороны. Так как же складывались для Петра III и его окружения дни и часы те этой злосчастной июньско-июльской недели? Записи Якова Штелина, приближенного императора, которые он вел, так сказать, с натуры в эти дни на немецком языке и которые позже были переведены на русский, частично отвечают на этот вопрос. Итак, по дням и по часам:

«...1762 28 июня в час пополудни.

С развода (в Ораниенбауме) все поехали в придворных каретах в Петергоф, чтобы накануне Петрова дня присутствовать при большом обеде в Монплезире у ее величества императрицы и потом вечером принести поздравления и быть за ужиным столом.

2 часа.

По прибытии в Петергоф, дворец, в котором живет императрица с ее дамами и придворными кавалерами, найден пустым, и с удивлением услышали, что она еще в 5 часов утра потаенно уехала в Петер-

* Цит. по: Русская старина: Путеводитель по XVIII веку. С. 203—205.

бург, всего лишь с камер-юнгферою Катериною Ивановною Черогоротскою (Шаргородскою) и камердинером Шкуриным; находившиеся же при ней кавалеры и дамы ничего не знали о том до полудня.

Продолжительные совещания о том, что делать? Фельдмаршал (князь) Никита Юрьевич Трубецкой, канцлер граф Воронцов и граф Александр Иванович Шувалов отправляются, по собственному вызову, в Петербург, с целью узнать, что там делается, и привезти положительные о том сведения.

3 часа.

Решаются идти к каналу, находящемуся за дворцом, и на всякий случай иметь наготове шлюпки, яхту и штатс-галеру. Во время перехода по площади пристает к берегу поручик Преображенской бомбардирской роты Бернгорст, приехавший из Петербурга с фейерверком для Санс-Эннуи. На подробные ему вопросы он отвечает, что при выезде из Петербурга в 9-м часу слышал в Преображенском полку большой шум и видел, как многие солдаты бегали с обнаженными тесаками, провозглашая государыню царствующей императрицей, но, не обратив на то внимания, поехал, чтобы доставить фейерверк.

Тотчас посылают по всем дорогам, идущим к городу, для разузнания адъютантов, ординарцев и гусар. Из числа их возвращаются очень немногие и притом с известием, что все входы в город заняты.

В Петербурге виден дым к стороне крепости: вероятно, от пушечной там пальбы.

В 4 часа.

По слуху, что в главе Петербургского возмущения находится гетман граф Разумовский, посылают в Гостилицы за братом его, графом Алексеем Григорьевичем, и идут в Нижний сад к каналу. Между тем продолжают толковать и рассуждать с графом Романом Илларионовичем Воронцовым, Мельгуновым, Гудовичем, генерал-майором Измайловым, Волковым, Львом Александровичем Нарышкиным. Прочие бродят вокруг или сидят на решетке, а иногда подходят для сообщения своих мыслей о том, что следовало бы предпринять. Значительное большинство —

того мнения, что прежде всего необходимо поставить в безопасность особу императора и для этого ехать в Кронштадт.

Сам император склоняется к тому же, но хочет отплыть в Кронштадт не прежде, как по получении ближайшего известия о положении дел в Петербурге. Один из предстоящих предлагает государю ехать с небольшою свитою из нескольких знатнейших особ прямо в Петербург, явиться там перед народом и гвардиею, указать им на свое происхождение и право, спросить о причине их неудовольствия и обещаать всякое удовлетворение.

Можно быть уверену, говорит этот советник, что личное присутствие государя сильно подействует на народ и даст делу благоприятный оборот, подобно тому, как внезапное появление Петра Великого неоднократно предотвращало точно такие же опасности. Гудович и Мельгунов оспаривают такой совет, находя, что исполнение его будет слишком опасно для лица монарха. Сам государь отзывается, что он не доверяет императрице, которая могла бы допустить оскорбить его. На этом дело и кончается.

Граф Роман Илларионович и Волков диктуют и пишут именные указы и государь подписывает их на поручне канального шлюза. Адъютанты отправляются с этими указами в разные полки и команды. Четыре писца продолжают писать на другом поручне, под руководством Волкова.

Генерал Дивьер, в сопровождении флигель-адъютанта князя Бярягинского, едет с одним из таких указов в Кронштадт, чтобы удержать за государем эту крепость; но дает возможность обмануть себя адмиралу Талызину, хотя последний приезжает туда с повелением императрицы несколькими часами позже его.

5 часов.

Государь досадует, что большая часть посланных им лиц не возвращаются назад, и выражает нетерпеливое желание узнать что-нибудь более достоверное о положении дел.

Графиня Елизавета Романовна не хочет оставить государя и, в тревожном состоянии духа, все вертит-

ся около него. Две девицы Нарышкины и графиня Брюс составляют ее свиту; прочие дамы скрылись во дворце.

6 часов

По приказанию государя лейб-хирург его дает ему несколько приемов стального порошка.

7 часов

Государь требует холодного жареного и ломоть хлеба. На деревянную скамью у канала ставят блюда жаркого и бутербродов с несколькими бутылками бургонского и шампанского.

Государь посылает ораниенбаумским своим войскам приказание прибыть в Петергоф и окопаться там в зверинце, чтобы выдержать первый натиск.

Штелин изображает фельдмаршалу Миниху и принцу Гольштейн-Бекскому ужасные последствия, которые могут произойти от такого, в сущности мнимого сопротивления, если бы, по неосмотрительности, была выпущена против ожидаемой гвардии хотя бы даже одна пуля. Оба соглашаются с его мнением, и все вместе представляют о том государю, но он не хочет их слушать и отзывается, что необходимо иметь какие-нибудь силы для отражения первого напора, что не должно уступать и что он намерен защищаться до последнего человека.

8 часов

Мы повторяем наше представление, но столь же безуспешно. Между тем жалкие ораниенбаумские войска являются под начальством генерал-лейтенанта барона фон Ливена и располагаются в зверинце. У артиллерии очень мало ядер, а картечи и совсем нет.

Добавляет ядер от егермайстерской части, но калибр их не соответствует орудиям. Новые, по-прежнему тщетные просьбы с нашей стороны об отсылке ораниенбаумских войск.

Беспокойство государя по случаю медленного возвращения гонцов, отправленных им в разные концы, особенно же в Кронштадт, все более и более возрастает. Наконец приходит весть, что Воронежский полк, для проведения которого немедленно в Петергоф послан был в Красное Село флигель-адью-

тант Рейстер, повернул в противоположную сторону, что полковник Олсуфьев ведет этот полк прямо в Петербург к императрице, и что Рейстера очень дурно там приняли и увезли с собой арестованного.

9 часов

При прогулке по берегу канала продолжают совещания. Наконец является из Кронштадта князь Барятинский с бумагою. Государь сам берет ее и читает вместе с графом Воронцовым, Мельгуновым, генерал-майором Измайловым, Львом Нарышкиным и Гудовичем.

Около 10 часов

Решаются тотчас отплыть морем. Государь велит подъехать шлюпкам и садится в них с восемью или десятью человеками, а прочим велит следовать на галере и на яхте. Садясь в шлюпку, он отдает генералу Шильду приказание отослать ораниенбаумские войска назад в Ораниенбаум и оставаться там спокойными.

Галера выходит с рейда и вместе с яхтою направляется к Кронштадту, при довольно хорошем попутном ветре.

В 1 часу пополуночи

Галера подходит к кронштадтской гавани и находит ее запертою боном*. Яхта останавливается насупротив галеры, в левую руку от входа в гавань, шагах в 20 или 30 от стены. Спущенная с галеры шлюпка подплывает ко входу в гавань и требует, чтобы отдали бон, но караул на стене отказывается в том с угрозами.

Государь кричит, что он сам тут и чтобы его сейчас впустили. Ему отвечают, что из Петербурга получено приказание не впускать никого, кто бы то ни был, а яхте велит удалиться, без чего в нее будут стрелять.

В Кронштадте бьют тревогу. На стене показываются несколько сот вооруженных солдат.

* Бон, боны — плавучие заграждения, используемые для защиты места стоянки флота или важных сооружений (мостов и др.) от проникновения кораблей и плавающих мин противника. Для прохода своих судов боны имеют развдную часть, называемую боновыми воротами.

Яхта вторично приказывают немедленно отъехать, в противном случае в нее станут стрелять ядрами. Она спешит распустить паруса и, для скорости, перерубает якорный канат. Третий окрик, что если она не удалится сейчас же, то откроется пальба из наведенных уже на нее орудий. Яхта, действительно, тотчас же пускается в ход, поворачивая под ветер, а галера на веслах опереживает ее по направлению к Ораниенбауму.

Государь кричит, чтобы яхта следовала за галерой, чего, однако, нельзя исполнить за мелководьем ораниенбаумского рейда. С яхты при повороте замечают, что между кронштадтским валом и Кроншлотом* расположилось плоскодонное судно с многолюдным экипажем, вероятно, чтобы загородить свободный проход в открытое море.

Около 2 часов пополудни

Галера, приблизившись к ораниенбаумской гавани, почти совсем потеряла из виду яхту, которая со своей стороны, с полупопутным ветром идет к петергофскому рейду.

3 часа

Государь подходит на галере к ораниенбаумской гавани и, поднявшись в шлюпке вверх по каналу, идет в свой малый дворец внутри крепости, густо обставленный вокруг тамошними его войсками.

4 часа

По просьбе дам государь распускает гарнизон по квартирам и переходит в Японскую залу большого дворца. Тут ему несколько раз делается дурно, и он посылает за священником тамошней русской церкви. В Ораниенбауме с трудом достают немного белого хлеба и соли, потому что кухня и погреб остались на яхте.

Между тем яхта приходит на петергофский рейд и находившиеся в ней перевозятся понемногу, на двух

* Острову Котлину сама природа предназначила быть стражем новой столицы на подступах к ней со стороны моря. С незапамятных времен он принадлежал России, входя в состав Вотьской Пятины Великого Новгорода. Он лежал на «великом пути из варяг в греки». В 1704 г. здесь по приказу Петра построен деревянный форт Кроншлот (Крон-Шлосс — «коронный замок»). Позже здесь возникла и неприступная каменная твердыня.

шлюпках, в тот самый канал, из которого они выехали накануне вечером.

В Петергофе все тихо и ничего не трогается. Доносятся только разные дикие и страшные слухи из Петербурга, будто бы там пролито много крови, от несогласия в некоторых гвардейских и других полках все стало вверх дном, множество домов разграблено и Бог весть, что еще случилось; точно таким же образом в самом Петербурге молва разглашает, будто бы в Ораниенбауме совершены самые ужасные вещи, все тамошние голштинские войска и все, что окружало императора, перебито и наконец произошел грабеж.

5 часов

В Петергоф приходит первый авангардный отряд гусар под начальством г. поручика Алексея Орлова. На плаце ему случайно попадает несколько сот Дельвигских голштинских рекрут, собранных тут с деревянными мушкетами для ученья. Гусары в одну минуту опрокидывают и перехватывают их, ломают их деревянное оружие и сажают всех, под сильным караулом, в тамошние сараи и конюшни.

С половины 6-го до полудня.

Прибывали в Петергоф один гвардейский или линейный полк за другим и располагались один на плаце, другие перед дворцом, третьи вокруг верхнего сада. Гусары еще с утра ушли в Ораниенбаум и заняли там все посты и входы.

В 11 часов

Въехала в Петергоф ее величество императрица, верхом, в гвардейском мундире, в сопровождении точно так же одетой княгини Екатерины Романовны Дашковой и конно-гвардейского полка. Накануне вечером она выступила из Петербурга со всем войском и после полуночи отдыхала несколько часов в Красном Кабачке. В Петергофе ее приветствовали тройным ура несколько тысяч солдат, крикам которых вторил гром выстрелов из расставленных на плаце пушек.

Тотчас по приезде ее величества г.г. Григорий Орлов и генерал-майор Измайлов были отправлены в Ораниенбаум за императором.

В 1 часу

Они привезли его в Петергоф в карете и высадили в правом дворцовом флигеле. Здесь он изъявил согласие на все, что от него потребовали. Под вечер его отправили в Ропшу, загородный дворец между Петергофом и Гостилицами, а ее величество императрица выехала из Петергофа в 9 часов вечера, провела ночь на половине дороги, на даче князя Куракина, и в следующий день около полудня имела торжественный въезд в Петербург.

4 часа пополудни

Приезд в Ораниенбаум генерал-лейтенанта Суворова* и Адама Васильевича Олсуфьева, с отрядом и гусар и конной гвардии. Голштинский генералитет, со всеми обер- и унтер-офицерами и прочими войсками, отдают им свои шпаги и тесаки, после чего их объявляют пленными и заключают в крепости.

Генерал-лейтенант Суворов приказывает составить опись всем находящимся во дворце денежным суммам и драгоценным вещам и отложить первые в сторону. Офицеры проводят ночь частью на валах, частью же в комендантском доме.

30 июня в 3 часа пополудни

Василий Иванович Суворов делает общую переключку всем офицерам и нижним чинам. Из них русские, малороссияне, лифляндцы и прочие здешние ранжируются на одну сторону и приводятся к присяге в дворцовой церкви, а голштинцев и других иноземцев ведут к каналу, сажают там на суда и перевозят в Кронштадт.

Вечером в 7 часов.

Всем столичным офицерам объявляют именем генерала, что правительство полагается на их присягу и разрешает им разойтись по квартирам с тем, чтобы они на следующий день готовы были ехать в Петербург.

1-го июля, в 3 часа пополудни

Все оставшиеся в Ораниенбауме войска препро-

* Имеется в виду Василий Суворов — отец будущего генералиссимуса.

вождаются под прикрытием гусар в Петергоф, где остаются на ночь.

2-го июля в 11 часов перед полуднем.

Их выводят из Петергофа и в 5 часов они приходят в Красный Кабачок, где дается привал.

В 8 часов выступление отсюда.

В 10 часов вечера они приходят в Московскую Ямскую, где и располагаются по квартирам, гусарский полковник Милорадович составляет именной список обер- и унтер-офицерам и перечневой рядовым и назначает к квартирам, по их желанию, охранный караул из гусар.

3-го июля

Отбирается у офицеров письменное показание откуда кто родом, сколько времени в службе, служил ли где прежде, чем был и кто его родители.

5-го июля

Кончина императора Петра III.

6-го июля

Граф Брюс является в Ямскую, на квартиру полковника и, вызвав всех офицеров по списку, обнадеживает их монаршею милостию и объявляет, именем ее императорского величества, что в случае желания служить, каждый из них будет определен тем же чином.

8-го июля вечером в 8 часов

Ассессор Елагин приезжает со шпагами и возвращает их всем офицерам, обнадеживает последних монаршею милостию и приказывает им явиться на следующее утро в Военную коллегия для получения там дальнейшего назначения».

Санкт-Петербургские ведомости — информация для размышлений

Оттремел грохотом барабанов и гулками маршами преображенцев и иных полков бурный конец июня. Расплескала императрицыны щедроты по новым должностям макушка лета — июль. И вот, наконец, в успокоившемся августовском Петербурге является интересная для размышлений информа-

ция в «Санкт-Петербургских ведомостях» (9 августа 1762 г., № 6):

«...к скорейшему принятию престола Российского и к спасению таким образом нашего отечества от угрожавшему оному бедствия, на сих днях оказать соизволила особливые знаки своего благоволения и милости; из которых иных пенсиями, других деревнями, а прочих денежною суммою наградить соизволила, а именно. Разными и в разные числа указами, Малороссийскому гетману, фельдмаршалу графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, пожаловать соизволила, сверх его гетманских доходов и получаемого им жалования, по пяти тысяч рублей на год.

Действительному тайному советнику, сенатору и его императорского высочества обер-гофмейстеру Никите Ивановичу Панину таким же образом по пяти тысяч рублей. Генерал-аншефу, сенатору и лейб-гвардии конного полка подполковнику, князю Михаилу Никитичу Волконскому, по пяти же тысяч рублей.

Гвардии Семеновского полка подполковнику и генерал-поручику Федору Ивановичу Ватковскому — 800 душ. Действительному камергеру Григорию Григорьевичу Орлову — 800 душ. Преображенского полка секунд-майору и генерал-майору Алексею Григорьевичу Орлову — 800 душ. Лейб-гвардии Преображенского полка капитану-поручику Петру Пассеку — 24 000 рублей. Поручику Григорию Протасову — 800 душ; поручикам князю Федору Борятинскому — 24 000 рублей, Евграфу Черткову — 800 душ; Семеновского полка капитану Федору Орлову — 800 душ. Измайловского полка премьер-майору Николаю Рославлеву — 600 душ и в дополнение 6 000 рублей; капитанам Михаилу Похвисневу — 800 душ, Александру Рославлеву — 800 душ, Михаилу Ласунскому — 800 душ, князю Петру Голицыну — 24 000 рублей; капитану-поручику Петру Вырубову — 800 душ.

Конной гвардии секунд-ротмистру Федору Хитрово — 800 душ, а следующим Преображенского полка капитанам-поручикам Сергею Бредихину — 18 000 рублей, Михаилу Баскакову — 600 душ, поручикам

Захару Дубянскому — 600 душ; Ивану Ступишину — 600 душ.

Измайловского полка капитану-поручику Ивану Обухову — 18 000 рублей; конной гвардии секунд-ротмистру Александру Ржевскому — 18 000 рублей; графу Валентину Мусину-Пушкину — 600 душ; поручику князю Ивану Несвицкому — 600 душ; унтер-егермейстеру Михаилу Дубянскому — 600 душ; да инженерного корпуса капитану-поручику Василию Бибикову — 600 душ и поручику армейскому Всеволоду Всеволодскому — 600 душ.

Конной гвардии подпоручику Григорию Потемкину — 400 душ; Измайловского полка прапорщикам Сергею и Илье Всеволожским обоим — 600 душ; да Федора и Григория Волковых — во дворяне и обоим 700 душ; Алексея Евреинова во дворяне ж и ему 300 душ.

Сверх сих ее императорское величество еще пожаловать соизволила ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой и ордена святой Екатерины кавалеру — 24 000 рублей; камер-юнгфере ее императорского величества Екатерине Шаргородской — 10 000 рублей; действительному статскому советнику господину Теплову — 20 000 рублей; статскому советнику Алексею Еропкину — 800 душ и гардеробмейстеру Василию Шкуруину с женою — 1000 душ.

Вышеупомянутые пенсии годовые пожалованы по смерти из собственной ее императорского величества комнатной суммы, так как из той же суммы и все прочие денежные награждения, а деревни со всеми землями и угодьями в вечное и потомственное владение»*.

Былой пособник — ныне не у дел

Так сколько же было их, тех самых пособников возведения на престол талантливой самодержицы, лиц, выражаясь церемонным слогом, «оказавших наиболее усердие Екатерине»? Всего лишь сорок. Но за-

* Путь к трону (Первые пособники Екатерины II). М., 1997. С. 500.

то это были представители самых известных полков России, боевой гвардии империи. Некоторые из них были ко времени «революции» 1762 года людьми уже известными. Путь других только начинался.

Так как же сложилась их судьба в екатерининскую эпоху и более поздние времена? Расскажем о судьбах некоторых, не самых известных «пособников» (тогда слово это еще не имело отрицательного оттенка) императрицы.

Удачно складывается судьба Григория Протасова. Этот молодой и стремительный лейб-гвардии Преображенского полка поручик через 15 лет становится тайным советником, сенатором и камергером. И, быть может, именно он поспособствовал своей двоюродной сестре, камер-фрейлине Анне Протасовой (1745—1826) стать известной впоследствии статс-дамой. Протасова дожила до николаевской эпохи и оставила увлекательные воспоминания.

Судьба же Николая Рославлева (1724—1785), лейб-гвардии Измайловского полка премьер-майора, и по сей день полна загадок и недосказанностей. Меньше чем через три месяца после переворота он получает Анненскую ленту. Происходит это в день знаменательный для самодержицы — 22 сентября 1762 года — в день ее коронации в Первопрестольной.

Николай к тому же удачно женат на фрейлине — Екатерине Николаевне Чоглоковой, внучатой сестре императора Петра III. И вдруг в конце того же «коронного» года Николай Рославлев становится участником заговора против той, которую всего лишь полгода тому назад возвел на престол. И более того, Рославлев — один из московских зачинщиков заговора. Причем на слуху имена и его сподвижников — Рославлевых, Ласунского и Хитрово.

Заговор раскрыт. Николай арестован, выслан. Однако уже через два года возвращается.

А вот Сергей Всеволожский, лейб-гвардии Измайловского полка прапорщик, хотя и служил при известном обер-секретаре Николае Гурьеве, но позже получил чин генерал-поручика (примерно соответствует нынешнему генерал-майору). Более известна

его дочь Софья Мещерская (1775—1848), пользовавшаяся дружбой императора Александра I.

Судьба Федора Хитрово сходна с судьбой его сподвижников по военному перевороту Рославлевых. Блестящий офицер, лейб-гвардии Конного полка секунд-майор, он был сыном генерал-поручика и камергера Алексея Хитрово, а также доводился племянником фельдмаршалам графам Шуваловым. В день коронации Екатерины пожалован камер-юнкером, но вскоре начинает выступать против «орловского братства». Порицает действия императрицы. Осуждает ее возможное венчание с Григорием Орловым.

Результат противления предугадать нетрудно — удален от двора. Более того, выслан из столицы. И все эти кары сыплются на его голову даже несмотря на то, что Екатерина сама признавала Федора главным пособником в привлечении на ее сторону Конной гвардии.

Следует вспомнить и о Василии Бибикове, этом баловне судьбы и большом друге Орловых. Капитан-поручик корпуса инженеров, он затем долгое время управлял Русским придворным театром. Позже получил анненскую ленту. Всю жизнь был большим щеголем, в молодости щеголял при дворе Екатерины в красном суконном кафтане, шитом золотом, единственным в своем роде.

Однако по каким-то, неизвестным нам соображениям Екатерина не включила в число 40 своих пособников таких людей, как, например, Иван Лукьянович Талызин, утвердивший за Екатериной Кронштадт, причем в самое тревожное в столице время, или французский граф Клод Луи де Сен Жермен (1707—1778). Француз этот, бывший в то время в Петербурге, приятель Орловых, играл немаловажную роль в перевороте. Но какую, неизвестно и по сей день. Позже, при Людовике XVI, он занимал пост военного министра во Франции (с 1775-го).

В рядах возмущенных полков маршировали и известные позже в России люди — поэт Гавриил Державин (1743—1816) и просветитель Николай Новиков. В то время один из них был солдатом-приобретенцем, другой — измайловцем.

Ну а теперь несколько слов о самой Екатерине. Точнее, о ее облачении в этот знаменательный день 28 июня 1762 года. Раз уж она решилась лично повести войска в Петергоф, то обычное одеяние императрицы в данном случае было ей не к лицу. Следовало подумать о военном одеянии. Да, но где же таковое найти, чтобы пришлось впору? О шитье и разговора не было — на счету каждая минута.

И вот уже под вечер 28 июня на плечах Екатерины появляется военный мундир гвардейского офицера. В нем-то она и отправляется из Петербурга в Петергоф. Верхом и во главе войска. Кому же до той поры принадлежал этот щегольской изящный мундир? Оказывается, офицеру лейб-гвардии Семеновского полка Александру Федоровичу Талызину (1749—1787). Из мало кому известного юноши он только лишь благодаря мундиру становится камер-юнкером. Женится на младшей дочери фельдмаршала Степана Апраксина Марии. И достигает со временем чина тайного советника.

Проходит время, и императрица дарит, а точнее, возвращает солидному вельможе Александру Талызину тот самый мундир молоденького офицера-семеновца, в котором в давние времена совершила поход на Петергоф.

Примечательно, что долгие годы потом, до самой революции 1917 года, этот раритет с наскоку приколотой к нему Андреевской звездой хранился вместе с другими семейными реликвиями в подмосковном имении потомков Апраксиных и Талызиных — усадьбе Ольгово в Дмитровском уезде Московской губернии. Последним ее владельцем был правнук фельдмаршала — камергер Виктор Владимирович Апраксин.

Ну а как же вышла из положения Екатерина Романовна Дашкова, коль современники тех событий запомнили ее тоже в военном мундире? Оказывается, и она воспользовалась одеждой с чужого плеча. Перед походом в Петергоф она примеривает гвардейский

мундир поручика Михаила Пушкина. То был молодой сослуживец ее мужа Михаила Дашкова. Однако судьба Михаила Пушкина сложилась не так удачно.

Через 10 лет после переворота он был сослан в Сибирь, где и умер в 1785 году. Сын его Алексей Михайлович Пушкин (1771—1825) тоже избрал военную стезю. Судьба его оказалась вполне успешной — он генерал-майор и камергер, талантливый писатель и остролов, чьи каламбуры и остроты частенько можно было услышать в московских и петербургских салонах.

«Всегда иметь пред глазами» — Екатерина

Каково же было состояние Русской армии ко времени прихода Екатерины на престол? Об этом-то императрица и собиралась узнать, когда 3 марта 1763 года именным указом, данным Военной коллегии, повелела: «...изготовить для собственного моего употребления на пергаменте и в рамках список военной в силу моего указа. Другой список при армии действительно служащим и сверхкомплектным по старшинству. Третий — всех полковников и подполковников, дабы я могла оныя три таблицы всегда иметь пред глазами, и чрез полгода Военная коллегия имеет завсегда новые внести в комнату».

А из указа, появившегося год спустя, 19 апреля 1764 года, можно узнать, какие именно ведомости «вносила» Военная коллегия:

«1) Краткая по полкам и по чинам обо всех армейских, ландмилицких, гарнизонных и гусарских полках, с показанием, где сколько против штатного положения сверх комплектных или в комплекте каких чинов недостает. 2) Именные всему генералитету и штаб-офицерам списки кто с которого года в службе и в настоящих чинах».

Перечень вопросов, интересовавших государыню и требовавших скорейшего ответа, был чрезвычайно широк. Вот, к примеру, некоторые вопросы, поставленные стремительной самодержицей военному ведомству.

«Генеральная на содержание всего вѣйска положенная сумма с показанием куда она распределяется. Ведомость коликое число всего в государстве вѣйска содержать определено. Число крепостей и где она содержать определено. Список всему генералитету... Список имянной по старшинству Ковалевским полковникам с показанием какие они полки имеют и кто штаб-офицеры». И т. д. Всего 23 полновесных и обширных вопроса, на которые требовалось обстоятельно отвечать государыне каждые полгода.

Насколько же подробно расписывались все суммы, расходуемые на Русскую армию, причем в самые первые месяцы прихода Екатерины Алексеевны к власти?

Итак, параграф № 1 «Генеральная на содержание всего вѣйска положенная сумма с показанием куда она распределяется»:

— В артиллерию	600,000 руб. 0 копеек
— В оружейную	88,720 руб. 50 копеек
— В провиантскую	1,952,487 руб. 86 1/4 коп.
— В комиссариат	4,290,977 руб. 52 1/4 коп.
— Прибавочных на однодворцов подушных	258,131 руб. 40 коп.
— На Ново- и Славено-Сербию	115,976 руб. 67 3/4 коп.
— В Оренбургскую губернию на содержание тамошних полков провиантом и фуражем и переведенным из Самары казакам	22,618 руб. 98 коп.
— Да сверх того прибавочных на соль в продажную цену в 50 к. за пуд на воинскую в Оренбурге команду	1,545 руб. 75 коп.
— На содержание состоящего в Сибири регулярного и нерегулярного вѣйска	136,722 руб. 78 1/4 коп.
— На нерегулярные вѣйска	158,429 руб. 69 1/2 коп.
— Воронежскому гарнизонному драгунскому и Великолуцкому батальону прибавочного к гарнизонному в остзейский оклад	6,301 руб. 73 1/4 коп.
Итого всей суммы...	7,631,912 руб. 90 1/2 коп.

Оная сумма распределяется:	
— Генералитету со штапом и канцеляриями	291,634 руб. 60 3/8 коп.
— На 6 полков кирасирских	305,834 руб. 1/2 коп.
— На 19 карабинерных	842,721 руб. 22 коп.
— На 4 пехотных гренадерских	207,894 руб. 57 1/2 коп.
— На 4 мушкатерских	2,344,913 руб. 35 5/8 коп.
— На 4 гусарских	297,830 руб. 62 коп.
— На артиллерию	600,000 руб.
— На 14 драгунских полков	508,669 руб. 78 2/3 коп.
— На гарнизоны и камендантов и всех гарнизонных чинов	946,628 руб. 54 3/4 коп.
— На 11 пехотных полков ландмилицких	449,546 руб. 24 коп.
— На 4 полка таковые же конные	119,218 руб. 80 коп.
На Ново- и Славено-Серб.	
На камисариатских чинов	
Военной коллегии генерал-аудитору	
На провиантских чинов	
На медицинских чинов	
На полевые аптеки	
На Кадецкой корпус	
Всему казацкому войску	
На Московский эскадрон	
На недоимку ежегодную	

Сколько ж было под ружьем?

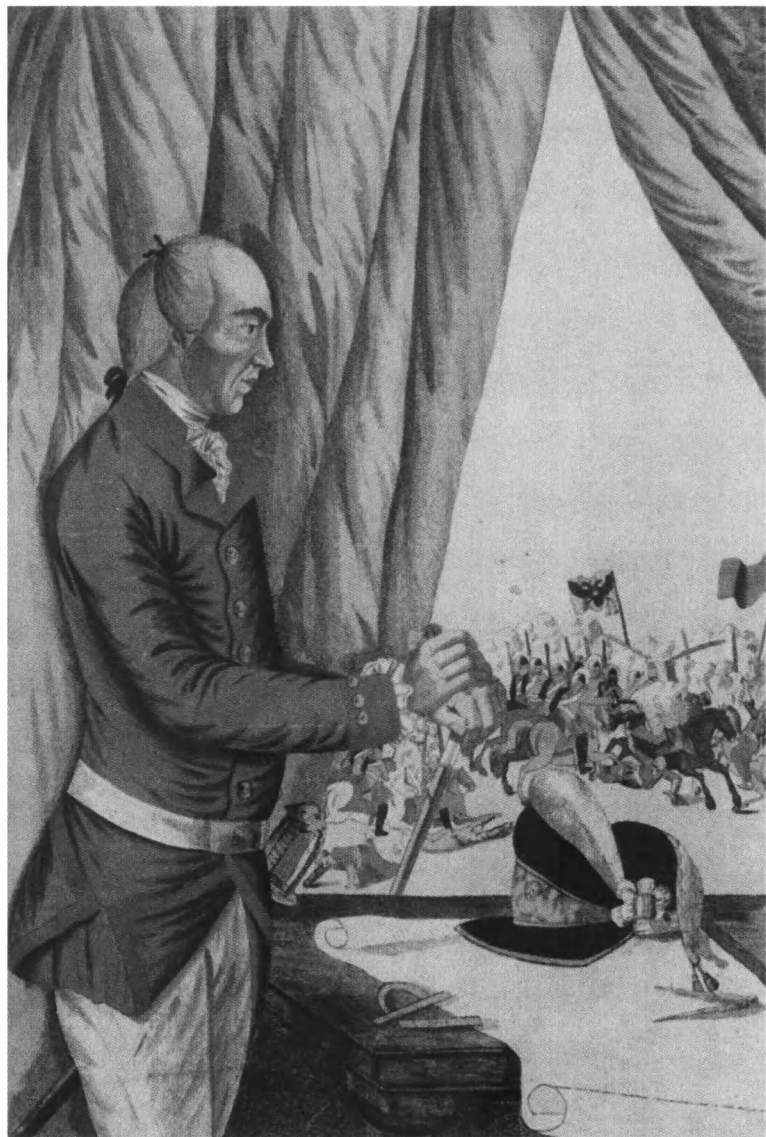
И по сей день поражаешься четкому распределению этой огромной по тем временам суммы от миллионов и до десятых долей копейки. Какова же была численность Русской армии в первые годы царствования Екатерины? На это дает ответ следующая наглядная таблица, представленная императрице.

№ 2. «Ведомость коликое число всего в государстве войска содержать определено».

Звание	число полков	В оных людей
Кирасирских	6	5,652
Карабинерных	19	17,898
ГУСАРСКИХ		
Полевых	4	5,432
Слобоцких	5	6,790
ПЕХОТНЫХ		
Гренадерских	4	8,376



Малоизвестный портрет Суворова. Литография Ильина.

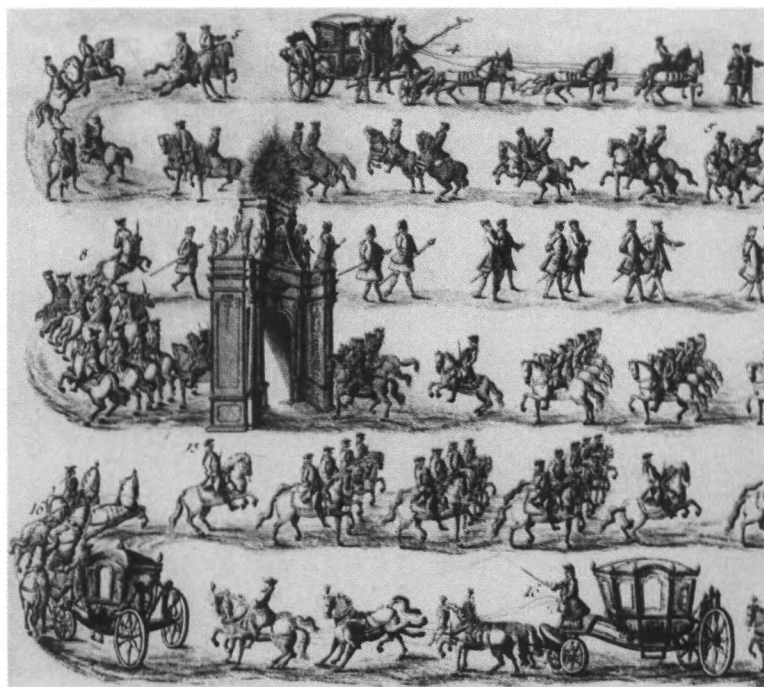


Суворов глазами иностранцев. Гравюра неизвестного немецкого художника конца XVIII века с рисунка Турви. 1789—1795.



Редкие часы досуга. Перед битвой на реке Треббии. 1799.

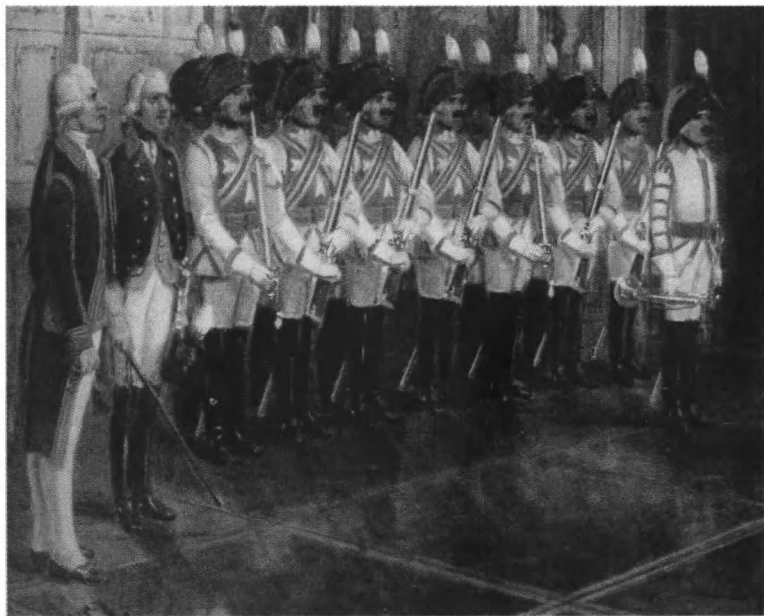
Русская армия в составе Коронационного поезда Елизаветы Петровны.





Русская армия в Альпах. Гравюра с рисунка Коцебу.

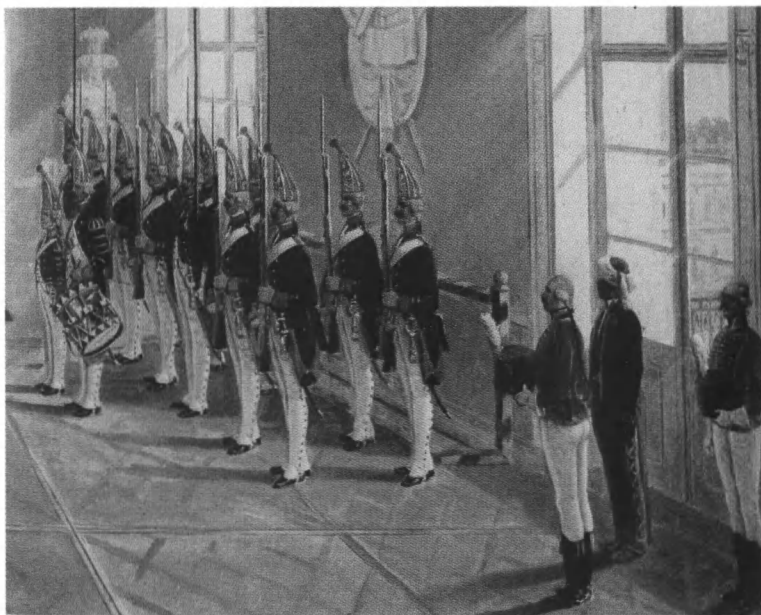
Каравул кавалергардов в Павловском дворце. 1799—1800.





Лагерь Григория Потемкина под Очаковым. С картины художника Иванова.

Каравул лейб-гвардии семеновцев в Зимнем дворце.





Лейб-кирасиры — офицеры, трубач и рядовые.

Пленные турки ► перед шатром главнокомандующего.

Бытовая сценка. ►



Запевалы Семеновского полка. ►





Возвращение русских войск из швейцарского похода. 1799.





Русский лубок XVIII века.
«Приими в любовь к себе — я вручуся к тебе»,
или «Черный глаз, поцелуй хоть раз!».



Государственный
переворот
25 ноября
1741 года.
*По старинной
немецкой гравюре.*



Лубок середины
XVIII века.
Такие лубки
были популярны
среди солдат.



Александр Васильевич Суворов представляет австрийскому императору Францу II русские войска под Веной.

Вручение новых знамен преображенцам.





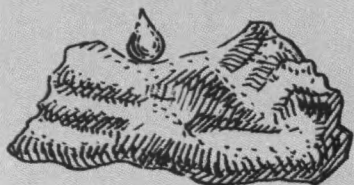
Суворов на перевале Паникс. 1799.

Переход суворовских солдат через Сен-Готард. 13 сентября 1799 года.

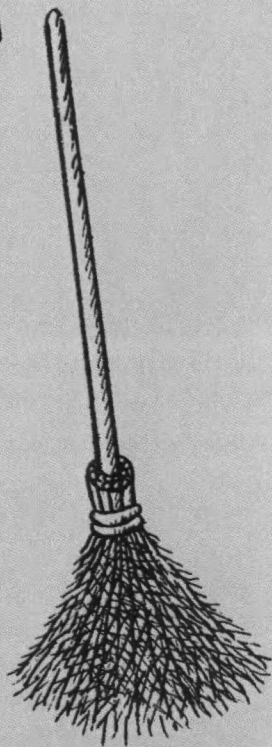
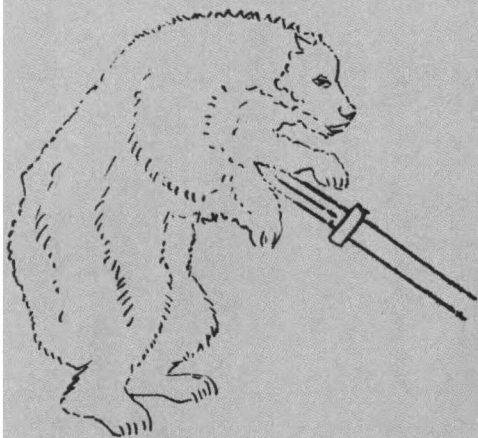




«Падучая капля
камень точит».



«Медведя буди на рогатину».

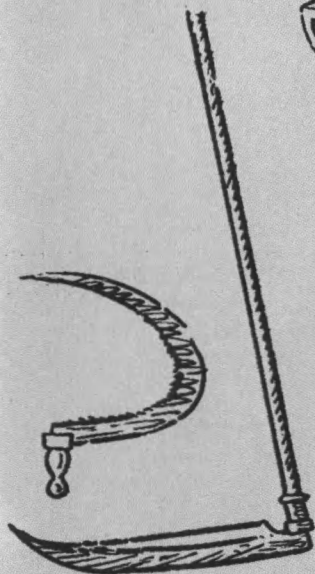


«Ломок прут,
а метлою
человека
повалишь».

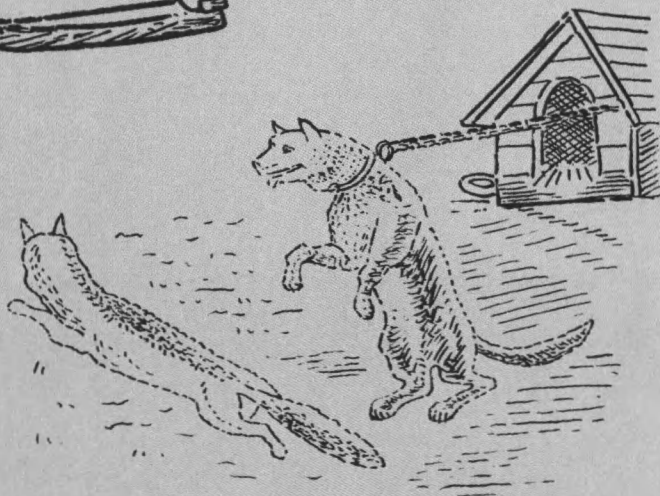
«Коль не жать,
почто и серп
в руке держать».



«Одним топором
не рубить вдвоем».



«Привязанному псу
не изловить лису».





Вид на кадетский корпус.

Мушкатерских	46	96,278
ЛАНДМИЛИЦКИХ*		
Драгунских	4	3,808
Пехотных	11	23,287
Драгунских	14	13,580
Гарнизонных баталионов	83	64,136
Нерегулярного войска	—	37,048
Обер-камендантов и камендантов	—	65

Так что суммарно численность одних только вооруженных сил Российской империи составляла (без флота) 282 350 человек. Кроме того, императрице были предоставлены сведения и о наличии в Русской армии начальствующего состава, начиная от генерал-фельдмаршалов и заканчивая унтер-офицерами, ефрейт-капралами и капралами.

Причем все эти списки, затребованные Екатериной, были еще удобны и тем, что в них имелось пять основных граф, которые могли поведать о прошлом и нынешнем положении того или иного офицера. Представлено все это было наглядно, в табличной форме. В первой графе, означенной «В службе», указывали год вступления на военную службу. Во второй — «В прежних чинах». В третьей графе — «В нынешних чинах». И наконец, в четвертой перечислялись «Имена», а в пятой «Где обретаются».

Судя по этим наглядным таблицам, одних только «генерал-фельдмаршалов» (именно так тогда писали) было 27 персон. И если об одних мы слышаны достаточно неплохо, то имена других нам мало зна-

* Ландмилиция — род поселенного войска, существовавшего в России с 1713-го по 1775 г. Учреждена для защиты границы от набегов крымских татар и была составлена из 5 пехотных некомплектных полков и поселенцев бывшей «Белгородской черты», обязанных военно-пограничной службой еще со времен Иоанна Грозного. В 1729 г. Ландмилиция усилена до 4 регулярных и 6 иррегулярных полков. В 1736 г. по представлению Миниха все 20 полков преобразованы в конные и Ландмилиция названа Украинским ландмилицим корпусом. В 1762 г. Петр III приказал этому корпусу именоваться просто Украинским. При Екатерине II полки его перестали быть поселенными и были расквартированы в украинских городах.

комы или совсем неизвестны. Но это отнюдь не всегда говорит о небольшой мере их участия в становлении Русской армии.

Вот их имена. О степени их известности читатель может судить сам*.

«Граф фон-Миних, директор при Балтийском порте. Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, сенатор. Граф Кирилла Григорьевич Разумовский, ея императорского величества генерал-адъютант, лейб-гвардии Измайловского полку подполковник, гетман, сенатор и имеет команду над состоящими в Санкт-Петербургской дивизии полками. Граф Александр Борисович Бутурлин, ея императорского величества генерал-адъютант, действительный камергер, лейб-гвардии Преображенского полку подполковник, сенатор, и имеет команду над состоящими в Лифляндской дивизии полками. Граф Петр Семенович Салтыков, ея императорского величества действительный камергер и имеет команду над состоящими в Московской дивизии полками. Принц фон Гольштейн-Бек, в Ревеле генерал-губернатор. Граф Вилим Вилимович Фермор, в Смоленске генерал-губернатором. Юрья Юрьевич фон-Броун, в Лифляндии генерал-губернатором. Князь Александр Михайлович Голицын, при Санкт-Петербургской дивизии. Граф Петр Борисович Шереметев, сенатором, оберкамергером. Граф Мартын Карлович Скавронский, сенатором, обер-гофмейстером и действительным камергером, и присутствует в Главной Дворцовой канцелярии. Граф Роман Ларионович Воронцов, сенатором и действительным камергером. Николай Андреевич Корф, сенатором, над полициями главной директор и в Кирасирском наследничком полку виц-полковник. Иван Федорович Глебов, в Киеве генерал-губернатором. Граф Петр Александрович Румянцов, при Эстлянской дивизии. Генерал-фельдцейхмистер Александр Никитич Вилбоа, при артиллерии Инженерном корпусе в Санкт-Петербурге. Граф За-

* Лебедев А. Русская армия в начале царствования императрицы Екатерины II. М., 1898. С. 4—7.

хар Григорьевич Чернышев, при Смоленской дивизии и Военной коллегии виц-президент. Князь Александр Александрович Меншиков, лейб-гвардии Преображенского полку пример-майор. Петр Иванович Панин, при Финляндской дивизии; отпущен в дом на год. Князь Михайла Никитич Волконской, сенатор, лейб-гвардии Конного полку подполковник, при Санкт-Петербургской дивизии и при всей кавалерии. Граф Иван Семенович Гендриков, при Кавалерийском корпусе шефом. Князь Василий Михайлович Долгоруков, при Московской дивизии. Федор Иванович Ушаков, сенатор и лейб-гвардии Преображенского полку подполковник. Федор Матфеевич Воейков, при Лифляндской дивизии. Василий Иванович Суворов, сенатор и лейб-гвардии Измайловского полку подполковник. Иван Иванович Костюрин, сенатор и в Санкт-Петербурге обер командант. Петр Иванович Олиц, при Украинской дивизии».

Куда, кому и сколько?

Перед глазами Екатерины находился и такой немаловажный документ, как «Табель по сколку какому чину жалования и протчаго от генерала-фельдмаршала даже до солдата». Итак, генералу-фельдмаршалу полагалось «жалованья окладного с рационами денгами» — 8080 рублей и еще 162 руб. 90 коп. на 16 денщиков. Полковнику, к примеру, гусарскому — 780 рублей. Поручику гусарскому же — 152 рубля 40 копеек. Вахмистру гусару — 42 рубля. И, наконец, рядовому гусару — 18 рублей.

Ну а если бы императрица захотела узнать, во сколько обходятся ей те же гусары, она и в этом случае смогла бы получить четкий ответ, заранее подготовленный Военной коллегией*:

№ 18. «Во сколько каждой полк и баталион со всем в год казне становится».

* Лебедев А. Русская армия в начале царствования императрицы Екатерины II. М., 1899. С. 79.

На Гусарской:	
— На жалованье, рационы и провиант	41 444 руб. 48 коп.
— На ружье, мундир и амуницию и на лошадей	33 013 руб. 16 3/4 коп.
Всего: 74 457 руб. 65 1/2 коп.	

А вот, к примеру, тяжелая конница — Кирасиры обходились дешевле — в 50 869 рублей с копейками. Еще меньше денег уходило на драгун — 36 333 и на ландмилицкий конный полк — 29 804 руб.

И наконец, был четко определен количественный состав различных родов войск. И коль скоро мы начали с гусар, ими и завершим экскурс по «Екатеринским спискам», которые она желала «всегда иметь пред глазами».

№ 19. «Сколько в каждом полку по чинам людей».	
В Гусарском:	
— Штаб (т.е. штат) обер и ундер офицеров	98
— капралов и рядовых	1168
— Протчих строевых и нестроевых чинов	92
Всего: 1358.	

Теперь становится понятно, почему легкие гусары обходятся государству несколько дороже тяжелых кирасир. Оказывается, штат кирасирского полка был в полтора раза меньше.

Но если численный состав регулярной русской армии был четко регламентирован, то определить число людей (в основном это было казачество) в иррегулярной армии Российской империи стоило для Военной коллегии немало труда. Но и здесь все было четко учтено и расписано по многим позициям. Так что помимо числа людей в каждом иррегулярном войске было определено «окладное жалованье», «за хлебное деньгами», а именно «за вино», «за муку и овес», а также за «порох» и «свинец».

Подсчет, производимый при Екатерине, был необыкновенно труден и кропотлив. Ведь приходилось получать данные по целым пятнадцати «званиям войск». А одних лишь донских казаков тогда насчи-

тывалось 19 479 человек. Яицких — 3 196. Оренбургских — 4 877. Волских (Волжских) — 1057. Гребенских и Терских — 952. А конных полков: Чугуевского — 541, Азовского — 465, Бахмуцкого — 311, Астраханского — 541, Астраханской губернии, в городах — 506, Хоперского — 148, Сибирской губернии — 4 448, Кизлярского, Грузинского и Армянского эскадронов — 50. А еще Терских, что при прочих команды генерал-майора Бековича, ставропольских крещеных калмык. Общее же число этих иррегулярных войск составляло 37 048 человек.

«Дело вещает, каков был труд»

Эти слова, сказанные в свое время Великим Петром, можно в полной мере отнести и к императрице Екатерине II. Помимо необыкновенного трудолюбия, педантичности, четкой, истинно немецкой организации в делах и огромного срока правления (34 года), самодержица была высокоумным человеком. А наглядные таблицы, то бишь «списки», подготовленные для самодержицы в кратчайшие сроки, только подтверждают правоту первых же ее шагов.

Забрав власть 28 июня, она уже 30 июня начинает убеждаться в настоящей, скорейшей необходимости преобразования войск. Продолжительная Семилетняя война, да еще в чужих краях, не столько закалила, сколько расстроила их.

Да, но кто же мог стать первым советником, консультантом и, быть может, наставником по военным вопросам? Удивительное дело, среди тех офицеров и генералов, что гарцевали в праздничном шествии в жаркие дни военного переворота, кажется, таковых не оказалось. Отсутствовали эти лица и в череде военных, настроенных в часы переворота выжидательно. И вот тогда мудрый взор самодержицы обращается на еще вчерашнего противника. Интересы дела — прежде всего.

Точную характеристику Екатерины в этом отношении впоследствии даст Модест Богданович, блистательный русский военный историк, да к тому же еще и

генерал-лейтенант*, участник многочисленных сражений (при Вавре, под Прагой, Гроховым, при деревне Рагозницы, где он был контужен ядром и пленен).

«С первых дней своего воцарения Екатерина убедилась в необходимости преобразовать войска, расстроенные продолжительною войною. Первым советником ее, как по военной части, так и по другим отраслям государственного управления, был знаменитый Миних, остававшийся верным Петру III до самой его кончины.

«Вы хотели против меня сражаться?» — сказала императрица Миниху при первом его представлении. «Я хотел пожертвовать жизнью за монарха, возвратившего мне свободу, но теперь, когда его нет, мой долг — сражаться за Ваше Величество, и я свято исполню его», — отвечал маститый воин. Екатерина умела ценить великодушие. Она приблизила к себе честного Миниха, постоянно уверяла его в своей отличной к нему доверенности и что «с шести часов вечера дверь ее кабинета всегда отворена для старого фельдмаршала».

Завоевание Константинополя, изгнание турок из Европы, восстановление Греции были его любимыми мечтами — и в Петербурге, и в тундрах Сибири. Румянцев и Панин, главные виновники победы при Кунерсдорфе, также были сподвижниками Императрицы при первоначальных реформах войска, приготовивших последующие успехи действий русской армии».

В дни новизны — преданья старины

В Семилетнюю войну никто из русских военачальников не приобрел славы полководца. Уроки Великого Петра как будто были забыты. И Русская

* Богданович Модест Иванович (1805—1882), учился в Дворянском полку и в 1823 г. произведен в офицеры. Окончил Императорскую Военную академию (1835), с 1843 г. — профессор по кафедре военной истории России XVIII—XIX вв., один из авторов 14-томного «Военно-энциклопедического лексикона». Автор большого числа военно-исторических очерков и книг: Драматург — автор драмы «Князь Курбский», написанной в стихах.

армия постепенно возвращается к преданиям старины. Снова начинает строиться на манер побеждаемых ею когда-то турок в огромные каре. Ограждается пресловутыми рогатками. Делается тяжелой, неповоротливой. Войскам требуется несколько месяцев для передвижения всего лишь с Днепра на Неман. И постепенно строгая, если не сказать суровая дисциплина уступает место «азиатской необузданности».

Андрей Болотов, участвовавший в юные годы в Семилетней войне, отзывается о тех годах достаточно жестко.

«Народа погублено великое множество, а в числе онаго легло много и русских голов в землях чуждых и иноплеменных, и, к сожалению, без малейшей пользы для любезного отечества нашего».

Но правда и то, что императрица Елизавета Петровна домогалась приобрести в результате военных действий Восточную Пруссию, но... на престоле воцаряется Петр III.

И происходит неожиданная метаморфоза — «шестимесячный император» (так называли его современники, основываясь на незрелости его правления и краткосрочном — 6 месяцев — пребывании на троне) возвращает Фридриху Великому... все завоевания, сделанные русскими войсками. И более того, он, ревностный поклонник «первого пруссака», обращает свою армию, что действовала в Пруссии, против врага Фридриха, против Дании. Намерен возвратить захваченную ею часть Голштинии.

Сам же Петр III, герцог голштинский, оказывает особое пристрастие к уроженцам герцогства. Поначалу формирует из них «карманную гвардию» — шестьсот штыков и пятьдесят сабель. И уже готовит распоряжения о наборе в Голштинии солдат для семи пехотных и шести кавалерийских полков.

Полки, набранные в Голштинии, — всего лишь начало. Со временем, причем в кратчайшие сроки, он вводит обмундирование по прусскому образцу. Перелицовывает воинские уставы на прусские. Уничтожает прежние названия полков и велит называть их

по фамилиям своих шефов, как это было принято в Пруссии.

Чин генерал-аншефа заменяет просто генералом. Все эти нововведения он распространяет уже на всю Русскую армию. Вплоть до наказаний. Так что нынче для русских нижних чинов — только прусская система наказаний.

И хотя все эти «новшества» отдавали прусским нафталином и были достаточно мелки, не решающи, император форсирует развитие неудовольствия к собственной персоне, причем не только солдат, но и всего народа. Теперь уже мало кто задумывается, что этот воистину кроткий и человеколюбивый монарх совершает немало и добрых дел — отменяет «тайную канцелярию», запрещает «слово и дело», высвобождает из Сибири много ссыльных. И, что особенно трогает сердца дворянского сословия, — освобождает от телесных наказаний дворян, совершивших какое-либо правонарушение. Однако все эти добродетели, так же как и вольность дворянству, так и не смогли перевесить неприязнь к этому несчастному человеку.

Миссия временной «военной комиссии»

Первые из реформ, уготованных Екатериной для Русской армии, касались уставов. Она учреждает «временную комиссию» из достаточно известных военачальников. В их числе фельдмаршалы графы Кирилла Разумовский и Петр Салтыков. Генералы — князь Александр Голицын, граф Захарий Чернышев, Петр Панин, князь Василий Долгорукий, генерал-поручик Василий Суворов (отец будущего генералиссимуса) и прочие.

Уже в 1763 году «комиссия» составляет «Пехотный строевой устав» и «Устав воинский о конной экзерциции». Затем рассмотрена и издана написанная Паниным «Инструкция пехотного полка полковнику». Появляются и «Генеральное учреждение о сборе рекрут», «Наставление генерал-адъютанту и обязанности флигель-адъютантов».

Интересно, что в инструкциях, помимо положенных требований, выказывается и человеколюбие молодой самодержицы, требовавшей от полковых командиров «пещись о подчиненных своих, как отцам о детях, и поддерживать честь вверенных им полков».

Из частных «наставлений» особенно примечательна «Инструкция ротным командирам», составленная командиром 1-го Гренадерского полка (позже ставшего лейб-гренадерским) полковником графом Воронцовым. Судя по тону «наставления», возможно, по нему прошло и легкое перо самодержицы. В тексте, в частности, сказано:

«...За маршировку и за приемы отнюдь не бить и не скучать показывать им (то есть нижним чинам. — С. О.), как должно делать... Неприлично и вредно, если солдат ружье свое ненавидит, а это легко сделать, если его бить за ученье и когда он на ружье иначе не смотрит, как на инструмент своего мучения».

Подобная же «комиссия» учреждается и по морскому ведомству. И если по уходу Петра Великого Русский флот пришел в жалкое состояние, то при Екатерине он в какие-то несколько лет укрепляется настолько, что начинает господствовать на водах Черного и Балтийского морей.

Учреждены кавалергарды

Гвардия помогла Екатерине взобраться на престол. Военный переворот был крайне жесток лишь к одному человеку в империи — Петру III. Но если гвардия смогла всего за один день — 28 июня — убрать законного государя, то что же говорить о Екатерине. Ведь сама она не имела фактически никаких прав на трон. Права эти были у ее сына — малолетнего Павла Петровича, да еще у Иоанна Антоновича, по-прежнему томившегося в мрачном каземате Шлиссельбургской крепости.

Опасения Екатерины усилились к концу 1762 года, когда стало известно об офицерах-заговорщиках, теперь уже замышлявших против самой императрицы. Но что особенно насторожило самодержицу — в

их числе оказались те самые люди, которые возводили ее на престол несколькими месяцами раньше.

Отсюда следует: надо реформировать армию и гвардию, достаточно распустившуюся в елизаветинские времена, чтобы для нее главным были не перевороты, а сама война. И Екатерина начинает действовать, причем очень мягко, вкрадчиво и постепенно.

По-разному подходит она и к судьбам недавних приближенных свергнутого Петра III. Одного — это фельдмаршал Миних — она перетягивает на свою сторону лаской и высокой доверительностью бесед. Непримиримого майора Льва Пушкина спроваживает в крепость, а Петра Гудовича, продолжавшего хранить верность Петру III, отправляет в его родовое поместье. Так понемногу укрепляется она на троне.

Ну а теперь пора начинать реформы и в самих полках. Лейб-гвардии бомбардирский батальон поступает для формирования при Преображенском полку особой бомбардирской роты. Появляются целые артиллерийские команды и при Семеновском и Измайловском полках. Шесть гренадерских батальонов становятся основой для формирования двух гренадерских полков. Восстанавливаются и прежние названия полков, под которыми они были прославлены в военных кампаниях. Названия же по именам шефов, введенные Петром III, отменяются.

А как поступить с теми рослыми красавцами, что появились при Петре I под именем кавалергардов и перестали существовать уже при Анне Иоанновне, боявшейся (и не без основания!) их возможной нелояльности к тогдашнему правлению? История их исчезновения и последующего возрождения настолько необычна, что о ней следует непременно поведать.

Наипервейшая задача Кавалергардского корпуса, или, как называли их при Петре I, кавалергардии, заключалась в том, чтобы служить телохранителями и почетной стражей царствующим особ Российского императорского дома. Они несли свою службу во время коронаций и других торжеств.

...В свое время Петр, желая придать большую торжественность и великолепие коронации своей супруги-императрицы Екатерины I (1724 год), повелел генерал-майору Лефорту сформировать драбантов*, или кавалергардов. Сам Петр принял на себя звание капитана кавалергардии, а офицерами назначил самых близких к себе лиц. На должности же рядовых выбрал лично 60 обер-офицеров различных полков, находившихся в Москве. Причем самых рослых, видных и красивых. Рота кавалергардии состояла из 71 человека: 4 офицеров, 60 рядовых, 4 запасных, 1 литаврщик и 2 трубачей.

Им была присвоена особая форма, отличавшаяся необыкновенной красотой и богатством отделки: зеленые кафтаны, красные камзолы и рейтузы с золотыми галунами. Сверх кафтана надевался ярко-красный супервест, украшенный еще и Андреевской звездой на груди и двуглавым орлом на спине. Головной убор представлял собой шляпу с плюмажем — украшением из перьев (франц. «plumage» — оперение). В XVIII веке плюмажи изготавливались главным образом из страусиных перьев. Причем пучок перьев укреплялся вертикально.

Все это великолепие военно-гвардейского облачения дополняли серебряные трубы и литавры. Ладные высоченные красавцы располагались верхами, на вороных лошадях. Когда же коронация была завершена, роту кавалергардов расформировали и все чины были возвращены по своим полкам. А как же быть с мундирами? Они сдаются в Московскую мундирную контору. До поры.

* Драбанты (Trabant) — первоначально телохранители высших начальников и преимущественно владетельных особ. Иногда драбантами называли почетную стражу из отборных лиц, например, в Швеции, Германии, Польше. Еще в 1692 году в Пруссии сформирован был из рот драбантов гвардейский кирасирский полк, доживший до XX века под наименованием Gardes du Corps. У нас в России драбанты как первообраз гвардии появляются при Лжедмитрии. Из поляков, прибывших с ним в Москву, были сформированы 3 роты по 100 человек. В частности, рота Маржерета отличалась роскошной одеждой и большим содержанием. Драбанты существовали и при малороссийских гетманах. Сначала как почетная стража, позже как обыкновенные служители и конюхи.

Пора эта приходит нескоро. Как уже упоминалось, Анна Иоанновна роту расформировала. А вот Елизавета Петровна хотя и не восстанавливает кавалергардию, однако собственную, личную гвардию — лейб-кампа́нцев — облачает на время коронации да и в других торжественных случаях в ту самую былую кавалергардскую форму еще давних петровских времен.

И вот наконец Екатерина II после не одного десятка лет забвения и буквально через неделю после своего восшествия на трон (6 июля 1762 года) приказывает снова набрать кавалергардию по штатам 1726 года. Но из кого же? Оказывается, из чинов лейб-кампании, распущенных императором Петром III.

Генерал-аншефом кавалергардии становится граф Гендриков — в память о Екатерине I, которой он приходился племянником.

Но и после коронации (22 сентября 1762 года) кавалергарды не снимают с себя мундиры и не оставляют службы. По распоряжению самодержицы они возвращаются в Петербург. И в течение всего царствования Екатерины II содержат внутренний караул во дворце, близ покоев императрицы. Здесь, во дворце, им выделена особая комната, которая получает название Кавалергардской.

А спустя еще почти два года, 24 марта 1764-го, Екатерина утверждает новый штат кавалергардии. Ей присвоено название Кавалергардского корпуса. Шеф корпуса по этому штату состоит в ранге полного генерала*, поручик — в ранге генерал-поручика, вахмистр — в ранге полковника, два капрала — подполковники, еще два — премьер-майоры и 60 рядовых кавалергардов — в рангах поручика, подпоручика и прапорщика армии.

Шефами Кавалергардского корпуса после графа Гендрикова были генерал-фельдцейхмейстер князь

* Полный генерал — чин, следующий после генерал-поручика и перед генерал-фельдмаршалом, соответствует примерно нынешнему генерал-полковнику.

Григорий Орлов — с 25 марта 1765-го по 13 апреля 1783 года, генерал-фельдмаршал князь Григорий Потемкин-Таврический — с 2 февраля 1784-го по 5 октября 1791 года и, наконец, последним при царствовании Екатерины — генерал-фельдцейхмейстер князь Платон Зубов — с 21 октября 1793-го по 11 ноября 1796 года.

Вслед за представительскими заботами — а отчасти и заботами о собственной безопасности — Екатерина принимается за организацию головного военного ведомства. 13 января 1763 года она учреждает квартирмейстерскую часть под названием Генерального штаба. И далее, в течение всего более чем тридцатилетнего царствования она глаз не спускает с армии — решительного проводника ее политики.

В первые же шесть лет своего правления (1762—1768 годы), то есть до начала конфедератской и первой турецкой войны, она проводит ряд реформ. Одна из них — полки, составляющие так называемый «обсервационный корпус», обращены на укомплектование артиллерии. Были и другие.

Так, задумываясь об огромных пространствах Сибири, Екатерина приступает к формированию здесь двух полков — Селенгинского и Томского. Здесь же учреждается и Якутский карабинерный полк. Все уже существующие драгунские полки обращены в полевые.

При некоторых пехотных полках Екатерина учреждает и крайне необходимые в боевой обстановке небольшие легкоподвижные «егерские команды». Оптимальное число солдат, которые должны в них находиться, — 60.

Затем самодержица обращает свое особое внимание на полевую и тяжелую артиллерию.

Растет и число полков Русской армии. Повелено содержать целых 32 полка тяжелой кавалерии, 6 кирасирских, 19 карабинерных и 7 драгунских.

А вскоре по дорогам империи начинают печатать шаг здоровяки бомбардиры, канониры и фузилеры. Всего пять полков. Причем каждый такой полк состоит из двух батальонов, каждый пятиротного состава.

Проходят годы, и егеря прекрасно проявляют себя в военных действиях. А потому в 1768—1787 годах егерские команды учреждаются уже при всех пехотных полках. И наконец, всех егерей объединяют вместе, в мобильные, скорые на подъем егерские корпуса.

Войны показывают огромное значение пехоты. А потому на пределах России растет и количество пехотных полков. Причем какие-то полки расформируют либо переименовывают из мушкетерских в гренадерские.

Тяжелая кавалерия к 1787 году насчитывает 5 кирасирских, 19 карабинерных и 10 драгунских полков. Преобразуется и легкая конница, включающая гусарские и пикинерные части.

А как поступает самодержица с местными, украинскими формированиями ландмилиции? Их попросту расформируют, доукомплектовывая ими, в частности, драгун.

Построив крепкие, добротные полки Русской армии, Екатерина не теряет интереса к вооруженным силам. В последний период ее царствования (1787—1796) реформы продолжаются.

Гвардию в этот период у нас представляют: Преображенский полк, состоящий из 4-х батальонов, 2-х гренадерских и 1-й бомбардирской роты, Семеновский и Измайловский полки — каждый из 3-х батальонов, одной гренадерской роты и артиллерийской команды.

Полевую пехоту составляют 12 гренадерских полков, по 5 батальонов в каждом (в батальоне по 5 рот).

55 пехотных полков, по два батальона шестиротного состава. 20 полевых батальонов.

10 егерских корпусов, каждый из 4 батальонов (в батальоне 6 рот). А также еще 3 егерских батальона (каждый из 6 рот).

В этот последний период царствования Екатерины продолжает укрепляться и отечественная легкая и тяжелая конница.

Легкую кавалерию теперь составляют гусарские полки — Ольвиопольский и Воронежский (6-эскад-

ронного состава). 11 легкоконных и 4 конно-егерских полка.

В составе тяжелой кавалерии числятся 5 кирасирских полков (по 6 эскадронов в каждом). 16 карабинерских (8 — в пять и 8 — в шесть эскадронов). Конно-гренадерский Военного ордена (в 10 эскадронов). 11 драгунских (10-эскадронных), из которых при Псковском находилось, кроме того, 5 эскадронов гусар.

И наконец, в 1794 году Екатерина учреждает 5 рот конной артиллерии. Уже позже, в следующем веке, в войнах с французами конная артиллерия, благодаря своей мобильности и удивительному мастерству артиллеристов, будет не единожды выручать Русскую армию.

Разной ли «масти» особые части?

Несмотря на то, что регулярная армия была создана в России задолго до Екатерины, в ее время здесь сохранялось множество особых воинских частей. Кого только не было на южных территориях государства! Ландмилиция и пандуры, новосербские и славяносербские ополчения. И все они — иррегулярные.

Каким же образом могло быть сведено все это разношерстное, разноуправляемое воинство к единому знаменателю? Вопрос для императрицы оказался не простым. И все-таки он был разрешен. К концу ее царствования из 75 000 солдат особых частей осталось всего лишь 17 000 человек, составляющих гарнизоны далекого Оренбургского края и Сибири и часть казачьих войск.

Итак, во сколько же штыков и сабель оценивалось регулярное войско Российской империи к этому времени? 500 000 солдат против 280 000 при Петре III. Полевые войска, составлявшие прежде около 150 000 человек, выросли до 400 000. Число пехотинцев возросло почти в 3 раза: свыше 314 000 против 112 000. Увеличилась почти вдвое и численность кавалерийских частей: 58 000 против 33 000. Особые

успехи сделала артиллерия: вместо 8500 человек теперь в строю стояли 24 000 человек.

Кроме того, конно-артиллерийские роты были учреждены у нас (по предложению графа Платона Зубова) раньше, чем в остальной Европе. Могла Россия похвастаться и легкой пехотой — егерями, прекрасно приспособленными к ведению боя в рассыпном строю. То была инициатива графа П. И. Панина.

Однако упоминая о многократно увеличившемся числе солдат — этих екатерининских орлов, не следует забывать, что Петр III был у власти всего лишь полгода, да и то в зыбкое, тревожное время, Екатерина же удерживала «государственные вожжи» более 30 лет, да еще и в стабильной, успокоенной империи.

И уж коли нашей самодержице удалось, правда, с огромным трудом, переплавить особые части войск в регулярную армию, можно напомнить читателю, как были вооружены и экипированы эти екатерининские орлы.

Мушкетеры

Итак, мушкетеры*. Впервые появившиеся еще при Елизавете Петровне (в марте 1756 года 46 полков пехоты были названы мушкетерскими), они при вступлении на престол Петра III состояли из 50 полков. К их числу император добавил еще 2-й и 3-й гренадерские полки, которые также были переименованы в мушкетерские. Екатерина II в силу каких-то причин возвращает мушкетерам их прежнее название — пехотные. И к штату 1786 года в Кавказских и Херсонских пехотных полках теперь полагается иметь по

* Мушкетеры — солдаты, вооруженные мушкетами, т. е. фитильными ружьями первоначальной конструкции XVI в. У каждого мушкетера была перевязь с 12 мерками, с зарядами и мякотью для обеспечения передачи огня заряду. На перевязи находился еще и мешочек с пулями и куски фитиля.

В начале XVII в. мушкетеры введены во всех европейских армиях. В конце того же века мушкеты были заменены пехотными ружьями сначала во Франции, позже и в других странах. В царствование Людовика XIII часть французской кавалерии, составленная из дворян, была военной свитой короля. Называли их королевскими мушкетерами.

4 батальона, каждый из 4 мушкетерских рот. А вот в остальных пехотных полках — по 2 батальона. Причем батальон состоит из 1 гренадерской роты и 5 мушкетерских рот.

Как же вооружены и какую амуницию имеют екатеринские мушкетеры? Шпага с португеей. Фузея со штыком и шомполом. Патронная сума с перевязью. Ранец и водоносная фляга. Примечательно, что фузеей вооружены также и обер-офицеры. А в пешем строю — и штаб-офицеры.

А теперь вспомним о екатеринских гренадерах. Незадолго до возведения Екатерины на престол в марте 1762 года 1-й и 4-й гренадерские полки переформируются в 6 отдельных гренадерских батальонов, а 2-й и 3-й гренадерские полки переименовываются в пехотные. Стоило Екатерине оказаться на престоле, как переформирование это отменяется. И уже 5 июля 1762 года гренадерские полки с 1-го по 4-й восстанавливаются.

Гренады, гренадеры, гренадерки

Но уже год спустя Екатерина берет гренадеров в оборот. В 1763 году в пехоте и кавалерии отменяется употребление ручных гранат, или, как тогда их называли, гренад. Кроме того, конно-гренадерские полки переформированы в карабинерские. В драгунских полках уничтожаются гренадерские роты.

Где же сохранены гренадеры? В пехоте, кроме 4-х гренадерских полков, приказано иметь при каждом батальоне особую головную роту. Вот она-то и называется гренадерской. А через 13 лет, 10 июля 1775 года, знаменитый 1-й гренадерский полк, прославивший себя за годы правления самодержицы, переименован в лейб-гренадерский, то есть приобретает статус и права гвардии.

Еще через 10 лет, в 1785 году, 2, 3 и 4-й гренадерские полки получают собственные наименования — Таврический, Екатеринославский и Фанагорийский гренадерские. Растет слава гренадер, поднимается и их статус. Так, например, обычные пехотные пол-

ки — Московский, Санкт-Петербургский, Киевский, Сибирский и Астраханский теперь переформированы в гренадерские. Кроме того, образован еще и новый Малороссийский гренадерский полк.

Еще через несколько лет Малороссийский получает новое название — Конно-гренадерский Военного Ордена полк, а Фанагорийцы — Малороссийский гренадерский (1790 год). Гренадеры в славе, а потому и в цене. Формируется еще и Херсонский, и новый Фанагорийский гренадерский полки.

Более того, в армии князя Потемкина учреждаются еще 3 полка гренадер — Николаевский Приморский (1789), Святоиколаевский и Днепровский Приморский полки (1790). Правда, жизнь их недолговечна. С окончанием 2-й Турецкой войны они расформированы.

Всего же к концу царствования Екатерины II в Российской империи насчитывалось 13 гренадерских полков.

Само название полков — «гренадерские» происходит от слова «гренада», то есть «граната». Гренадер — солдат, предназначенный для бросания ручных гранат. Чем выше и крепче солдат, тем дальше он сможет забросить «гренаду». А потому в гренадеры изначально набирали высоких ростом и крепких телом новобранцев.

Какое же было обмундирование гренадера? Оно отличалось особой шапкой с медной бляхой, на которой помещен полковой герб. Примечательно, что гренадерская шапка («гренадерка») была введена по образцу Западной Европы. Она была остроконечной, конусообразной, поскольку поля треугольной шляпы мешали бы удобному метанию гранат.

Кроме того, у русского гренадера была особая сумка для ношения гранат («гренад») и лядунка — для патронов.

Офицеры гренадерских рот имели в строю вместо протазана фузею со штыком и носили через плечо лядунку. Причем численный состав гренадерских рот отличался от состава мушкетерских большим числом рядов. В гренадерских ротах не было знамен,

а потому в числе офицеров и унтер-офицеров не нужно было иметь прапорщиков и подпрапорщиков, которые в то время носили знамена.

Особенностью гренадерских рот были еще и флейтчики. По 2 человека на роту.

«...По званию легкой пехоты...»

А теперь пойдет разговор о легкой екатерининской пехоте. В ее царствование получают большую популярность так называемые «панинские егеря». Через год после прихода к власти Екатерины у графа П. И. Панина, что начальствовал тогда над войсками в Финляндии (1763—1764 годы), появляется интереснейшая мысль. Здесь, в финских землях, «положение земли такого существа, что в случае военных операций совсем невозможно на ней преимуществами конно-легких войск пользоваться, но требует она необходимо легкой и способнейшей пехоты»*. Итак, граф формирует пока еще небольшую команду егерей. Всего лишь в 300 человек.

Он обучает их действию «в тамошней земле, состоящей из великих каменных гор, узких проходов и больших лесов». Затем, убедившись в их высоком мастерстве, сноровке и быстроте исполнения приказаний, просит военную комиссию для рассмотрения вопросов по благоустройству и реорганизации армии (кстати, образованную самой же Екатериной II) осмотреть его команду. И если представится польза в таком вот корпусе, то, быть может, ввести его в состав Русской армии.

Комиссия приступает к изучению. И находит, что команда Панина обучена всем тем военным действиям, «...с которыми таковой корпус может с особливою пользою в военное время отправлять службу как егерскую, так и всякую другую по званию легкой пехоты». Успех «Панинских егерей» полный.

На основании этого доклада повелено сформировать теперь уже целый Егерский корпус из 1650 че-

* Военная энциклопедия. СПб., изд. Сытина, 1912. С. 284.

ловек при полках Финляндской, Лифляндской, Эстляндской и Смоленской дивизий, как ближайших на случай войны с теми державами, «...коих ситуация земель и их войска требуют против себя легкой пехоты».

С этой целью в 25 мушкетерских полках учреждаются егерские команды. В них назначается по 5 человек солдат от каждой гренадерской и мушкетерской роты. При этом выбирают людей «самого лучшего, проворного и здорового состояния». В офицеры же подбирают людей, отличающихся особой расторопностью и, что особенно важно, «искусным военным примечанием различностей всяких военных ситуаций и полезных, по состоянию положений военных, на них построений».

Насколько велико внимание военного ведомства к этой легкой пехоте, можно судить по тому, что содержание рядового егеря производится наравне с гренадером. И раз уж егерь — это легкая пехота, то и обмундирование его должно быть соответственным. Оно отличается большой простотой и, конечно же, максимально возможной легкостью — пересеченная местность, горы, шхеры, леса того требуют.

С фузеей короче мушкетерской

Форма егерей (учрежденная 13 октября 1765 года егерским командам) оказалась не только легкой, но и на редкость красивой и даже оригинальной. А потому следует более детально описать и рядовых, и офицеров этих проворных, легкокрылых команд.

«Рядовым камзол и штаны суконные, зеленые; сапоги короткие; галстук черный, манжеты белые, вместо шляпы карпуз или картуз* зеленый, вместо епанчи шинель, португеею, фузею**, патронный ремень и, в походе, ранец и водоносную фляжку.

* Картуз — фуражка с козырьком, легкая летняя шапка, кожаная или из ткани с козырьком.

** Фузея — франц. мушкет, ружье; старинное военное ружье; фузейник, фузейщик — солдат с фузеей. Фузелер — мушкетер, фузелерный полк (Даль. В. Толковый словарь).

Камзол — с небольшим, отложным воротником и с рукавами, по вышеописанному общему покрою того времени, и с тем же числом небольших медных выпуклых пуговиц — у егеря заменял собою кафтан, и на каждом борте, от воротника до пояса, имел по десяти нашивок, из черного, гарусного шнура. Они походили на нашивки у гусарских дуламов или доломанов, и те из них, которые находились на левой стороне, служили вместо пуговичных петель.

Таким точно шнурком обшивались и обшлага рукавов, выкроенные наподобие гусарских. На левом плече носили погон, принятый в том полку, к которому команда принадлежала.

Штаны — из зеленого сукна, по кроатскому* образцу надетые в обтяжку и заправленные в короткие сапоги — обшивались наперед черным шнурком, наподобие гусарских чакшир.

Сапоги, круглоносые, с короткими голенищами, также походили на гусарские.

Галстук, черный, волосяный, с узкою, белую нашивкой, и манжеты у манижки и у рубашечных рукавов, были такие же как в остальной пехоте.

Карпуз или картуз из черного поярка формою и величиною был совершенно такой, как в пехотных полках у извожиков, но имел тулью (верх картуза) и внутреннюю сторону обоих отворотов обшитые зеленым сукном, а края отворотов — зеленою, гарусною тесьмою, с городками.

Отвороты сии пристегивались к тулье пришитыми с внутренней их стороны зелеными петлями из шерстяного шнура, а в промежутке между ними, на левом боку тульи, прикреплялись, как у мушкетерских шляп, петля из зеленого шнура, небольшая медная пуговица, бант из белого, шерстяного галуна, и белая же, шерстяная кисть, в виде султана.

Шинель, в длину ниже икр, с узким отложным воротником и с рукавами, покроем была такая же, как

* Кроаты — название хорватов. До Тридцатилетней войны и появления гусар так назывались легкие войска (пешие и конные) в венгерской армии.

описанные выше епанчи у извожников, но не васильковые, а зеленые и несколько уже.

Портупея — была по образцу мушкетерских, только не белая, а черная, и в лопасть ее вкладывались не шпажные или тесачные, а штыковые ножны, длиной в 11 вершков* из черной кожи, с крючком и наконечником медными.

Фузея — была короче мушкетерской, без штыка в 1 аршин** 14 вершков, со штыком 12 вершками длиннее, и имела последний не трехгранный, а плоский в виде ножа, с острием на одной и с обухом на другой стороне. Его носили в вышеописанных ножнах, как с 1786 года было введено у мушкетеров.

Патронный ремень — т. е. патронгащ, строился из черной, яловочной кожи, с гнездами для сорока патронов, или патронниками, и с крышкою. Надевали его на переди, у пояса, застегивая у левого бока двумя медными пряжками.

Ранец — из черной яловочной кожи, четверугольный, подбитый холстом с холстинным внутри карманом и с тремя железными пряжками, был продолговатого вида, в роде небольшого чемодана и составлял принадлежность одного походного времени, когда каждый солдат носил его как ему было удобнее.

Только при проходе через города, ранец, посредством прикрепленной к нему, в двух местах, белой, яловочной перевязи, надевали через правое плечо.

Водоносная фляжка — из двойной белой жести, видом походила на нынешнюю, но была более ее и, во время похода, прикреплялась к ранцу узкими, белыми ремнями.

Егерские капралы — от рядовых егерей отличались тем, что имели один ряд узкого, золотого галуна на воротнике и обшлагах.

Унтер-офицеры, т. е. каптенармус и сержант, состоявшие, как и все чины егерских команд, в штатном комплекте того полка, к коему принадлежали, —

* Вершок равен 44,45 мм.

** Аршин равен 71,12 см.

имели обыкновенное пехотное обмундирование, а в лагерное и походное время одевались одинаково с рядовыми егерями, имея только золотой галун; каптенармус — один на воротнике и два на обшлагах, а сержант — один же на воротнике и три на обшлагах. Сверх вооружения, присвоенного простым егерям, им полагались еще обыкновенные пехотные шпаги, а потому и штыки они имели всегда примкнутые.

Барабанщик — был одет однообразно с рядовыми егерями, но с шерстяными нашивками, цветами по произволу полкового командира, а вооружение, амуницию и барабан он имел против барабанщиков пехотных полков, только на обручах последнего, вместо зеленых и красных полос, были зеленые и черные.

Егеря, в отношении к мушкетерам и гренадерам, были почти то самое, что гусары в отношении к драгунам, карабинерам и кирасирам, т. е. как последние принадлежали к легкой кавалерии, так первые составляли собою легкую пехоту, а поэтому некоторые части одежды егерей имели сходство с одеждою гусарскою*.

Почти что всё сохранено, но...

Через 12 лет после учреждения при пехотных полках егерских команд из них формируются отдельные егерские батальоны (1777 год). Изменено ли их обмундирование и вооружение? Оказывается, «...рядовым, капралам, фурьерам, каптенармусам и сержантам сохранено то самое обмундирование, какое они имели, состоя при полках.

Некоторые перемены последовали только по вооружению, и заключались они в том, что всем дано по одному пистолету и у унтер-офицеров шпаги заменены кортиками, а фузеи или ружья — штуцерами.

Пистолет — длиною в 1 1/2 вершка, в медной оправе, — приделанным у головки кольцом прицеплял-

* Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружений Российских войск. СПб., 1899. Ч. 4. С. 78.

ся за небольшой железный крючок, с черным ремнем, пришитым к португее, у правого бока егеря.

Корттик — род ножа, 13 1/2 вершков длины и 3/4 вершка ширины, с лезвием на одной, с обухом на другой стороне и с заостренным концом, — имел медную, с деревянною накладкою, рукоять, в 2 1/2 вершка и черные яловочные ножны, с медным крючком и с таким же длинным наконечником.

Штуцер — от немецкого *abgestutzte flinte*, то есть укороченное или обрезанное ружье — был без штыка, в длину 1 аршин 6 3/4 вершка, с медным прибором, железным шомполом и ограненным снаружи стволом, имевшим не гладкий, цилиндрический, как у обыкновенного ружья, а винтообразный канал, образующий в разрезе восьмиконечную звезду.

В прикладе на правой его стороне выдолблено небольшое углубление вроде ящичка, для помещения железных, в шомпол ввинчиваемых: приборной пуговки, пыжевника, отвертки, а также пороховой мерки. Ящик сей закрывает деревянная, выдвигаемая крышка, с железною пружинкою.

К штуцеру принадлежали еще: погонный ремень, из красной юфти с плоскою медною пуговицею, и полунагалище из черной яловочной кожи, с тремя железными пряжками.

Описанные кортик и штуцер в отдельном виде составляли два особых оружия, но в случае ненадобности их соединяли вместе, надевая кортик, посредством жолобка в левой или нижней стороне его рукоятки, на пружину, прикрепленную у правой стороны штуцерного ствола, подле дула.

Офицеры носили кафтан и камзол прежнего покроя, но с переменою красного цвета, где оный полагался на зеленый; штаны зеленые же, как у рядовых егерей, и короткие сапоги. Епанча им полагалась зеленая, а знаки и шарфы отменены.

Адъютанту и штаб-офицерам присвоен конский убор, против такового же у адъютантов и штаб-офицеров пехотных, но также с заменою красного цвета с зеленым.

Барабанщики остались при том обмундировании, вооружении и амуниции, какие имели с 1765 года, исключая шпагу, вместо которой получили кортик.

Флейщики были одеты и вооружены против барабанщиков.

Провиантмейстер, обозный, надзиратель для больных и полковой писарь были одеты против егерских сержантов, а из оружия и амуниции им даны мушкетерские шпаги, с черными кожаными ножами и портупелями. Им полагались еще и трости.

Штабные, комиссариатский и провиантский писаря, цырюльники, слесарь, кузнец и ложник имели мундир и вооружение против предыдущих нестроевых, но за исключением галунов и тростей.

Лекарь и подлекарь были обмундированы и вооружены по примеру того, как в мушкетерских полках, но только кафтан, камзол и штаны носили совсем зеленые.

Погонщики одевались по образцу погонщиков в Пехотных полках».

От лопастей зеленых до серебра эполет

Двадцать лет спустя егеря набирают уже огромную силу. И где только не приходилось им бывать! От дремучих лесов до выжженных солнцем степей, гор и шхер. Форма этой легкой пехоты оказалась удачной, а потому не претерпела больших изменений. И все-таки в 80-е годы XVIII века екатерининские егеря выглядели несколько иначе, чем прежде. Изменились головные уборы. И привычный уже гром барабанов и меланхоличные взывы флейты сменили теперь вспархивающие высоко в небеса резкие звуки труб.

10 апреля 1786 года, когда из егерских батальонов оставались только два Сибирских, а вместо остальных существовали 4-батальонные егерские корпуса, егерям назначают очень эффективное и еще более безопасное обмундирование.

«Рядовому егерю — кафтан или куртку, камзолчик, галстук, манжеты у манижки, шаровары, сапоги, каску, китель и шинель, за исключением последней,

подобные вышеописанным мушкетерским, только куртку всю зеленую, с черною выпушкою позади пол; шаровары зеленые же, с черною выкладкою; на каске бляху из белого железа, вызелененную; лопасти* зеленые; плюмаж, обшивку лопастей и кисти черные.

Шинель, как и прежде, была зеленая, без подкладки, только с тесьмою, подшитою по краям. Португья, каждому пистолет, ружье, патронный ремень, ранец и водоносная фляжка — остались всё те же, какие были в 1777 году.

Егерские капралы, фурьеры, каптенармусы и сержанты, как и прежде, отличались от рядовых одними галунами и имели прежние же: кортик, португью, штуцер, патронный ремень и пистолет. Конное вооружение и конский убор фурьера также не изменились.

Трубачи у егерей, заменившие барабанщиков и флейтчиков, были обмундированы против рядовых, с белыми нитяными нашивками и кистями. Из оружия и амуниции каждому из них были положены: кортик, португья, штуцер и патронный ремень, а трубы их были медные, длиною до 14 вершков, с гарусными шнурами и кистями, зеленого с черным и белым цвета.

Нестроевые нижние чины, обозные, надзиратели для больных, писаря и прочие, кроме профосов и извощиков, получили обмундирование по образцу строевых, но куртку, шаровары и, вместо каски, картуз, всё зеленые. Им даны кортики с черными португьями, а трем первым оставлены: золотой галун на куртке и трости; против сержантов.

Профосы и извощики ни в чем не были отличены от профосов и извощиков пехотных полков.

Обер- и штаб-офицерам сохранено почти то же обмундирование, какое они получили в 1777 году, но с прибавлением узкой выпушки из красного сукна: вокруг воротника, лацканов, обшлагов, карманных клапанов и завороченных кверху пол кафтана и вокруг камзола.

* Лопасты кожаные, укрепленные на каске, предохраняли в схватке егеря со спины от возможных сабельных ударов.

Вместо шляп им были даны каски, по образцу установленных для нижних чинов, а вместо шпаг сабли, в том почти виде, какия с 1786 года начали носить в гренадерских полках.

4 февраля 1787 года князь Потемкин установил для офицеров егерских корпусов определенные цвета эполет и шелковых, на тесьме или полотенце их, полосок:

Таврического корпуса — серебряные с зелеными полосками.

Бутского — золотые с зеленым.

Белорусского — серебряные с голубым.

Лифляндского — золотые с голубым.

Кубанского — серебряные с синим.

Кавказского — золотые с синим.

В каждом батальоне число полосок соответствовало его номеру в корпусе, как-то: в первом батальоне эполеты были с одною, во втором — с двумя, в третьем — с тремя, в четвертом — с четырьмя полосками.

4 марта 1787 года офицерами егерских корпусов, принадлежавших к армии князя Потемкина, даны небольшие знаки: обер-офицерам — все серебряные, а штаб-офицерам — серебряные с золотым ободочком.

13 февраля 1788 года егерским офицерам тех же корпусов, в строю и караулах повелено носить куртки и каски, на том самом основании как в это время было установлено для офицеров мушкетерских полков*.

От «панинских» егерей до павловских

Как же действовали егеря в боевых условиях? Они строились в две шеренги, попарно, примерно в двух сажнях пара от пары. Причем все построения происходили беглым шагом. Рассыпались, также мгновенно, в одну шеренгу, «содержа в подкреплении рассыпанным некоторое число оставших в сомкнутом фронте».

* Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Ч. 4. С. 82.

Необходимость в егерях, а следовательно, и их количество постоянно растет. В 1767 году их общее число доведено до 3500 человек. А два года спустя егерские команды вводятся во всех пехотных полках.

Они оказались крайне полезными в схватках с польскими конфедератами, а также в первую Турецкую войну, когда егерские команды придавались подвижным колоннам. Их роль была оценена по достоинству и на Кавказе, в экспедициях против горцев. Благодаря появлению этой новой разновидности легкой пехоты зарождается и новый тип боевого порядка.

В 1770 году Румянцев сводит егерские команды в батальоны. А мудрый Потемкин, являясь горячим сторонником егерей, делает и следующий шаг. Как вице-президент Военной коллегии он узаконивает это начинание, сведя егерские команды всех мушкетерских полков в егерские батальоны 6-ротного состава (в те годы в составе батальона было 990 человек).

Так что с легкой руки Потемкина уже к 1777 году в Российской империи насчитывается 8 батальонов егерей, входящих в состав 1-й и 2-й Сибирской, Белорусской, Кабардинской, Бугской, Горской, Днепровской и Финляндской дивизий. Уже через 10 лет число этих батальонов доходит до 43-х.

Уже к 1785 году отдельные егерские батальоны (кроме Сибирских) сводятся в 4-батальонные егерские корпуса, а общее число егерей достигает 29 940 человек. Но и такого количества егерей оказывается недостаточно. В 1786 году формируется Кубанский егерский корпус, а вслед за ним Екатеринославский (1787) и Эстляндский (1788). Несколькими годами позже создаются новые егерские корпуса — Малороссийских пеших стрелков, Кавказский, Таврический, Бугский, Белорусский, Финляндский, Лифляндский (1793), Литовский (1795). Общая численность егерей доходит до 39 000 человек.

Очень много известнейших военачальников вышли из этой удивительной пехоты. Так, командирами егерских корпусов были Кутузов, Гудович, Михельсон; командирами батальонов — Барклай-де-

Толли, Багратион, граф Каменский. Однако сразу же по восшествии на престол императора Павла I последовал указ о переформировании егерских корпусов в егерские 5-ротные батальоны (1796). А весной 1797 года был подписан следующий указ, согласно которому должны были быть образованы егерские полки 10-ротного состава. Общее число егерей сократилось, поскольку из батальонов, состоявших из 1000 человек каждый, были организованы полки всего лишь из 883 человек.

Здесь уместно будет напомнить о егерях особых, собственно павловских. Тем более что из их числа и был сформирован впоследствии знаменитый лейб-гвардии Егерский полк. А впервые павловские егеря появились еще при Екатерине: они были сформированы цесаревичем в составе столь нелюбимых императрицею Гатчинских войск (1792). Эта рота егерской легкой пехоты просуществовала около года, была расформирована, а через год возродилась вновь (1794).

Командиром будущих гвардейцев-егерей наследник назначает Антона Рачинского, тогда еще майора. Форма этих егерей отличается от прочих Гатчинских войск зеленым камзолом. И наконец 9 ноября 1796 года егеря Павла Петровича, равно как и все Гатчинские войска, получают все права старой гвардии. И более того — егерские команды, что существуют в лейб-гвардии Семеновском и Измайловском полках вместе с егерской ротой, образуют по повелению Павла Петровича лейб-гвардии Егерский батальон трехротного состава.

Название «егеря» (Jäger, Chasseurs) применительно к легкой пехоте появилось во время Тридцатилетней войны. Вооружены егеря были прекрасно — нарезными ружьями. А насколько высоко ценили военачальники именно этот род легкой пехоты, можно судить по следующему примеру. В армии великого курфюрста Бранденбургского при каждой роте состояло всего лишь несколько таких, «легких на подъем» пехотинцев. И главной их задачей было выводить из строя командный состав, то есть целиться преимущественно по неприятельским офицерам.

В начале XVIII столетия с появлением огнестрельного оружия во всей пехоте особое, привилегированное положение егерей на время сходит на нет. Однако забвение этих «легких бестий» было недолгим. Стоило столкнуться государственным интересам Марии-Терезии и Фридриха Великого — и легкая пехота вновь на гребне волны, точнее, «на гребне войны». Как же поступают австрийцы? Они выставляют против пруссаков кроатов и пандуров*. И хотя за пандурами волочилась весьма дурная репутация, поскольку они отличались жестокостью и грабежами, на них возлагались немалые надежды. Особенно умело они действовали в местностях гористых и пересеченных. В начале Семилетней войны наподобие пандур формируется несколько венгерских и хорватских батальонов, которые затем переименовываются в пограничные полки.

Этот шаг австрийцев оказался достаточно мудрым. Оказывается, пандуры, живя на турецкой границе, в постоянных пограничных стычках с турками постепенно выковываются в превосходную легкую пехоту. И, например, в сражении под Коллином австрийские стрелковые команды, сформированные из тирольцев и кроатов, без особого труда нарушают уже заранее предусмотренное Фридрихом маневрирование его армии. И результат не замедлил себя ждать. Атаки пруссаков разбиваются о сильные австрийские позиции, и в результате сражение проиграно.

Поражение, однако, не смутило энергичного Фридриха, которого солдаты попросту называли Фрицем. Ему был дан урок, и он его усвоил. Фридрих ввел у себя егерей, которые комплектовались из охотни-

* Пандуры (название происходит от местечка Пандур) — пешее иррегулярное войско, впервые появившееся в Венгрии. Пандур — пехотинец в иррегулярных войсках. Одеты и вооружены по образцу турок. Примечательно, что первой войной, в которой пандуры принимали участие, была война за испанское наследство. В России пандуры появились при Елизавете, когда сербу Хорвату дозволено было в 1751 г. набрать в южной России из сербов-переселенцев полки — конный гусарский и пеший пандурский.

ков и были фактически автономны, составляя особые команды, действовавшие независимо от сомкнутого строя. Для обыкновенного боя у них имелись ружья, позже винтовки. А вот для рукопашного к ружьям прилагались еще и ножи и кинжалы.

Поначалу в прусской армии было всего 60 «егерей Фрица» (1740 год). И лишь с началом 2-й Силезской войны этот отряд увеличился до 300 человек, что составило 2 роты. Наконец, в 1756 году отряд был реформирован в батальон общим числом в 400 человек. Этот батальон полностью был уничтожен русскими ровно через двадцать лет после возникновения прусских егерей в бою под Шарлоттенбургом (1760 год).

Узнав об этой скорбной новости, упрямый Фриц немедленно формирует новый батальон, со временем развернутый в полк численностью в 1300 человек. Егеря Фридриха после стольких неудач их предшественников теперь умело действуют в рассыпном строю. Отличаются меткой стрельбой, хорошо ориентируются на местности и способны к внезапному нападению на противника.

Не отставали от пруссаков и австрийцы. Они также образуют корпус немецких егерей (1758 год). А двадцать лет спустя у них появляется еще и корпус Тирольских стрелков (1778 год).

Во Франции егеря появляются в ходе Семилетней войны. При Наполеоне I роль егерей играют вольтижёры*, известные в Италии под именем берсальеров.

Екатерининские конно-егеря

Конные егеря, или конно-егеря, появляются в Русской армии при Екатерине II. Следует отдать должное русской самодержице: она, являвшаяся полков-

* Вольтижёры (франц. «voltigeur») — солдаты французской легкой пехоты в XIX в. Введены во Франции в 1804 г., когда Наполеон при увеличении численности армии понизил нормы роста при призыве. Это увеличило норму призыва на 40 000 человек. Из них и формировались вольтижерские роты, батальоны и полки. Вольтижёр должен был одним прыжком вскакивать на лошадь за спину кавалериста, быть хорошим стрелком и разведчиком. Его вооружение — облегченное ружье и сабля.

ником Конной гвардии (тяжелой конницы), прекрасно поняла важность и легкой кавалерии. Ведь конно-егеря предназначены для разведывательной службы в конном и пешем строю, а следовательно, они предваряют участие в сражениях тяжелой конницы.

Легкая, мобильная кавалерия существовала во многих армиях мира еще в эпоху Средневековья. Особое распространение она получила во Франции в конце XVIII и начале XIX столетия. Так, например, еще за десять лет до Французской революции, в 1779 году, при Людовике XVI было сформировано шесть конно-егерских полков. Наполеон I довел их число до тридцати одного (1812 год).

Выходит, что в России конно-егеря появились лишь на девять лет позже, чем во Франции (январь 1788 года). Предчувствуя огромные возможности этого вида войск (подобно и обычным, пешим егерям), Екатерина учреждает команды конно-егерей (числом по 65 всадников) буквально во всех легкоконных полках.

Примечательно, что императрица придает такие мобильные команды не только легкой, но и тяжелой кавалерии. В том же январе 1788 года она организует такую команду при Екатеринославском кирасирском полку. (Просуществовала эта команда более полутора лет, до конца сентября 1789 года.) Летом 1789 года императрица соединяет Тверской и Переяславский карабинерные полки с Софийским и Лубяньским полками и составляет из них 2-й Конно-егерский полк. И затем с каждым годом появляются все новые и новые конно-егеря: Павлоградский, Харьковский, Киевский и другие полки. К концу царствования Екатерины II в Русской армии имелось четыре конно-егерских полка.

Драгуны

Драгуны — род конницы, способной действовать в пешем строю. Первоначально под этим названием понимали пехоту, посаженную на лошадей.

История появления драгун в мире настолько увлекательна, что имеет смысл поговорить о ней особо. Родоначальником их можно считать димахов Александр Македонского. Это были воины, прекрасно обученные действию как в конном, так и в пешем строю.

В Европе же необходимость в драгунах возникает в XVI столетии, причем появление их можно объяснить волею случая. Французский маршал Бриссак во время оккупации Пьемонта (1550—1560 годы) усаживает на коней отборных, смелых пехотинцев и тотчас, безо всяких затей и условностей, называет их драгунами. Стоило этим конно-пешим солдатам приблизиться к противнику, как они моментально спешили и далее действовали как пехотинцы.

Когда же получило распространение огнестрельное оружие, роль драгунов резко возросла. В XVI веке во многих странах конница превращается в стрелков, посаженных на лошадей.

Существовал, правда, и иной взгляд на их предназначение. Так, шведский король Густав Адольф причислял драгун к кавалерии и предназначал для действий, как правило, в конном строю.

Ну а где же в Европе можно было встретить правильно организованные действия драгун? Прежде всего, во Франции, при Людовике XIV (1638—1715). К концу XVII столетия во французской армии уже числится целых 43 драгунских полка (на 1688 год). Однако к концу правления этого короля число конно-пеших солдат сокращено. И к 1715 году доведено до 15. Причина ясна — введение легкой кавалерии. К концу же XVIII века драгуны во Франции причислены к тяжелой или линейной коннице (1779).

В России первые драгуны появились еще при царе Михаиле Федоровиче. Однако то были не русские солдаты. Драгунский полк, сформированный в 1731 году, состоял исключительно из иноземцев — шведов, голландцев и англичан, прибывших в Россию по приглашению полковников Лесли и Ван-Димена. Полк этот назначается в отряд боярина Шеина и участвует в сражениях под Смоленском. Трудно сказать, велика ли

была польза от него Русской армии, слишком уж мало времени провели эти первые драгуны в наших пределах. Уже к концу 1632 года иностранцы перессорились между собой и покинули русскую службу.

Однако нужда в конно-пеших, мобильных воинах сохранялась. Решено было приглашать иноземцев исключительно на должности начальников, то есть офицеров, солдат же набирать из беспоместных и малопоместных дворян, боярских детей, так называемых «охочих вольных людей» и «новокрещённых татар». Новые драгунские полки размещают на Украине, в степной полосе, наиболее подверженной набегам татар. Их называют по именам полковников. В каждом таком полку было по 1000 солдат, несших и пешую, и конную службы.

Драгуны были вооружены мушкетами и, кроме того, имели шпаги и короткие копья, бердыши или топоры. В царствование Алексея Михайловича численность драгун в России достигала 11-ти с лишним тысяч солдат. Причем из этого числа 4 полка драгун использовали в артиллерии (как ездовых), а также и в обозе. В последние два десятилетия XVII века о драгунах в России как будто позабыли. А вот в Петровские времена начинается их быстрый взлет. Поначалу их называли именами полковников — Гулица (впоследствии Московский), Шневенца (Киевский), Львова (Астраханский), князя Волковского (Ярославский) и т. д. И только с 1708 года начинают именовать по областям и городам.

Будучи и пехотой, и кавалерией, драгуны должны были иметь свою особую форменную одежду. Однако все оказалось куда проще: их обмундирование было одинаковое с пехотой, и только в конном строю эти мобильные солдаты надевали большие тупоносые сапоги с клапанами, или раструбами, и железные шпоры. Что же касается вооружения, то оно у драгун было весьма разнообразным. Так, в одном и том же полку у солдат можно было увидеть и сабли, и шпаги, и палаши, и багинеты. А из огнестрельного оружия — фузеи, карабины и пистолеты.

С годами, когда конно-пешие солдаты получают

четкую организацию и накрепко утверждаются табели и штаты, петровские драгуны получают палаш и фузею. А ровно у половины драгун появляются еще и пистолеты. Кроме того, в каждой роте теперь имеется 80 топоров, 10 лопат и 10 кирок. А вот седла Петр I решает использовать немецкие, да еще с попонами и железными стременами.

Действовали русские драгуны и при Елизавете Петровне (27 полков), и при Петре III (кстати, при нем 5 из этих полков почему-то переименовывают в кирасирские).

Когда же приходит к власти Екатерина II, в организации отечественной кавалерии происходят большие изменения. И результат не заставляет себя долго ждать. Русская конница под руководством Суворова, Румянцева и Потемкина достигает блестящих результатов. Смелый удар холодным оружием в конном строю отодвигает на второй план доблестных драгун со всем их спешиванием и перевоплощением в пехоту. При Екатерине наступает пора легкой и подвижной кавалерии.

Но и для отошедших на время в тень драгун у Екатерины находится место. Это гарнизонная служба. Драгуны облачаются в зеленые кафтаны, получают на вооружение сабли, фузеи со штыком и пистолеты. Когда же князь Потемкин вводит в Русской армии новое обмундирование, драгуны получают форму пехотного образца, однако с желтым гарусным аксельбантом на правом плече (1786 год).

Карабинеры «Екатерининской эры»

Среди разных родов войск, на которые Екатерина обращала свое внимание, были и карабинеры. Точнее говоря, именно с ее восшествия на престол карабинеры появляются в составе Русской армии. 17 января 1763 года, то есть примерно через полгода после начала правления Екатерина производит реформирование кавалерии. Шесть конно-гренадерских полков (Рижский, Санкт-Петербургский, Нарвский, Рязанский, Каргопольский и Астраханский) и

13 драгунских полков (Архангелогородский, Нижегородский, Тверской, Тобольский, Новгородский, Ростовский, Пермский, Ингерманландский, Сибирский и др.) наименованы карабинерными.

Новые карабинерные полки заведены по образцу французской армии. Они состоят из 5 эскадронов. Вооружение — карабин и палаш.

В конце того же 1763 года формируется в Сибири Якутский карабинерный полк. Затем в 1769 году при Московском и Санкт-Петербургском легионах образуют еще по 4 эскадрона карабинеров. Когда же в начале февраля 1784 года создается Таврическая армия, Григорий Потемкин, увлеченный несомненной пользой карабинеров, формирует 10 новых карабинерных полков (Софийский, Лубенский, Глуховский, Тверской, Киевский, Северский, Черниговский, Переяславский, Нежинский и Стародубский). Где же находит Потемкин такое огромное число людей для этих новых полков? Оказывается, он набирает лихих и норовистых верхоконных молодцов из малороссийских казаков.

Таким образом, к концу царствования Екатерины II в Русской армии насчитывалось целых 16 карабинерных полков.

Так чем же объясняется эта увлеченность карабинерами русской императрицы? Очевидно, той славой, которой покрыли себя эти доблестные части в Европе и более всего во Франции. Сам же термин «карабинер» — производное от «карабина». Это огнестрельное оружие облегченного веса. Используется преимущественно для вооружения кавалерии. Отличается от пехотного ружья меньшей длиной ствола, а потому и меньшим весом. Само же слово «карабин» происходит от арабского «сагаб», то есть «оружие». Изобретение его приписывают венскому оружейнику Гаспару Цольнеру. Этот удивительный мастер еще в 1498 году делает у ружья нарезы, параллельные оси канала ствола. Затем Август Коттер, тоже оружейник, заменяет прямые нарезы винтовыми. Нарезные ружья были приняты сначала в Германии и Швейцарии (под именем «штуцеров») и

только затем во Франции, где в первой половине XIX века именно нарезные ружья и называют «карабинами».

Но если более всего в мире известны были французские карабины, то самыми первыми в создании карабинеров оказались все-таки испанцы. Испанские карабинеры — отборные люди в кавалерии и пехоте — появились в XV столетии. А в 1679 году в каждой роте кавалерии самым лучшим стрелкам присваивают название «карабинер» и назначают повышенный, или, как тогда говорили, «усиленный» оклад жалованья. Интересно, что в Испании карабинеров набирают из басков. Испанцы использовали этот род войск в качестве легкой конницы и пехоты.

Их предохранительное вооружение состояло из добротной металлической кирасы. А чтобы «карабинеру» было легче справляться со своим оружием, конструкторы предусмотрели оригинальное решение. Металлическая кираса имела выемку на правом плече для удобства прикладки и для носимой на левой руке большой железной перчатки, называемой «gantelet».

Голову воина защищала каска. Тогдашнее оружие испанцев состояло из палаша и длинной (около 3,5 фута, то есть 1,07 м) пиццали и пистолета.

Как же действовали карабинеры в сражениях? Они выстраивались на флангах легкоконных войск, причем в несколько шеренг, и при начале боя подсакивали к противнику. Когда до врага оставалось 100—200 шагов, следовал залп из пиццалей, как говорили, по-шереножно, после чего карабинеры отходили за конницу.

Французский король Генрих IV попытался ввести карабинеров в состав французской армии и, более того, причислил одну из рот карабинеров к Королевской гвардии. А в 1643 году при Людовике XIII было сформировано уже 12 полков карабинеров. Большое значение карабинерам придавали и в прусской армии. И даже само это название сделалось знаком отличия. Так, например, король Фридрих Вильгельм I в 1738 году называет свой 1-й драгунский полк лейб-

карабинерным № 1, а затем в 1743 году присваивает 10 лучшим всадникам в эскадроне наименование «Карабинер», приравнивая это звание к ефрейторскому.

Дольше всего этот род войск продержался в Италии, утратив, правда, значение отборного войска. В начале XX столетия в итальянской армии Карабинерский корпус состоял из 12 легионов и нес полицейскую службу. В этом качестве итальянские карабинеры сумели перешагнуть и в XXI век.

Монаршия слабость — гусары

Надо полагать, что особой слабостью Екатерины были гусары. Об этом можно судить хотя бы потому, что именно из них был сформирован собственный Ея Императорского Величества конвой (о нем речь пойдет чуть ниже).

Немало сил в укреплении легкой конницы приложил русский полководец Миних* еще во времена Анны Иоанновны. Генерал-фельдмаршал Бурхард Кристоф Миних предложил в свое время сформировать из различных выходцев 4 гусарские роты для защиты наших южных границ. Однако составленные из бродяг разных национальностей, лишенные четкой, жесткой организации, они поначалу принесли один только вред.

И вот 14 октября 1741 года появляется Высочайший указ о формировании 4-х гусарских полков — Сербского, Венгерского, Грузинского и Молдавского. В составе каждого — по 10 рот. На формирование этих полков поступают 4 роты гусар — теперь уже выходцев именно тех наций, имена которых и даны

* Миних Бурхард Кристоф (1683—1767) — граф, русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1732). До 1721 г. служил военным инженером в разных армиях Западной Европы. В 1721 г. переходит на русскую службу в должности инженер-генерала. Строил Ладожский и Обводный каналы. Был губернатором Ингерманландии, Карелии и Финляндии. С 1732 г. президент Военной коллегии. С 1742 г. в ссылке, в Пелыме. Через 20 лет возвращен в Санкт-Петербург Петром III. Сын Миниха Иоганн Эрнст (1707—1788) — граф, известный дипломат. Служил во Франции, Италии.

полкам. Каждому поселенному гусару отводят участок земли, предоставляют жалованье — 38 рублей 94 копейки в год. Оно предназначено на покупку вооружения, одежды и лошади. Придя к власти, Елизавета полностью сохранила характер поселенных пограничных войск, значительно увеличив их численность. А в 1751 году в русское подданство переходит полковник Хорват, уроженец Сербии, до того находившийся на австрийской службе. Ему разрешают набрать из сербов 2 гусарских и 2 пандурских полка, каждый из которых состоит из 20 рот.

Земли для новых поселений (Новосербского и 2 пандурских) выделяют между притоками Днепра — Кагарлыком и Хмельником. А местность получает название Ново-Сербия. Чтобы защитить эти новые поселения от нападений турок и татар, русское правительство закладывает крепость Святой Елизаветы (позднее город Елизаветград).

Два года спустя сербы Шевич и Прерадович вместе с выходцами из Сербии поселяются между Бахмутом и Луганью в местности, которую называют Славяно-Сербией. Здесь каждый из них основывает по гусарскому полку, которые и получают их имена (1753 год).

В 1757 году создается также Слободской гусарский полк, набранный из украинских слободских казаков. А двумя годами позже уже известный нам Хорват формирует еще и Македонский, Болгарский и так называемый Желтый гусарские полки.

Гусарское обмундирование было заимствовано из Австрии. Это цветной длиннополый доломан и ментия (ментик), опушенные белой овчиной и расшитые шнурами. На гусарах облегающие чакчиры (брюки) и легкие желтые сапожки со шпорами. Головной убор — смушковая шапка со шлыком*. Плечи их укрывала накидка-епанча.

Вооружение гусар состояло из сабли в металлических ножнах, карабанов и пистолетов. На гусарском плече на длинных ремешках покачивалась плоская, узорная сумка-ташка.

* Шлык — высокая шапка с остроконечным завершением.

Нижние чины волос не пудрили. Носили длинные, закрученные виски и короткие косицы. Выглядели гусары в таком красочном одеянии и с оригинальной прической прямо-таки заливчатски.

А вот с лошадьми дело обстояло непросто. Пока еще они были «не в масть», то бишь произвольной масти.

Ко времени восшествия на престол Екатерины в Русской армии насчитывалось 8 гусарских полков, 4 поселенных и 2 пандурских пеших полка. Причем полевые полки были 10-ротного состава, поселенные и пандурские — даже 20-ротного. Однако уже на следующий год после прихода Екатерины к власти выясняется, что в гусарских полевых полках не хватает кавалеристов. И приходится, с огромным сожалением, расформировывать Желтый, Македонский и Болгарский полки и укомплектовывать этими гусарами Сербский, Венгерский, Грузинский и Молдавский полки (1763 год).

Год спустя, в 1764 году, когда Ново-Сербия и Славяно-Сербия превращаются в огромных размеров Новороссийскую губернию, поселенные полки Хорвата и Новороссийский переименовываются и получают короткие, но запоминающиеся названия — Черный и Желтый гусарские полки. Кроме того, переименовывают и полки Шевича и Прерадовича. Теперь это не Славяно-Сербские, а один Бахмутский гусарский полк. Преобразования и переименования затрагивают и 2 пандурских пеших полка. Теперь это один Елизаветградский полк.

Всего к тому времени в Новороссии насчитывалось 4891 человек, причем на жалованьи в мирное время из них состояло чуть более половины — 2683 воина. Земельные же наделы всех гусарских полков были огромны — 174 280 десятин земли.

Военные реформы, предпринятые Григорием Потемкиным, коснулись и гусарских полков. Все они, за исключением Лейб-Гусарского эскадрона, в течение 1783 и 1784 годов были переформированы. И с той поры вся эта легкая конница — вольница из иррегулярных поселенных войск превращается в регулярные части Русской армии.

Однако и в последнее десятилетие Екатерининской эпохи гусары не забыты. В Петербурге сформировано 5 гусарских эскадронов. В Первопрестольной же всего лишь 2 — в помощь московской полиции.

А теперь вспомним о конвойцах императрицы — сформированном 19 февраля 1775 года Лейб-Гвардейском эскадроне, превратившемся позже в Гусарский лейб-гвардии Его Величества полк.

А все началось с того, что в конце 1774 года императрица Екатерина II, готовясь отпраздновать заключение мира с Турцией в Первопрестольной, приказывает Григорию Потемкину сформировать лейб-гвардии эскадрон и две казачьи команды — Донскую и Чугуевскую для собственного Ея Величества конвоя.

19 февраля 1775 года премьер-майор Бахмутского гусарского полка Штерич отправляется в Новороссию. Задача, поставленная перед ним, достаточно сложна. Он должен выбрать из Черного, Желтого, Молдавского, Валашского и Сербского гусарских полков 133 лучших нижних чина и лучших лошадей.

К 1 июля того же года эскадрон окончательно сформирован в Москве. Торжества заканчиваются, а вот конвойцы остаются. Команды прибывают в Санкт-Петербург и в течение всего долгого царствования несут охрану Ее Величества. А ко времени ухода Екатерины из жизни лейб-гвардии эскадрон с Донской и Чугуевской командами и присоединенными к ним Гусарским полком и казачьим эскадронном Гатчинских войск образуют Лейб-Гвардии казачий полк с правами и преимуществами старой гвардии (7 ноября 1796 года). И только через 60 без малого лет, 19 февраля 1855 года, по случаю вступления на престол императора Александра II, полку повелено именоваться лейб-гвардии Гусарским Его Величества полком.

Почему же Екатерина среди всех видов русской кавалерии выбрала именно гусар? Что привлекло в них самодержицу более всего — красота ли облачения, удивительная мобильность или многочислен-

ные победы? Есть повод поговорить об истории этого рода легкой конницы.

Впервые гусары появились в середине XV столетия при венгерском короле Матвее Корвине. В 1458 году энергичный монарх собирает особое ополчение для защиты границ от нападений турок.

В состав этого ополчения венгерское дворянство назначает из своей среды каждого 20-го. От сочетания двух венгерских слов: «Husz» — двадцать и «ag» — подать возникает название гусар.

Гусары носили необыкновенно красивую форму. Это богато украшенная орнаментом национальная венгерская одежда. Она состояла из «дулама» или суконной куртки со стоячим воротником, обшитой шнурами, и «ментии», отороченной мехом. К ней иногда прикреплялись крылья коршунов, для большего устрашения во время схватки. Ментия набрасывалась на левое плечо, защищая со спины и сбоку от возможных ударов. А во время долгих конных переходов надевалась в рукава и надежно согревала в непогоду.

На гусарах были и длинные суконные плащи, а их высокие меховые шапки завершались уже упомянутым шлыком. Подобно «дуламу», были расшиты шнурами и «чакчиры». А маленькие легкие сапожки завершались зубчатыми шпорами.

Чтобы максимально обезопасить себя в бою, гусары надевали под одежду посеребренную либо позолоченную кольчугу. Однако портрет этого легкоконного воина был бы неполным, если не упомянуть о конской амуниции. Удобные седла покрывались звериными шкурами, причем мехом наружу. Они состояли из легкого деревянного ленчика и войлочного потника.

Гусары в Венгрии долгое время исполняли роль конного ополчения. Созывались исключительно на время войн. Во время затяжной Тридцатилетней войны все эти «сорви-головы» были сведены в особые полки. И главной задачей этой иррегулярной конницы были аванпостная служба, поиски и рейды в тылу и на флангах неприятеля, а также преследование и нападение на обозы.

В австрийской армии первый гусарский полк был образован в 1688 году. А через два с лишним столетия, накануне Первой мировой войны, Австро-Венгрия насчитывала 16 гусарских полков, уже в составе регулярной армии.

Появились гусары и во Франции, хоть особой известности, не говоря уже о славе, стране не принесли. Первая попытка была сделана еще маршалом Люксембургом незадолго до войны за испанское наследство, однако действовали гусары неудачно.

В 1687 году во Франции был сформирован гусарский эскадрон из пленных венгерских гусар. Он показал себя неплохо, и пять лет спустя был преобразован в 6-эскадронный полк (1692 год). А ко времени Французской революции 1789 года в стране существовало уже 14 гусарских полков.

В состав Русской армии входили не только русские, но и польские войска. Впервые они появляются при Екатерине II. 6 мая 1793 года войска, находившиеся в областях, присоединенных к России, были приведены к присяге на верность русской императрице. Причем одни части были расформированы и поступили на пополнение Русской армии, другие же (2 полка пехоты, 4 полка кавалерии и 4 бригады «народовой кавалерии») приняты на русскую службу в полном составе и вскоре образуют особый Польский корпус.

Полки эти получают и русские названия: Изяславский и Овручский пехотные, Житомирский, Константиновский, Бугский и Винницкий легкоконные, а также Брацлавская, Днепровская, Днестровская и Волынская бригады.

На плечах этих пехотинцев и кавалеристов появляются русские знаки отличия. Они облачены в русскую военную форму. Однако служба этих поляков оказывается недолгой. Уже на следующий год (1794) при первом же известии о вспыхнувшем восстании они переходят на сторону Костюшки.

ПАВЛОВСКИМ СТРОЕМ

ГАТЧИНЦЫ — ОТ ПАРИКА ДО КАБЛУКА

Спустя всего два-три дня после восшествия на престол императора Павла I (а произошло это 6 ноября 1796 года) с унтер-офицером Конного полка Александром Михайловичем Тургеневым начали происходить какие-то странные, фантазмагорические вещи. До рождественских празднеств было еще очень далеко, а все то, что открывалось перед ним, только-только назначенным к государю ординарцем, напоминало какой-то страшный сон.

«В пять часов утра я был уже на ротном дворе; двое гатчинских костюмеров, знатоков в высшей степени искусства обдελывать на голове волосы по утвержденной форме и пригонять амуницию по уставу, были уже готовы; они мгновенно завладели моею головою, чтобы оболванить ее по утвержденной форме, и началась потеха.

Меня посадили на скамью посредине комнаты, обстригли спереди волосы под гребенку, потом один из костюмеров, немного менее сажени ростом*, начал мне переднюю часть головы натирать мелко истолченным мелом; если Бог благословит мне и еще 73 года жить на сем свете, я этой проделки не забуду!

* Размер сажени 213,36 см, утвержден в России в 1835 году. Тургенев приступил к своим запискам в 1848 году. Так что он имеет в виду именно этот размер.

Пять минут и много шесть усердного трения головы моей костюмером привели меня в такое состояние, что я испугался, полагая, что мне приключилась какая-либо немощь: глаза мои видели комнату, всех и всё в ней находившееся вертящимся. Миллионы искр летали во всем пространстве, слезы текли из глаз ручьем.

Я попросил дежурного вахтмейстера остановить на несколько минут действие г. костюмера, дать отдых несчастной голове моей. Просьба моя была уважена, и г. профессор оболванивания голов по форме благословил объявить вахтмейстеру, что сухой проделки на голове довольно, теперь только надобно смочить да засушить; я вздрогнул, услышав приговор костюмера о голове моей. Начинается мокрая операция. Чтобы не вымочить на мне белья, меня, вместо пудроманта, окутали рогожным кулём; костюмер стал против меня ровно в разрезе на две половины лица и, набрав в рот артельного квасу, начал из уст своих, как из пожарной трубы, опрыскивать черепоздание мое; едва он увлажил по шву головы, другой костюмер начал обильно сыпать пуховкою на голову муку во всех направлениях; по окончании сей операции прочесали мне голову гребнем и приказали сидеть смирно, не ворочать головы, дать время образоваться на голове клестер-коре; сзади в волосы привязали мне железный, длиной восемь вершков, прут для образования косы по форме, букли приделали мне войлочные, огромной природы, посредством согнутой дугою проволоки, которая огибала череп головы и, опираясь на нем, держала войлочные фалконеты с обеих сторон, на высоте половины уха.

К девяти часам утра составившаяся из муки кора затвердела на черепе головы моей, как изверженная лава вулкана, и я под сим покровом мог безущербно выстоять под дождем, снегом несколько часов, как мраморная статуя, поставленная в саду.

Принялись за облачение тела моего и украсили меня не яко невесту, но как чучело, поставленное на огородах для пугания ворон. Увидев себя в зеркале, я

не мог понять, для чего образовали меня из вида человеческого в уродливый огородного чучелы»*.

По вступлении караула в Зимний дворец к Тургеневу подошел Аракчеев, суровым голосом потребовавший немедленно явиться к государю. Гулкий шаг по узорному паркету дворца — и вот молодой унтер пред глазами самодержца. Павел Петрович милостиво обошелся со своим новым ординарцем и, потрепав его по плечу, заметил: «Эта одежда и Богу угодна, и вам хороша».

Отныне это, более чем странное облачение придется напяливать на себя офицерам Русской армии. Что же то была за одежда и почему вместо удобных и красивых мундиров, не только украшавших русского воина, но и подчеркивавших его фигуру во всей природной стройности, появляется почти ярмарочный балахон сомнительного назначения? Виной тому «Гатчинские войска», а точнее, безоглядная любовь Павла Петровича к армии Фридриха Великого.

Так что же являли собой эти самые «гатчинцы», или, как их еще называла Екатерина II, «дедушкина армия»? То был совсем небольшой отряд всех родов войск, сформированный в Гатчине и Павловске великим князем Павлом Петровичем в бытность его наследником престола.

Отряд гатчинцев предназначен был служить своеобразным эталоном, лекалом при преобразовании на прусский лад всей армии. Основой для него послужили две команды по 30 человек каждая, сформированные еще в 1782 году для содержания караулов в самом Петербурге (на Каменном острове) и в Павловске. Общее командование осуществлял некто Штейнвер. Барон, капитан-поручик, немецкий выходец.

С годами отряд рос и ко дню вступления Павла I на престол насчитывал уже 2 500 солдат. К тому времени на гатчинском плацу маршировало 6 рот трехротных батальонов и одна рота пеших егерей. Гарцевали конники трех кавалерийских полков: жандарм-

* Русская старина, 1885. Т. 48. С. 384—386.

ского, или кирасирского, драгунского и гусарского, одного казачьего эскадрона (именно эскадрона, а не сотни). Имелась и своя артиллерия: одна артиллерийская рота, в расчет которой входили 12 полевых и 46 «поместных орудий», а также и одна мортира. А поскольку армия прибрежной страны немыслима без флота, к отряду была причислена еще и маленькая озерная флотилия.

Поначалу офицеры Гатчинских войск набирались исключительно из иностранцев. Главное требование, предъявляемое к ним, — доскональное знание прусского устава. Нижние же чины пополнялись природными русаками — из состава флотских батальонов, а позднее также из сухопутных частей, кантонистов* и завербованных на службу. С годами в Гатчинские части стали направлять и русских офицеров из отставников и проходивших службу в армейских полках.

Все порядки, обмундирование, снаряжение и приемы обучения Гатчинских войск слепо копировались с прусской армии. Вот что писал по этому поводу, например, Александр Семенович Шишков, русский государственный деятель, писатель и вместе с тем человек военный:**

«Наставшая вдруг, после долговременно продолжавшегося, тихого и кроткого царствования, крутая, строгая, необычайная перемена приводила всех в

* Кантонист (нем. *kantonist*) — военнообязанный (от «*kanton*» — округ). Так в Пруссии называли с 1733-го по 1813 г. военнообязанных рекрутов, подлежащих призыву в одном из кантонов, каждый из которых комплектовал свой полк. В России уже в 1721 г. были созданы гарнизонные школы, позже названные кантонистскими, для подготовки солдатских детей к военной службе. Основной целью кантонистских школ была подготовка хорошо обученных и верных престолу солдат. В этих школах обучались дети с 7 до 15 лет, после чего большинство учащихся зачислялось в войска солдатами сроком на 20 лет. Остальные продолжали обучение до 18 лет, становясь унтер-офицерами.

** Шишков А. С. (1754—1841) — русский государственный деятель, писатель. В 1771 г. окончил Морской кадетский корпус. Впоследствии адмирал, статс-секретарь Александра I, член Государственного совета, министр народного просвещения (1824—1828), член Российской академии (1796), а в 1813—1841 гг. — ее президент. Почетный член Петербургской академии наук (1800 г.).

некоторый род печали и уныния. Все пошло на прусский стиль: мундиры, большие сапоги, длинные перчатки, высокие треугольные шляпы, усы, косы, пукли, ордонанс-гаузы, экзерцир-гаузы, шлагбаумы (имена доселе неизвестные) и даже крашение, как в Берлине, пеструю краскою мостов, будок и проч. Сие уничижительное подражание пруссакам напоминало забытые времена Петра III.

К сему присовокуплялись еще и другие некоторые тревоги, как-то: ежедневное в городе беспокойство, причиняемое частыми выездами императора, требовавшего, чтобы все мужчины и женщины при встречах с ним останавливались и выходили из своих повозок или карет. От сего происходили многие иногда смешные, иногда жалкие приключения. Все сии новости подавали повод к разным пересказам, шопотам и толкам, сопровождаемым огорчительными или насмешливыми улыбками».

А вот впечатления А. С. Пашкевича, другого современника павловских времен, подобно Александру Тургеневу, вынужденного надеть на плечи новый нескладный мундир и подставить голову под нелепую прическу.

«...Прекрасные наши мундиры, украшающие и открывающие человека во всей природной его стройности, заменили каким-то нескладным мешком, делающим и самого прекрасного мужчину безобразным привидением; оный состоял из темнозеленого толстого мундира с лацканами, отложным воротником и разрезными обшлагами кирпичного цвета и белыми пуговицами; длинного камзола и короткого нижнего платья самого желтого цвета.

Головы наши спереди остригли под гребенку, облили вонючим салом^{*}; к вискам привесили огромные пукли, аршинную косу прикрутили вплоть к затылку и осыпали мукою; шляпу дали с широкими городами серебряным галуном, такую же большою петлицею и с черным бантом; но эта шляпа была чу-

^{*} В те времена некоторые костюмеры заменяли мел и квас растопленным салом как более дешевым средством для устройства причесок.

десной формы и едва прикрывала наши головы; фланелевый черный галстук в два пальца шириною перетягивал наши шеи до самой невозможности.

Ноги наши обули в курносые смазные башмаки и стянули за коленами черными суконными штиблетами с красными вдоль всей ноги пуговицами; вместо булатной, висящей на бедре сабли, наносящей врагу страх, воткнули в фалды наши по железной спичке, удобной только перегонять мышей из житницы в житницу, а не защищать жизнь свою.

Все золотые блестящие вещи, как-то: эксельбант, эполет, шарф и темляк заменены серебряными с шелком; руки наши облекли кожаными желтыми перчатками с угловатыми большими и толстыми крагенами и вооружили короткими увесистыми палками.

В таком карикатурном наряде я не смог равнодушно видеть себя в зеркале и от доброго сердца захохотал, несмотря на головную боль, происходящую от стянутия волос, вонючего сала и от крепко стянутой галстуком шеи».

*Каков он, Саблуков? или Английский подлинник
русского конногвардейца*

Во второй половине XIX века в Англии вышли в свет удивительно увлекательные записки, написанные неким Николаем Саблуковым. Поначалу жители Туманного Альбиона могли познакомиться с ними в августовской и сентябрьской книжках журнала «*Frazer's Magazine*» за 1865 год. А уже на следующий год записки Саблукова были переведены на французский язык и опубликованы в парижском журнале «*Revue Moderne*». Что же касается русского перевода этих необыкновенных воспоминаний, то он вышел года через три, но, к сожалению, в сильно урезанном виде; перевод этот, выполненный С. А. Рачинским, опубликован в «Русском архиве» за 1869 год.

Чем же привлекли внимание разборчивого западного читателя записки Н. Саблукова? Прежде всего объемным, выпуклым и притом вполне беспристра-

стным изображением событий более чем 70-летней давности.

Прежде чем представить выдержки из этой рукописи вниманию читателя, стоит упомянуть вкратце о необычайной судьбе самого Николая Саблукова. Он родился 1 января 1776 года в семье действительного тайного советника и члена Государственного Совета Александра Саблукова и его супруги Екатерины, урожденной Волковой. Получил прекрасное домашнее образование, основательно изучил несколько иностранных языков. В 13-летнем возрасте перевел на русский язык знаменитый труд прусского короля «Последний наказ Фридриха Великого племяннику своему, наследовавшему по нем прусскую державою» (издан в Петербурге в 1789 году).

В начале 1790-х годов Николай Саблуков поступил в лейб-гвардии Конный полк. Начал службу унтер-офицером, вскоре был назначен ординарцем к фельдмаршалу графу Н. И. Салтыкову. Затем два года провел в заграничных путешествиях (1795 и 1796) и, по его словам, «представлен ко многим дворам как в Италии, так и в Германии». Так уж случилось, что очень скоро это путешествие принесло ему огромную пользу.

К этому времени на престол Российской империи взошел император Павел I. А потому Николай Саблуков, на месте познакомившийся с прусской военной службой и прекрасно знавший ее отличительные особенности, получил прекрасную возможность в точности исполнить свои обязанности наставника русских войск в новом, павловском ключе.

Так Саблуков заслужил особенное расположение монарха и быстро преодолел крутые ступени чиновной лестницы. Всего лишь в 23 года он произведен в полковники (1 июля 1799 года). Но служба его при Павле оказалась совсем короткой.

После кончины императора у Николая Александровича происходят неприятности с новым начальством. Он вынужден подать в отставку, которую принимают 29 сентября 1801 года вместе с производством 25-летнего Саблукова в генерал-майоры. Молодой

красавец генерал вновь покидает пределы России. Однажды, находясь в Англии, он встречает свою будущую супругу. Это Юлиана Ангерштин, дочь известного знатока и любителя изящных искусств, владельца крупной картинной галереи. После женитьбы Саблуков возвращается на родину и поступает опять на государственную службу (по совету адмирала В. Я. Чичагова, в Государственную Адмиралтейств-коллегию).

Затем война 1812 года. Саблуков в действующей армии. Однако к весне 1813-го он снова в отставке. Живет то в Петербурге, то у родных жены в Англии. Здесь, в далекой Британии, он и записывает по просьбе своих близких рассказы о событиях, очевидцем и участником которых он был, а также об императоре Павле, которого доводилось ему видеть чуть ли не ежедневно. Эти рассказы были записаны им в несколько приемов и завершены незадолго до его неожиданной кончины (он ушел из жизни в Петербурге от холеры летом 1848 года).

Подлинник, писанный на английском языке (поскольку был предназначен для английской родни Саблукова), долго не выходил из круга семьи, пока, наконец, не появился на страницах уже упомянутого нами английского журнала.

Ниже мы будем неоднократно обращаться к воспоминаниям и впечатлениям Николая Саблукова об императоре Павле I (которому он был, кстати говоря, до конца предан и которому никогда не изменял). Вот, например, его впечатления от Петербурга к моменту кончины Екатерины и воцарения Павла I и от того, что стало с городом буквально в считанные дни:

«...По внешнему блеску, роскоши и хорошему вкусу в частной жизни ничто не могло превзойти Петербурга 1796 года; таково было, по крайней мере, мнение иностранцев, посещавших во множестве Россию и затягивавших месяц за месяцем свое пребывание в ней, чтобы пользоваться веселием, гостеприимством и удобствами, которые Екатерина имела искусство распространить по всей империи.

Почти невероятна внезапная перемена, совершившаяся по прошествии нескольких дней (с 6 ноября 1796 г.) во внешности города. Благодаря вышеупомянутым полицейским мероприятиям, приводившимся в исполнение с крайнею суровостью, метаморфоза совершилась весьма быстро. Петербург перестал быть похожим на современный город и принял скучный вид немецкого города за два или за три столетия тому назад. К несчастью, перемена заключалась не в одной внешности; изменились не только экипажи, одежда, шляпы, сапоги, но изменился также дух жителей.

Деспотизм, обрушившийся на все и коснувшийся самых незначачих сторон обыденной жизни, дал почувствовать себя тем более болезненно, что он проявился после целого периода полной личной свободы».

А вот каким увидел павловский Петербург князь Федор Голицын уже 7 ноября 1796 года:

«Все чрез сутки приняло совсем новый вид: перемена мундиров в полках гвардии, вахтпарады, новые правила в военном учении; одним словом, кто бы за неделю до того уехал, по возвращении ничего бы не узнал. Дворец как будто обратился весь в казармы: внутренние бекеты, беспрестанно входящие и выходящие офицеры с повелениями, с приказами, особливо по утру.

Стук их сапогов, шпор и тростей, все сие представляло совсем новую картину, к которой мы не привыкли. Тут уже тотчас было приметно, сколь государь страстно любил все военное, а особливо точность и аккуратность в движениях, следуя отчасти правилам Фредерика, короля прусского... Сей быстрый переход из кроткого и милосердного в столь строгое правление привел россиян в ужас и негодование. Для меня непонятым сделалось, отчего государь возымел к своему народу такую недоверчивость... Приписывают, однако ж, бедственной судьбе, постигшей Людовика XVI и его семейство, строгие поступки государя с его подданными»*.

* Записки князя Ф. Н. Голицына // Русский архив, 1874. С. 1306—1307.

Шеф и полковник всех гвардии полков

Нам и по сей день памятны такие слова, как «шлагбаум», «полосатые версты», «полосатые будки», «плац», «марш», «фельдъегерь», «ботфорты» и другие, связанные, как правило, с военной службой. Появились они много ранее конца XVIII века (например, слово «шлагбаум» — при Петре I, в 1716 году), но вот закрепились в нашей памяти только со времен Павла Петровича. И как будто навсегда. А с легкой руки, точнее, с легкого пера Пушкина вошли и в стихотворные тексты:

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Неповорный инвалид...

Или:

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне...

Как рассказывал впоследствии князь Петр Михайлович Волконский*, уже вечером того знаменательного дня 6 ноября, а точнее, в ночь на седьмое он встретил у ворот Зимнего дворца Павла I, который в сопровождении Аракчеева, Капцевича и Апрелева расставлял новые пестрые будки и часовых. Начинаясь эпоха «плацев», «шлагбаумов», «ботфортов» и «фельдъегерей».

Занятия, как говорил сам Павел, строились теперь «по-нашему, по-гатчински». Уже на следующее утро, то есть 7 ноября, император начинает обычное гатчинское времяпрепровождение. С той лишь разницей, что теперь все это происходит не в Гатчине, а в Петербурге. Очень рано, уже в девятом часу, Павел Петрович совершает свой первый верховой выезд по городу. Сопровождает его Александр Павлович, кото-

* Рассказы светлейшего князя П. М. Волконского, записанные с его слов А. В. Висковатовым // Русская старина, 1876. Т. 16. С. 179.

рый, по его собственным словам, вынужден терять свое время на исполнение обязанностей простого унтер-офицера.

В одиннадцатом часу монарх присутствует при первом вахтпараде. Интересно, что с этого дня вахтпарад приобретает важное, прямо-таки государственное значение. И затем, уже на долгие годы, становится неперменным ежедневным занятием будущих русских самодержцев.

Вот как описывал свое первое впечатление от начальных дней царствования Павла уже знакомый нам Николай Саблуков:

«Явились новые лица, новые сановники. И как они были одеты, о Боже! Несмотря на все наше горе по случаю кончины императрицы, мы от смеха держались за бока при виде этого маскарада. Великие князья Александр и Константин явились в своих новых мундирах; они напоминали собою старые портреты немецких офицеров, вышедших из своих рамок».

Уже с первого дня царствования государь ежедневно отдает «при пароле» приказы наследнику. Они подписываются цесаревичем и скрепляются Аракчеевым. И такой порядок продолжается более 4-х месяцев, вплоть до отъезда двора на коронацию в марте следующего 1797 года.

Острый на язык Ростопчин дал императору обидное прозвище «гатчинский капрал». И вот этот самый «капрал» уже с первых дней берется смирять высокомерие екатерининских вельмож, в том числе и военных, причем без разбору, поголовно. Начинает с развода.

Ну а что же творится на разводе? Русская гвардия еще не знает, как поведет себя новый император. И услышав из его уст поощрение, выраженное в сомнительно-приветственном тоне, в грубой и грозной форме: «Что же вы, ракалии, не маршируете? Вперед, марш!», — гвардейцы не знают, как реагировать. Недоразумение происходит от ожидаемой команды «ступай!». Но, оказывается, согласно «Гатчинскому уставу», команда эта там, у них в Гатчине давно была заменена иностранным словом «марш». И есте-

ственно, что эта команда, пока что чуждая слуху екатерининских солдат, вызвала минутную заминку.

Неприятное впечатление от павловских новаций усиливает и бестактно-грубоватый Аракчеев. Например, при инспектировании им, по поручению императора, Екатеринославского полка Аракчеев называет прославленные знамена этого соединения «екатерининскими юбками». Так что нетрудно себе представить, с каким негодованием слушают его оскорбительные изречения екатерининские офицеры.

Первый высочайший приказ, отданный «при пароле» его Императорскому Высочеству Александру Павловичу уже 7 ноября, состоял из следующих десяти статей:

«1-е. Пароль Полтава.

2-е. Его императорское величество император Павел принимает на себя шефа и полковника всех гвардии полков.

3-е. Его императорское высочество великий князь Александр Павлович в Семеновский полк полковником.

4-е. Его императорское высочество великий князь Константин Павлович в Измайловский полк полковником.

5-е. Его императорское высочество великий князь Николай Павлович в Конную гвардию полковником.

6-е. Полковник Аракчеев комендантом в городе.

7-е. Адъютанты при его императорском величестве императоре Павле Петровиче назначаются: генерал-майор Плещеев, генерал-майор Шувалов, бригадир Ростопчин, полковник Кушелев, майор Котлубицкой и камер-паж Нелидов, который и жалуется в майоры.

8-е. Полковник Аракчеев в Преображенский полк штабом.

9-е. Подполковнику Кологривову быть в эскадроне гусар, как в лейб, так и в его полку и казаками, что и будет составлять полк, прочее ж поступать по уставу.

10-е. Господам генералам другого мундира не носить, кроме того корпуса, которому принадлежат; вообще, чтоб офицеры не носили ни в каком случае иного одеяния, как мундиры».

На том и завершается первый высочайший приказ. На следующий день, 8 января, одних «омундиренных» ждет нечаянная радость, а вот других... В приказе граф Н. И. Салтыков пожалован фельдмаршалом. Бригадир Ростопчин, полковники Кушелев, Аракчеев и Оболянинов — в генерал-майоры. Подполковник Кологривов — в полковники.

Повелено было также в этот день, «чтобы все отпускные гвардии офицеры непременно явились в свои полки в срок по узаконению. Все офицеры, не исправляющие должности, так как камергеры, камерюнкеры, выключаются из полков вон».

На следующий день 9 ноября, продолжают производства. Генерал князь Репнин пожалован в фельдмаршалы. А «адъютант его императорского величества императора Нелидов производится в подполковники». За какие же заслуги этот счастливец менее чем через два месяца, то есть 1 января 1797 года, получит чин полковника, а затем в том же году еще и чин генерал-майора, анненскую ленту и звание генерал-адъютанта? Все объясняется очень просто: он ближайший родственник Екатерины Нелидовой — пассии императора.

Однако при всех этих возвышениях собственных подчиненных он, Павел, надо отдать ему должное, остается в прежнем чине, как и был в пору наследничества. Приказ объявляет: «Его императорское величество император сохраняет звание генерал-адмирала во флоте».

10 ноября. Снова приказ: «...Желающие в отставку гвардии офицеры, по указу о вольности дворянства, выслужившие год, отставляются с повышением одного чина, а не выслуга год, тем же чином».

11 ноября генерал-поручик Мелиссино пожалован в генерал-аншефы.

О Мелиссино можно бы рассказать и поподробнее. Именно благодаря этому добросердечному генералу, тогдашнему директору кадетского корпуса, Алексей Аракчеев стал кадетом. Причем одним из лучших в корпусе. Здесь же, при корпусе, он оставлен учителем арифметики, геометрии и артиллерии.

Некоторые современники полагали тогда, что повышение генерала в звании не обошлось без ходатайства перед императором Аракчеева.

Приказ же от 12 ноября отмечен крайней оригинальностью. «Его императорское величество император всемилостивейше пожаловал графа Чернышева в фельдмаршалы по флоту, которому, однако, не быть генерал-адмиралом».

На этих чинах щедрые милости нового императора не кончаются. По меткому выражению современника, то был не дождь, а ливень всяких милостей и пожалований. Что касается орденов, то Павел «не раздавал, а разметывал их». И снова среди многих десятков отмеченных и Алексей Аракчеев. Так что недавние генералы Ростопчин и Аракчеев сверх поименованных наград получают еще и анненскую ленту. А лично Аракчеев — еще и знаменитую впоследствии вотчину Грузино, под Новгородом.

Гатчинцами завоеванный Петербург

Вот так и прошла, а точнее, проскакала, пронеслась галопом, бешеным аллюром эта первая неделя павловского правления. Однако самым приметным, запоминающимся для императора стал день 10 ноября.

Именно в этот день Гатчинские войска вступают в столицу. Поутру, в раннее для Петербурга время, в половине восьмого часа, государь в сопровождении свиты и наследника выезжает верхом за Обуховский мост. Здесь он поджидает войска и теперь уже во главе их возвращается к Зимнему дворцу.

Когда же войска входят в «алиниеман» на Дворцовой площади, император, обращаясь к пришедшим, громко, с волнением произносит:

«Благодарю вас, мои друзья, за верную ко мне вашу службу, и, в награду за оную, вы поступаете в гвардию, а господа офицеры чин в чин»*.

На улицах Петербурга они выглядят непривычно.

* Записки графа Е. Ф. Комаровского // Исторический вестник, 1897. Т. 69. С. 343.

Некоторые жители не сразу и понимают, какую же страну они представляют и почему вдруг их механический, бесстрастный строй предвворяет конная фигура русского императора.

Конечно же, ежедневная, ежечасная муштра сделала свое дело. Движения этих солдат, доведенные до автоматизма, вызывали на улицах города не столько удивление, сколько оторопь.

Правда, самим чинам Русской армии гатчинцы уже были несколько известны. Ведь ежегодно, весной и осенью, Гатчинские войска производили свои маневры. Происходили они в окрестностях Гатчины и Павловска. Руководил же ими лично наследник. Гатчинцам даже довелось участвовать в военном походе в 1788 году, в Финляндии. Туда был отправлен всего лишь один, 1-й батальон, но вскоре и он был отозван (как говорили, за негодностью).

Управление Гатчинскими войсками состояло из 3-х инспекций: пехотной, кавалерийской и артиллерийской. Последней, а затем еще и первой заведовал Алексей Аракчеев.

И вот теперь повелением императора гатчинцев распределяют между полками гвардии. Батальоны 1-й и 4-й поступают в состав Преображенского полка, 2-й и 6-й — Семеновского, 3-й и 5-й — Измайловского. Из егерской роты формируется лейб-гвардии Егерский батальон. Позже это лейб-гвардии Гатчинский, а с 1856 года — уже лейб-гвардии Егерский полк. Жандармский и Драгунский полки входят в ряды славного лейб-гвардии Конного полка. Гусарский полк и казачий эскадрон входят в Гусарский полк, который сто с лишним лет спустя превращается в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк. И наконец, артиллерийская рота превращается в лейб-гвардии артиллерийский батальон. Большинство же офицеров командируются в полки гвардии в качестве инструкторов для переучивания частей на гатчинский, то бишь прусский образец.

Впечатление, произведенное среди гвардии этим павловским повелением, было неоднозначным. «С какою радостью великие князья увиделись со своими

сослуживцами, и с какою печалью мы должны были считать их своими товарищами, — так вспоминал тогдашний гвардеец Измайловского полка Е. Ф. Комаровский. — Иначе и быть не могло, ибо сии новые наши товарищи были не только без всякого воспитания, но многие из них самого развратного поведения; некоторые даже ходили по кабакам, так что гвардейские наши солдаты гнушались быть у них под командою».

А вот отзыв известного нам Николая Саблукова о «гатчинских пришлецах». Хотя он и оставался до конца приверженцем самого Павла, отзыв его настолько же резок, насколько правдив и беспристрастен:

«Что за офицеры! Какие странные лица! Какие манеры! И как странно они говорили! Все они были малороссы. Легко представить себе впечатление, произведенное всем этим на общество, состоящее из ста тридцати двух офицеров, принадлежащих к лучшему русскому дворянству.

Все новые порядки и новые мундиры подверглись свободному разбору и почти всеобщему осуждению. Но мы вскоре убедились, что о каждом слове, произнесенном нами, доносилось куда следует. Какая перемена для полка, который до тех пор славился своим высоким тоном, согласием и единодушием».

Не менее резок в своих суждениях о гатчинцах и другой гвардейский офицер, Лев Энгельгардт*:

«Дико было видеть гатчинских офицеров вместе со старыми гвардейскими: эти были из лучшего русского дворянства, более придворные, нежели фрунтовые офицеры; а те, кроме фрунта, ничего не знали; без малейшего воспитания, и были почти оборыш из армии; ибо как они не могли быть употреблены в войне и, кроме переходов из Гатчины в Павловск и из Павловска в Гатчину, никуда не перемещались, потому мало и было охотников служить в Гатчинских войсках. Однако ж несколько было из них и благонравных людей, хотя без особенного воспитания, но имеющих здравый рассудок и к добру склонное расположение».

* Записки Льва Николаевича Энгельгардта (1766—1836). М., 1867. С. 197.

А поскольку гатчинцы были рассредоточены по гвардейским полкам Русской армии, прекрасно помнившей счастливые, хотя и несколько фривольные (особенно в последние годы екатерининской поры) времена, они-то и служили механическими проводниками одного лишь бессмысленного гатчинского фрунта. Тот же Энгельгардт в своих записках напоминает, что «строгость касательно войск была чрезмерна. За безделицу исключались из службы, заточались в крепость и ссылались в Сибирь; аресты считались за ничто, бывало по несколько генералов, вдруг арестованных на гауптвахте. Гражданским чиновникам и частным лицам было не легче»*.

Слов нет, последние годы правления Екатерины были совсем не жестки в отношении гвардии, однако павловские повадки приводят к совершенно неожиданным результатам. Как с горечью вспоминали гвардейцы, при императрице «мы думали только о том, чтоб ездить в театры, в общества, ходили во фраках, а теперь с утра до вечера на полковом дворе, и учили нас всех, как рекрут».

Следующий шаг Павла выглядит совсем уж непонятно: унтер-офицеры вместо ружей получают... алебарды. Такое, с позволения сказать, усовершенствование на плац-параде сразу же делает бесполезными для боя не менее 100 человек. Зачем? Ответа на этот вопрос нет и по сей день.

В орбиту «перестройки» втягиваются и высшие чины армии. А фельдмаршалы? Оказывается, и они — не исключение. Им также приходится учиться и знакомиться с «тайнами» гатчинской экзерциции. Введение старого, а точнее, давным-давно устаревшего прусского военного устава сопровождается новыми требованиями по службе. А потому прежние боевые генералы оказываются настолько же несведущими, как и вновь произведенные прапорщики. И все эти новые служебные требования не только трудно исполнить, но нередко и просто понять. Заслуженные боевые генералы, офицеры и поседевшие в

* Русский архив, 1874. С. 198, 1310—1313.

сражениях екатерининские солдаты, столь привычные к «театру военных действий», так и не в состоянии сыграть свою роль в «театре военных представлений».

Гатчинский капрал или рыцарь печального образа?

Для просвещения этих «невежд» в самом Зимнем дворце Павел устраивает тактический класс. Препо­дает в нем некто подполковник Каннибах (Канни­бах). Кто он? Откуда? Вот его краткий послужной список. И. Я. Каннибах — саксен-веймарский дворянин. Выпускник Геттингенского университета. Впослед­ствии служит в армии. Командует лейб-гвардии артиллерийским батальоном. Кроме того, весьма искусен в верховой езде, особенно в выезде. В звании аудитора кирасирского (наследника) полка занимает берейторскую должность. А с 1789 года начинает обучать и Гатчинскую конную артиллерию*.

Надзирает же за занятиями в этом тактическом классе генерал-майор Аракчеев. Так что же являл собой этот генерал, если и через сто и двести лет о нем продолжают вспоминать, когда касаются времени Павла? В воспоминаниях одних — это темная, жесткая и крайне жестокая фигура; таким, например, предстает Аракчеев в исторических трудах Н. Шильдера. Другие, как Д. П. Струков (составивший наиболее беспристрастную биографию Аракчеева), считают его «замечательным деятелем». Наконец, третьи находят, что авторитет всесильного графа поддерживался искусственно. Был крепок, пока условия ему благоприятствовали. А вообще-то он был временщик, а отнюдь не государственный деятель (мнение барона Н. В. Дризена).

Есть и такие, как, например, В. М. Грибовский, кто считает, что вся «тайна его успеха заключалась в образцовой исполнительности и прямолинейной настойчивости, пришедшихся по вкусу двум монархам» (имеются в виду Павел I и Александр I).

* Сведения об артиллерии Гатчинских войск. СПб., 1851. С. 21.

Чтобы разобраться в многообразии этих мнений, послушаем отзыв об Аракчееве его личного адъютанта, служившего при нем не один год И. С. Жиркевича.

«...Слышал он (Жиркевич. — С. О.) много дурного на счет его и вообще мало доброжелательного, но, пробыв три года под ближайшим его начальством, может без пристрастия говорить о нем: честная и пламенная преданность его престолу и отечеству, пронизательный природный ум и смьшленость, без малейшего, однако же, образования, честность и правота — вот главные черты его характера.

Но бесконечное самолюбие, самонадеянность и уверенность в своих действиях порождали в нем часто злопамятность и мстительность; в отношении же тех лиц, которые один раз заслужили его доверенность, он всегда был ласков, обходителен и даженисходителен к ним».

А поскольку в Гатчинских войсках роль Аракчеева была значительной, его армейская стезя поможет нам описать повседневную жизнь гатчинцев с самого начала их появления у наследника и до того, как они набрали силу в самом Петербурге.

Так кто же был он, этот «генерал от артиллерии, выдающийся деятель царствований императоров Павла I и Александра I, именем которого определяют характер целой эпохи русской истории, конец XVIII и 1-ю четверть XIX века?»*

Красные мундиры с черными лацканами

Судьба его — почти зеркальное отражение военных устремлений Павла Петровича, и складывается она из такого числа необычайных историй, что скорее напоминает приключенческий роман, а не привычный путь незамысловатого восхождения простого русского офицера.

Итак, Алексей Андреевич Аракчеев (1769—1834)

* Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 2. С. 628.

происходил из старого дворянского рода. Детство провел в небольшом родовом поместье Тверской губернии Бежецкого уезда. Воспитанием его занимается в основном мать, Елизавета Андреевна (урожденная Ветлицкая). С младых ногтей он педантично аккуратен и бережлив. Толково предъявляет требования к людям. Набожен и вечно в делах. Успехи в домашнем обучении побуждают отца заняться как следует его судьбой. Кем же ему быть? Предел мечтаний — канцелярский чиновник.

Однако всему виной, а быть может, и опорой — случай. Что называется, счастливый. Однажды, когда Алеше шел 11-й год, в соседнее имение к отставному прапорщику Корсакову приезжают в отпуск два его сына — кадеты Артиллерийского и Инженерного шляхетного корпуса. Алексей знакомится с ними, и с той поры вся его жизнь принимает совершенно иной, увлекательно-мистический оборот.

Впечатлительный мальчик все эти дни находился как в лихорадке. «Я не мог наслушаться их разговоров о лагере, ученьях, стрельбе из пушек, — вспоминал он сам. — Особенно поразили меня их красные мундиры с черными бархатными лацканами. Мне казались они какими-то особенными, высшими существами. Я не отходил от них ни на шаг».

Вернувшись домой, он бросается на колени перед отцом. Просит отдать его в корпус. Отец согласен. Но минуло еще два года, прежде чем в январе 1783-го отец с сыном и слугой отправляется в северную столицу. Достаток семьи более чем скромный, оттого и едут «на долгих», и живут на Ямской, снимая угол на постоялом дворе. 10 дней хождений по канцеляриям Артиллерийского и Инженерного шляхетного корпуса, прежде чем принято их прошение (28 января). Затем затяжное ожидание «резюлюции». Подступило лето. Деньги закончились, а резолюции все нет. Началась жизнь впроголодь. Отец и сын вынуждены просить милостыню (кстати, им подавал и сам митрополит Гавриил).

И наконец они, поистратившиеся, голодные, являются снова в корпус. Крайнее отчаяние придает

юному Алексею столько храбрости, что он совершенно неожиданно для отца, да и, возможно, для самого себя, подходит к генералу Петру Мелиссино* и, прерывая мольбу рыданиями, выпаливает: «Ваше превосходительство, примите меня в кадеты... нам придется умереть с голоду... мы ждать более не можем... вечно буду вам благодарен и буду за вас Богу молиться...»

Директор корпуса выслушал отца и тотчас же написал записку в канцелярию. Мальчик был зачислен в кадеты. Так что день 19 июля становится для Алексея счастливым и памятным на всю жизнь. «Этот урок бедности и беспомощного состояния», по собственному признанию Аракчеева, так на него подействовал, что много лет спустя, когда он вошел в силу, он строго требовал, чтобы «резюми» по просьбам исходили бы без задержек.

В корпусе он — образцовый кадет. Через 7 месяцев уже переведен «в верхние классы». А в течение следующего 1784 года Алексей — капрал (9 февраля), фурыер (21 апреля) и, наконец, сержант (27 сентября).

Два года спустя (в августе 1786 года) сержант Аракчеев награжден «за отличие» серебряной вызолоченной медалью (ее носили в петлице на цепочке). А месяц спустя (17 сентября) Алексей Андреевич произведен в поручики и оставлен в корпусе преподавать.

Успехи молодого офицера в теории и практике артиллерии были замечены. Алексей назначен командиром гренадерской команды, образованной в корпусе из лучших фронтовиков (1789 год). А всего лишь два года спустя Аракчеев — старший адъютант

* Мелиссино П. И. (1726—1797) один из блистательных генералов екатерининских времен. Сын лекаря, выехавшего в Россию при Петре Великом. Участник Семилетней войны, затем Турецкой. Рекомендован Потемкиным императрице и был назначен директором Артиллерийского и Инженерного корпуса (1783). При вступлении на престол Павла I Мелиссино произведен в генералы от артиллерии. Отличался необыкновенной заботливостью к своим питомцам в корпусе. Аракчеев впоследствии воздвиг ему памятник у себя в имени, в Грузино. Сын Мелиссино Алексей — участник войны 1812—1813 гг. — отличался отчаянной храбростью.

инспектора всей артиллерии генерала Петра Ивановича Мелиссино (24 июля 1791 года).

И вот с этой-то поры и начинается его служба в составе Гатчинских войск. Как же все произошло? В это время цесаревич Павел Петрович был занят организацией собственных войск. И как-то раз в разговоре с Петром Мелиссино наследник престола выразил желание иметь в собственной маленькой армии деятельного офицера-артиллериста, который сумел бы организовать ему артиллерийские части. И Мелиссино, ни минуты не задумываясь и даже не спрашивая согласия, рекомендовал Аракчеева.

4 сентября 1792 года Алексей Андреевич является в Гатчину. Неизвестный капитан принят наследником очень сухо, но вскоре Павел убеждается, что рекомендованный офицер — человек дельный.

Однако почему же за Аракчеевым в эти годы закрепляется нелестное прозвище «Гатчинский капрал»? Оказывается, Павлу Петровичу, строившему свою собственную пока еще личную армию, было крайне трудно «выбивать» у государства деньги на собственную артиллерию. И потому Аракчееву приходится применять в этих делах много хитрости, подчас и прямолинейного солдатского напора. А поскольку цесаревич не имел формального права получать казенные отпуска на свои Гатчинские войска, Аракчеев вынужден проявлять изобретательность. Он умело посредничает с Главным Артиллерийским управлением, комбинирует, получает необходимое в долг.

И в конце концов Мелиссино скоро начинает давать Гатчинской артиллерии не только орудия, понтоны и артиллерийские припасы, но также и отменных канониров и бомбардиров.

А тем временем Аракчеев не забывает и про сами стрельбища и поражает цели из мортиры так удачно, что растроганный Павел Петрович назначает его командиром артиллерийской «Его Императорского Высочества команды». Энергичный офицер, в свою очередь, с решительностью занят нововведениями в своей команде.

Во-первых, в 1793 году Аракчеев разделяет артиллерийскую команду на 3 пеших и одно конное отделения. Причем «пятую часть» его подопечных теперь составляют фурлейты, понтонеры и мастеровые. Во главе отделений, то бишь капральств и упомянутой нами «пятой части», он ставит знающих свое дело, ответственных начальников.

Во-вторых, уже к началу 1796 года он составляет особую инструкцию, в которой с поразительной ясностью излагает права и обязанности буквально каждого должностного лица и управление артиллерии.

В-третьих, Аракчеев составляет план «быстрого развертывания» своей небольшой команды в 4-ротный полк.

В-четвертых, устанавливает новый, практичный и пока еще «учебный способ» действий при орудиях.

В-пятых, учреждает «классы для преподавания военной науки». Именно этим он значительно облегчает комплектование команды не только нижними чинами, но также и офицерами.

В-шестых, прививает артиллерии подвижность, благодаря которой она на маневрах с участием всех родов войск успешно исполняет свое предназначение. Доводит специальную подготовку до столь высокой степени, что артиллеристы цесаревича уже прекрасно исполняют особые, сложные маневры. Эта аракчеевская выучка солдат и офицеров пригодилась уже много лет спустя в наполеоновских войсках. Русская конная артиллерия была необычайно мобильна и действовала в Отечественную войну 1812 года и в зарубежном походе 1813—1815 годов выше всяких похвал.

В-седьмых, Аракчеев обращает не меньшее внимание и на устройство хозяйственной части. Определяет «должности» ее чинов с четкими инструкциями обязанностей каждого.

И, наконец, в-восьмых, Алексей Андреевич составляет новые уставы строевой, гарнизонной и лагерной службы. Апробирует все это в действии. Впоследствии они вводятся во всей Русской армии.

До наших дней дошло немало нелестных отзывов об Аракчееве. Сохранились легенды о его якобы необычайной жестокости. А иначе, полагали рассказчики, чем же достигал он строевой выучки и дисциплины, как не зверствами и неистовствами? И будто бы «Гатчинский капрал» в ревностном пылу учил солдат по 12 часов кряду. Бил их нещадно, вырывал нижним чином усы и грубил офицерам. В мемуарах современников можно встретить еще и «щедрое награждение людей ударами трости», и глумление над знаменами; да и «вообще с нижними чинами он поступал совершенно по-собачьи, как разъяренный бульдог».

Но все эти ужасы были пересказаны с чужих слов. Чем лучше относился к Аракчееву Павел, тем шире, словно круги по воде, расходились нелепицы о «Гатчинском капрале». Щедрые милости Павла, особенно когда он взошел на престол, множили число недоброжелателей Аракчеева. Ему попросту завидовали, а потому и интриговали против него.

И буквально буря страстей закрутилась вокруг этого ревностного служаки, когда на коронацию 5 апреля 1797 года Аракчеев был пожаловал Александровским кавалером и титулом барона. Более того, благодарный Павел собственноручно начертал на его гербе девиз: «Без лести предан». И тотчас же наши записные борзописцы начали сочинять самые злостные эпиграммы и каламбуры, такие, например, как «Бес лести предан» и тому подобное.

А теперь обратимся к документам той далекой поры, а именно к «Книге приказаний при пароле с 5 июля по 15 ноября 1796 года». Вплоть до революции 1917 года она хранилась в Стрельнинской дворцовой библиотеке. На страницах этой книги можно обнаружить немало интересного. Оказывается, например, что из всех 135 сохранившихся здесь записей на долю взысканий приходится всего лишь 38. Среди них 8 замечаний, 22 выговора, 3 вычета из жалованья, 2 ареста, 1 исключение во флот и 2 разжалования.

За это время под суд был отдан один — за побег. А вот случаев «прогнания сквозь строй» — ни одного. Интересно, что сам Аракчеев ходатайствовал о разжаловании некоего фельдфебеля. Основание приказа — за жестокое наказание им (фельдфебелем) подчиненного.

За весь краткий период правления Павла I Аракчеев дважды подвергался опале. Зная строптивый характер императора, можно наверняка сказать, что незаслуженно. Против Аракчеева продолжали усердно интриговать. Любопытно, что вторая опала Алексея Андреевича продолжалась почти до последних дней царствования Павла.

Но то, что Аракчеев был действительно «без лести предан», подтвердил сам император. И вот каким образом. Когда он почувствовал, что кольцо интриг вокруг него сужается и все может закончиться трагедией, то в начале марта 1801 года внезапно вызвал опального генерала из Грузина в Петербург. Уже вечером 11 марта Алексей Андреевич у шлагбаума петербургской заставы, но... здесь его почему-то (по приказанию военного губернатора графа Палена) задержали.

А в ночь на 12 марта Россия осталась без императора Павла. Так что окажись тогда «старый артиллерист», отличавшийся, по словам поэта князя Петра Вяземского, «рыцарством», рядом с монархом, история империи могла бы пойти совсем по иному пути.

Будучи совершенно непричастен к событию этой зловещей ночи, Аракчеев впоследствии с гордостью написал на воздвигнутом им в Грузине памятнике императору Павлу: «Сердце чисто и дух мой прав перед тобою».

ИРРЕГУЛЯРНЫЕ — КУБАНЦЫ, ТЕРЦЫ И ДОНЦЫ

Что же представляли собой иррегулярные, то есть нерегулярные войска? Именно так назывались у нас воинские соединения, не имеющие правильной организации либо значительно отличающиеся по комплектованию и обучению от регулярных войск.

Первоначальной причиной их появления было стремление использовать воинственные объединения, племена для военно-оборонительных и сугубо местных целей.

Это особое значение иррегулярные войска приобрели еще со времени Тридцатилетней войны. И наибольшего развития достигли именно в России. Это казаки и калмыки, башкиры и так называемые кавказские инородцы.

Существовали иррегулярные соединения и в других странах. Так, например, в Австрии это были кроаты, пандуры, граничары, в Турции — арнауты и черкесы, курды и баши-бузуки.

Авангард татарских конниц

С годами, когда упрочилось государственное устройство, необходимость в иррегулярных войсках заметно уменьшилась. Так что они либо исчезли вовсе,

либо превратились в регулярные войска. Но комплектовались они по-прежнему — на особых началах. Примечательно, что к XX веку иррегулярные сохранялись в основном в России, Турции да еще в небольшом числе стран.

Прежде чем рассказать о быте и нравах кубанцев, терцев и донцов в суворовские времена, следует непременно поведать о самом появлении казачества на территории нашей страны.

В широком смысле термин «казак» означает лицо, принадлежащее к казачьему сословию или состоянию, в котором числилось население ряда местностей России. Люди эти пользовались особыми правами и преимуществами на условиях обязательной общей воинской повинности. В узком же смысле слова казаки составляли часть вооруженных сил России, преимущественно кавалерию и конную артиллерию. Само же слово «казак» — обозначение нижнего чина казачьих войск, рядового звания.

Относительно происхождения слова «казак» существует несколько интересных версий. «Казак», или «козак», — производное либо от имени касогов, одного из кавказских народов, либо от турецко-татарского «каз» (гусь).

Наряду с этими версиями бытует и другая, согласно которой термин «казак» монгольского происхождения и происходит от двух слов: «ко» — броня, латы, защита, и «зах» — межа, рубеж, граница. Иными словами, «козак» — защитник границы.

В частности, у татар «казаками» называли бессемейных молодых одиноких воинов, служивших в авангарде при походах, да и просто при передвижениях татарских орд. Их роль была строго обозначена — нести разведочную и сторожевую службу. Шли годы, и татарские казаки продолжали служить уже при баскаках, что собирали дань на Руси. И так постепенно перешли на службу к русским князьям, продолжая нести прежнюю, сторожевую службу. Расселенные по окраинам, в частности, в Муромских землях, по притокам реки Оки, эти воины надежно защищали уже русские земли от возмож-

ных набегов. То были Мещерские или Городецкие казаки.

Со временем уже и русские служилые люди, селившиеся на окраинах государства для несения сторожевой «станичной» и пограничной — «полевой» службы, назывались «казаками».

При Димитрии Донском на русских границах возникли казачьи наблюдательные посты, разъезды. Они утверждаются по рекам Дону и Хопру, Быстрой и Тихой Сосне и другим водным рубежам. Называются эти пограничья «сторожами». И постепенно из таких вот «сторожей» по восточной границе Московского государства образуется целая линия укрепленных городов. И населены эти города, несущие пограничную службу, особым классом служилых людей. Их называют «городовые казаки».

Кто же служит теперь в русских казаках? Определялись, или, как тогда говаривали, верстались, в казаки люди буквально всех сословий. Условия службы, несмотря на их сложность, были отменными. Верстанные воины получали в свое пользование земли. Освобождались от податей. Иногда получали и особое жалованье, однако обязаны были иметь и коня, и вооружение, приобретенные за свой собственный счет.

Впервые такие казаки появились в Рязанском княжестве. В 1444 году рязанские казаки приняли деятельное участие в битве с татарами, которых привел на Русь царевич Мустафа. Но уже при Иоанне IV Грозном казаков переводят в ведение Стрелецкого приказа. И составляют из них особый род войска.

Необходимость и своевременность этого вида воинской службы столь велика, что боярин князь Вортынский составляет «Устав сторожевой пограничной службы» (1571 год) — специально для казаков. Теперь уже появляются и разные виды этой службы. Среди них станичные сторожевые казаки, то есть станичники. Были и так называемые вожди, то есть проводники, и сторожа. И наконец, городовые (полковые), что обязаны были защищать города. Сторожевые казаки получали и особое жалованье.

Существовала и одна особенность: хотя все казаки управлялись своими атаманами (а иногда, правда, и стрелецкими головами), подчинялись они непосредственно воеводам.

Как же выглядела система сторожевой охраны ко времени правления Иоанна Грозного? Система эта была рассчитана достаточно мудро. Сперва шла внутренняя линия укрепленных городов. То были Нижний Новгород, Муром, Мещера, Касимов, Рязань, Кашира, Тула, Серпухов и Звенигород. Охраняли ее внушительные военные силы.

Далее к границе тянулась передовая линия укрепленных городов — Алатырь и Темников, Кадом и Шацк, Ряжск и Данков, Епифань и Пронск, Михайлов и Дедилов, Новосил и Мценск, Новгород-Северский и Рьльск и хорошо известный нам и поныне своими историческими, военными и духовными событиями Путивль. Из этих-то укрепленных городов и рассылались в степи по всем направлениям боевые сторожевые разъезды, которые доходили до самого Азова.

Точно такая же передовая линия строится и вдоль Волги со времени покорения Казани и Астрахани. А передовые линии по мере постройки впереди новых городков — таких, как Ливны и Воронеж, Елец и Белгород, Оскол и Валуйки, Кромы и Борисов — постепенно выдвигаются вперед.

Иррегулярные времен Екатерины

Шли годы и века. И чем более сильной становилась государственная власть в России, тем меньше значило для нее вольное казачество. А потому и начинает падать независимость вольных казачьих общин. Постепенно они превращаются в отдельные казачьи войска.

Большое число казачьих войск появляется в середине XVIII столетия. Это Оренбургское, Астраханское и Волжское. В конце века возникают еще Екатерининское и Черноморское.

Особенно значимой становится роль казаков при Екатерине II. И каких только иррегулярных частей

не перебивало в стране за годы екатерининского правления! Например, Бахмутский конный казачий полк (позже преобразованный в Луганский пикинерный) или Бутское казачье войско (образовано в 1774 году). Судьба последнего примечательна. Составлено оно было турками в 1769 году из поселенных на реке Буге молдаван, валахов и других задунайских христиан, которые во время войны поголовно перешли на сторону России.

Год спустя появляется и поселенный на реке Ингульце казачий полк, на вербованный еще во времена турецкой войны из иностранцев славянской крови (1775 год). Екатеринославское казачье войско, первоначально образованное в 1787 году из однодворцев, расселенных в Екатеринославской губернии. Затем Крымско-Татарское войско, ведущее начало от таврических национальных дивизионов, образованное в 1784 году из жителей новоприсоединенного к России Таврического полуострова (то есть Крыма). Греческое (Албанское) войско учреждено в 1775 году из греков и албанцев, служивших в продолжение Турецкой войны на Русском флоте и по окончании войны поселенных близ крепости Керчь и Еникале.

Были еще временные казачьи части — полки Лалаша, Левиза, Фризе и Шенка, сформированные в 1764—1774 годах из малороссийских и южнославянских выходцев. Прекрасно себя проявила и так называемая Волонтерская команда, созданная в 1787 году по случаю Турецкой войны из южных славян, албанцев, молдаван и греческих выходцев.

Прекрасно сражаются и «Бутские спиры» — тоже волонтерские когорты, возникшие в 1788 году при армии Григория Потемкина. Они состояли из арнаутов, валахов и других народностей. Появляется даже и Ямской казачий полк (удивительное, ранее никогда не существовавшее образование) — из ямщиков Московской, Тверской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Ярославской, Вологодской и Костромской губерний. Этот полк был создан в 1788 году для участия в Шведской войне. И наконец, Корпус мало-

российских пеших стрелков, набранный из мало-российских казаков в 1790 году.

В этом солидном перечне иррегулярных частей не приведены те казачьи полки, которые хотя и существовали в екатерининскую эпоху, но возникли еще при Петре Великом и даже ранее.

Императрицыны конвойцы

К Русской армии у Екатерины было трепетное отношение. Но особенной ее симпатией пользовались гусары и казаки. И тому подтверждением — появление стремительных и элегантных императорских конвойцев. Ярким весенним днем начала мая при Высочайшем дворе учреждены для императорского конвоя Лейб-гусарский эскадрон, а также Чугуевская и Донская конвойные команды.

Облачение их было столь красиво и вместе с тем сдержанно-элегантно, что об этом нельзя не упомянуть. Вот как описывает эти одежды автор «Истории Императорской Российской гвардии» Иоанн Пушкарев:^{*}

«Чугуевская конвойная команда.

Подобно Лейб-гусарскому эскадрону, чины и сей команды имели одежду парадную и вседневную. Первую составляли кафтан из красного, с лацканами или отворотами из зеленого сукна, с подбоем рукавов из зеленого стамеда, обшивкою вокруг из узкого серебряного галуна, пуговицами из английского олова, и двумя эполетами из серебра с красным шелком; полукафтаны из белого сукна, с серебряным на обшлагах галуном; шаровары из зеленого, с выкладкою на боковых швах из красного сукна, и с нашивками по ней из черного шнура; сапоги из желтого сафьяна; пояс желтого стамеда; галстух из черного флёра; перчатки замшевые, без обшлагов.

Шапка, подобно лейб-гусарской, опушенная черною смушкою, с красным выпуклым верхом, укра-

^{*} Пушкарев И. История Императорской Российской гвардии. Ч. 1. СПб., 1844. С. 291.

шенным большою серебряною кистью или мохром, с двумя кистями из серебра и красного шелка, и с султаном и бантом белыми, епанча вся белая.

Унтер-офицеры (квартирмейстер и вахмистр) отличались тем, что имели кисти на шапке совсем серебряныя.

Офицерам обмундирование было присвоено подобное рядовым, только с галунами большей ширины и по всем швам, с кистями и шнурами на шапке совсем серебряными, с серебряною обшивкою сапогов, и с шарфом, вместо пояса, из золота и черного шелка.

Вседневная форма была у нижних чинов, кафтан, полукафтанье, шаровары и шапка, такие же, как и парадные, только с белым и красным гарусом, вместо серебра и шелка; сапоги черные, галстух стамедный, чепрак из красного сукна, с обшивкою из белого, а впрочем все то же, что полагалось в параде.

Вооружение. При парадной форме рядовых вооружение и амуницию составляли: сабля, с эфесом и оправою стальными, а ножнами и португеею черными кожаными; погонная перевязь лосинная; лядунка, с посеребренным государственным гербом, и лядуночный ремень (через левое плечо) лосинные; пика железная с крашеным древком, красного цвета; карабин без штыка с медным прибором, чепрак из черной овчины, с обшивкою из красного сукна и с вензелями из белого шелкового шнура; чемодан зеленый.

Унтер-офицерам ни карабинов, ни пик не полагалось.

Офицеры имели сабли, с эфесом и оправою ножен вызолоченными, темляки, подобные шарфам, а чепраки из красного сукна, с галуном и вензелями серебряными.

Донская конвойная команда.

В парадной форме полагалось: кафтан зеленый с подбоем рукавов красным, с обшивкою из серебряного галуна, с пуговицами лужеными, и с эполетами из серебра с красным шелком; полукафтанье и шаровары из красного сукна, первое без обшивки, послед-

ния с зеленою суконною выкладкою, и с нашивками по ней из серебряного шнура.

Сапоги из черного сафьяна; пояс из черного стамеда; галстух из черного флёра; перчатки замшевые, без обшлагов.

Шапка наподобие чугуевской, но с верхом, обшитым узким серебряным галуном и украшенным такою же небольшой кистью, вместо мохра; епанча белая.

Офицеры отличались тем, что имели галун шире и по всем швам, сапоги с серебряною обшивкою, и вместо поясов золотые с черным шелком шарфы.

Вседневная форма была: кафтан, полукафтанье и шаровары, подобные парадным, но первый с обшивкою из белого нитяного, а последние из белого и черного гарусных шнурков.

Шапка без галуна, с мохром из белого и красного гаруса, и с белым бантом и султаном; галстух из черного стамеда.

Вседневное офицерское обмундирование обеих команд неизвестно.

С 1790 года нижние чины, как Чугуевской, так и Донской команд, в летнее время носили короткую красную куртку, с небольшим, стоячим воротником и с зубчиками по нижнему краю, застегнутую на крючках и обшитую, по воротнику, краям рукавов, борту, всем швам и вокруг зубчиков, серебряным шнурком.

Два эполета из серебра и красного шелка, с красными Императорскими вензелями; пояс из белого стамеда; шаровары из черного сукна, с серебряным шнурком, нашитым вдоль боковых швов, в виде решетки; сапоги черные.

Шапку прежнего покроя, из черной смушки, с черным же, суконным верхом, обшитым серебряными галунами и украшенным при оконечности серебряною кистью, с бантом белым и с султаном белым же, имевшим верх красный.

Офицеры имели всю одежду такую же, но галуны шире; внизу куртки, вместо зубцов, серебряную бахрому; по поясу шарф из золота и черного шелка.

Сапоги с серебряным шнурком и кистями; султан весь белый.

Вооружение. При парадной форме нижние чины имели, вместо сабли, шашки, на узком ремне из черной кожи; карабин без штыка, с медным прибором; лядунка из черной яловочной кожи, обложенная красным сукном и украшенная узким серебряным галуном, и высеребренным государственным гербом; пика с красным древком; при седле пара пистолетов; чепрак из белого сукна, с обшивками и выкладками белыми же, и чемодан белый. Все остальные принадлежности конского убора были те же, что и в Чугуевской команде.

Офицеры имели чепраки с галуном и вензелями серебряными.

При вседневной форме: лядунка без обшивок, с металлическим прибором, вылуженным, вместо высеребренного, и чепрак из красного, с обшивкою из белого сукна.

С 1790 года нижние чины имели ефес сабли и оправу ножен стальные, а аммуницию черную.

Офицеры носили ефес и оправу сабли вызолоченные, темляк золотой, с черным шелком».

КУБАНЦЫ

Кубанская пограничная линия, или Кубанский кордон, составляла в свое время правый участок Кавказской пограничной линии. Она была возведена еще в екатерининские времена, когда среди ногайцев Ногайской степи, а также среди закубанских горцев начались волнения и в результате участились набеги на наши южные границы. Для успокоения края правительство выделило войска. Постепенно их число было доведено до 5 пехотных и 4 казачьих полков, а также 30 эскадронов регулярной конницы.

А между тем более крупные отряды русских войск располагались у Тамани и у Копыла. От них-то и были выставлены заставы по Кубани. Пространство же между Таманью и Азовом контролировалось совсем

небольшими отрядами, размещавшимися не только по берегу Азовского моря, но также и в степи.

В декабре 1777 года командующим войсками на Кубани был назначен Суворов. Едва прибыв в Копыл (16 января), он сразу же предпринял объезд правобережного района вплоть до устья Кубани. И затем составил не только подробнейшее описание местности, но и отметил местоположение различных горских племен, обитавших здесь же, за рекой. Отметил их образ жизни, а также военные качества и сноровку в боевых схватках. В результате этого пристального, профессионального взгляда была осознана необходимость построения ряда крепостей и иных опорных пунктов по всему правому берегу реки Кубани.

Вереница этих военных пунктов должна была протянуться от самого устья Кубани до реки Лабы, а далее следовать к Ставрополю. Кроме того, надлежало немедленно построить и так называемые «коммуникационные» укрепления.

Естественно, что раз уж здесь появился Суворов, то строительные работы начались без промедления. И это несмотря на сильные с ветром морозы и непрекращающиеся набеги горцев.

Как же прекратить или хотя бы сократить число этих набегов? Полководец принимает кардинальные, действенные меры. Прежде всего он выжигает прибрежные камыши. Организует прекрасную наблюдательную службу. Учреждает постоянные посты и, главное, распределяет так называемые «подвижные резервы», с тем чтобы дежурящие на постах могли получить своевременную помощь.

Быстро подвигаются и все строительные работы. Непосредственное руководство Суворова позволяет уже к лету возвести кордон. А ведь это огромное пространство — 540 верст в длину, разбитых на 6 «дирекций» по 90 верст каждая.

Прежде всего на Таманском полуострове вырастают крепости Темрюкская и Таманская, редуты Подгорный и Песчаный, а также фельдшанец Усть-Кубанский.

Вверх по Кубани на протяжении 34 верст появляется редут Правый, крепость Благовещенская (впоследствии Ольгинский «тет-де-пон»*) и фельдшанец Каракубанский. В этом направлении растягивались расположенные вдоль береговой дороги к Азову редуты на реках Кепрели и Бейсюге, а также крепость Ачуевская.

Затем на протяжении ста верст были сооружены фельдшанцы Римский и Ангельский, крепость Маринская, редуты Архангельский и Гавриловский. На следующем промежутке поднялась крепость Александровская (впоследствии Усть-Лабинская) и редут Михайловский.

Наконец, на протяжении 120 верст по Кубани (до Всесвятского) и 60 верст степью (до Ставрополя) оцетинились против возможных набегов фельдшанец Западный, крепость Павловская (впоследствии Кавказская), фельдшанец Восточный, крепость Царицынская и редуты Всесвятский (впоследствии Прочный Окоп) и Державный (впоследствии крепость Св. Николая).

Кордон сообщался с Азовом двумя главными путями. Береговым, то есть вдоль Азовского моря, и степным — от крепости Благовещенской. Первый надежно охраняли редуты на упомянутых уже реках Кепрели, Бейсюге и Ее. Второй же сторожили редуты Терновский и Большой Ейский-Эльбюздский.

Суворовский запал

Поторапливая с возведением оборонительных устройств, Суворов неукоснительно требует от военных строителей соблюдения следующих требований. Все укрепления должны иметь круговой обстрел. Вырытые наружные рвы (одиночные или двойные) следуют рыть глубиной и шириной не менее 1,5 сажений.

Не забывает Суворов и о брустверах: «...какие выйдут, но непременно выше грудной высоты». И, наконец, амбразуры из туров, бонеты — из мешков. А вы-

* Тет-де-пон — предмостное оборонительное укрепление; позиция, оборудованная для прикрытия переправы через мост.

ходы следует прикрывать траверсами и заграждать рогатками. А вот на «эспланадах» он рекомендует устраивать всевозможные искусственные препятствия. Это волчьи ямы, засеки и рогатки.

Кроме того, Суворов требует подготавливать у каждого из укреплений так называемые «планки» — сомкнутые окопы для хранения обозов и прочего «скарба».

Сколько же солдат предполагал наш полководец содержать в каждом таком укреплении? В крепости — 2 роты, а в прочих опорных пунктах — не более роты и до двух капральств*.

По всей линии Суворов учреждает «извещательные» казачьи посты, примерно в 3—5 верстах друг от друга. Кроме того, в разных местах размещены еще и казачьи заставы.

Одновременно со строительством этой огромной системы укреплений — «Кубанской Пограничной Линии» (иногда ее называли просто «Кубанский Кордон») — полководец преподает войскам подробные наставления для службы на линии, способы обороны укреплений, а также правила соблюдения боевой бдительности.

Интересно, что возможность падения опорных пунктов отрицалась полностью — как по «обыкновенному российскому мужеству», так и по предусмотренной скорой выручке резервами.

Строительство «Кубанского Кордона» завершается к 1778 году. Однако уже 5 лет спустя из-за возобновившихся волнений горцев здесь снова появляются войска под предводительством Суворова. И на этот раз полководец направляется с экспедицией нашей армии за Кубань, где и громит горцев.

Сечевики

Датой образования Кубанского казачьего войска считается 19 ноября 1860 года. Однако старшинство свое оно ведет еще с 1696 года, так как именно тогда

* Капрал — воинское звание младшего командира в Русской армии XVIII и первой половины XIX века. Часть роты, находившаяся под командой капрала, называлась капральством.

был сформирован старейший из вошедших в состав войска Хоперский полк (Кавказского Линейного казачьего войска).

Существуют, правда, и другие мнения относительно даты возникновения кубанцев. Черноморское войско, впоследствии названное Кубанским, было учреждено Потемкиным в 1783 году для защиты Новороссии. Из кого же состояло это славное воинство? Оказывается, из бывших запорожцев, первоначально поселенных между Днепром и Бугом. И только в 1792 году черноморских казаков переселяют на Кубань, где они и основывают Екатеринодар (ныне Краснодар).

Но коль скоро мы коснулись запорожцев — будущей основы Кубанского войска, необходимо рассказать об их появлении и исходе, а точнее перевоплощении в знаменитых кубанцев. Ведь без норова запорожских казаков нельзя понять и казаков Кубани.

Итак, время основания Сечи* как постоянной казачьей общины, что обосновалась за днепровскими порогами, — конец XVI столетия.

В связи с чем же появилось это особое, можно сказать, необыкновенное запорожское казачество? Причин тут было немало. Казаки ходили, по выражению старинных грамот, «на Низ» ради звериного и рыбного промысла. Направлялись туда и против татар, причем нередко по собственной инициативе.

Это место, как удачный военный пост, предложил еще Евстафий Дашкевич — черкасский и каневский староста (1533 год). Росло казачество — учащались и самостоятельные походы казаков на татарские и турецкие владения. Направлялись они туда и сухим путем, и водным — на лодках-чайках, надстроенные борта которых не пробивали даже пули.

* Сечь, или Сичь, — термин этот, которым обозначают пребывание казаков в Полтавских актах XVII и XVIII столетий, переводится как «лесная вырубка». И, следовательно, указывает на то, что первые поселения запорожских казаков ставились на островах, еще заросших лесом. Таких Сечей за время существования запорожцев в Запорожье насчитывалось 8 — Хортицкая, Базавлуцкая, Томаковская, Микитинская, Чортомлыцкая, Каменская, Алешковская и Новая (или Подпиленская — 1734—1775 гг.).

Вся Запорожская община Сечи называлась еще и кошем. Слово это татарского происхождения и означает оно «стан». Кошем иногда называли и сечевое правительство.

Кто же мог стать членом этой общины? Оказывается, доступ в ряды сечевого товарищества был совершенно свободным. От новичка требовали соблюдения лишь трех условий — признания православной веры, обязательства ее защищать, а также неукоснительного подчинения общим правилам войска. И хотя в Сечь принимали людей всех национальностей, большинство составляли малороссы.

В жизни сечевого товарищества царило полное равенство. Действовало самоуправление. Все войско подразделялось на курени, первоначально возникшие, как полагают, из групп земляков. Каждый курень выбирал себе атамана, ведавшего хозяйством и всеми внутренними делами. Назывался он куренным.

Кзаками всех куреней руководил кошевой атаман, которого избирали на общем собрании, Раде. При атамане состояли помощники — войсковой судья, писарь и есаул. Все эти должностные лица избирались на целый год, но если войско выражало им свое недовольство, их можно было сменить и раньше.

В походе кошевой атаман обладал неограниченной, абсолютной властью. Вместе с тем в самой Сечи в мирное время он шагу ступить не мог без согласия рады. Бывали, правда, случаи, когда в поход уходила часть войска и кошевой оставался дома. Тогда начальство над экспедицией вручали особому полковнику. Но власть его тотчас заканчивалась, стоило войску возвратиться в Сечь.

Всякий казак имел право не только участвовать в Раде, но быть избранным на любую должность. Сама жизнь запорожцев здесь, в Сечи, отличалась необыкновенной простотой нравов. И, пожалуй, самой удивительной особенностью их сообщества было... безбрачие.

Это требование было возведено здесь в ранг закона. А все потому, что сечевики смотрели на семью как

на прямую помеху их здешнего, во многом обособленного существования. «Блудодеяние» считалось по запорожским обычаям преступлением и сурово наказывалось.

За приглашение женщины в Сечь грозила смертная казнь. А потому это исключительно мужское поселение «версталось», пусть и на добровольных началах, из холостых мужчин, вдовцов, а также из казаков, покинувших собственных жен во славу Сечи.

Под стать основному принципу жизни сечевиков был и характер мирных занятий. Земледелие здесь, в соседстве с татарами, было невозможно. А потому главным мирным занятием становится охота и рыбная ловля.

Первое время сечевики жили все вместе, каждый курень — в особом сооружении, простейшей постройке, носившей то же название. То был шалаш, сплетенный из хвороста и покрытый сверху конскими шкурами. Здесь велось хозяйство, и общие средства уходили на стол. Пища казаков была достаточно незатейливой: соломаха — ржаное квашеное тесто, тетеря — похлебка из ржаной муки либо щерба — рыбная похлебка.

Порядок внутри Запорожской общины поддерживался строжайшей, можно сказать, жестокой дисциплиной. Запрещались строго-настрого ссоры между товарищами. А за воровство в своей собственной среде, а также разбой и насилие в мирных христианских селениях и вовсе грозила смертная казнь. И хотя с течением времени первоначальные, примитивные формы общежития усложнились, основные моральные принципы оставались на Запорожье неизменны в течение двух веков.

Отношения с турками и татарами у Сечи были очень сложными. Изначально и Турция, и Крымское ханство были главными противниками запорожцев. Но с другой стороны, усиление России на юге, рост ее влияния во время многочисленных войн с Турцией, а особенно постройка крепостей в низовьях Днепра вызывали у сечевиков тревогу и опасения за их вольности. В 1701 году Сечь решила даже пойти на

союз с Крымом и выступить против Московского государства. Правда, план этот так и не был приведен в исполнение, поскольку от сотрудничества с казаками отказался сам крымский хан.

Однако и позже, когда совершилась измена Мазепы, кошевой атаман Сечи Константин Гордсенко, непримиримый враг России, передался шведскому королю Карлу XII вместе с 8000 войска. Итог можно было предрешить. Пленные запорожцы казнены Петром I. Самые же укрепления Сечи — разрушены (1709 год).

Шли годы. Русское правительство, несмотря на исправное отбывание запорожцами сторожевой службы и на деятельное участие их в войнах с Турцией, относилось к Сечи с подозрением. И в 1775 году императрица Екатерина II поручает Потемкину уничтожить Запорожскую Сечь. А вскоре, в июне того же года, генерал-поручик Текелий во главе войска, составленного из регулярной пехоты, кавалерии и донских казаков, занимает Сечь. Часть запорожцев бежит в Турцию, а из оставшихся в России и организуется Черноморское, позже названное Кубанским войско (1783 год).

Князь Потемкин прекрасно понимал, какую неопределимую роль смогут сыграть запорожцы — исконные и боевые враги мусульман. А потому сделал следующий (после разорения Сечи) решительный шаг — призвал на службу рассеянных казаков, окружил их отеческим попечением. И братство вместе с новым именем «Войско Верных казаков» теперь получает от императрицы землю в вечное владение. А начальствовать над ним поручают первому кошевому атаману русской службы подполковнику Сидору Белому.

Потемкин передает ему через Суворова бывшее в Запорожье большое белое знамя и малые знамена для куреней, а также булаву и несколько перначей*. У под-

* Пернач — старинное русское оружие, состоящее из короткого древка с металлическим наконечником в виде щитков (перьев); отсюда и название. У казаков служило символом атаманского звания.

полковника появляется и новая печать с надписью: «Печать коша Войска Верных казаков». В середине печати изображен воин, опоясанный саблей. В одной руке он держит мушкет, а в другой — знамя с крестом.

С серебряным блеском синие черкески

Казачьи полки были разделены по полкам, как и в армии. Конные полки поступили под начало Захара Чепеги, деятельного помощника кошевого атамана. А пешие — под командование Антона Головатого, войскового писаря. Заняты казаками были и все офицерские должности. Офицеры-казаки получили армейские чины, а также право обшивать свои чекмени* такими же галунами, какие шили в ту пору на офицерских камзолах.

«Пеших казаков одели в зеленые черкески, конных — в синие, с откидными рукавами, с обложкой по борту из золотого или серебряного шнура. Шаровары оставлены турецкие, широкие.

На вызов Потемкина откликнулись и те из «неверных», которые поселились в турецкой земле. Многие из них, особенно молодые, присоединились к войску «верных» казаков, так что в короткое время собралось без малого 3000 конных и 9500 пеших. Сидор Белый поставил на скорую руку первый кош за днепровским лиманом, с кинбурнской стороны; но прочное устройство оседлости было отложено на будущее время, в виду открытия военных действий.

Войско получило все способы для ведения войны. Его снабдили лодками, артиллерией, оружием, огнестрельными припасами; каждому было положено жалованье, провиант. И казаки подвизались с успехом на море и на суше, пешие и конные. Первые их подвиги, как во времена запорожских походов, были совершены против турецкого флота.

В то время, когда армия Потемкина медленно подвигалась к Очакову, в виду этой крепости происхо-

* Чекмень — верхняя с длинными полами одежда у казаков; мундир казачьего офицера, суконный, в талию, со сборками сзади.

дили частые схватки между турецким и нашим флотом. В гребной флотилии, состоявшей под начальством принца Нассау, находилось 80 казачьих лодок, державших охрану»*.

Вот лишь два эпизода участия казаков в осаде турецкой крепости Очаков летом—осенью 1788 года.

16 июля Гассан-паша поднимает из-под Очакова буквально весь свой флот. Необходимо, пока не поздно, истребить русскую гребную флотилию. С немалым трудом и с огромными предосторожностями пробираются турки через отмели. Выстраиваются вдоль нашего левого фланга — и всю ночь напролет грохот разрывов, огонь, едкий дым и гулкое эхо, не успев докатиться до берега, перекрываются громом следующего выстрела.

А вот и рассвет. Грозная линия вражеских кораблей, фрегатов и мелких судов устремляется навстречу русским на всех парусах. Османы, уверенные в скорой победе, с презрением посматривают на наши лодки, галеры и плавучие батареи. И тут принц Нассау открывает огонь. Уже через час 70-пушечный турецкий корабль садится на мель. За ним следом и 80-пушечный, да еще и под вымпелом адмирала.

А между тем гребная флотилия приближается. Казаки, сухопутные казаки вдруг дерзко бросаются на бордаж.

Изумлению турок, казалось бы, нет предела. Они видят себя окруженными своими вековыми врагами. Ненависть переходит в ярость. Долго и отчаянно они защищаются, не в силах перейти в наступление. Все тщетно. А в эти минуты плавучие батареи, метающие брандскугели и каленые ядра, поджигают несколько других судов. В равнине вод резкие отражения огня. Злобное шипение мачт и снастей, стремительно падающих в море.

Гассан-паша, потерявший в эти 4 часа 2 тысячи убитых (1500 остались в плену), приказывает отступить. Правда, в битве погибает и кошевой «Верного» войска — атаман Сидор Белый. А яростное отмщение

* Абаза К. К. Казаки. СПб., 1890.

казаков за гибель любимого атамана сводит турецкий флот, стоявший под Очаковым, почти к полному уничтожению.

Захар Чепега получает в знак уважения из рук Григория Потемкина дорогую саблю.

А между тем (во время осады Очакова) Гассан-паша вторично появляется здесь с флотом. Укрепляет остров Березань и оттуда снабжает крепость продовольствием. Затем в спокойной уверенности отплывает в Стамбул.

А уже 7 ноября, ранним утром, казаки подплывают к острову на своих юрких лодках — чайках. Турки сразу же встречают их шквальным огнем с береговых батарей. Казаки отвечают залповым огнем, после чего бросаются в воду и, поспешно выбираясь на берег, поднимаются на вражеские батареи. Оторопелые турки, ретируясь, перебегают в укрепление. Оттуда тотчас же посыпают казаков картечью. И вот тогда предприимчивые нападающие разворачивают на 180 градусов турецкие же пушки. Втаскивают на берег еще и свои, прибывшие с моря, и открывают постоянную, добротную стрельбу.

Все это происходит столь неожиданно и стремительно, что турки не успевают даже осознать происходящее. Выкидывают белый флаг. Потери казаков — 29 человек, при том, что одних только пленных турок взято 320 человек. Кроме того, 23 орудия, 150 бочек пороху, огромный запас хлеба, несколько знамен (за которые Потемкин распорядился выдать по 20 рублей за каждое).

А вскоре к светлейшему является Головатый. Подходя, запеваёт: «Кресту твоему поклоняемся, Владыко». После чего кладет к его ногам ключи от крепости.

Мундиры новые — привычки старые

О том, до какой степени укоренилось между бывшими сечевиками вековое братство и с каким трудом они приспособлялись к новым порядкам, свидетельствует следующий случай, также произошедший

во время осады Очакова. Однажды один именитый казак в чем-то провинился. Светлейший узнал об этом и приказал полковнику Головатому от себя пожуричь виновного. На другой день полковник, являясь с рапортом, докладывает, что приказание его светлости исполнено в точности.

«...Пожурили виновного по-своему». — «Как пожурили?» — поинтересовался Потемкин. — «А просто: положили, та киями откатали так, что едва встал...» — «Как! Майора? — закричал светлейший. — Да как вы могли?..» — «Да и правда, насилу смогли, едва вчетвером повалили: не задался, однако справились. А що за беда, що вин майор? Майорство его не при чему, воно за ним и осталось!»

А за оказанные в этом году услуги войско, кроме высочайшего благоволения, удостоивается наименования «Черноморского».

Как же использовали черноморцев первое время в Русской армии? Конные казачьи полки с большой расторопностью выведывают направление, в котором движется противник. Сноровисто и быстро доставляют провиант и снаряды в опасные места. Держат пикеты и разъезды. И что, пожалуй, главное — служат прекрасными проводниками через хорошо знакомые им очаковские степи.

Множество забот и у пеших казаков. Их юркие лодки видны повсюду. Снуют вдоль морского побережья или в камышах Дуная. Открывают следы неприятеля. Берут на абордаж его корабли и даже штурмуют крепости. Так, например, при активном содействии казаков взяты Килия, замок Тульча, крепость Исакча.

А 18 ноября 1790 года Дунайская флотилия под началом де Рибаса, продвигаясь Килийским гирлом*, подступает к крепости Измаил. Казачий полковник Антон Головатый с 12 лансонами и казачьими лодками встает ниже крепости. А де Рибас со своей флотилией — выше.

* Гирло (горло) — одно из речных устьев при Черном и Азовском морях. Особенно известны Дунайские гирла, их еще называли «морской проливец».

Интересно, что перед решительным сражением Антон Головатый получает от де Рибаса на свое судно брейд-вымпел, дабы «...столь почетный командорский знак служил вождю храбрых моряков-черноморцев на казачьей флотилии честью и славой».

Утро 20 ноября. Обе флотилии под прикрытием своих батарей подходят к крепости на картечный выстрел. Жесткая канонада. В то время, как моряки Ахметов и Поскочин громят турецкие суда под самым бастионом, казаки Головатого набрасываются на турецкую флотилию. И начинается страшное избиение противника. 90 судов погружаются в воду или сгорают под натиском «верных».

Потери турок в этот день превосходят все мыслимые размеры — 118 орудий. Флот перестает существовать. Остается, правда, сухопутная твердыня, которую еще предстоит брать Суворову.

Измаил был взят штурмом 11 декабря 1790 года. Но еще в начале того же года Екатерина, предваряя события, отправляет на южные границы России князю Потемкину рескрипт следующего содержания:

«Приемля за благо ревностные труды ваши по устроению войск казачьих, которые в течение настоящей с турками войны не один раз на тверди и водах отличились усердием и храбростью, Всемилошвейше соизволяем, чтобы вы, по главному над ними начальству, именовались великим Гетманом наших казачьих Екатеринославских и Черноморских войск и пребываем всегда вам Императорскою нашею милостью благосклонны».

А как же отметила императрица победу, только-только одержанную под Измаилом? Высочайшие награды казакам-черноморцам были воистину царские. Бригадир Чепега получает орден Святого Георгия 3 степени. Полковник Головатый — Владимира 3 степени. А есаул Кутина и писарь Котляревский произведены в полковники. 500 офицеров награждены следующими чинами. А всем войсковым чиновникам императрица жалует, причем наравне с офицерами армии, памятные Золотые Знаки с надписью на аверсе: «За отменную храбрость». А на

противоположной стороне, на реверсе: «Измаил взят 11 декабря 1790 года». Казакам же розданы серебряные медали с вензелем императрицы и с надписью — «За отличную храбрость при взятии Измаила декабря 11-го 1790».

Зеленый, в талию чекмень и белая черкеска

Как уже говорилось, выселенные из Запорожской Сечи и усердно воюющие с турками казаки-черноморцы получили под поселение земли между Бугом и Днестром, по берегу Черного моря. Кроме того, новый их гетман — Григорий Потемкин дарит им и собственный богатый рыбный промысел на Тамани. Так что казаки поспешно заселяют вновь отведенную им землю и даже успевают основать свой кош в селении Слободзее. Но тут неожиданно умирает Григорий Потемкин. И хотя земли казакам и были отведены, он, Потемкин, не успел еще испросить у императрицы разрешения на них.

И вот, не успев еще обжиться и устроить свой быт, казаки получают приказание готовиться к очередному (последнему ли?) переселению.

Куда же на этот раз? На Кубань. И хотя приговор войска, собранного на Раду, был трезв и спокоен: «Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст!», казаки тотчас отсылают есаула Гулика осмотреть пожалованные земли. Вместе с тем отправляют и депутацию в северную столицу — испросить царскую грамоту на вечное владение ими.

Добиться приема императрицы оказалось делом совсем непростым. Однако казакам сопутствовала удача. Вот каким видится этот долгожданный день царской аудиенции по воспоминаниям очевидцев и документам.

В тронной зале дворца все — придворные, дипломаты, министры — в ожидании выхода императрицы. Среди вельмож выделяются колоритно одетые люди с бритыми головами — депутация казаков. Впереди Головатый. На нем зеленый, в талию, делающий еще более стройной и без того ладную фигуру чекмень, об-

шитый полковничьими галунами, белая черкеска, широченные шаровары. И невысокие красные, с серебряными подковами сапожки. Вся грудь в орденах.

Сурово посматривая на окружающих, Головатый покручивает длинный ус. Затем встает на указанное ему место. Говор в зале утихает мгновенно. Государыня тем временем величественно ступает между рядами. Медленно с благожелательной, располагающей к беседе улыбкой она приближается к черноморцам.

Старый запорожец оживляется. Глаза блестят радостью. И он громко и ясно произносит по-русски приветствие от своего коша. Императрица ласково выслушивает и подает ему руку. Атаман падает на колени. Заливается слезами и при этом троекратно лобызает царские персты. Екатерина еще некоторое время беседует с запорожцем, а затем так же медленно удаляется в свои покои.

Вскоре становится известна и воля самодержицы — следует подать записку о нуждах войска Черноморского.

Между тем депутация, ожидая ответа, проживает в столице. Головатого наперебой приглашают к себе на обеды многочисленные петербургские вельможи. И все жадно спрашивают про былую Сечь, про нравы и обычаи запорожцев.

Естественно, Головатому было о чем рассказать. Сильное впечатление производил на петербуржцев и сам несколько картинный, живописный образ казака-черноморца той поры. Как же выглядел этот лихой наездник в последней четверти XVIII века? Ныне мнения на этот счет расходятся. Многие считают, что черноморец сохранил и на Кубани «свой заветный запорожский червонный жупан^{*}, с цветным полукафтanjem, подпоясанный цветным шелковым кушаком, синие суконные шаровары в несколько аршин ширины, убранные в желтые сафьянцы с высокими каблуками».

Однако на деле Черноморское войско в конце XVIII столетия было чрезвычайно пестрым по своему

^{*} Жупан — мужская теплая верхняя одежда, род полукафтання.

этническому и социальному составу. Бывшие запорожцы составляли меньшую часть войска, а большую представляли вольные и беглые «охотники» (то есть добровольцы), «польские выходцы», бывшие «гетманские», чугуевские и донские казаки, люди «мужицкого и неизвестно какого звания». Естественно, что и одежда этих людей отражала их материальное положение, социальный и национальный состав.

Лишь для первых добровольцев удалось пошить относительно однообразные «казацкие кафтаны». Причем были они из разноцветного сукна с преобладанием синего. Казаков же артиллеристов, число которых чуть превышало 100 человек, украшали красные кафтаны.

Среди головных уборов черноморцев преобладали шапки из смушки с меховым околышем и матерчатый верхом, скроенные в форме цилиндра или усеченного конуса. Часть казаков носила шапки типа «мегерки». И только в 1811 году в Черноморском войске утверждают первое официальное обмундирование, да и то для лейб-гвардии Черноморской сотни.

А между тем Головатый становится день ото дня все более популярным в Петербурге. Иногда он по просьбе пригласивших его хозяев берет с собой бандуру. «Певает» старые казацкие песни, то заунывные, печальные, от которых щемит сердце и наворачиваются слезы, то разгульные — от них кружится голова. А ноги сами собой ходят ходуном.

Депутатов приглашают на все придворные празднества. Особенно ласково относится к ним великий князь Константин Павлович. Однажды, проходя мимо Головатого, он завертел пальцами около уха, точно хотел завернуть, закрутить вокруг него чуприну. И спросил у него при этом, отчего это черноморцы завертывают свою чуприну непременно за левое ухо?

— Все знаки достоинства и отличий, Ваше Высочество, как-то: сабля, шпага, ордена, носят на левом боку, — отвечал Головатый, — то и чуприна, как знак удалства и храбрости, должна быть завернута за левое ухо.

А однажды до Екатерины доходят слухи, что Головатому ох как хотелось бы заглянуть в ее императорские апартаменты. И она тотчас же приказывает показать депутатам весь дворец. Сверху донизу. Когда же казаков ввели в ее рабочий кабинет и показали стол, за которым работает государыня, Головатый тотчас схватил перо, благоговейно его облобызал и затем с трепетом положил обратно на стол.

«Жалуется знамя войсковое»

Наконец наступает и долгожданный для казаков день. 30 июня 1792 года в Сенате получен Высочайший указ. В нем говорится, что войску Казачьему Черноморскому, собранному покойным генерал-фельдмаршалом князем Потемкиным* из верных казаков бывшей Запорожской Сечи, дана Жалованная грамота на остров Фанагорию со всеми угодьями и землями между Кубанью и Азовским морем.

А в грамоте, данной черноморцам, после перечисления их боевых заслуг было сказано:

«...Войску Черноморскому предлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских; на производство жалованья кошевому атаману, войсковым старшинам и прочие по войску расходы повелевается отпускать по 20 тысяч рублей в год; предоставляется пользоваться свободною торговлею и вольною продажею вина на черноморских землях; равно впадающих в погрешности судить и наказывать войсковому начальству, но важных преступников отсылать к губернатору Таврическому. Высочайше жалуется знамя войсковое и литавры, кроме тех знамен, булавы, перначей и войсковой печати, которые от покойного фельдмаршала, по воле Императрицы, уже войску доставлены»**.

* Казаки не забыли своего великого гетмана Григория Потемкина и в память о нем изготовили большое белое атласное знамя, которое вплоть до окончания Русской Гражданской войны хранилось в Екатеринодарском войсковом соборе. Его окружали два голубых знамени, изготовленных в том же году собственно для войска доблестным кошевым Захаром Чепегой.

** А б а з а К. К. Казаки. СПб., 1891. С. 221.

Через две недели депутаты прибывают в Царское Село, во дворец. Приносят благодарность императрице за милость к войску Черноморскому. Вот краткая речь Головатого:

«Всемиловитивейшая Государыня! Ты нас приняла, яко мать. Мы воздвигнем грады, населим села и сохраним безопасность пределов. Наша преданность и усердие к Тебе, любовь к Отечеству пребудут вечны, чему свидетель Всемогущий Бог».

Допустив казака к руке, императрица жалует Головатому золотую шпагу, а всему войску — на золоченом блюде хлеб-соль с вызолоченной солонкой, украшенной двуглавым орлом. Награждены и все остальные депутаты — каждому очередной чин. Среди награжденных и младший сын Головатого.

А перед отъездом из северной столицы им вручают Высочайшую грамоту в богатом ковчеге. А также знамя, литавры, войсковую печать, а для кошевого — саблю, усыпанную драгоценными камнями.

Между тем кошевой отряжает специальный пятисотенный конный отряд. Он-то и встречает с большой торжественностью посланцев-депутатов в 30 верстах от Слободзеи.

Здесь, на новых казачьих землях, отмечают казаки большой праздник — Успение Пресвятой Богородицы. Собирается в кош все «верное» войско и строится в две лавы, по обе стороны главной улицы. Около церкви установлен высокий помост, покрытый турецкими коврами. На нем стол, прикрытый парчой, — для царских подарков.

По левую сторону помоста — полукружием старшины с булавами, знаменами и значками. По правую — духовенство в полном облачении. Кошевой Чепега и войсковой писарь ожидают на возвышении. Как только подъезжают депутаты, подан знак — раздаются один за другим три пушечных выстрела. После чего старшины выходят навстречу и преподносят хлеб-соль от всего войска.

Головатый, церемонно приняв хлеб-соль, торжественно-медленным шагом движется между лавами. Перед ним штаб-офицеры — несут монаршие хлеб-

соль, покрытые изысканной полупрозрачной тканью. Сам же Головатый теперь держит блюдо с грамотой. Рядом, чуть позади, его сыновья. Один несет письмо самодержицы кошевому. Другой — жалованную саблю изысканной работы. И все это происходит на фоне пушечного грома.

Наконец пушки замолкают. Головатый произносит приветствие. После краткой и выразительной речи он передает кошевому (с соблюдением строгой очередности) все Высочайшие дары. После этой удивительно торжественной процедуры Головатый препоясывает кошевого саблей. В свою очередь кошевой целует хлеб-соль, а грамоты передает войсковому писарю, который тотчас же доводит их содержание до окружающих. Следом Чепега приветствует, уже от собственного имени, все войско.

Торжественные процедуры продолжают. Духовенство двигается в сторону церкви. Штаб-офицеры несут стол с подарками и ставят его перед иконой Спасителя. Затем при огромном стечении казаков Амвросий, архиепископ Екатеринославский, приступает к божественной литургии. После нее торжественно отслужен молебен с многолетием. И все это — под звон колоколов, учащенную пальбу из пушек и ружей.

Наконец, царские дары перемещают из церкви в дом кошевого, где монарший хлеб делят на 4 части. Одна поступает в войсковую церковь, другая отправляется на Тамань — к товарищам, третья делится по полкам, и, наконец, четвертая остается на столе у кошевого.

И вот тут-то и начинается широкое казачье веселье. Пьют старшины за царское здоровье. Часть гостей остается на торжественный обед. Другая же отправляется к Головатому, неся перед собой с превеликой церемонией остаток царского хлеба. И тут, и там долго гуляют, памятуя старинный казачий обычай, так же широко и вольно, как в былое время на Запорожской Сечи.

Между тем другая часть казаков — на пути в Тамань. Оказывается, еще до прибытия Головатого войско отрядило на Тамань около 4 тысяч пеших каза-

ков. Они отправились туда под командой полковника Саввы Белого. А через две недели после войскового праздника в том же направлении выступает и сам кошевой во главе пяти полков со штабом и обозом. Два полка предусмотрительно оставлены на месте.

Поздняя осень, конец октября. Изнуренные долгим и многотрудным переходом казаки выходят на реку Ею, к границам Черноморья. Перезимовывают и уже на следующий год окончательно и накрепко занимают Кубанскую границу.

Вскоре подходит и сам Головатый с обоими полками. Состояние переселенцев можно охарактеризовать как почти паническое. Их пугает обилие заросших камышом речек и болот. Нигде не находя приюта, люди начинают зарываться в землю. Положение усугубляет и то, что, отправляясь в долгий путь, люди явились сюда с пустыми руками. Но и здесь их выручает, и уже в который раз, тесное, неразрывное братство. Уже через год-два в этих, прежде необитаемых местах вырастают хутора и курени. Люди с завидным усердием возделывают землю и сажают сады. Разводят пчел и насыпают запруды. Устраивают мельницы и строят храмы. Но самое главное — ради чего они и прибыли в эти края — настойчиво ограждают Кубань пикетами.

Близ Кубани, в Карасунском куте, черноморцы основывают новый город, получивший название в честь государыни, — Екатеринодар. По примеру запорожского коша здесь возводится крепость. Кроме того, по Сечевому уставу поднимаются курени или казармы, в них-то и переселяют казаков, обретавшихся до того во временных землянках. Столь же быстро строится пока еще скромная, походная Свято-Троицкая церковь (100 лет спустя здесь появится и каменная). 38 станиц, разбросанных по Кубанской земле, получают название Запорожских куреней.

Кроме того, вчерашние переселенцы решают построить еще два памятных, значимых куреня. Екатерининский — в честь императрицы. И Березанский — в память о славном подвиге (на острове Березани). А над лиманом Лебяжьим казаки основывают обитель для своей же братии.

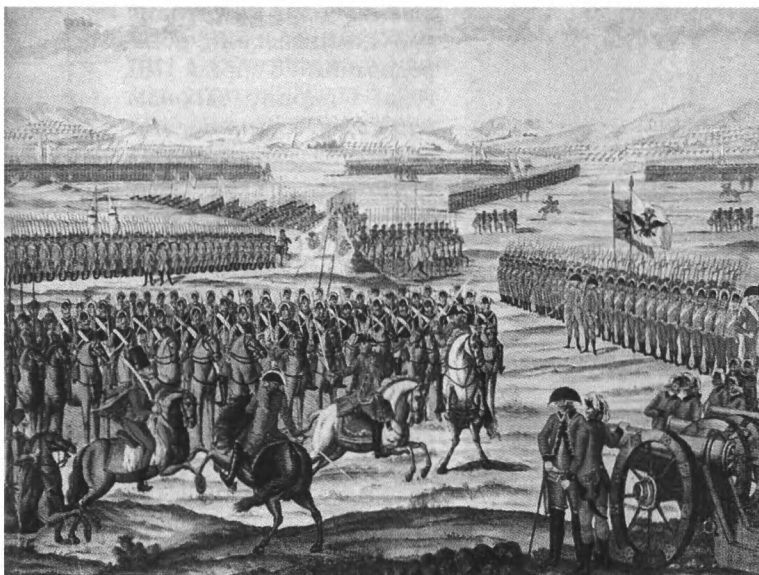


Егерь армейской пехоты. Форма — зеленая с черным.

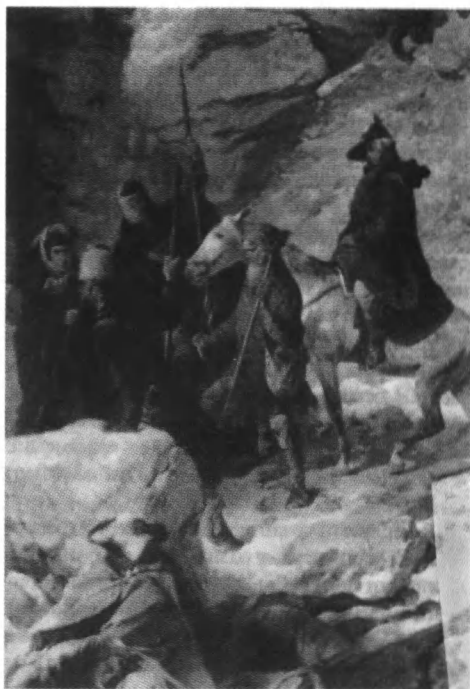


Офицер с семьей
на прогулке.

Фельдмаршал
Потемкин
устроивает
смотр войскам.
28 апреля 1788 года.

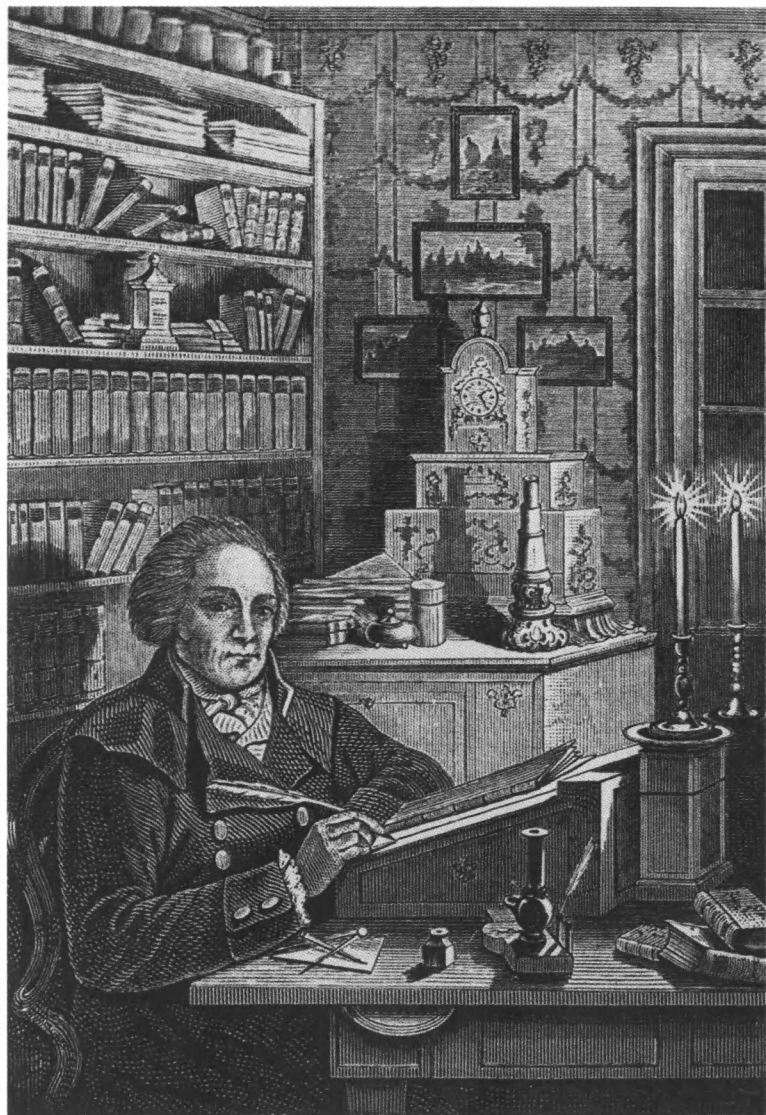


Переход суворовских солдат через перевал Паникс. 1799.



Потемкин допрашивает пленного турецкого офицера.





Офицер елизаветинских времен и ученый-аграрий Андрей Болотов.



Страж на
питерской
таможне.



Офицер на прогулке
с дамой.



Уральские казаки,
проходящие
в августе 1799 года
через Аугсбург.



Фривольные
французские
гравюры
в кабинете
офицера.



В часы редкого досуга. Екатеринославский казак. 1788.



Казачи. В ожидании скорой трапезы.





Атака казаков
в сражении
на реке
Треббии
6—8 июня
1799 года.



Светлейший
князь Потемкин
во главе
кавалергардов.



Лагерь екатерининских солдат. *С рисунка А. Бенуа.*

Бытовые хлопоты перед парадом.

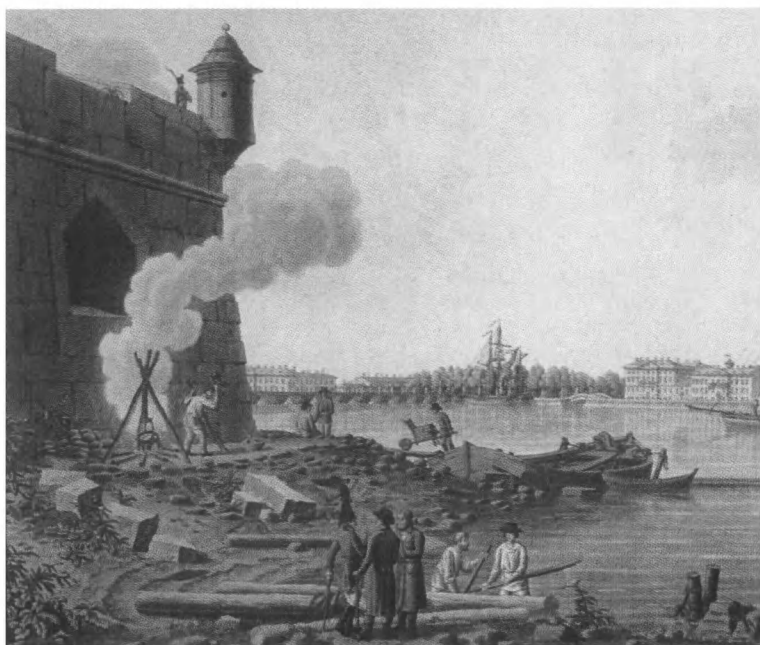
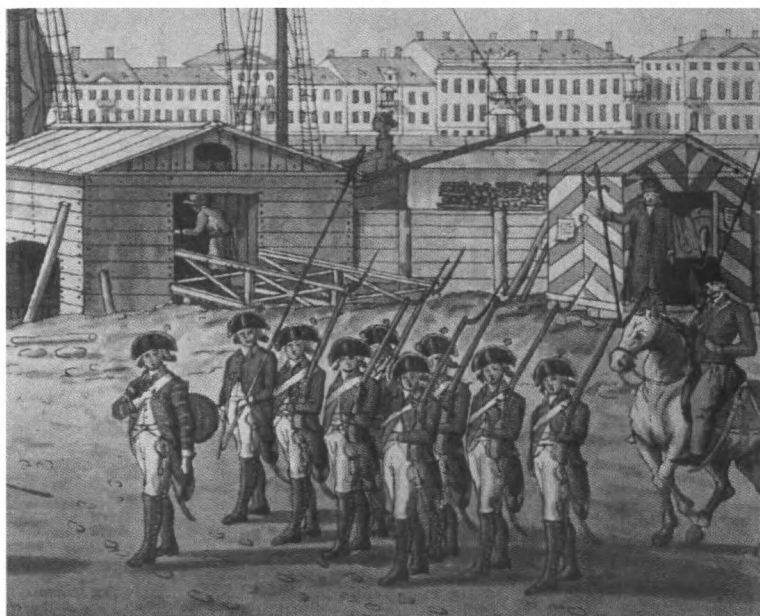




Строй солдат
на Английской
набережной
со стороны
Васильевского
острова.

Часовой на стене
Петропавловской
крепости.

На взгляд
офицера.



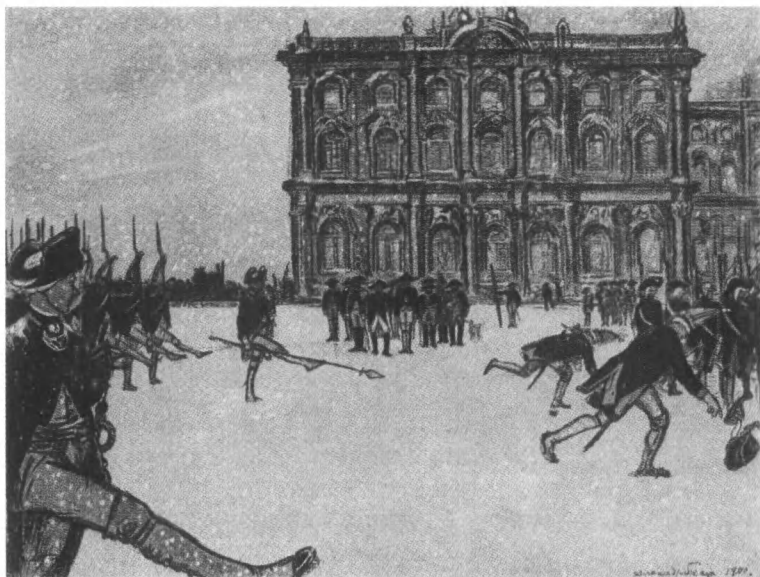


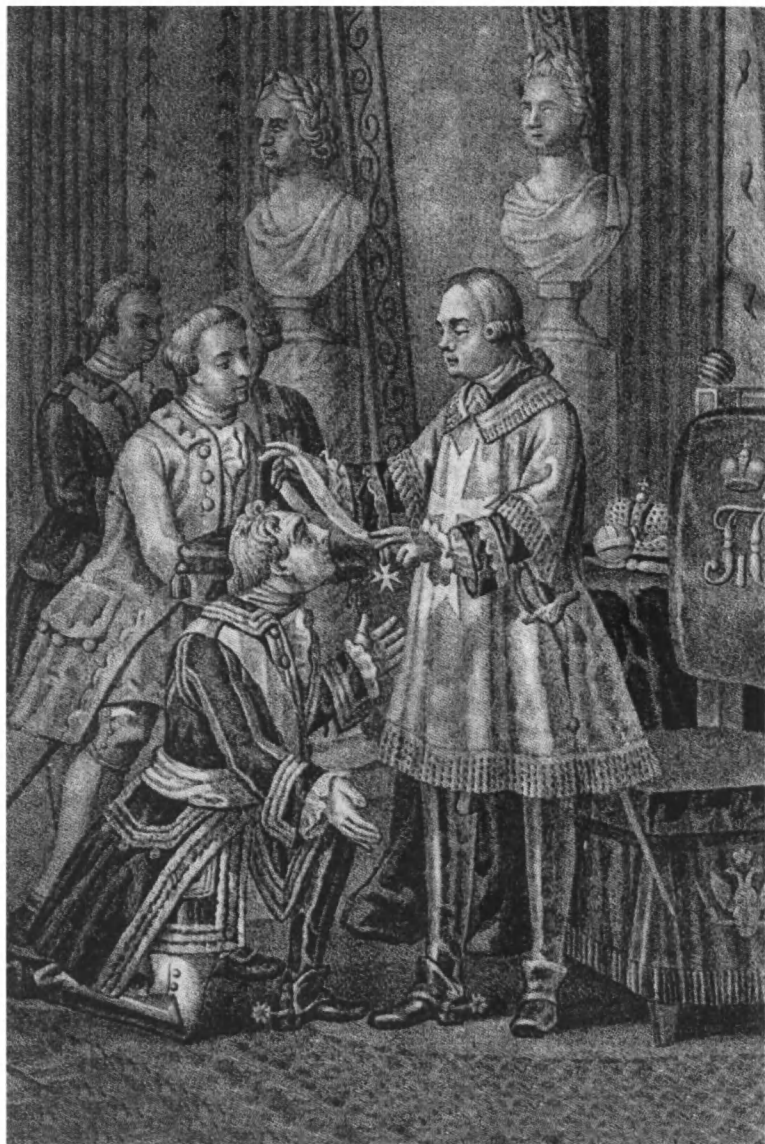
Русский офицер у Михайловского замка.



Ветры павловских перемен. *Рисунок А. Бенуа.*

Развод караула перед Зимним дворцом. *С рисунка А. Бенуа.*





Император Павел I возлагает на фельдмаршала Суворова крест Святого Иоанна Иерусалимского. 1799.

Сколько же было их, этих энергичных, незатейливо-простых, но бесконечно честных и отчаянно-смелых людей?! Около 17 тысяч человек. По излучинам Кубани, от Воронежского редута и вниз, до красивейшего Бугаза (позднее его стали называть Королино-Бугаз, то есть Королевский), на пространстве почти в 300 верст длиной Чепега ставит множество кордонов, получивших название Черноморской кордонной линии.

В верхние кордоны Чепега ставит от 50 до 60 казаков при одном старшине. В нижние — от 25 до 30. Что же представляют собой эти несложные военно-инженерные укрепления? Прежде всего, приступая к их возведению, казаки окапывают кордон глубоким рвом. Сооружают бастионы, обсаженные колючим терновником (плотной зеленой стеной). А за надежной спиной всех этих укреплений, внутри ставят жилье для казаков и навесы для лошадей.

Кроме того, на пространстве между кордонами, в более опасных местах, насыпают батареи и ставят пикеты. Эти самые казацьи батареи — те же кордоны, только оснащенные еще и пушками.

Что же касается пикетов, или, как казаки называют их, «бикетов», то они рассчитаны на совсем небольшие группки защитников, в 8—10 человек. Со стороны они выглядят более чем мирно. Походят на круглые, точно врытые в землю корзины, окруженные небольшим «ровиком». Над каждым из таких «мирных» укреплений возвышается на четырех опорах «вышка». Посредине ее камышовой крыши, сходящейся на конус, или, как говорят казаки, подобранной кверху пучком, торчит высокий шпиль с перекладиной. На обоих концах этой широко разнесенной перекладины покачиваются плетеные шары — эдакое подобие коромысла с ведрами. Это своеобразный вестник тревоги — казацьий «маяк».

Стоит сторожевому с вышки увидеть неприятеля, как он кричит: «Черкесы! Бог с нами!», а в эти минуты снизу ему отвечают: «Маяць же, небоже!» И вот

тогда шары поднимались вверх. Они «маячили» тревогу.

Кроме того, на некотором расстоянии от казачьих укреплений в землю врывали высоченную жердь, обмотанную пенькой и сеном. Это колоритное сооружение именовали «фигурой». И если в темную южную ночь неприятель прорывал где-либо «линию», прежде всего извещали о нем эти факелы.

Загорались «фигуры», проливая багряный свет по берегу. А затем уже следом за световым сигналом до слуха защитников пикета долетали и сигналы звуковые, уже невольные, — учащенные выстрелы и топот коней, возгласы команд и крики врагов, рев быков и бляение баранов.

Так что вплоть до начала XX столетия на зеленых холмах Кубани возле случайно сохранившихся «фигур» нередко можно было увидеть сравнительно высокие, иногда покосившиеся кресты — могилы павших в одиночном бою постовых казаков.

Пластуны

Почти на всем своем протяжении длинная кордонная линия служила и естественной, природной преградой от горцев. Плавни и болота, покрытые непроглядным лесом камыша, скрывали порой диких кабанов. Мириады мошек и комаров буквально грозowymi тучами проносились над этими дикими местами.

И вот в таких поначалу неприглядных местах черноморцы, и в первую очередь пластуны, проводят на приграничной линии долгие месяцы и годы. В вечной опасности, часто в холодной, застойной воде, а нередко и выжидая долгие часы под водой, пластуны в вечных поисках черкеса по плавням.

Откуда же взялось это название «пластуны»? Так назывались казаки Кубанского казачьего войска, которые несли службу исключительно пешими. А само слово «пластуны» происходит от другого слова — «пласт», то есть человек, лежащий пластом.

Первоначально это название было присвоено в Черноморском казачьем войске казакам-охотникам

(имеются в виду добровольцы, или, по-старинному, «охочемонные» люди), занимавшим в камышах и плавнях Кубани, впереди сторожевых постов, линию засад на случай неожиданного появления горцев. Издавна в пластуны выбирали лучших стрелков и исключительно выносливых, смысленных людей, способных целые дни проводить в воде, в камышах. И летом, среди полчищ насекомых, и осенью, под яростным дождем, и зимой, в снегу.

Мастерство пластунов формировалось постепенно, в упорной борьбе с пограничными племенами и самой природой. Под постоянной угрозой горской пули и кинжала вырабатывался неповторимый тип разведчика-охотника, способного на удивительные подвиги. Однако среди пластунов эти подвиги — обыденность, каждодневный труд.

Приносимая ими польза оказалась настолько существенной, что уже в Николаевскую эпоху (1842 год) в 12 конных полках и 9 пеших батальонах Черноморского войска вводят по штату команды пластунов. А вообще история пластунских батальонов Кубанского казачьего войска такова. 1-й Кубанский пластунский генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича батальон ведет начало от Черноморского войска, образованного из запорожцев 14 января 1788 года.

А 13 января 1802 года Черноморскому войску было повелено содержать 10 пеших полков, в числе которых был сформирован 8-й пеший полк Черноморского казачьего войска. После этого полк в течение многих лет охранял наши границы от горцев и участвовал во многих экспедициях против них.

«Залогн», конные разъезды

По ту сторону Кубани жили многочисленныи горские народы — шапсуги и бжедухи, абазинцы и нахтухайцы и другие. И все они признавали своим верховным повелителем турецкого султана, владевшего тогда Анапой. Анапскому паше было поручено наблюдать за черкесскими народами и управлять ими.

Однако горцы бывали послушны только тогда, когда паша принимал их сторону или же явно поощрял вражду к русским. Во всех остальных случаях это была неуправляемая вольница.

Вплоть до переселения сюда Черноморского войска закубанские горцы привыкли пользоваться лугами и пашнями и по эту сторону реки. И даже временно проживали здесь.

С появлением русских черкесы поначалу собирают хлеб, забирают хозяйство и уходят на свой берег безо всякой вражды. Соседи первое время живут мирно. И более того, черкесские князья частенько наезжают в молодой, строящийся Екатеринодар, где их радостно встречают. А многие князья просят даже разрешения перейти в русское подданство.

Но, увы... Подстрекательства турок, природные черты, старая привычка испробовать соседа на прочность — все это вызывает учащающиеся набеги закубанцев. И жизнь кубанских казаков перестраивается на военный лад.

Особые вооруженные отряды охраняют теперь станицы всю ночь. А находящиеся в дороге путники еще до заката солнца собираются под защиту ближайшего кордона. Потому-то и пограничные поселенцы теперь вынуждены ходить не иначе как вооруженными. И даже несмотря на кордонную линию, в темные, ненастные ночи черкесы пробираются между нашими секретами. Они не только воруют скот, но и уводят пленных, нередко нанося людям увечья и мучая жертвы. Бывают случаи, когда, подрезав пленным жилы, они бросают их в плавнях на съедение комарам, вместо того чтобы увести в горы, в рабство.

Служба на кордонах с каждым годом становится все более трудной. Наиболее опасные кордоны усиливают казаками, доводя их число до 200 человек.

Во многих местах устраивают новые батареи, множат число пикетов. А с первыми лучами солнца сторожевой казак поднимается на вышку. Оттуда зорко следит за Кубанью. Стоит наступить сумеркам, как спешенные казаки расходятся с постов и скрытно залега-

ют по берегу в наиболее опасных местах. Как правило, по 2—3 человека. Это так называемая «залога».

Казаки, оставшиеся на постах, держат лошадей в седле. По первому же выстрелу скачут туда, куда призывает опасность. Кроме того, вдоль линии, по прибрежным тропинкам, или стежкам, снуют конные разъезды. Причем стежки прокладываются по местам скрытым, между кустарником, камышом.

Разъезды часто сменяются, поскольку горцы имеют обыкновение подстергать в засадах. Они перекидывают через стежку аркан либо лозу и, пропустив мимо себя разъезд, потом с гиканьем гонят его обратно на аркан. Итог плачевен — всадник с лошастью падают на землю.

Казаки меняют тактику — теперь они ездят гуськом, на значительном расстоянии друг от друга. И последний разъезд снимает «залогу». Однако в сильные туманы «залога» не снималась, а разъезды патрулировали до полудня.

Зимой же характер охраны менялся. Когда Кубань покрывалась льдом, можно было ожидать и более массовых нападений горцев. Тогда пешие «залогии» заменялись усиленными конными разъездами.

На кордоне существовало жилье, дымилась труба. Сходились люди — можно было отогреться и отвести душу. Но вот на пикетах бывало малоприветно. Вернулся из поиска казак на свой пикет — где же ему расположиться, кроме как в шалаше? А там скудный огонек и малое тепло.

Однако черноморцы отменно держатся против неприятеля даже в этих «корзинах». Однажды приказной Сура вместе с десятью товарищами долго отбивался от большого скопища шапсугов, пробивавшихся через казачий заслон. Казаки не обращали внимания на обычные выкрики горцев: «Эй, Иван, гайда за Кубань!» — и меткими залпами осаживали вооруженную, яростную толпу. Оказалось, что их удивительная стойкость позволила не только отбиться от горцев, но и спасти от разгрома Полтавский курень.

После этого случая черкесы перестали нападать на пикеты. А если и пускались в набег, оставляли не-

большие партии для наблюдения, чтобы казаки не могли оповестить соседние кордоны.

На первых порах черноморцы имели право лишь защищаться и прогонять горцев восвояси, за реку. Самим же ходить в горы для возвращения собственного добра и наказания налетчиков им строго-настрого запрещалось. И Екатерина, и Павел, и взошедший после него на престол Александр I желали только одного — мира, тишины и соседской дружбы. Однако уступчивость и своего рода дипломатичная кротость ни к чему хорошему не приводят. И более того — еще больше распалют дерзость горцев. Сдержанность почитают они за бессилие.

Но едва только было снято запрещение, связывавшее казаков по рукам и ногам, началась война. И война беспощадная.

Теперь уже черноморцы мстят, вынуждены мстить за каждый набег. Огонь и карающий меч проникают в неприступные лесные чащобы, в горные аулы. Казаки казнят налетчиков. Возвращают добычу. И предадут огню их жилье и припасы. Только после этого отходят к себе, за Кубань.

На короткое время водворяется тишина. Но горцы, собрав силы, переходят целыми отрядами за Кубань. Нападают на станицы и кордоны. А там, где встречаются с казаками, бьются насмерть. И так из года в год, десятки тревожных боевых лет, пока черкесы не покидают эти места.

Для укрепления же линии сюда присылают егерские полки. И соединенные силы егерей и черноморцев очень скоро наводят порядок в этих местах.

Случалось и так. Однажды, в начале XIX столетия, новороссийский губернатор и знаменитый строитель Одессы герцог де Ришелье прибывает в Екатериноград. Сюда же приглашены все знатнейшие кубанские роды горцев. Герцог уговаривает их жить в дружбе. Те согласны, пока едят и пьют. Вернувшись же за Кубань, берутся за старое. И более того, устраивают на него же, на Ришелье, засаду. Только благодаря исключительной бдительности постового начальника, казачьего есаула Иваненко, генерал Ришелье остался жив, а горцы были разгромлены.

*Старики — в донском покрое,
молодежь — в черкесках*

Каково же было облачение казаков-кубанцев той далекой поры? Как уже говорилось, более чем пестрым. Дело в том, что Кубанский казачий полк формировался из волжских и донских казаков. Донские же казаки, оказавшись здесь, на Кубани, продолжали носить свою прежнюю форму: «верхние кафтаны голубые, с воротником, обшлагами и подбоем красными; исподние кафтаны, шаровары и верхи шапок голубые; кушаки малиновые с желтой бахромою».

И волжские казаки также облачались по-прежнему, то есть носили «верхние и исподние кафтаны, шаровары и верхи шапок красные, кушаки голубые».

Так что маловероятно, чтобы к концу XVIII века все кубанцы одевались согласно официальным предписаниям. В частности, историк В. А. Потто отмечает интересную особенность волжцев, несших службу на Кавказе, начиная с 1769 года. Оказывается, среди их немалых достоинств существовало и умение «прежде всего хорошенько присмотреться к своим противникам и, не гонясь за заветами своей старины, заимствовать от них же все, что было у них хорошего... Даже казацкие жупаны — и те отошли в область предания, заменяясь мало-помалу черкесками, которые казаки стали предпочитать за легкость и удобство покроя».

Как же выглядела знаменитая черкеска той поры? Согласно исследованиям Е. Н. Студенецкой, она была свободной, даже мешковатой одеждой длиной до колен или до середины бедра. В ряде случаев имела воротник в виде невысокой стойки. Газыри в это время горцы еще частенько носили в кожаных сумках на ремне. Тогда же газырницы стали нашивать на черкеску по обеим сторонам груди. Они делались из кожи и по краям обшивались галунами.

Число газырей в конце XVIII столетия не превышало четырех-пяти на одной стороне. Бешмет этого

периода был длиннее черкески и не имел стоячего воротника.

Специфической частью горского костюма являлись «ноговицы». Из обуви более всего были распространены кожаные чупяки.

Низкие шапки горцев шились с очень выпуклым меховым околышем и суконным верхом, иногда перекрещенным галуном или шнурком.

Бурку конца XVIII века изготавливали короткой, порой значительно выше колен. Она имела колоколообразную, расширяющуюся книзу форму*. Черкесская одежда чаще всего попадала к казакам посредством меновой торговли с горцами.

И только к 1802 году из казаков Екатеринославского войска формируется Кавказский казачий полк. Каково было облачение екатеринославских казаков? По материалам А. В. Висковатова, екатеринославские казаки носили куртки кавказского покроя без фалд с красной (вокруг воротника, лацканов и обшлаггов) выпушкой. С белыми на лацканах гнездами и двумя черными погонами. Черный кушак и такого же цвета галстук, «...ниже которого, в промежутке между застегнутыми до верха лацканами, выставлялись, как у регулярных войск, белые манжеты; перчатки без краг и шапка с круглою красной тульей, с широким черным околышем, махор или кисть, султан и бант были белыми».

Однако в Екатеринославском войске, возникшем, по словам П. П. Короленко, «одновременно с Черноморским войском и под влиянием тех же причин», наблюдается та же картина — разношерстный этнический и социальный состав, который после упразднения войска и переселения части казаков на Кубань в одежде никак не регламентируется. И потому, по свидетельству А. Д. Ламанова, «старики и служилые казаки долгое время носили обмундирование донского покроя, но молодежь обзаводилась одеждою черкесского образца».

*Трёхбратов Б.А. Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997.

ТЕРЦЫ

Кизляро-Гребенской и Горско-Моздокский, Волгский и Сунженско-Владикавказский — именно так назывались полки, поселенные в Терской области*. Позднее, в конце XIX столетия, они стали известны под общим названием — терцы.

Однако все эти двойные названия прежде всего напоминают о трехвековой истории терцев, о местах их первоначального водворения, последующего переселения и, конечно же, о много большем числе полков. Когда-то, в былые времена их насчитывалось 13. Примечательно, что эти старые полки служили как бы звеньями той крепкой цепи, что была умело растянута от моря Азовского до Каспийского. И от Бугаза до устья Терека.

Черноморская кордонная линия оканчивалась урочищем Изрядный Источник**, находившимся на Кубани. Весь же остальной промежуток — по верхам Кубани, Тереку и по Сунже, составляющий около 700 верст, замыкала Кавказская линия. От этих «линий» и происходит старинное и навечно утвердившееся в русской военной истории понятие — «линейные казаки». Здесь буквально на каждом шагу — на равнинах близ Терека и в бурных водах рек, в скалах Кабарды и нагорных лесах Чечни — воина подстерегала смертельная опасность.

Протяженная Кавказская линия замыкается не сразу, а по частям. Постепенно выдвигалось то или другое звено этой пружинистой цепи постов, кордонов и станиц.

Цепь постов, кордонов и станиц

На защиту линии прибывали казаки из самых разных мест. С Дона — донские, с Волги — волгские (волжские), с Яика (позже Урала) — яицкие, с Хоп-

* Терская область — ныне это южная часть Ставропольского края, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чечня, Ингушетия и северная часть Дагестана с центром во Владикавказе.

** Урочище — любая часть местности, отличная от остальных, например, массив леса посреди поля и т. п.

ра — хоперские, из Малороссии — украинские. Причем селятся они здесь деловито и уверенно под треск ружейного огня горцев. Примечательно, что среди защитников линии встречаются и кабардинцы, и черкесы, и татары, частью крещеные. Однако начало укреплению линии было положено исконно русскими людьми.

Отдаленными предками терских казаков были казаки гребенские, что поселились на реке Сунже еще в конце XV столетия, и присоединившиеся к ним уже в следующем веке переселенцы с Дона.

Официальной датой основания Терского казачьего войска считается 1577 год, когда гребенцы успешно оборонялись от крымских татар в Терском городке (близ устья реки Сунжи). А появились здесь казаки несколько раньше. Произошло это, по одной из версий, следующим образом. Когда-то на Дону, в волости Червлёный Яр, располагались казаки. Они оберегали землю от лихих набегов татар. А между делом, как это бывало в старину (при долгих и однообразных сидениях), хаживали на Волгу, на так называемое Синее море, — на вольный казачий промысел.

И вот однажды, когда московские наместники объявили, что будут переселять казаков в Суздальскую землю, где те окажутся в ведении Стрелецкого уряда, Червлёный Яр приходит в негодование. Многие удалые головы, не задумываясь, покидают насиженные места. И вот, построив струги* и дождавшись, когда вскроются реки, разбитной казачий караван с песнями и громкой пальбой спускается Доном до знаменитой Царицынской переволоки. Затем перетягивается на Волгу. И уже отсюда Синим морем подбирается к устью Терека.

Жившие здесь татары очень дружелюбно приняли вновь прибывших. Но казаки почему-то не оста-

* Струг — старинное русское речное деревянное судно, ладья. Струг строился плоскодонным, гребным, оснащался отдельной каютой, обычно использовался для перевозки товаров, хлеба. И помимо груза вмещал еще 10—12 человек. Струг имел и парус. Длина его составляла 20, а ширина 4—6 метров.

лись в этих местах, а, поднявшись еще выше, осели на свободных землях по правому берегу реки Сунжи, что возле крепости (а впоследствии и города) Грозный.

Здесь они ставят свои небольшие, компактные и прекрасно защищенные городки — Червлёный, Шадринский, Кордюковский, Старогладковский и Новогладковский. Общее число переселенцев с женами и детьми составило около 4 тысяч человек. Гребенскими же этих казаков называли просто по гористой местности.

Однако ко времени воцарения Петра Великого из-за постоянных стычек с татарами, а также ввиду сырого болотистого климата здешних земель от всего Терского казачества осталось не более тысячи воинов. И астраханский губернатор Петр Матвеевич Апраксин уговаривает казаков переселиться из-за Сунжи на левый берег Терека. Пovyше Сунженского устья гребенцы ставят Червлёный городок. Остальные же четыре крепости — вниз по Тереку, на расстоянии 80-ти верст. Так что, как уже упоминалось, начало XVIII столетия, а именно 1712 год, следует считать началом заселения Кавказской линии.

Гребенцы

Поскольку Терское казачье войско ведет свое старшинство от гребенцов, расскажем об их обычаях и облачении более подробно.

Примечательно, что хотя гребенцы и были исконно русскими людьми по духу и плоти, они, оказавшись в соседстве и первоначально дружеских отношениях с горскими народами, а в ряде случаев и в совместных (как, например, с кабардинцами) боевых схватках против татар, позаимствовали от них немало обычаев, пригодных в воинском быту. Причем именно кабардинцы были тогда на первых ролях на Кавказе. Им — и в облачении, и в поведении в бою — подражали черкесы, а также отсталые и сравнительно бедные чеченцы.

Так что же привлекало гребенцов в облачении ка-

бардинцев? Одежда их состояла из верхнего зипуна* с открытой грудиной и бешмета**, искусно обшитого галунами. Особенную же элегантность, не говоря уже о военной целесообразности, придавали их костюму деревянные патронташи, или «хазыри» (газыри), оправленные в кость, а иногда и в серебро, смотря по достатку. Носили их поначалу на поясе. И уже только потом газыри перековывают на грудь.

Праздничная шапка была круглая, с узким меховым околышем и суконным верхом, также обшитым галунами. Будничная же, повседневная шапка — высокая, из черного бараньего меха.

Защитой от дождя и снега надежно служил «башлык»*** (как правило, из верблюжьей шерсти). А «бурка»**** была и вовсе универсальна. С успехом она заменяла верхоконному плащ, служила постелью, одеялом и даже шатром. Кроме того, бурка надежно прикрывала все снаряжение всадника и в то же время предохраняла воина от сабельных ударов. Если же при стремительном отступлении нужно было спрыгнуть на коне с кручи, бурку набрасывали на глаза коню.

Немало значило и особое горское седло, также унаследованное гребенцами от кабардинцев. «Седельчко черкасское» даже упоминается в старинных казачьих песнях как самая желанная и ценная добыча или подарок.

Богатые кабардинцы, горские князья нередко покрывали себя и доспехами московской работы. То

* Зипун — кафтан без козыря (колнера, стоячего ворот), верхний кафтан от непогоды, построенный из сукна, с трубами или борами сзади или по бокам. У зипуна короткая спинка. «Зипуны доставать» — чисто донское выражение, т. е. мародёрить, грабить, идти на казачий промысел.

** Бешмет — род недлинной, обтяжной одежды; полукафтан, поддевка (носится некоторыми восточными народами и казаками под верхней одеждой).

*** Башлык — верхняя шапка от непогоды, суконный колпак с длинными лопастями или ушами, иногда используемыми для обмота.

**** Бурка — войлочный, кошемный, валяный овечий круглый плащ с привалыным к нему снаружи мохнатым козырьком, безрукавная епанча для «вершника», т. е. верхового, оборачиваемая запахом от ветра.

были кольчуги, шишаки, стальные поручни и т. п. И хотя все это было не по карману простым казакам, но зато одежду и прочее снаряжение, равно как и выправку, и ухватки лихого наездничества они очень быстро переняли от рыцарей Кабарды.

В свою очередь гребенцы и сами становятся примером для подражания и зависти для других позднейших переселенцев Кавказской линии. И как черноморцы прославились своим пластуномством, так в не меньшую славу вошли лихость и удасть линейцев, в частности гребенцов. Сюда, на Кавказ, начинают нередко наезжать и лучшие наездники — англичане и венгры — с одной лишь целью — взглянуть на мастерство и разудалость гребенцов.

Так чем же они славны? Пронесаются с быстротой молнии. Летят со стремнин и переплывают бешеные потоки. Крадутся, как барсы, в глубоких ущельях или дремучих горных лесах. Исчезают в траве или под бугром, лежа неподвижно со своим боевым конем.

Оригинально и их жилье. Гребенцы ставят свои дома по-русски, прочно, окружая их единой общей оградой или городком с вышками. Но вот внутреннее убранство во многом сходно с кабардинским — конечно, с поправкой на православные обычаи. В одном углу висит на стене оружие, разнообразные доспехи. В другом — постель, на полочках — нарядно расставленная посуда. А на самом видном месте, в красном углу, как обычно, киот с образами. Если же находятся в гостях у казака кабардинцы или кумыки, образная пелена поднимается вверх, скрывая таким образом святыню.

Для поездок гребенцы стали употреблять вместо телеги двухколесную арбу. Причем приучились ездить на быках. Целиком перешел к казакам и легкий кабардинский плуг, и даже сам способ обработки земли, когда пахут мелко. Кроме занятий земледелием трудолюбивые гребенцы научились разводить виноград, шелковичных червей и так называемую марену, идущую на краску.

«Где виноградная лоза, — говорят на Тереке, — там и женская красота, там и мужская храбрость, и весе-

лая беседа за чапурой родительска вина». Гребенцы издавна сбывали свое вино в Терки. А марену продавали наезжавшим персидским купцам.

Были здесь и неплохие рыбные промыслы (в Терке ловился даже лосось). Но так как на правом берегу испокон веков рыбачили кумыки и чеченцы, промысел не считался особенно доходным.

В домашнем быту гребенских и терских казаков все работы исполняла женщина. Иногда с придачей ей в помощь работника — ногойца или чеченца. Казак же знал только служебные наряды да походы, победы: то на тревогу — подле своих городков, то на подмогу — к какому-нибудь кабардинскому князю, затевавшему усобицу.

Еще по душе были казаку ночные наезды «под ногойские табуны», а в иную пору и «молодецкие поиски» на Синее море. Тут уж терцы, как говорится, «задавали урок» — были в своей стихии и отводили душу.

В редкие времена затишья казаки ходили и «в гульбу». Но это были совсем даже не разудалые «молодецкие поиски», а рискованная и нелегкая охота. А поскольку эти вольные царевы слуги слыли меткими стрелками, им не составляло никакого труда принести с охоты терских фазанов, а также другую мелкую птицу. Но с особенным увлечением казаки ходили по наряду в кабардинские горы стрелять оленей и так называемых «штейнбоков», то есть горных козлов, которых затем специально доставляли к царскому столу.

Какие же заботы ожидали гребенца в те редкие времена, когда он оставался дома? В основном достаточно приятные. В так называемое «досужее» время казак вязал удочку, чистил ружье, лишней раз проверял холодное оружие.

А вот конем, как ни странно, занималась жена. Она седлала, подводила коня к мужу. А по возвращении из похода она же первая его встречала.

Причем обряд встречи был давно и четко отработан. Итак, казачка отвешивает поклон. Ведет коня по двору. Затем снимает седло. И, наконец, хозяйским оком оглядывает саквы. И горе тому верхоконному, чьи саквы окажутся пусты. Очевидно, именно этим

можно объяснить некоторую прижимистость и скопидомство, наблюдавшиеся у казаков. Чтобы избежать нелюбимых семейных сцен, казаку приходилось, иногда даже и себе вопреки, заполнять эти пресловутые саквы разным добром.

Совет почтенных казаков

Как повелось и у других войсковых казачьих соединений, все дела, касающиеся казаков, решал Войсковой круг. Он же и судил виновных. В этом случае казаки следовали мудро-лукавому правилу черноморцев: «Берите его да бейте швидче (то есть скорее), а то вин видбрешется!» (отвернется, отвертится).

Иной раз казаки решались и на рискованные поступки. Однажды они посадили в воду самого московского воеводу Карамышева. Причина тому — не снял шапку, а стоял «закуся бороду» при чтении царской грамоты.

Каждый год войско избирало своего старшину, то есть начальство. Это был войсковой атаман, которому вручалась насека или палица тонкой, изысканной работы, оправленная в серебро. Выдвигался и войсковой есаул, наблюдавший за порядком в войске, за исполнением постановлений войскового круга.

Называли также имя войскового хорунжего*, который должен был хранить знамя и выносить его в круг «пред лицо атамана» или же брать его на свое попечение во время походов. И, наконец, выбирался войсковой писарь, или, впоследствии, дьяк.

Но гораздо более, чем все упомянутые лица, значил Совет почтенных казаков. В него избирали людей, отличавшихся своим умом, заслугами, оказанными войску, или же выделявшихся сабельными рубцами. Все казачьи городки имели одинаковое устройство. И старинный обычай: «Так установили отцы» — был всегда непререкаем.

* Хорунжий — человек, носивший военную хоругвь, знаменщик, знаменосец. Официальный чин в казачьих войсках в императорской России. Этот офицерский чин соответствует корнету или подпоручику.

В одних городках заветы старины соблюдались строже, в других к ним относились проще. Так, например, жители станицы Червленной, отличавшиеся большим хлебосольством и приветливостью, держали себя свободнее. Кстати, они слыли и первыми наездниками. В других городках глядели на все более сурово. От них и веяло-то холодом. Именно из их уст и исходили нарекания на червленских гребенцов.

Примечательно, что на Тереке с давних времен существовало много скитов. Пошло это с той поры, когда здесь появились гонимые на Руси раскольники. Именно в этих местах казаки стали называть скитами маленькие, уединенные «крепостицы». Они надежно ограждались высоким частоколом и охранялись постами с высоких деревьев. В этих крошечных, «карманных» крепостях устраивалась небольшая молельня, в которой ставили старинные образа, восьмиконечные кресты. Молились в них двумя перстами. Читали и пели по старопечатным книгам. Жили и действовали не по часам — по солнцу.

И если число скитов с каждым годом приумножалось, значит, что-то привлекало в них казаков? Простодушные, доверчивые наездники, они были уверены, что спасение можно найти только в старопечатных книгах. Им особенно были близки молитвы и чтения в безмолвной лесной глуши. И буквально завораживал их в этих глухих, сказочных местах вид согбенного старца в клубуке, мантии, а нередко и в железных веригах.

Десятки, сотни, полусотни

Воинский «уряд» терцев и гребенцов был точно таким же, как и в других казачьих дружинах. Походные казаки, прежде чем сесть «на-конь» или разместиться в стремительных, легкокрылых стругах, рассчитывались на десятки, полусотни и сотни. И тут же, перед выступлением, выбиралось вольное походное начальство. Сверху и донизу, начиная с походного атамана и кончая десятником. И если казакам их начальник приходился по сердцу, можно было ожидать

от них чудеса храбрости. Причем здесь, в походе, власть у походного была абсолютной.

Примечательно, что службу в этой конной вольнице начинали в то время очень рано — в 15 лет. И несли ее фактически всю жизнь. Случалось, что и древний старец вскарабкивался на вышку, чтобы постеречь станицу, пока вернутся походники.

Издревле так уж повелось, что малолетки, пополняя боевые ряды, поступали под опеку своих сродников. Их не только опекали, но и прикрывали грудью в яростной, кровавой сече. А на привалах или ночлегах, когда завзятые казаки отдыхали, малолетки приучались к сторожевой службе, как это, кстати, водилось с давних времен у горцев. В их обязанности входило оберегать коней, обходить дозором местность и окликать встречных.

Уже с водворением гребенцов на левом берегу Терека один только Пятисотенный полк постоянно находился на государевой службе. На него казна отпускала денежное и хлебное жалованье. Другие же казаки отбывали службу на месте и служили, по казачьему выражению, «с воды и с травы», иными словами, безо всякого содержания.

Получение денежного жалованья было сопряжено с приятными, традиционными процедурами. Ежегодно за этим делом «выряжалась» с Терека зимовая станица с войсковым атаманом. И, надо сказать, казаки очень дорожили своим правом предстать пред царские очи, услышать похвалу в собственный адрес и получить подарки. По обычаю, войскового атамана жаловали почетной саблей и серебряным ковшом, а войскового есаула, писаря, сотника и казаков — либо деньгами, либо саблями.

Иногда из столицы привозились и Высочайше пожалованные знамена.

Давние годы — былые походы

Еще с давних времен по Руси гуляла молва об испытанной верности и воинской доблести казаков, что называется, «сидевших» на Тереке. Говорилось,

что не знают они «заячьего» отступления, а при встрече с врагом, пусть и многочисленным, «схватываются с коней» и бьются на месте. В дальних и совместных с ратными людьми походах они, будучи и в малом числе, не только сами отличались, но и подавали другим пример неслыханной отваги.

Слава о казаках разгуливала и во времена царя Алексея Михайловича, когда они, находясь бок о бок с царскими ратными воинами под Чигирином (неподалеку от Киева), «...людей турецких и крымских побили, с чигиринских гор окопы их, городки, обозы, наметы*, пушки и знамена сбили, многие языки поймали, — отчего визирь турецкого султана и крымский хан, видя над собой такие промыслы и поиски, от обозов отступили и пошли в свои земли». Именно так было сказано в царской грамоте, что получил востановивший казаков атаман Каспулат Черкасский.

И позже, еще при малолетнем Петре Великом, гребенцы и терцы ходили добывать Крым. А затем, когда царь двинул свою рать под Азов, казаки вышли навстречу передовому корпусу Гордона к Царицынской переволоке.

Участвовали казаки и в первом русском походе на Хиву, организованном Петром еще в 1717 году. Царь, искавший выгодных путей для русской торговли, намеревался установить с Хивой прочные торговые связи. И уже потом, со временем, пройти кратчайшим путем в Индию, где наше появление сулило еще больше торговых выгод. Однако поход оказался несчастлив. Тогда у небольшого еще Гурьева городка собралось немалое войско — около 6000 человек. В их числе был и Гребенской полк и часть терцев.

В устном пересказе сохранилось интереснейшее воспоминание о той поре одного из немногих оставшихся в живых участников этой затяжной экспедиции. Он, Иван Дёмушкин, ушел в поход молодым казаком, а возвратился седым, как лунь, стариком. Отсутствовал он в родных местах так долго, что родной

* Намёты — в данном случае шатры, большие раскидные палатки.

его городок Червлёный перенесен был на новое место, и Иван не нашел ни улицы своей, ни дома, ни даже следов людских...

Вот недлинный рассказ этого казака, случайным образом дошедший до наших дней.

«...Как мы взяли от отцов и матерей родительское благословение, как распрощались с женами, с детьми, с братьями да сестрами и отправились к Гурьеву городку, где стоял князь Бекович-Черкасский. С того сборного места начался наш поход безталанный, через неделю или две после Красной Горки. Потянулась перед нами степь безлюдная, жары наступили нестерпимые. Идем мы песками сыпучими, воду пьем соленую и горькую, кормимся казенным сухариком, а домашние кокурки давно уже повышли.

Где трафится бурьян, колючка какая, сварим кашу, а посчастливится, подстрелим сайгака, поедем печенного мяса... На седьмой или восьмой неделе мы дошли до больших озер: сказывали яицкие казаки, река там больно перепружена. До этого места киргизы и трухмены (туркмены. — С. О.) два раза нападали — мы их оба раза, как мякину, по степи развеяли.

Яицкие казаки дивовались, как мы супротив длинных киргизских пик в шашки ходили, а мы как понажмем халатников да погоним по-кабардинскому, так они и пики свои по полю побросают. Подберем мы эти шесты оберемками, да после на дрова порубим и каши наварим. Так-то.

У озера князь Бекович приказал делать окоп: прошел, вишь, слух, что идет на наш отряд сам хан хивинский с силой великой басурманской. И точно — подошла орда несметная. Билась она три дня, не смогла нас одолеть. На четвертый — и след ее простыл. Мы тронулись к Хиве.

Тут было нам небесное видение. Солнышко пекло, пекло, да вдруг стало примеркать; дошло до того, что остался от него один краешек. Сделались среди бела дня сумерки. В отряде все притихли, на всех нашел страх... Пошел по отряду говор, только невеселый говор. Все старые люди — казаки, драгуны, астраханские купцы, — в один голос сказали: «Сие знамение

на радость магометан, а нам не к добру». Так оно и вышло.

За один переход до Хивы хан замирился, прислал князю Бековичу подарки, просил остановить войско. А самого князя звал в гости в свой хивинский дворец. Бекович взял с собою наших гребенских казаков, 300 человек, под коими еще держались кони. И мы с дядей Иовом попали в эту честь. Убрались мы в новые чекмени, надели бешметы с галуном, коней поседлали наборной сбруей и в таком наряде выехали в Хиву.

У ворот нас встретили знатные ханские вельможи, низко кланялись они князю, а нам с усмешкой говорили: «Черкес-казак якши, рака будет кушай!» — Уж и дали они нам рака, изменники треклятые! — Повели через город, а там были заранее положены две засады.

Идем мы это уличкой, по 2, по 3 рядом — больше никак нельзя, потому уличка узенькая, изгибается как змея, и задним не видать передних. Как только миновали мы первую засаду, она поднялась, запрудила уличку и бросилась на наших задних, а вторая загородила дорогу передним. Не знают наши, вперед ли действовать или назад.

А в это время показалась орда с обоих боков и давай жарить с заборов, с крыш, с деревьев. Вот в какую западню мы втюрились! И не приведи Господи, какое началось там побоище: пули и камни сыпались на нас со всех сторон, даже пиками трехсаженными донимали нас сверху, знаешь, как рыбу багрят на Яике.

Старшины с самого начала крикнули: «С конь долой, ружье в руки!», а потом подают голос: «В кучу, молодцы, в кучу!» — Куда ж там в кучу, коли двум человекам обернуться негде! — Бились в растяжку, бились не на живот, а на смерть, поколь ни одного человека не осталось на ногах. Раненые и те отбивались лежащие, не хотели отдаваться в полон.

Под конец дела наших раненых топтали в переполохе свои же лошади, а хивинцы их дорезали. Ни один человек не вышел из треклятой трупобой, все полегли. Не пощадили изверги и казачьих трупов: у них отрезывали головы, вздевали на пики и носили

по базарам. Бековича схватили раненого, как видно, не тяжело, поволокли во дворец и там вымучили у него приказ, чтобы отряд расходился малыми частями по аулам, на фатеры (квартиры); а когда разошлись таким глупым порядком, в те поры одних побили, других разобрали по рукам и повернули в ясыри.

После того как Бекович подписал такой приказ, с него еще живого сдирали кожу, приговаривая: «Не ходи, Давлет, в нашу землю, не отнимай у нас Амударьи-реки, не ищи золотых песков».

Я безотлучно находился с боку дяди Иова. Когда спешились, он велел мне держать коней, а сам все отстреливался. «Держи, держи, говорил: даст Бог отмахаемся, да опять на-конь и погоним их поганцев!..»

Меня вдруг трахнуло по голове, и я повалился без чувств лошадям под ноги. Очнулся не на радость себе, во дворе одного знатного хивинца; двор большой, вокруг меня народ, а дядина голова, смотрю, торчит на пике.

На меня надели цепь, как на собаку, и с того страшного дня началась моя долгая, горькая неволя. Нет злее каторги на свете, как жить в ясырях у бусурман!»

Хивинский пленник кончил свой рассказ. Кроме Ивана Демушкина из похода вернулся еще только Шадринского городка казак Петр Стрелков. Последнего до конца дней звали «хивином». И это прозвище унаследовали его дети.

Терек бурлит — казак лежит; Терек молчит — казак не спит

Подобно тому, как Кубань служила границей Черноморского казачьего войска, на Кавказской кордонной линии два враждебных стана разделяли сначала Терек, а впоследствии Сунжу и другие реки. И тут и там казаки больше оборонялись, а горцы чаще нападали. Оттого-то у казаков и вырабатывались особые военные привычки и необыкновенная сноровка.

Тогда, в прошлые века, была известна такая песня: «Не спи, казак, во тьме ночной чеченец ходит за рекой!» Причем под охраной станицы находились не

только дома, но и поля. И как только скрывалось кавказское солнце, в опустевшем поле появлялся вооруженный, закутанный в бурки и башлыки ночной разъезд. Он ехал полем вкрадчиво-бесшумно и осторожно.

А там, на самом берегу реки залегал невидимый ночной секрет. Так проходит тревожная ночь и наступает рассвет. Однако никто не тронется из станицы, пока не съедутся утренние разъезды. И ни на какую работу казак не отправляется без оружия. Даже отдыхает он под сенью родительской винтовки. Когда же казаки работают в садах, их провожают подростки, занимающие привычные посты на высоких деревьях.

Стоило потерять бдительность — и тотчас же следовал «распдох». Мастера засады, чеченцы мгновенно производили резню и забирали добычу — отгоняли скот и лошадей. Уводили женщин и детей. А что не могли взять, истребляли огнем.

Особенно досаждали абреки*. Темной ночью вдвоем, втроем они подползали и, вырезав кинжалами прореху в плетне, выводили через нее домашний скот. Но как только ударял колокол, висевший у съезжей избы, мгновенно вскипала тревога. Причем она могла нарушить даже самый святой обряд. Так, например, однажды при выходе из церкви новобрачных был схвачен молодой жених. И тогда по тревоге тотчас же выскакивает станичный резерв. На-конь! Погоня несется за Терек — на один перегон доброго коня. И, как правило, удавалось отбить и полон, и добычу.

Но иногда натыкались и на засаду. И вот тогда линейные казаки спешивались и бились, пока не получали подмогу или пока сами не бывали перебиты.

Случалось, что отставшие в погоне за горцами вдруг видели, что их товарищи окружены, стиснуты скопищем врагов. В этом случае они никогда не покидали своих, а пробивались, чтобы вызволить их или испить горькую чашу всем вместе. И что удиви-

* Абрек — отчаянный горец, давший обет или зарок не щадить головы своей и неистово драться. Горец-разбойник, головорез (первоначально — горец, порвавший связи с общиной).

тельно — самые большие подвиги здесь, на кордонной линии, становились делом обычным.

Однажды произошел такой случай. Казак Новоладковской станицы выехал как-то в свой сад на работу. Абреки, сидевшие за плетнем, выждали, когда казак станет распрягать волов. Его ранили метким выстрелом, а затем подхватили и самого, и жену, и быков и подались к Тереку.

В это время работавший в соседнем саду Василий Дохтуров, услышав выстрел, побежал к месту преступления, а затем по следу крови — и к берегу. Чеченцы же тем временем спустились вместе с добычей к воде. Тогда Дохтуров выстрелил по ним и, выхватив шашку, бросился в Терек с криком: «Сюда, братушки, за мной!» Чеченцы поддались на обман, бросили пленных и пустились наутек. А находчивый Дохтуров вскоре был награжден крестом.

На ночь «выряжаются» секреты

«Между станицами стояли отдельные посты или небольшие «плетеные крепостцы», с вышкой для постового казака. Днем наблюдали с вышки, на ночь выряжались секреты, как на Кубани. При больших тревогах не только все постовые казаки спешили примкнуть к резервам, но садился на-конь всякий, кто был в ту пору дома.

Это случалось обыкновенно в морозные зимы, когда Терек покрывался льдом. Собираясь в больших силах на Линию, горцы всегда задавались мыслию смести казаков с лица земли и пройти до самого Дона, где, по их мнению, кончается Русь. Сборы производились тайно, но свойственная азиатам болтливость и страсть к вестям породили ремесло лазутчиков: эти ночные птицы разносили по станицам угрожающие вести, как только горцы садились на коней. Чаще всего они, впрочем, служили и нашим, и вашим»*.

Примечательно, что на Кавказской линии правительство сооружало укрепления не только для наших

* Абаза К. К. Казаки. СПб., 1891. С. 289.

русских казаков, но и для преданных России кабардинцев. В первые годы екатерининского правления в лесистом урочище Мездогу появляется небольшое укрепление для прикрытия переселившихся сюда жителей Кабарды. Назвали его кратким и звучным, как выстрел, словом Моздок.

Форт этот был поставлен крайне удачно. Вскоре он был превращен в сильную крепость, из-за стен которой зорко посматривали на мир недреманным оком целых 40 пушек. Одновременно с размещением этих орудий позаботились и об орудийной прислуге. А потому и переселили сюда с Дона 100 семейных казаков, заселивших Луковскую станицу.

Однако для большей осторожности (ведь горская команда оказалась очень слаба и могла стать ненадежной) в те же годы сюда переводят с Волги более 500 семей. Их очень удачно расселяют на всем протяжении между Моздокком и Гребенским войском. Так в местных краях появляется еще 5 станиц. А чтобы эти молодые поселения смогли удачнее «вписаться» в окружающий горный боевой ландшафт, каждую из них вооружают трехфунтовыми* пушками. Не забывают и о канонирах. Так что еще 250 семей прибывают с Дона. А вскоре это моздокское население получает и официальное название — Моздокский полк.

Однако все эти переселения, вооружение и возведение крепостей вызывают у кабардинцев достаточно ревнивые чувства. Предполагают, что именно по их проискам крымский калга Шабаз-Гирей решает в 1774 году выступить с огромным войском татар и закубанских горцев. К Шабаз-Гирею примкнули еще и 500 казаков-некрасовцев.

Половина нападающих вступила в Кабарду, чтобы поднять ее жителей против новой крепости. Другая же часть (около 10 тысяч) метнулась к упомянутым уже станицам Моздокского полка. Целых четыре станицы были сметены в один миг. А вот самим казакам с семействами все-таки удалось укрыться в пятой, более добротной укрепленной станице.

* Фунт — 400 граммов.

Защитой Наурской станицы руководил Иван Дмитриевич Савельев, впоследствии известный кавказский генерал. Шесть дней татары подступали к валам станицы. И шесть дней казаки отчаянно отбивались, так и не сойдя с валов. Не затухали костры — старики и женщины топили на них смолу и готовили кипяток, выливая содержимое котлов на врага, когда тот уже вскарабкивался на бруствер. Если не хватало воды, на головы осаждающих лили даже горячие щи.

Рядом с казаками живой стеной выстраивались моздокские казачки. Они метали в самую гущу неприятеля топоры, орудовали серпами и косами, вилами и ухватами. К местам наибольшего скопления нападающих подростки подтаскивали небольшие чугунные пушечки, умело разряжая их в толпы врагов.

Чтобы уберечься от отчаянного пушечно-ружейного огня наурских казаков, татары ставят на арбы массивные деревянные щиты. И только под их относительно надежной защитой снова устремляются на штурм. Все это действие сопровождается усиленным метанием стрел, неумным скрипом тележных колес и оглушительным воем тысяч глоток, временами прерываемым выкриками команд.

Наступает последний час обороны станицы. Неприятель уже на валу. А стоящие в стороне казаки-некрасовцы подбадривают: «Подержитесь, братья, еще немного! Сбейте его, нехрестя! Сегодня же сбежит, все равно с голоду помрет — есть ему нечего!»

И в тот самый последний момент обороны, когда, кажется, судьба казаков предрешена, метким выстрелом из пушечки казака-канонира Перепорха сорвана высокая ставка калги. Совсем небольшое, трехфунтовое ядро (1,2 кг) сваливает насмерть красавца-юношу, любимого племянника татарского военачальника.

Случай несчастный и счастливый одновременно в какие-то минуты решает исход дела. Противник неожиданно поворачивает вспять. А главный оплот ли-

нии — Моздок — остается за казаками, хотя 4 станицы оставались еще некоторое время в развалинах.

А как же сложилась судьба Волгского полка? Он, сосед полка Моздокского, занимал достаточно протяженное пространство вверх по Тереку и по верховьям реки Кумы, примерно на 200 верст. Здесь, от Моздока до Новогеоргиевска, были размещены 5 тысяч волжских казаков, расселенных в 5 станицах.

Немало удивительных историй происходило и с ними. Однажды, когда казаки этого полка находились в дальнем походе, об этом узнают горцы. И вскоре нападают на одно из передовых укреплений. С огромным трудом удается от них отбиться картечью. Тогда они устремляются к соседней, как полагали, совершенно беззащитной станице.

Каково же было их удивление, когда на валах крепостицы они увидели густые толпы вооруженных казаков и услышали тревожный выстрел сигнальной пушки. Пришлось горцам повернуть прочь и от этой боевой станицы. В чем же состояла их ошибка? В оплошности горской разведки? Отнюдь. Оказывается, увидав приближающихся верхоконных, казачки поспешно переоделись в форму своих мужей и братьев. (Кстати, и казачата носили здесь подобие казачьей формы с ранних лет.) Эффект казачьей толпы, сгрудившейся во всеоружии на валу, превзошел все ожидания.

Одним увидел то, что и двумя не разглядишь

Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический был славен не только Крымом (Таврией), но и Кавказом.

Еще в 1777 году, по весне, он, тогда генерал-губернатор Кавказа, представил Екатерине II записку, в которой наметил план экономического освоения земель Северного Кавказа. Каковы же были его аргументы в диалоге с императрицей?

«Оная Линия (имеется в виду пограничная линия, заселяемая казаками. — С. О.) прикрывает от набегов соседних племен границу между Астраханью и До-

ном, отделяет разного звания горских народов от тех мест, коими нашим подданным пользоваться следует, положением же мест своих подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, хлебопашество»^{*}.

Здесь, на южных границах империи, требовалось сильное казачье войско. И потому, помимо организованного переселения на эти благодатные земли казаков с Дона и Волги, Григорий Потемкин поощряет также и переселение помещиков вместе с крестьянами. Как правило, инициаторами переселения в этих случаях выступают сами помещики.

Укрепление Кавказской кордонной линии происходит настолько быстро, что всего за два года (1777—1778) здесь, на Северном Кавказе, вырастают 10 крепостей.

С легкой руки светлейшего и по Высочайшему благословению императрицы появляется крепость Екатериноградская в урочище Бештамак, при слиянии Малки и Терека. Место для ее постройки выбрано как нельзя лучше — жерла пушек смотрят в сторону Малой Кабарды.

Павловская крепость, угнездившаяся на Куре, прикрывает главную дорогу из Кабарды к соляным озерам и в Астрахань. Марьинская, на реке Залке, — промежуточный, контрольный пункт между крепостями Павловской и Георгиевской. Сама же Георгиевская — на реке Подкумке. Поднялась еще и Андреевская, что на Карамыке (Сабле). Ее впоследствии заменила Северная на Чечоре...

Примечательно, что земельные пространства на Кавказской кордонной линии заселялись не одними только русскими. Оказывается, существовала казачья служба черкесов и осетин, грузин и армян. А началась она еще с 1733 года, когда кабардинскому князю Эльмурзе Бековичу-Черкасскому было поручено приглашать их на казачью службу. Причем каж-

^{*} Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 23; Заседателя Л. Б. Терские казаки. М., 1974.

дому согласившемуся было обещано по 15 и более рублей годового жалования на человека.

О переходе некоторых горцев в казачье сословие свидетельствуют и архивные документы*. К примеру, известно о принятии в казачье сословие Кизлярского полка 188 мужчин-армян.

Каков же был социальный состав переселенцев на Северном Кавказе к концу Екатерининской эпохи? Вот данные на 1790 год.

Группы переселенцев	Число людей мужского пола	% к общему числу
— Олнодворцы	15.527	61
— Экономические крестьяне	3.207	12,5
— Дворцовые крестьяне	1.652	6,5
— Отставные солдаты	1.476	6
— Беглые крестьяне, определенные по Указу 1789 г. в казенные поселяне	1.246	5
— Малороссийские экономические крестьяне	546	2
— Войсковые обыватели	517	2
— Пахотные солдаты	17	
— Не помнящие родство	33	
— Арестанты	59	
— Государственные крестьяне	48	5
— Ясачные крестьяне	112	
— Польские выходцы	32	
— Малороссийские	117	
— Немцы-колонисты	184	
— Посполитые казаки	101	
— Ясачные татары	301	
— Цыгане	207	
Всего	25.382	100%

Штабс-капитан Якубович — отголоски былого

Десятки и даже сотни лет, проведенные на Кавказских кордонных линиях терскими, гребенскими казаками, выковывали у нескольких поколений местных жителей определенные традиции. Безоглядной

* См.: ЦГА ЧИАССР, ф. 34, д. 47, л. 50; ЦГА ДагАССР, ф. кизлярского коменданта, оп. 704, д. 282 лл. 76—77; Ставропольский краевой государственный архив, ф. 235, д. 104, лл. 66—74.

смелостью, виртуозной джигитовкой здесь вряд ли можно было кого-либо удивить.

И тем не менее бывали случаи, когда даже самые отчаянные наездники, сорвиголовы порой разводили руками и с восторгом посматривали вслед поразившему их воображение верхоконному удалцу.

Уже в XIX веке среди местных казаков появляется совсем новое лицо. Называли его «рыцарем восемнадцатого века» а официальный его чин — начальник всех казачьих резервов Кабарды. Нижегородский драгун — штабс-капитан Якубович.

Этот неутомимый наездник почти не слезал с седла. И уж если штабс-капитан был признан казаками «не по чину, а по почину», они и сами в долгу не оставались. Со своими не менее отважными линейцами Якубович часто углублялся далеко в горы, тем самым нарушая, а частенько и полностью разрушая самые тайные и коварные замыслы враждебных горских князей.

Рассказывают, что однажды на Святой неделе он проник с казаками даже к подножию Эльбруса — этого снежного великана, вознесенного царственным голубовато-серебряным конусом (высота его более 6,5 км) над окружающим пространством.

Среди вечного безмолвия, в царстве снегов казаки Якубовича уловили звон христианских колоколов. По их догадкам, именно там поселились некрасовцы, бежавшие от соседства с казаками. И только недостаток времени, а вовсе не глубокие снега помешали Якубовичу удостовериться в справедливости этой догадки.

Слава о нем как лучшем джигите разнеслась по горам Кавказа. Знатнейшие князья искали его дружбы. Штабс-капитан никогда не брал выкупа за пленных женщин и детей. А одну красавицу-княгиню он даже сам оберегал, выстаивая ночи напролет у ее шатра. Так что впоследствии муж княгини стал вернейшим его другом и частенько заранее извещал о сборе закубанцев для очередного набега.

И по одежде, и по вооружению Якубович ни в чем не отличался от исконных горцев и единственное, в

чем превосходил их, так это в необыкновенной храбрости. Он всегда бросался в атаку первым. И со временем произошло что-то удивительное. Одного слуха о его появлении оказывалось достаточно, чтобы удержать горцев от нападения. А посланцы штабс-капитана проходили сквозь аулы безоружными, и никто не смел даже пальцем их тронуть.

Однако в Кабарде Якубович пробыл недолго. Его перевели на Кубань, где срочно следовало исправлять положение. Но и после отбытия из этих романтических мест легендарного штабс-капитана одно только его имя успокаивало потревоженные слухами горные аулы.

ДОНЦЫ-УДАЛЬЦЫ

Издавна донцы селились частью по охоте, частью по неволе — на берегах Кубани, Лабы и Терека. Здесь они чередой станиц, укреплений, а чаще всего собственной грудью отражали набеги горских народов. А еще сопровождали наши транспорты: развозили депеши, приказы.

Поскольку казаков здесь никогда не хватало, с Дона продолжали высылаться все новые и новые полки. И служба этих новоприбывших была на редкость тяжела и рискованна. Если линейцы родились здесь, свыклись с обстановкой, прекрасно изучили сноровку и повадки горцев, то прибывшие донцы попадали слишком часто под пули или в полон. Да и выглядели они среди местных казаков, не говоря уже о горцах, как чужие. Оттого и получили особую кличку «камыш».

Нередко сюда с Дона прибывали и так называемые малолетки*. Они совсем не умели стрелять по старинному горскому обычаю на всем скаку; лошаденки их были плохонькими по сравнению с мест-

* Малолеток — мальчик, отрок, юноша, недоросль, выросток у казаков от 15 до 18 лет; до присяги исправляет «домосидную» службу. Они еще не зачислены в казаки. «Готовые малолетки» — юноши, достигшие 19 лет.

ными. Каково же было им встречаться, да и притом каждодневно, с чеченцами? Последние во всем имели перевес — были гибкими, увертливыми, как змея, и быстрыми, как молния. Да и сабли их были слишком остры и тяжелы в рубке. Стрельба метка и внезапна.

К тому же боевая служба донцов во многом страдала от того, что нередко полки действовали не в полном составе, а малыми частями, рассеянными по всей линии. Находились они и при отрядах, и в дальних боевых командировках или попросту на посылках.

Однако дело сразу же менялось, когда во главе полка оказывался такой командир, которому удавалось не только силовить вокруг себя подопечных, но и вдохнуть в них отвагу. И вот тогда-то вновь прибывшие донцы вдруг представляли как сильные и грозные противники чеченцев.

Немало было таких военачальников и в елизаветинские, и особенно в екатерининские времена, однако особую по себе память оставил Яков Бакланов, сын Петра Бакланова, уроженец тихого Дона. И хотя родился Яков в начале XIX столетия, своим необыкновенным донским задором он обязан казакам предшестующего века. И прежде всего своему отцу, полковому хорунжему Екатерининской эпохи, выслужившемуся из простых казаков и достигшему впоследствии чина полковника.

«Якши, Боклю!»

Генерал-лейтенант войска Донского, один из популярнейших героев Дона эпохи Кавказских войн, родился в станице Гугнинской, в бедной семье. В детстве пахал землю, косил сено, пас табуны. Сызмальства скакал охлюпкой, без седла, на диких степных лошадях. На ходу ловко и метко стрелял из ружья. Первенствовал во всех ребячьих играх.

Но самое главное, что и выковало из него необыкновенного человека, — это рассказы отца и дедов о седой, неумемной старине. Как гуляли казаки по Сине-

му морю. Как «отсидели» от «турского султана» город Азов. Так мало-помалу набирался он того бывшего казачьего духа, коим славились донцы в «задавнее» время.

Запали глубоко в душу ребенка торжественные встречи стариками атамана Платова и увлекательные рассказы о заграничных походах.

В шестнадцать лет он был зачислен в полк. Здесь же произведен в урядники. А затем, уже в чине хорунжего (и это-то в 19 лет!), Яков Бакланов отправляется с полком на войну в Европейскую Турцию. И показывает себя столь пылким и храбрым офицером, что за излишний азарт отец не раз собственноручно его «дубасил по спине ногойкой» (по собственным воспоминаниям Якова).

Как же выглядел этот донец по рассказам его современников? Силы он был необыкновенной, воли железной. Из-под нависших густых бровей горели серые, глубокие глаза, метавшие искры. Густая борода покрывала могучую грудь. Одевался он просто, по-казачки, в шелковую красную рубаху, прикрытую бешметом, широкие шаровары и черкесские чувяки. На голове носил папаху. Пряמודушный и бескорыстный Бакланов не многому учился, но твердо помнил, что без веры в Бога не прожить христианину. Что для победы над врагом нужно скрытно к нему подойти, быстро и смело напасть. Его называли Ермаком Тимофеевичем — и, правда, казалось, что в Бакланове как бы воскрес этот любимый атаман казачий. Врагам он стал страшен, как только появился на Кавказе. У чеченцев он слыл под именем «даджал» («черт»), только изредка, в виде ласки, звали они его «Боклю».

Уже в середине века Бакланов получает под свою команду 20-й Казачий полк на Кавказе. Своих верхконных нашел он не в блестящем состоянии. Грязные, оборванные казаки на некормленных лошадях, да еще и с плохим вооружением. Как быть? Остается лишь одно — учить.

Прежде всего, он заводит в полку особую «Седьмую сотню». Называет ее учебной. Сотня эта ходит у него то в голове, а то составляет резерв. Кроме того, он фор-

мирует еще две команды. Пластунскую — из лучших стрелков и наездников. И другую — ракетную. Наконец, в каждой сотне он предусматривает один взвод, снабженный шанцевым инструментом и обученный саперному делу. Отличаются баклановские казаки и одеждой. В постоянных набегах и стычках они одеваются и вооружаются на счет неприятеля.

Так что вместо форменных донских чекменей они носят азиатские черкески. Вместо казенных шашек — чеченское холодное оружие. Однако ж пики, как наследие XVIII века, отцов и дедов, казаки сохраняют. Кстати, именно по ним чеченцы и отличали донцов от линейцев.

В те времена о тактических занятиях с офицерами мало кто задумывался. А вот неумный «Боклю» начинает собирать у себя полковое офицерство «на чашку чая». И здесь за разложенной картой Кавказа ведет неспешные беседы о войне.

Обучение же полка проводит не на плацу, а вдоль чеченской границы, где стоят казачьи посты. И вот теперь от обороны, которой держались его предшественники, Яков Петрович переходит к самому энергичному наступлению. Он не спит по ночам. Рыскает с пластунами по таким диким, непроходимым местам, куда, возможно, не ступала и нога человека. Именно здесь приучает он казаков глядеть в оба. «Все замечь, — учит Бакланов, — ничего не прогляди, а тебя чтобы никто не видел».

В мелких схватках донцы изучают сноровку неприятеля. Приучаются мгновенно спешиваться. Прятать коня. Стрелять на всем скаку и скрываться в засаду. А во время боя никто не смеет покинуть рядов, даже легкораненые.

Те же, кто лишился лошадей, бьются пешие, пока не разбудут новых. Трусливым не было места в полку. Храбрых же Бакланов осыпает деньгами, без меры и счета.

Примечательно, что верные ему чеченцы-проводники и переводчики всегда вовремя предупреждают его о замыслах горцев. А потому «Боклю» и являлся к ним, как снег на голову. И уж коль продолжали че-

чеченцы называть его «даджал», он всячески старался укрепить их в в этой мысли.

А вот одна из многочисленных боевых историй нашего сорвиголовы. Баклановский полк стоял по укреплениям передовой Кумыкской линии (от Умахань-юрта до Старого Чир-юрта) верст на 60 по реке Сулаку. Однажды, в самое Крещение, в укрепление Куринское (здесь помещался штаб полка) прибегает лазутчик. Он оповещает казаков, что горцы намерены напасть на станицу Старогладковскую, что на Тереке. Начальство оповещает всю линию. А на Тереке, в скрытом от посторонних глаз месте, располагается отряд — полк кабардинцев и один линейный батальон. Ему приказано не двигаться, пока чеченцы не начнут переправу.

Два дня проходят — все спокойно. На рассвете третьего прискакали пластуны Бакланова. Они успели заметить, что множество горцев прошли возле крепости и направились к Тереку. В укреплении все начеку. Отряд выступает немедленно.

Впереди «Боклю» с полком. Позади Майдель с кабардинцами. А вскоре со стороны Терека послышались глухие раскаты пушечных выстрелов. Донцы переходят на рысь. Погода в эти часы мерзкая. Погуливает волнами туман, скрывая окрестности.

Между тем чеченцы уже подъезжают к переправе. Ведет их наиб Бата (некогда служивший русским). Обьезжает ряды, сулит богатую добычу. И провозглашает: «Медаль и 10 рублей тому, кто первый перескочит Терек!»

Но только чеченцы успевают спуститься к воде, как на другом берегу блеснул тревожный огонек. И в ту же секунду бухнуло ядро, прорезавшее самую середину горского воинства. Но это был всего лишь сигнал. И буквально следом грянули где-то рядом картечью скрытые до сей поры пушки. Им вторили сухие щелчки ружейных выстрелов. Горцы дрогнули.

«Назад, назад!» — кричит поздно заметивший опасность Бата. А в это время сбоку неожиданно накатывают лавой казаки. Сотня за сотней. Пружинисто, напористо, но молча. Без обычного казачьего ги-

ка. Что еще страшнее. Удары пик в густую, сгрудившуюся толпу смертоносны. Редкий случай — обезумевшие горцы покидают раненых, убитых и идут на прорыв.

Тем временем казаки, плотно окружив оторопевшее воинство, гонят его до самых гор, где благодаря быстро упавшей темноте неприятелю удастся скрыться в лесных ущельях и рассеяться на горных тропах.

Изменник Бата терпит полную неудачу. В этом бою баклановцам достается много богатого оружия, в котором имелась большая нужда.

«Казак должен вооружаться на счет неприятеля» — это и был очередной ответ Бакланова на жалобы донцов, что «наши шашки много хуже чеченских».

Учебная «Седьмая сотня»

Месяца через полтора русский часовой замечает немалую партию конников. Они поспешно спускаются с гор в направлении к Горячим ключам. По немедленной тревоге две сотни баклановцев уже выносятся наперерез. Однако на третьей версте бешеной гонки донцы атакованы огромным скопищем противника, сидевшим в засаде.

Бата намерен посчитаться. А что же Бакланов? О, он теперь прекрасно изучил горские хитрости. Предусмотрительный военачальник вслед за собой уже заранее приказал двигаться учебной сотне (той самой «Седьмой») с двумя конными орудиями.

А сзади, в поддержку, опроретью несутся еще 4 роты лихих кабардинцев. За 500 шагов до противника сноровистая артиллерия снимается с передков. Орудийная прислуга мгновенно занимает свои места, и брызги картечью попадают в самую середину конной толпы.

Предусмотрительно-лукавый Бата, казалось бы, умело расставив сети, сам попадает в ловушку. В следующую минуту он яростно бросается вперед, но тотчас попадает на штыки кабардинцев. Остается одно: круто осаживая коня, он поворачивает назад,

обратно. И, пронесшись под перекрестным огнем, исчезает в гуще леса. Короткое, но лихое дело — более чем удачное. Ранен один лишь казак.

Бату сменил новый наиб — Гехо. Но это мало что изменило — схватки с чеченцами продолжались. Однажды в конце октября казаки-дозорные дают знать большая партия чеченцев проскакала к Энгель-юрту. А вскоре, как подтверждение увиденного, оттуда начинают доноситься частые выстрелы. А это значит — напавшие получают несомненный отпор.

Тревожный звук сигнальной пушки — и две сотни с Баклановым во главе бросились в стремительный карьер. Путь лежит между брошенными, опустелыми аулами по отлогому покатоному склону. И вдруг у одной из развалин казаки замечают конную группу. Среди наездников хорошо заметен трепещущий на ветру вышитый золотом разноцветный значок. Это значит, что здесь вместе с четырьмя сотнями чеченцев, обычно сопровождавших своего наиба, находится сам новый предводитель — Гехо. Чеченцы терпеливо поджидают своих соплеменников — основную партию горцев, что находятся в набеге.

Для донцов это неожиданная, тревожная новость, поскольку их кони притомлены. Заметив баклановцев, горцы бросаются в шашки. Сам же Бакланов между тем врывается в толпу противника. Стремительно выхватывает значок и высоко поднимает его над головой. И хотя в эти считанные секунды чеченец успевает-таки ударить его шашкой по руке, отторгнутый у неприятеля знак наглядно возвещает о победе.

Поле боя вмиг пустеет. Потеря «аляма» — слишком дурное предзнаменование для только что вошедшего во власть наиба.

«Голая атака»

Бывали случаи, когда «заговоренный Боклю» (казаки верили, что это именно так и что его может поразить только особая серебряная пуля) пропадал из Куринского по несколько дней. Но происходило это

лишь в дни затишья. И именно в эти дни слухи выра- стали до гигантских размеров.

Чем же был занят Яков Петрович в эти дни? Ока- зывается, еще до зари, прихватив двух-трех пласту- нов, он объезжал самые дальние, «медвежьи углы» на- ших владений. Пробирался по горным тропинкам, изучал всевозможные подходы, переходы в бурелом- ной чаще таинственных южных лесов, посещал и саму Чечню.

Однажды в очередном набеге Бакланов, все время скакавший впереди, вел за собой три сотни. Ночь оказалась черной. Буйствовал тревожный ветер. И вдруг Яков Петрович останавливается и с тревогой замечает, что отряд сбился с пути.

Рассерженный проводник начинает с ним спо- рить. «А где же сухое дерево, что вправо от дороги?» — восклицает военачальник. И проводник признает свою оплошность.

Тем временем пластуны разыскивают и верную дорогу. И донцы укрепляются во мнении, что их предводителю «дано знать даже те дороги, где он ни- когда и не бывал».

Безопасность линии была настолько тесно связа- на с именем «Боклю», что, когда подошел срок идти на льготу 20-му Донскому полку, князь Воронцов вы- нужден был писать о русском джигите военному ми- нистру:

«Этот человек дорог нам за свою выдающуюся храбрость, свой сведущий ум, за военные способнос- ти, знание мест и страх, который он внушил непри- ятелю; сам Шамиль уже упрекает своих наибов за страх, питаемый ими к Бакланову».

Следует доклад императору. Просьба Воронцова уважена. 20-й полк возвращается на Дон, а на Кавка- зе его меняет 17-й. Но в новый полк вливаются, те- перь уже по собственному желанию, не только мно- гие штаб- и обер-офицеры и урядники, но и многие казаки. Оттого и дело обучения вновь прибывших проходит стремительно.

Как-то «Боклю» был вызван в крепость Грозную — участвовать в летней экспедиции под началом князя

Барятинского. И здесь в его ведение поступает вся конница. Немалый отряд — 23 сотни. Дело исполнено блестяще. Награда — Владимир 3-й степени — лишь подчеркивает его значимость.

Однако случаются и промашки. Но даже из них «Первый казак» умудряется выходить с честью. Как-то ему пришлось отбить у чеченцев стада, что паслись у Куринского. Нападение горцев было столь неожиданным, что «Боклю» не успевает даже одеться. И предстает пред полком в голем виде и только накинутой на плечи бурке. Но в руках искрометная шашка. И тотчас же — в атаку.

Но именно умопомрачительный вид донского богатыря наводит на горцев такую панику, что после этого случая они долго не отваживаются нападать на наши стада.

Популярность «Первого казака» волной раскатывается не только по Кавказу, но и по всей великой России. И вот как-то раз Бакланов получает странную посылку. Прибывает она неизвестно от кого, с «оказией». А вскрыв ее, обнаруживает черный шелковый значок с вышитой на нем белой «Адамовой головой» и обрамляющей ее надписью странного содержания: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь».

И как же поступает с этой посылкой «Боклю»? Он водружает значок на древко и не расстается с ним в течение всей своей жизни. А на чеченцев этот мрачный символ наводит необычайный ужас.

«Не хочешь ли убить Боклю?»

Вскоре после награждения Якова Петровича орденом Св. Георгия 4-й степени ему приходится вступить в оригинальное единоборство. Как же все это произошло? В Куринском укреплении людей ежедневно поднимает на ноги воинственно-бодрящий барабанный бой. Русские солдаты и казаки рубят широкие просеки в лесах, мало-помалу углубляясь в лесистые, до сей поры недоступные горы.

Очередные роты налегке, без обозов устремляют-

ся в леса, на те места, где прервалась вчерашняя рубка. Бакланов же отправляется вперед с пластунами, предварительно осматривая местность, еще укутанную предрассветным туманом. Расставляет цепь аванпостов. И сам же указывает места очередной вырубки на день.

Затем он поднимается на высокий курган и внимательно наблюдает в подзорную трубу, чем заняты в своих завалах горцы. Да и они привыкли узнавать его фигуру в большой косматой папахе и с накинутым на плечи бараньим тулупом.

В подзорную трубу прекрасно видно, как с их стороны выезжают верхоконные. Головы укутаны белыми башлыками, сами статны, одеты с подчеркнутой лихостью:

Посверкивает богатое, изысканной работы оружие. Это абреки. «Боклю» прекрасно известно, что вскоре засядут они в кусты и будут палить из ружей. Другие же станут задорно кружиться неподалеку от кургана и временами выкрикивать: «Боклю, такой-сякой, чего стоишь? Уходи домой!» А вот если нашим казачкам удастся снять такого молодца, у них начнется суета. Бросятся поднимать убитого. Полетят в нашу сторону проклятия.

И вот однажды вечером к Бакланову является лазутчик и поверяет ему удивительную новость. Оказывается, Шамиль как-то вызвал с гор опытного стрелка, родом тавлинца*, и взял с него клятву на Коране, что тот убьет «Боклю». Однако ж старики чеченцы мало верят в успех дела и считают стрелка всего лишь хвастуном. Когда же они услышали в очередной раз его речи, то напомнили ему: «Ты говоришь, что разбиваешь яйцо на лету за 50 шагов. Может, это и правда. Но тот человек, в которого ты будешь стрелять, при нас разбивал муху с полтораста шагов... Смотри же, если промахнешься, Боклю уложит тебя на месте».

На другой день как ни в чем не бывало Бакланов вновь на своем месте. Вскоре он примечает, что за

* Это был предположительно знаменитый горский стрелок Джанем. А имя лазутчика было Али-бей.

гребнем старой батареи мелькнула черная папаха. Следом блеснул ствол — и раздался выстрел. Когда же тавлинец высунулся по пояс, чтобы получше рассмотреть поверженную цель, с ужасом увидел, что его враг по-прежнему восседает на коне. Он цел и невредим.

И тогда стрелявший снова скрывается, чтобы перезарядить ружье. Вот только теперь Бакланов совершенно бесстрастно вынимает ногу из стремени. Кладет ее на гриву коня. Надежно упирается локтем. И приготавливает штуцер.

И стоило тавлинцу вторично приложиться к ружью, чтобы снова произвести выстрел, как в ту же секунду Бакланов посылает собственную пулю. Стрелок лишь успевает взмахнуть руками — пуля приходится ему меж бровей.

Когда же «Боклю» повернул коня, спускаясь с кургана, войска, наблюдавшие этот необыкновенный поединок, приветствовали его громовым «ура!». А чеченцы, замахав шашками, вскочили на завалы и с громкими возгласами: «Молодец, якши Боклю!» долго провожали его удивленными взглядами.

Много лет спустя после этой истории они, если желали осадить хвастуна, обычно выговаривали ему: «Не хочешь ли ты убить Боклю?»

«Всевеликая» охота

А чем бывали заняты донцы в относительно спокойное время, когда не воевали и не отправлялись в вольные походы? Издавна любимым занятием их оставалась охота. Иные охотники даже прославили свое имя подвигами, о которых говорил весь Дон. Таков был, к примеру, легендарный донец Краснощеков. Рассказывают, что однажды он встретился в лесах на Кубани со знаменитым джигитом по прозвищу Овчар. Тот тоже вышел поохотиться. Богатыри знали друг о друге по общей молве и искали случая сразиться.

Краснощеков еще издали узнает соперника и клянется «не спустить с руки ясного сокола». Почувял зве-

ря издалека и горец. Он лежал над обрывом реки, облокотясь о землю, и поглядывал на потрескивающий перед ним огонек костра. Казалось бы, совсем не замечал, что начался дождь. Да и враг его близок. Лишь изредка он украдкой косил глаза, чтобы в нужный момент вовремя схватить ружье.

Оценив обстановку, Краснощекоев живо сообразил, что ему не подойти на выстрел своего короткого ружья. И тогда он исчез. «Тишком и ничком» казак проползает нужное расстояние и, решив проверить внимание противника, выставляет в стороне от себя шапку-«трухменку» (то есть «туркменку»). Но едва он успевает поднять ее над землей, как меткая пуля сбивает ее. И вот тогда донец поднимается во весь рост, подходит к Овчару и «в припор» ружья убивает джигита наповал.

Резвый аргамак, богатое оружие достаются в награду счастливому охотнику. Но это была, скорее, не охота, а жестокий поединок. Результатом которого должно было стать не ранение, а только гибель одного из поединщиков.

Случалась здесь и настоящая охота. И особенно в чести у донцов была так называемая «большая охота». В давние времена в ней принимало участие чуть ли не все Войско. Тысячи конных и пеших охотников отправлялись вослед за атаманом к курганам «Двух братьев», что неподалеку от Черкаска. Атаман, окруженный лучшими стрелками, становился на кургане. А обширное займище* оцепляли казаки.

Начало охоты возвещали весьма эффектно — три выстрела из пушки. И в тот же миг, не успев еще рассеяться пороховой дым — в цепи раздаются, несутся перекатами свист и крики, трескотня и, конечно же, брань. Зверь оглушен и вынужден подняться. Среди густого камыша жутко посверкивают блестяще-белые с легкой желтизной острые клыки дикого вепря. Приходится и ему выскакивать из шуршащей зеленой теснины.

* З а й м и щ е — прибрежная полоса, затопляемая разливом.

Вебрь выносятся, будто выкатываются на луг, и вот здесь-то его тотчас окружают самые отменные наездники. Разъяренный зверь яростно кидается то в одну сторону, то в другую, пока его не пригвоздят пиками стремительно и точно, в пылу азарта раскрасневшиеся охотники.

А в стороне, в другом месте мечется захожая из кубанских лесов неожиданная гостья — злобная и резкая в движениях гиена.

Но стоит окинуть взглядом необозримый луг — и там, на его окраине, иная картина. Несется стремглав, будто бы даже с по́свистом или с покриком, во взвихренных одеждах казак, приподняв тяжелый чекан*. И можно предположить, что он, верно, гонит степного матерого волка. Ощетинившийся зверь, озирается, яростно щелкает зубами, но казачий конь уже почти поравнялся. Взмах чекана — и голова хищника раздроблена.

Однако самое увлекательное и даже чарующее зрелище — несущаяся по огромному займищу с быстротой молнии, буквально распластавшаяся по воздуху быстроногая сайга. Хотя не жалеет коня стремительный всадник — пригнулся, влился в седло, слился с конской гривой, да и плеть только свищет... Но куда там... Далеко, да и нет надежды.

Но вот азарт разгорается. Завидя эту неутомонную погоню, вихрем слетает с кургана войсковой есаул. Берет резко наперерез. Четкий, мгновенный взмах правой руки — и что это? Подрагивает, дрожит красавица, ощутив на шее роковую петлю.

Вот и сам атаман. Взяв ружье наизготовку, зорко поглядывает вдаль. Еще, правда, не видит, но уже чувствует — его молодцы сумели поднять в «трущобе» пластично-гибкого барса, мощного, но осторожного в каждом шаге.

И здесь же, посреди займища, мечутся не менее полусотни зайцев. Замысловатыми зигзагами, постоянно меняя направление бегства, тревожно прижав

* Чекан — ручное оружие, а встарь — знак сана, топорик с молоточком на аршинной рукояти.

уши, несутся они, частенько оказываясь под копытами, и попадают в заранее расставленные «тенета»^{*} или мгновенно погибают под казачьей плетью.

Охота, наконец, окончена. Атаман доволен. Призывает к себе казаков на широкий пир — «отведать дичинки». Гуляют охотники долго, смачно — ведь надо обойти всех удачников, то бишь тех, кому повеселилось вернуться с добычей.

Были у донцов и дальние «охоты», но только в древние времена. И надоумили их те же запорожцы — как их называли тогда, «витязи моря». Они не только указали путь к турецким берегам, но сами становились вожаками. Донцы безо всякого страха переплывали бурное море, внезапно появлялись среди мирного населения. Грабили, жгли, нагружались добычей — и также моментально исчезали в синих морских увалах. При всей безжалостности грабежа единственное, что по-настоящему ценили они — это прекрасные пленницы, позже многие из них становились их женами.

Интересно, что казаки сами готовили челны для собственных набегов. Строили их из липовых колод, которые распиливали пополам. Середину выдалбливали. С боков прикрепляли ребра (для жесткости), а по обоим концам устанавливали выгнутые «кокоры»^{**}.

Для большей устойчивости эти неуклюжие, на первый взгляд, посудины обвязывались пучками камыша. И вот наконец челн готов. Покачивается у берега. Его нагружали запасом пресной воды и любимой казацкой снедью — сухарями и просом, толокном и сушеным мясом или соленой рыбой.

И только после этого все улывающее вдаль Дон-

^{*}Тенета (тенето) — от «тянуть», сеть, сетка; тенета развешиваются по сучкам, сошкам и кольям, охватывая место полукругом. Загонщики (облавщики) заходят с противной стороны и, пугая зверя криком, идут цепью и гонят его в тенета, где притаившиеся «тенетчики» принимают его дубинками, а иногда вяжут и струнят живьем.

^{**}Кокора — комлевая часть ствола хвойного дерева с перпендикулярным к нему отрезком крупного корня, используется в деревянном судостроении.

ское воинство собиралось к часовне — молиться Николаю Чудотворцу (заступнику всех морских странников). Оттуда направлялись на площадь — пили заранее приготовленный задравный прощальный ковш вина или меду. А затем уже на берегу еще выпивали в дополнение по небольшому ковшику. И только затем рассаживались в лодки — по 40—50 казаков в каждой.

Удивительная особенность — удалцы морских переходов почти всегда выглядели оборванцами: в каких-то старых, потертых зипунах, отвислых, дырявых, непонятного цвета шапках. И даже ружья у них хоть и метко стреляют, но не блещут красотой и опрятностью. Притом они совсем ржавые. Откуда же такое пренебрежение к снаряжению и одежде? Оказывается, все это не даром. По старинной примете — «на ясном железе глаз играет» — облачение не должно вызывать зависть у иноплеменников, а плохенькое ружьишко должно подталкивать к захвату нового оружия.

И вот когда казаки усядутся по местам, раздается дружный хор: «Ты прости, прощай, тихий Дон Иванович...» Единый, дружный взмах, будто вздох, вёсел. Бурлящий тугой шлепок по воде — и вскоре караван лодок скрывается из вида.

Но внизу поперек Дона протянута тройная железная цепь, укрепленная концами на обоих берегах. Здесь возвышаются каменные каланчи с пушками. Это суровая азовская крепость, возле которой, всегда настороже, плавают еще и вооруженные турецкие галеры.

Не миновать эту часть пути нельзя. А перекрестный картечный огонь способен расщепить в каких-нибудь четверть часа всю казацкую флотилию. Однако ж у казаков и на сей счет своя сноровка. Они дожидаются непогоды. И вот тогда в темную, бурную ночь с ливнем либо в непроглядный туман они ухитряются мастеровито переваливать свои суденышки через цепи. А затем, умело хоронясь, прокрадываются мелководными гирлами прямо в открытое море.

Иногда же пускаются еще и на предварительные хитрости — пускают сверху бревна, которые неистово колотятся о цепи. И так подолгу держат турок в тревоге, ждут, когда бравым воинам Османской империи прискучит палить, когда остынут головы и жерла и турки бросят это беспокойное занятие. А донцам только того и надо. Мблодцы уже проскочили.

На всякий случай у походников в запасе существует и другой путь. Они устремляются вверх по Донцу. Потом перебираются волоком на речку Миус. И оттуда уже — прямой выход в Азовское море.

Казачий абордаж

Бывали, правда, редкие встречи и с турецкими кораблями. Но даже и на этот случай у донцов имелась своя хитрость. Они умудряются обходить чужой корабль так, чтобы за спиной оказалось солнце. Затем, за час до захода солнца приближаются к жертве примерно на версту. С наступлением же темноты окружают корабль и... берут его на абордаж. Как правило, застают противника врасплох — турки славились своей беспечностью.

Ну а если на море штиль или полное безветрие? Казаки тогда не считают нужным и скрываться. Быстро овладев судном, налетчики поспешно забирают оружие, а также небольшие пушки, которые способны выдержать их посудины. Затем разыскивают деньги. Переваливают на свои борта товары. А вот сам корабль со всеми пленными и ненужным им грузом пускают на дно.

Происходят, правда, и несчастные встречи, когда на полном ходу большие турецкие корабли врезаются в самую гущу казачьих челнов. Тогда одни из них попадают под корабль, другие гибнут от картечного огня с обоих бортов. И вот тогда-то, как огромная стая потревоженных птиц, разлетаются эти утлые суденышки в разные стороны.

А сколько раз страшные бури носили по волнам

отважных походников! Бывало — спасались. Но нередко и погибали. Если же и удавалось оказаться на прибрежных скалах, то могли попасть и в неволю. В таком случае турки заковывали спасенных в цепи и сажали на весла, на свои галеры.

Но вот что удивительно. Как ни велики бывали потери, казачество не оскудевало. На место одного вышедшего из строя становился десяток других. И морские походы так никогда и не прекращались, считаясь самым прибыльным делом. Донцов нимало не смущали ни бури, ни страх неволи, ни угрозы султана, ни запреты русского царя.

Если возвращение оказывалось счастливым, поход широко отмечался. Возвратившиеся останавливались где-нибудь неподалеку от Черкаска. Выгружали добычу и делили ее между собой. Строго поровну. Это называлось у них — «дуван дуванить».

Затем счастливицы облачались во все лучшее и подплывали к пристани с задорными, боевыми песнями и с частой пальбой. А все войско, уже заранее извещенное, располагалось на берегу.

Яростно палили и в самом Черкасске. С пристани все войско направлялось к часовне. Служился благодарственный молебен. А затем приплывшие, рассыпавшись по площади, обнимались, целовались с казачьим людом. Одаривали родных и знакомых заморскими гостинцами.

О количестве добычи можно было судить по тому, что одного «ясыря», или пленных, собиралось иногда до трех тысяч. Интересно, что у казаков даже существовало особое разменное место. И вот там они сходились, встречались с азовцами, меняя мусульман на русских. Иной раз требовали и выкуп. Так, например, за пашей турки из Азова платили по 30 000 золотых и более, в зависимости от знатности рода.

Продавали казаки и знатных турчанок. Всех же остальных женщин приучали к домашнему хозяйству. Ну а потом, предварительно окрестив, женились на них.

Примечательно, что на первых порах мало кому из донцов удавалось жениться твердо по церковному уставу. В древние казачьи времена все происходило более чем просто. Жених и невеста обычно выходили на площадь. Молились Богу. Затем кланялись всему честному народу. И после этого жених объявлял имя своей невесты. Обращаясь к молодой, донец обычно говорил: «Будь же ты моей женою!» Тогда невеста припадала к ногам казака со словами: «А ты будь моим мужем!» И как легко браки заключались, так же легко они и расторгались.

Простота эта может вызвать удивление. Так, например, казак, покидая свое жилище и отправляясь в поход, продавал жену за годовой запас «харчей». А бывало, и безо всяких причин выводил ее на площадь и говорил: «Не любя! Кто желает, пусть берет!».

Когда же находился охотник, пожелавший взять «отказанную жену», он прикрывал ее своей полой. И это означало обещание оказывать защиту и покровительство.

Но при всей жесткости и суровости нравов донцы отличались необычайной набожностью. Строго соблюдали посты, жертвовали церквям и монастырям. Особенным уважением у казачьей братии пользовался Никольский монастырь, что подле Воронежа. А еще — Рождественский-Черняев, что в Шацке.

Здесь престарелые казаки, потерявшие здоровье в многочисленных войнах, доживали свой век, облачившись уже в монашескую рясу. Кстати, точно так же поступали в свое время и запорожцы.

В обителях замирали страсти, забывалась вражда. А вот первые часовни на Дону появились только лишь в начальные годы царствования Алексея Михайловича Романова. Первая же церковь построена в Черкасске в 1660 году.

Примечательно, что в казачьих монастырях висели колокола, отлитые из неприятельских пушек, а священные одежды, иконы блистали жемчугом и обилием драгоценных камней.

Как уже упоминалось, жены казаков славились ратным духом отнюдь не менее своих мужей. В том же духе они наставляли и своих детей. «На зубок» новорожденному клали стрелу, пулю, а то даже лук либо ружье. А после сорока дней отец прицеплял крохе саблю, сажал его на коня. Когда же у мальчугана появлялись первые волосы, отец подстригал их в кружок и, возвращая сына матери, говорил: «Вот тебе казак!».

У младенца прорезались зубы — это был знак. Тогда его везли в церковь верхом. И здесь служили молебн Иоанну Воину, чтобы из отпрыска вырос храбрый казак. Трехлетки уже сами ездили по двору, а пятилетние лихо скакали по улицам станиц. Стреляли из лука. Играли в бабки. Ходили «войной».

Бывало, вся ребятня Черкаска выступала за город. И здесь, разделившись на две партии, строили камышовые городки. В бумажных шапках и лядунках, с хлопучками и бумажными знаменами, верхом на палочках противники сходились. Высылали вперед «стрельцов» либо наездников-забияк и, нападая друг на друга, сражались столь азартно, что забывали про синяки, ссадины и кровоподтеки. Рубились лубочными саблями. Кололись камышовыми пиками. Отбивали бумажные знамена. Забирали противника в плен.

А когда заканчивалась потасовка, победители под музыку из дудок и гребней, с трещотками или тазами возвращались торжественно в город. Позади, стыдливо понуриив головы, шли «пленные».

Старики, сидя группами подле рундуков, за ендовой крепкого меду любовались внуками. И даже сам атаман, пропуская мимо себя детей, поднимался с места, расхваливая самых храбрых.

Когда же была введена перепись «малолетков», то все достигшие 19-летнего возраста собирались в уже назначенном месте. На добрых конях и в полном вооружении.

На поляне, обычно возле реки, разбивали большой лагерь. И здесь в продолжение месяца «малолет-

ки» обучались военному делу под руководством стариков и в присутствии атамана. Одни учились на всем скаку стрелять. Другие мчались во весь дух, стоя в седле и отмахиваясь саблями. Третьи ухитрялись дотянуться и поднять с разостланной на земле бурки монету или плетку.

Соревновались поединщики. Бывало, что толпа конных подростков скакала к крутому берегу, внезапно исчезала из виду и... вновь появлялась. Но уже на другом берегу.

Все это молодечество, лихость и сноровка поощрялись. Самым метким стрелкам, лихим наездникам атаман дарил узорные уздечки, разукрашенные седла, оружие. Эта первая награда ценилась здесь, на Дону, так же высоко, как у древних греков венки из лавра.

В таком соревновательстве вырастали целые поколения. Начинали с ребячьих игр. Продолжали боевыми схватками. Оттого и сабли на Дону не ржавели. А отвага не выветривалась из душ. От отца к сыну, от деда к внуку переходил единственный завет — любить родную землю, истреблять ее врагов. «Казачьему роду нет переводу!» — о том помнят на Дону и по сей день.

МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ...

ВОСПОМИНАНИЯ 101-ЛЕТНЕГО СУВОРОВСКОГО СОЛДАТА

В свое время, лет тридцать тому назад, я с превеликим вниманием рассматривал в Зимнем дворце Петербурга необыкновенную коллекцию книг из бывших библиотек князя Лобанова-Ростовского, императора Николая II, графа Шереметева и др. И здесь, в этом маленьком, скромном помещении, почти под самой крышей Зимнего, я случайно познакомился с удивительным человеком, возможно, научным работником дворца, ставшего нынче музеем, но оставшегося фактически дворцом, правда, необитаемым.

История, рассказанная им, меня увлекла настолько, что уже на следующий день я поднимался в маленьком, уютном, красного дерева дворцовом лифте в сопровождении двух милых девушек — сотрудниц музея. Предстояла увлекательная встреча не только с моим новым знакомым, но и с рукописью, доставшейся ему давным-давно, в розовые времена его отрочества, незадолго до войны 1914 года.

Рукопись эту, в свою очередь, передал ему бывший офицер, в те годы человек уже преклонного возраста, с просьбой сохранить и, если будет возможно, напечатать. Офицер этот сохранял инкогнито, назвавшись всего лишь бывшим господином О., а по армейской табели о рангах — корнетом в давних годах юности.

Итак, о чем же поведал нам былой корнет О.? Оказывается, 7 октября 1854 года в Пятигорске ему удалось встретить солдата чуть ли не сказочных времен. Грудь его была увешана медалями, которых до того времени О. не доводилось и видеть. Произошла встреча при следующих обстоятельствах: старик вел на водопой казачью лошадь. Она переступала ногами так же медленно, как и сам хозяин. Любопытство корнета О. росло вместе с удивлением. Можно ли было подумать, что здесь, на Кавказе, существует такой удивительный человек?!

«Здравствуй, старина и храбрая служба», — сказал О., подойдя к ветерану.

«Здравия желаю, Ваше благородие», — медленно, с уважением отвечивал он и, сняв шапку, приостановился. Голова почтенного воина была украшена густыми, седыми, слегка вьющимися волосами. В это время дул холодный ветер с гор, и О. попросил старика накрыться. Но тот упрямылся. И только уступая настоятельным просьбам, накрыл голову форменной егерской шапкой с большим козырьком.

Далее предоставим слово самому корнету О.

Под тяжестью регалий

— Что, дружище, так согнулся? Разве прямо ходить не легче? — постарался я завести разговор.

— Многие спрашивают меня об этом, Ваше благородие, да только всем я говорю, что тяжело носить вот это.

И тут он указал на свои регалии. Я присмотрелся и заметил медаль, данную победителям за мир с Турцией в 1791 году. Рядом красовался Георгиевский крест и медали за штурм Очакова, Измаила, Праги и за 1812 год.

Мое изумление при взгляде на этот длинный ряд воинских отличий росло с каждой минутой. Как можно было остаться в живых и вроде бы без ранений — и это после таких страшных штурмов?

— Неужели, старина, ты не был даже ранен?

— Три раза, Ваше благородие. В Сулинских гирлах картечью контузило в левый бок, да только оборвало мундир и рубашку. Затем в пах под Тульчей. И в правую ногу под Аустерлицем, и тринадцать лет носился с пулей. А все-таки, слава Богу, жив.

Я промолчал, покачав лишь головой.

— Мне и самому удивительно, — задумчиво произнес мой собеседник, — пока мы воевали с Суворовым, я был цел, пули точно меня боялись, а не стало его, вот и начал прихварывать.

— А где же вы еще воевали с Суворовым?

— Воевали и в Италии, и на Альпийских горах.

— Ну, дед, ты просто чудо-богатырь! — сказал я, желая показать собеседнику, что и нам известно то славное прозвище, которое солдаты не раз слышали от своего вождя. — А турка, дедушка, небось и теперь штыком свалишь?

Ветеран взглянул на меня живее. Глаза его засверкали. Он быстро осмотрелся кругом, как бы отыскивая врага, и с воодушевлением сказал:

— Ох, Ваше благородие, в прежнее время не устоял бы он у меня, а теперь, может статься, и устоит.

Вечером того же дня на крыльцо моей квартиры явился давно ожидаемый старик. Я вместе с несколькими офицерами бросился к нему навстречу, он же, сняв перед нами шапку, весело проговорил:

— Здравия желаю, господа,

К вам явился я сюда.

Подали чай, и все принялись дружески шутить со стариком. Я просил его выпить стакан чаю.

— Это нам не по нутру,

Была бы рюмка водки поутру, — отвечал старик очередной рифмой.

Тогда я налил ему стакан рому. «Что это вы изволили делать?» — «Да разве не видишь, дедушка, наливаю тебе ром». — «Ох, нет, знаю я его — это гром».

— Господа, — сказал я товарищам, — почтенный старик обещал рассказать нам про свои славные походы и про своего чудо-богатыря Суворова.

При этом я должен заметить, что вся история походов старика рассказана им самим. Я со своей сто-

роны счел лучшим не справляться ни с одним сочинением о походах нашего полководца*, чтобы передать *изустное предание* в том виде, в каком мне довелось его услышать из уст рассказчика.

Имя Суворова неизгладимо врезалось в души его воинов, которые верили в своего вождя, как в чудо; все распоряжения и приказания, облеченные их полководцем в особый склад речи, они исполняли с каким-то *религиозным чувством*.

Начинал я драгуном

Герой рассказа — Илья Осипович Попадичев — родился в 1753 году, июля 13 дня, в Харьковской губернии городе Купянске. Но сам он не признает этого числа за день своего рождения, а говорит, что родился 20 июля, то есть в день Св. Пророка Ильи, именем которого и назвали его. Отец Попадичева, житель города Купянска, служил тогда казаком в Изюмском казачьем полку; был человек с достатком и в городе имел хорошее домашнее обзаведение. Впоследствии Изюмский казачий полк переименован в гусарский. Отец Попадичева стал солдатом, потом был произведен в унтер-офицеры и дослужился до обер-офицерского чина.

«Старшим сыном, — говорил Илья Попадичев, — в нашей семье был я. На восьмом году матушка начала посылать меня учиться грамоте, как будто грамота нужна была мне! Учиться читать я ходил к приходскому дьячку, а писать — в нижнюю городскую расправу (Нижний земский суд). По субботам, бывало, придешь к матери и просишь: «Матушка, дайте копеечку». — «На что тебе?» — «Нынче суббота, будем зады читать!» Мать даст копеечку, купишь 10 бубликов, наденешь их на руку, до самого плеча, и тогда смело идешь к строгому дьячку на повторение задов.

* И тем не менее достоверность рассказанного Ильей Попадичевым была подтверждена Генерального штаба генерал-майором Дмитрием Федоровичем Масловским, профессором Николаевской академии и знаменитым военным историком (1848—1894).

Двое других моих братьев, родившихся, когда отец мой был уже обер-офицером, служили потом чиновниками в Харьковской губернии. Самому же мне пришлось всю жизнь прошляться по заграницам, сперва на коне, а потом пешком и с ружьем. Да, слава Тебе Господи, не жалею об этом и благодарю Создателя.

В 1780 году был получен указ о поступлении всех кантонистов на службу. В городе Купянске собрали нас всего человек 100; некоторым было не более 14—15 лет, и всех нас отправили в Смоленский драгунский полк, стоявший тогда лагерем верстах в полутора от нашего города. Полком этим командовал тогда бригадир, старик Иван Григорьевич Шевич, а подполковником в полку был Селявин.

Ружья, сабли... городки

С самого определения в полк я поступил в 3-й эскадрон. Дядькою у меня был Користелев — драгун строгий, но и правдивый; впрочем, тогда молодые солдаты по дядькам оставались не долго, а прямо поступали во взводы в заведование капралов.

Для обучения строю, что делалось редко поутру, а больше вечером, кантонисты со всех 10 эскадронов сводились вместе и обучались деревянными ружьями.

После ужина игравали в городки. Полк стоял лагерем в палатках, вместе с Чугуевским казачьим полком; у казаков палаток не было.

Палатка Шевича была на правом фланге. Вот, бывало, вечером выйдет бригадир из палатки и приказывает часовому: «Часовой! Кричи, чтобы выходили играть в городки». Весь полк и выходит поэскадронно, перед палатки; начинались игры, песни, и веселье разносилось по всему лагерю. Эх! Ваше благородие, то-то было время золотое! А теперь куда речи девались?.. И что с силой случилось?

Из лагерей мы вступили на зимовые квартиры и стали к молдаванским и сербским выходцам. На зимних квартирах, когда стояли в своих границах, как

только, бывало, придем, так сейчас и заботимся, чтобы выстроить конюшни; этим занимались сами, а иногда и учителей заставляли. Конюшни строили большие, так, чтобы целый эскадрон лошадей мог стать свободно.

Зимой обучались по избам — ружьями; для этого обыкновенно выкапывали в домах хозяев ямы, так чтобы четыре человека могли стать в них свободно и делать все приемы ружьем не доставая потолка. Учили нас фехтовать саблями, только вместо сабель заставляли брать палки, чтобы иной по неловкости не срубил лошади шеи.

*Каска с передним «памомажем»**

Тут же нас и обмундировали. Сшили куртку темно-зеленого сукна с медными гладкими пуговицами по борту и красные суконные шаровары, подшитые кожей. На куртке — погоны, воротник и обшлага; кушак и на шароварах лампасы были из палевого сукна. С левого боку на подвязной португее привешивалась сабля. Штыковые ножны висели на португее возле крюка, на который в пешем строю закидывалась сабля. Рукоять сабли была с одним медным ободком без поручей. Полосы рубили отлично и на каждой был вензель Екатерины II, украшенный короною.

Ножны делались из простого лубка, который обшивался кожей, оттого походом полоса никогда не забивалась и была всегда остра, а когда они в железных ножнах, то ее надо подтачивать после каждого перехода.

Боевая сума с 30-ю ружейными патронами надевалась через левое плечо на гладкой белой перевязи, концы ее заправлялись сверху в подсумок, который приходился сзади с правого боку.

Пистолетный шомпол накладывался сверх подсумка на ремне, а спереди на перевязи пригонялся

* Па м о м а ж — именно так солдаты в просторечии называли «плюмаж».

крюк, на который вешалось в конном строю ружейным кольцом легкое драгунское ружье.

Головной убор состоял из каски с передним памомажем (то есть плюмажем) из петушьих перьев, сзади которого пристегивался длинный треугольный лоскут палевого сукна с кисточкой на конце. Впоследствии памомажи на касках стали делать из белых конских волос. Когда выходили в конный строй, то надевали перчатки с раструбами.

Эта амуниция всегда была при себе, а конская сбегалась в цейхгаузах.

Сам с усам...

В эскадроне, в конном строю, я ездил во 2-й шеренге, то есть в задней, а в первой мне никогда не приходилось, потому что народ у нас был очень крупный; во мне росту было восемь вершков три четверти, и то в пешем расчете стоял в средней шеренге, а в задней только тогда, когда по случаю люди куда-нибудь убывали. У нас в 3-м эскадроне были люди по 12 и 13 вершков, и все с усами, без усов было мало.

В коннице усы закручивали, а в пехоте подымали гребенкой кверху; бакенбард же не носили. Эскадрон, в конном и пешем строю, всегда делился на 4 взвода.

Каждую весну, в мае месяце, выходили в лагерь, а в августе возвращались на квартиры. Квартиры назначались в разных местах и часто переменялись. Тогда на квартирах стоять было хорошо: дурной пищей нас не кормили.

Офицеры были строгие и взыскательные, даром ничто не проходило. А особенно наш эскадронный командир капитан Украинцев, Федор Иванович! По гроб моей жизни не забуду, — очень был строг, но зато резонен; голос как у зверя какого: заревет, так слышно Бог знает где! Однако за своих солдат заступался и не давал в обиду.

Стояли мы, как я уже сказывал, все по разным квартирам, сперва в Харьковской губернии, потом перешли в Полтавскую, и уже в Переяславле стало слышно, что скоро пойдем под турку.

Здесь уже капитан Украинцев, заметив мою расторопность по службе, произвел меня в капралы*.

Ранней весной мы выступили из Херсона и, приблизившись к турецкой границе, остановились лагерем в Белозерках над лиманом, в устьях Днепра и Буга. Тут уже были собраны и прочие войска: пехота, кавалерия и артиллерия. Мы расположились в общем лагере с правого фланга на возвышенном месте, фронтом к дороге и к лиману. Всеми войсками в лагерьях командовал генерал Кутузов. Он жил в деревне Белозерках и ожидал приезда Суворова, который должен был встретить здесь Императрицу.

В ожидании приезда Императрицы мы занимали форпосты по турецкой границе, близ устьев Днепра и Буга. Форпост обыкновенно состоял из 8 человек драгун, при одном унтер-офицере. Наш форпост находился на бугре, в полуторе версты от лимана и в 8 верстах от деревни Блакитной. Кругом место было ровное, дорога в Николаев шла позади поста, а впереди берег постепенно понижался к лиману, на противоположной стороне которого виднелся Белгород, или по-турецки Аккерман. На берегу лимана жили рыбаки; мы к ним часто ходили за рыбой.

На иных форпостах были устроены шалаши от солнца, на нашем же ничего не было. Обязанность форпоста заключалась в наблюдении за неприятелем, как на степи, так и на море, и потому часовой день и ночь стоял на коне с саблей наголо, а остальные лошади были на коновязи оседланными. Сменяли нас через трое суток...

*Нежданно-негаданно, или «В каске он и в кительке
и с нагайкою в руке»*

Однажды в прекрасный летний вечер мы стояли на форпосте; это было перед самым приездом Императрицы; каша на ужин была готова, мы уселись в

* У капралов на воротнике и вокруг обшлага был нашит галун в один ряд; у унтер-офицера на воротнике так же, как у капрала, а на обшлагах галун в два ряда; у фельдфебеля и старшего вахмистра на воротнике, как и у вышеназванных, галун в один ряд, а на обшлагах галуны в три ряда.

кружок вечерять, как вдруг к нашему бекету подъехал на казачьей лошади в сопровождении казака с пикой просто одетый неизвестный человек в каске и кительке с нагайкою в руках. Он слез с лошади, отдал ее казаку и, подходя к нам, сказал: «Здравствуйте, ребята!» — «Здравствуйте», — просто отвечали мы, не зная, кто он такой.

— Можно у вас переночевать?

— Отчего не можно, — можно!

— Хлеб да соль вам!

— Милости просим к нам поужинать!

Он сел к нам в кружок; мы подали гостю ложку и положили хлеба. Отведав кашицы, он сказал: «Помилуй Бог! Хорошая каша!»

Поевши ложек пять, не более, говорит:

— Я тут лягу, ребята.

— Ложитесь, — отвечали мы.

Он свернулся и лег; пролежав часа полтора, а может и меньше, — Бог его знает, спал ли он или нет — только после встал и кричит: «Казак! Готовь лошадь!»

— Сейчас! — ответил казак так же просто, как и мы.

А сам подошел к огоньку, вынул из бокового кармана бумажку и карандашом написал что-то и спрашивает: «Кто у вас старший?» — «Я!» — отозвался унтер-офицер.

— На, отдай записку Кутузову и скажи, что Суворов приехал! — И тут же вскочил на лошадь.

Мы все встрепенулись! Но куда одумались, он был уже далеко, продолжая свой путь рысью к форпостам, вверх по реке Буг. Так впервые удалось мне видеть Суворова.

Тогда у нас поговаривали, что он приехал из Петербурга или из Швеции*.

Через 3 дня после этого сама Императрица изволила проезжать мимо нас.

Войска стояли вдоль по дороге в строю, наш полк был с правого фланга, а еще правее нас донские каза-

* Названия Швеции или шведов были известнее старикам, чем Финляндия.

ки. Государыня ехала в коляске самым тихим шагом; спереди и сзади сопровождала ее пребольшая свита. Отдав честь саблями, мы кричали «ура!». В это же время мы видели, как Суворов в полной форме шел пешком с левого боку коляски Императрицы и как Она изволила подать Суворову свою руку; он поцеловал ее и, продолжая идти и разговаривать, держал все время Государыню за руку. Императрица проехала на Блакитную* почту, где на всякий случай был приготовлен обед; Государыня здесь только переменяла лошадей и поехала далее.

После проезда Государыни мы получили по рублю серебром награды. Вскоре потом пошли на Буг и, переправившись через него в Николаеве, возвратились под Очаков. Это было весной 1787 года.

Неделю спустя

Итак, бытописание суворовской армии, обстоятельно и с удивительными подробностями рассказываемое Ильей Попадичевым, продолжается. Воспоминания идут строем, однако не всегда, как вспоминается, а потому укладывать их в строгий ранжир не имеет смысла. Нельзя неволить оживающую перед глазами череду былых событий.

Как-то в середине октября 1854 года корнет О. вновь навестил своего нового знакомого, бывшего драгуна. В ту пору ему шел уже 102-й год. Был он в прекрасной памяти и форме. Да еще и подшучивал над переступившим порог офицером.

В столовой солдат был один. Он обедал.

— Милости просим гривен на восемь, — сказал бравый драгун, увидев корнета.

— Что так рано обедаешь, дедушка?

— Молодежь отправляю верст за двести, к родным.

Уезжала дочь с мужем, унтер-офицером, а на руках старика оставалась стайка маленьких внуков.

— Кто ж будет тебе, дедушка, варить обед? Ведь

* Станция близ деревни Блакитной, где были наготове перенные лошади.

сам, пожалуй, не управишься, это, пожалуй, похитрее, чем в действующей варить кашу в поле?

— Извините, Ваше благородие, глупый тот человек, который думает об обеде: «...возверзи печаль твою на Господа и Той ты пропитает», — это Псалтирь говорит.

...Вот образец суворовских солдат, подумал О. Была бы чистая совесть, а завтрашний день их не беспокоит. И после этого неудивительно, что Суворов именно с такими солдатами невозможное делал возможным. И даже обыкновенным.

— Ну, дедушка, теперь расскажи про дни, проведенные в Белоруссии и Польше.

— Слушаюсь, Ваше благородие, с полным удовольствием.

На зимних квартирах в Белоруссии наш полк со штабом расположился в Могилеве, на Днепре. Потом 3, 4, 5 и 6 эскадроны переставили из Витебска на реку Двину. Другие же наши эскадроны занимали города Оршу и Копысь. На одном месте долго не стояли. Бывало, недели через три или через месяц переходим куда-нибудь в другое место. На квартирах не застаивались.

— Да этак вы небось лошадей поморозили и сами позатаскались? — был мой полуукор в вопросе.

— Помилуйте, Ваше благородие, да отчего же так? В ту пору сено на пуды не вешали, а овес меркой не меряли; бывало, наложишь воз сена, как только лошади могут свезти, да если еще дашь мужику рубль ассигнациями, так он же накланяется в пояс: спасибо вам, что рубль дали.

Нет-с, кони у нас были очень сыты; сено в ногах валялось. А овес не выходил из-под морды — с чего ж им быть худым? Сами мы всегда наготове. Солдатский багаж перевозился на артельных лошадях. В эскадроне было 6 капральств по 30-ти человек в каждом и по тройке добрых лошадей с исправной упряжкой, так переходы с одних квартир на другие были нам незатруднительны!

— Однако полки ваши были очень сильные, — заметил я.

— Сильные, Ваше благородие. По 10 эскадронов, двухтысячные, да и не одни наши драгунские, а все вообще пешие и конные, все имели по две тысячи людей, а гренадерские по четыре тысячи.

— На квартирах же, — продолжал старик, — стоять нам было привольно. Настоящим хозяином был солдат, а не обыватель. Бывало, если на квартире что ему случится, так иди прямо к эскадронному командиру и говори настоящую правду. Тогда, чтобы ни случилось, все будешь прав, а если не пришел и не доложил о случившемся да хозяин пожалуется командиру, тогда беда, взыщут строго!

И тот же стол...

Когда мы стояли в Шклове, то прежний командир полка уволился. Нашим полком стал командовать приехавший из Петербурга полковник Николай Александрович Зубов.

Новый командир завел, чтобы к нему наряжались сменные ординарцы. Мне часто приходилось быть у него на вестях. А у полковника было такое заведение, как сам отобедает, так сейчас тот же стол подают и ординарцам.

Я как-то не поладил с его камердинером, вот однажды, когда садились мы за стол, так дворецкий не положил мне ложки, а за стол все-таки приглашает. Я ему и говорю:

— Что же ты, любезный, не положил мне ложки?

— Вишь какой важный барин — положи ему особую ложку!

Ладно, мол, мне твоей не надо, и в то же время из-за подсумка вынул свою и давай обедать.

«Ну, — говорит дворецкий, — Попадичева ничем не озадачишь!»

У нашего полковника часто собирались гости, да и сам он любил ездить по гостям.

Наш полковой командир был молодец, человек добрый и снисходительный, — дай Бог ему царство небесное! А из себя такой мужественный, роста большого. Бывало, возьмет у иного солдата подкову да тут

и разогнет ее! А верховые лошади под ним тысячей стоили. Все равно как из меди вылитые!

В 1792 году взбунтовались поляки. Суворов выступил в Польшу с войсками из Молдавии. А мы с ранней весной потянулись из Белоруссии туда же. В Толочине, переправившись через речку, составлявшую границу, имели легкий бой с неприятелем и прогнали его к местечку Мир. Здесь поляки вздумали защищаться.

Нашим отрядом командовал генерал-майор Миллер. Он повел пехоту на местечко, и поляки были прогнаны. После они вновь устроились. Пройдя местечко, наш полк выстроился развернутым строем. Четыре наши полковые орудия стали в середине полка, открыли огонь по неприятелю и так ловко действовали, что даже одно ядро ударило в дуло неприятельской пушки. Нам велено было спешиться. Однако это приказание отменили: мы с места понеслись марш-маршем и ударили на неприятеля в сабли.

Поляки, не выдержав нашей атаки, бросились бежать! Здесь их много было побито. Мы гнались за ними до самой ночи.

В головах по мешку денег...

Поляки продолжали отступать до самой Варшавы. Мы не больно торопились их преследовать. Делали небольшие марши, а иногда и дневки. Неприятель уходил.

Впереди нас шли казачьи полки. А мы следовали вместе с пехотой и особенных предосторожностей на ночлегах не предпринимали. Шли вольно. Когда же подошли к Варшаве, то уже заключили перемирие — так что ни они к нам, ни мы к ним. Прага* осталась у нас вправо. Мы расположились лагерем на привольном месте, на речке, из которой много пользовались рыбой.

Отсюда наш полковник Зубов уехал в Петербург. Взял наши артельные медные деньги и обещался выслать бумажные.

* Прага — предместье Варшавы.

«Вам, — говорит, — будет легче». А оно и правда: тогда мы только что получили жалованье и все медными. Так что в головах у каждого солдата было по мешку денег. Потом уже из Петербурга он выслал нам бумажные деньги. Он-то и взял дочь Суворова замуж, это нам было известно.

К осени мы выступили из-под Варшавы и пошли с подполковником на квартиры в город Краков и там в 1792 году зимовали. Здесь к нам приехал новый полковой командир, полковник Чичерин — человек очень строгий.

Штаб и два эскадрона стояли в городе, а остальные в сорока верстах по деревням. На весну, оставив два эскадрона в Кракове, весь полк пошел зимовать в Луцк.

Русак — не трусак!

Во время стоянки нашей в городе Луцке между жителями замечено было какое-то беспокойство. В особенности же к весне 1794 года они что-то больно тревожились и чего-то все ждали.

Наш 4-й эскадрон стоял в слободе Пригородной, в 15-ти верстах от города Луцка. Бывало, десятские чуть свет ходят по улицам, стучат под окнами и требуют жителей в правление до рады (на совещание). Там приказывают им всем быть готовыми и иметь всякого запаса в изобилии. Куда ж они снаряжались, нам не сказывали.

Мы обыкновенно не обращали на это внимания — идешь себе и чистишь лошадей. Хозяин моей квартиры, Илья, придет, бывало, со своей сборни, повесит голову и говорит: «Эх, пане, беда будет».

— А что за беда, скажи, тетка?

— Нет, пане, нельзя сказать, а только беда будет!

После мы узнали, что на праздник Св. Пасхи приказано было всякому обывателю известить своего постояльца, если он русский солдат.

Там, где мы чистили лошадей, двор был большой, просторный. Хозяин дома, бывало, выйдет посмотреть на наших лошадей да и говорит:

— Дрянные кони, на чем вы будете воевать?

— Даром что дрянные, да побьем, мол, ваших хороших. Наши кони храбры, они и вас-то сомнут и лошадей-то ваших покалечат. А что худы, то не беда — поправятся! Теперь войны нет.

— А може еще бендрже! (то есть «А может еще будет?»)

Тут мне, бывало, всю душу так и помутит. Как, думаю себе, смеет он издеваться над нами.

— Ну, подавай!!! — говорю я ему, — подавай ее сюда, мы, мол, станем. Устоите ли вы? Я, мол, русак не трусак!

Тут мой поляк увидит, что больно со мной заспорил, да потом и говорит:

— Проше пана на килишек вудки!

Ведь вот какой народ, Ваше благородие, у-у! Бедовый. А потом обойдется, и ничего, как будто и в ладу живем, — этот же самый поляк хотел выдать за меня свою дочку.

Вдруг в нашем городке сделалась тревога, наши эскадроны собрались и пошли в Краков выручать своих. Мы шли скорым маршем. Так что иногда прихватывали и ночи. На шестой день пришли в Козеницы. Переправились через Вислу и подле реки стали биваками.

Сюда нам привезли сена, и только что мы, готовясь к большому переходу, начали вить киты, видим, по дороге из Варшавы скачет повозка, а на ней сидит офицер без шапки. Он объявил, что в Варшаве загорелся бунт и наших там вырезали. Генерал-майор Игельстром, узнавши, что на Пасху в городе непременно откроется революция, приказал нашим войскам собраться в Страстной четверток и того же дня выступить из Варшавы.

Поляки проведали о том и начали резать по закоулкам тех, которые, не зная города, не попадали на сборные места или не поспевали выскочить из домов.

Рассказывали, что по проходящим по улицам войскам со второго и третьего этажа бросали камни не только мужчины, но и женщины! Хоть и жаль нам было наших, да делать нечего, коли оплошали, сами и виноваты.

На следующий день прибыл к нам Ферзен с войсками. И у нас составился порядочный отряд. Отсюда мы поворотили в Краков. Пройдя два перехода,

повстречали свои два эскадрона. Они находились в командировке, от полка в Кракове, для разъездов. Да еще две роты егерей, уж не помню хорошенько, Лифляндского или Курляндского корпуса. Тогда егеря считались корпусами. Их гнал поляк. И так жестоко напирал, что наши едва отбивались.

В фуражирах

Товарищи рассказывали, что из Кракова, как сделалась тревога, наши успели еще выйти благополучно, но потом поляки одумались, бросились вслед за нашими. Догнали их и вступили в драку. Сперва наши удачно отбивались, а когда сила кракусов стала увеличиваться, то нашим приходилось уже очень плохо. «Да слава Богу, — сказывали товарищи, — что вы подоспели и оборонили нас».

Вместе с ними мы сделали еще два перехода и до самого Кракова гнали неприятеля... Меня послали фуражиром от всего полка. Дали человек тридцать команды и капрала. Эскадронный командир, отправляя меня, приказывал привезти как можно больше фуража. И в особенности расстараться насчет съестных припасов.

Поблизости к лагерю, известное дело, ничего не найдешь. Вот я и отправился верст за сорок. Приезжаю в одну деревню — пусто. Я в другую — тоже ничего нет. Ну, думаю себе, здесь, видно, наши похозяйничали. Приезжаю в третью — всего довольно: овса, ячменя, ржи, проса, гороху, пшеницы. Бери сколько душе угодно. Здесь я остановился и начал фуражировать.

Вдруг сюда же приезжает кадет* нашего полка Хайновский и с ним сорок человек команды. На дру-

* Кадет — это учащийся кадетского корпуса. В данном случае Попадичев ошибочно так называл юнкера. Оказывается, в описываемое время, т. е. с конца XVIII в. и до 1869 г., юнкером назывался унтер-офицер из дворян, поступивший на службу нижним чином. А вот в 1796 г. император Павел I приказывает выписать из полков дворян, не бывших налицо на службе. И приказывает впредь принимать их только юнкерами. Прослужив определенный срок и сдав экзамен на чин, юнкер только в этом случае производился в офицеры.

гой день прибыл к нам же Козловского пехотного полка подпоручик Козлянинов. У него было сорок подвод и более 80 человек команды.

Кадет и подпоручик остановились на одной квартире и порешили между собой на завтрашний день отправиться куда-нибудь вместе для разыскания фуража. И, поручив мне смотреть за всей командой, сами они уехали.

Унтер-офицер пешей команды поехал за пять верст на мельницу, перемалывать рожь, а я, взявши с собой трех человек конных, бросился по другим деревням разыскивать: не найдется ли где еще фуража и других каких-нибудь продуктов?

Приехавши в первую деревню, мы остановились на одном дворе, слезли с лошадей, заложили им сена и начали искать фуража.

Видя, что трем человекам здесь нельзя управиться, я вернулся назад; взял еще двенадцать человек из команды и, прибыв обратно, приказал людям расположиться по разным квартирам. Кормить лошадей. И проворнее свозить найденные запасы.

Я и солдат Користелев стали на одной квартире. Только что мы в клуне* слезли с лошадей и заложили им сена, как вдруг из пистолета — хлоп! Это, мол, наши ребята нашли пистолет или ружье, да и пробуют, а тут слышу, бац да бац.

Я скорей муштук** лошади в зубы, выскочил во двор и только что от ворот на улицу, как конный поляк тут и есть! Он бросился ко мне и кричит: «Пардон!» Я, делать нечего, тоже говорю: «Пардон»!

Поляк схватил меня у затылка за волосы правою рукою; каска с меня свалилась, а левою взял повод моей лошади к своему поводу, так что я пришелся у него с правой стороны. Немного проехав, мы вместе поворотили в большую улицу. Смотрю: за деревней стоит их фронт, этак эскадрона два. Тут мне и думает-

* Клуня — в южных и западных областях Российской империи так называли ригу, молотильный сарай.

** Муштук, мундштук — прибор для взнуздания лошадей, особенно верховых. Строгий мундштук — сильно распирающий и сжимающий челюсти.

ся: что я за дурак, что отдамся в плен? Лошадь у меня была добрая! Ах добрая! Поводья держу в руках.

Собственный пистолет был у меня всегда за поясом, и на ремне через шею, а пара казенных — в ольстредах*. Оружия у меня много — ведь срам, когда возьмут! А сам меж тем правой рукой взвел я курок, а левой прикрыл — и из-под руки бац!

Поляк повалился. Повернув направо, я дал коню шпоры, махнул плетью — и конь взвился подо мною.

Конь подо мной, а Бог надо мной!

Польские уланы пустили мне вдогонку десяток выстрелов, но Бог хранил. Несколько человек из фронта бросились за мной, да где ж им! У меня не конь, а змей был. Кабы тот конь теперь — кажется, взобрался бы на него как-нибудь, хоть бы лестницу приставил. А там — ура! Да только и видели старика!

Ох, добрый был конь мой, краснобурый! Иногда сделается весь как в мыле: по воде бродит и воды в рот не берет, а остыл — напьется. Умница, а не лошадь была, — все мне завидовали, уж подлинно можно было сказать: конь — подо мной, а Бог — надо мной.

Подскакиваю к деревне, где я оставил команду с обозом — смотрю, Користелев как будто правый стоит у ворот; сабля у него на темляке**, а пистолет в руках — я огрел его плетью: что за дурак! Чего, мол, тут стоишь? Дал бы знать команде!

В деревне я сделал тревогу, велел поседлать лошадей, а пехоте, схвативши одне сумы да ружья, бежать за мной! Сам с конницей поскакал вперед. Подъезжая к деревне, из которой вырвался, оглянулся назад и вижу: наша пехота уже успела взбежать на взволк***.

Тем временем поляки дали знать конфедератам, что мы фуражируем в их деревне. Неприятель с дву-

* Ольстредь, ольстра — кобура, один из двух кожаных пистолетных чехлов, расположенных впереди седла. Старинное наименование — ружейное нагалище, т. е. чехол.

** Темляк — тесьма с кистью, на шпаге, сабле.

*** Взволк — холмик, покатая возвышенность.

мя эскадронами и двумя ротами пехоты, как я узнал после, ворвался в нашу деревню и начал перестрелку с унтер-офицером, который с пятью человеками при повозках возвращался с мельницы.

Он только что въезжал в деревню, занятую нами, как я с командой, собранной по тревоге, выскакивал из нее. Пехота, бежавшая за мной, успела в это время показаться на горе, но, услышав пальбу в деревне, воротилась.

Неприятель принял эту пехоту за авангард и, оставив унтер-офицера в покое, удалился по обыкновению в лес. Местоположение было такого рода, что неприятелю нельзя было заметить, откуда вышла наша пехота.

Въехавши в деревню, где было начал фуражировать, нашел я раненого Тихона Иванова. Когда я назначал его ехать со мною, он было отговаривался. «Там, брат, деревня большая, — говорил я, — повеселеешь: водка есть и пива вдоволь». — «Да мне что-то нездоровится, Илья Осипович!» — «Пустое, брат, поедем!» Бедняга как будто что-то предчувствовал.

Тихон Иванов рассказал, что одного из наших взяли в плен. А остальные десять человек явились ко мне. Присоединив их к команде, бросился я с ними отбивать пленного по дороге, указанной раненым солдатиком.

Проехали версты четыре; видим деревушку, а за нею речка, неприятеля же нет. В деревне я оставил команду, взял одного драгуна и, проскакав влево лесом, остановился за сосною. Смотрю, едет навстречу их кавалерия. Я вернулся, зажег деревушку и бросился к раненому Тихону Иванову.

— Ну что, брат Тишка, жив?

— Жив, Илья Осипович!

— Что, на лошадь сядешь?

— Нет, не могу!

— Пособим.

— Нет, не могу!

Послышался конский топот.

— Прощай, брат Тишка!

Оставив бедного земляка, побежал я к фуражирам,

да выехав на гору, увидел, что деревня, где мы фуражировали, горит! Ее зажег унтер-офицер, который с людьми и обозом уже выезжал на гору. Ехать в деревню мне было незачем; я оставил ее вправо и потянулся к обозу.

На другой день, верстах в пяти от ночлега, увидел я, что кто-то в стороне скачет на паре лошадей, полем, без дороги. Я подбежал поближе; смотрю — подпоручик Козлянинов.

Часу этак в девятом утра, порожняком и не весело подъезжал я к лагерям; наши войска уже трогались и выстраивались в линии.

Гампер (так звали майора) удивился, увидав меня, и только сказал: «Гм!» — цел, мол. Уж у него такая была привычка, всегда говорил сквозь зубы.

Кавалерия — на сабли, а пехота — на штыки

В полку сказывали, что в ожидании помощи от прусского короля наши выступили было из-под Щикотина* в поход. Но еще дежурство не успело выйти из местечка, как прибыл туда вперед своей армии прусский король и, узнав, что войска наши выступили, велел их воротить.

Казак, посланный с приказанием, обгоняя полки, кричал: «Назад! Назад, ребята!» Все поворотили назад и шли, прибавя шагу.

Когда в пехоте — прибавь шагу, так в кавалерии — шпоры. К 4-м часам пополудни армия возвратилась к Щекотину и расположились лагерем на старых местах. Наши стали на бугре, а правее — прусская армия, около реки, ее-то уж не припомню, как звали.

На другой день чем свет сказано был поход вперед. Так вот-с, и я подросел с командой как раз к началу дела. Наш фронт был выстроен против неприятеля. У него были: пехота, кавалерия, артиллерия, косинеры с косами и пиками, армия сильная. Мы стояли на левом фланге, а еще левее нас — донские казаки.

* Возможно, имеется в виду Щецин.

Прусская армия, что стояла под бугром, от реки, уже шла правым флангом на левый неприятеля. По середине общего расположения случилась деревня, поближе к полякам и немного подалее от нас.

Сражение началось тем, что наши выгнали поляков из деревни и стали бить из орудий. Их кавалерия бросилась к нам на левый фланг. Мы не полагали, что это неприятель, люди были одеты в шинелях и ехали повзводно, на расстоянии сажень ста или полтора-ста от нашего фронта. После скомандовали им, польски, — во фронт! А у нас и сабли не были вынуты!

Наш полковник Чичерин, повернувшись на коне, кричит: «Сабли вон!.. с места атака!» Мы бросились марш-марш, врубилась и смешались с поляками. Сделалась такая каша, что ужас! Они проскочили через нас, а мы через них.

Я поскакал за поляком, а за мной другой поляк. За этим увязался мой капрал Куманьков и кричит мне: «Илья Осипов, берегись!» Я глядь налево, а поляк уже поравнялся и замахнулся саблей, я увернулся, удар пришелся в ольстредей и разрубил чепрак. Я бросил свою саблю на темляк и, выхватив из-за пояса пистолет, хлоп в него; поляк повалился с лошади! Лошадь под ним была славная, да где! Тут не до лошади. Одно-го повалили, хватаешься валить другого, так и мечешься и разыскиваешь, где бы кого еще зацепить. Покуда справился с этим, передний успел ускакать в сторону.

Напоследок мы прогнали его к лесу, и тут нам уда-рили отбой. Трубам велено играть аппель*. Наш полковник опасался, чтобы в лесу не наскочить на засаду.

Все сражение происходило днем, время стояло хо-рошее, и нам было очень весело. Только и страшно,

* Аппель — кавалерийский сигнал, подаваемый после разо-мкнутой атаки для восстановления развернутого строя на линии резерва. По этому сигналу разомкнутые всадники идут полевым галопом к своему резерву, проезжают несколько шагов за фронт его, поворачиваются и быстро становятся на свои места в развер-нутом строе. Сигнал «аппель», подаваемый после разомкнутой атаки старшим начальником, повторяется всеми трубачами. Он подается также для отозвания дозорных. По этому сигналу дозор-ные отъезжают к строю рысью (Устав строевой кавалерийской службы, 1896 г.).

когда бьют из орудий, — а когда сблизилась, тут кавалерия на сабли, а пехота на штыки, ура раздается громом, и все дело кончает Бог!..

Король прусский двигался с войсками близ реки. Выйдя на гору, он выдвинул артиллерию, потом пехоту и кавалерию, и такой открыл огонь из орудий, что неприятель смешался, огонь открыт был сильный! Тут и остальная часть неприятеля отступила к лесу, а наши войска, что были впереди, возвратились к фронту.

Тем дело и кончилось. Вызвали квартирмейстров. Обер-квартирмейстер показал нам места!

Когда захочешь, так достанешь...

Вдруг наш капитан говорит: «Попадичев! Разущи овса!»

«Слушаю-с!» — говорю, а сам и думаю: ну где я достану его? Когда б сказали раньше, другое дело, а то теперь, когда и двора-то нет целого, — ступай ищи овса!

Я взял пять человек, бросался всюду, но фураж был уже разграблен. Ведь нас тут стояло две армии, всякому было нужно. Что тут делать? Пришел к капитану и говорю, что нет овса.

«Чтоб был!» — говорит капитан.

Что будешь делать? Пойду в костел, дайте двенадцать человек людей! Людей дали. А признаться сказать, я никогда не любил грабить ни костелов, ни пчел. Бывало, солдатам говорю: не разоряй пчел, а если хочешь меду, так я тебе куплю и ешь сколько душе угодно, а пчел не разоряй! На это я был строг.

Так вот-с, прихожу в костел, смотрю — отворен, я по лестнице наверх, а там: рожь, овес, пшеница, всего в изобилии.

Прихожу опять в эскадрон и говорю: давай пятьдесят человек людей.

Людей дали. Я забрал саквы* и опять в костел. К жертвеннику поставил 12 человек, чтоб не грабили, а

* Сак, саква или саквы (военный немецкий термин) — разновидность холщовой переметной сумы, для перевозки овса в тороках. Звали саквами и переметные сумки для поклажи.

сам с остальными по лестнице, где была сложена рожь. Солдаты на меня дивятся, да где это он все разыщет. «Небось, ребята, — говорю я им, — прикажут, так разыщешь».

«Ну что, достал?» — говорит капитан. — «Достал, Ваше благородие». — «Ну, ведь я знал, когда захочешь, так достанешь!»

Бывало, Ваше благородие, — продолжал старик, — никогда не прозеваю, утомления не чувствовал никакого... А отдыхать — я этого не знал... всегда был в движении.

Тут капитан послал меня к жене.

— Да разве офицерские жены были с мужьями в походе?

— По снисхождению начальства некоторым дозволяли — не при полку, а в вагенбурге*.

«Попадичев! Поезжай, — говорит, — к Софье Карловне и привези мне графинчик водки и кусок хлеба».

Я поехал, и думаю себе, хоть не по дороге, да заеду, мол, с любопытства, посмотрю на поле сражения! Как выехал, так верите ли, Ваше благородие, лошади нельзя протолкнуть, сплошь завалено народом, все побито, истерзано, кто ползет, кто стонет, не трогаясь с места, а пособить нечем. Меня даже слезы прошибли. Ведь и нам, мол, готовится такая же доля.

На другой день нам приказано выстроиться для встречи прусского короля. Он, проезжая по рядам, приветствовал нас по-русски: «Здравствуйте, господа победители!» — «Здравия желаем, Ваше королевское Величество!» — отвечали мы ему и кричали «ура!» Как нам было приказано.

Прусский король, увешанный орденами, ехал на вороной лошади, лицо его было такое свежее, приветливо. Спасибо ему! За труды наши в деле изволил пожаловать нам по рублю серебром награды.

* Вагенбург (нем.) — военный обоз, собранный где-либо на становище. Он обычно ставился четырехугольником, образуя защиту. Отсюда и «вагенмейстер» — чиновник фурштата, которому поручен надзор за лошадьми, упряжью, повозками и прочим, военный обозный. А генерал-вагенмейстер заведует всеми обозами армии.

Того же дня пехоту послали подбирать тела раненых и хоронить убитых. Из нашего эскадрона более 4-х человек не убыло, и то ранеными, а убитых вовсе не было.

В атаке будь смел и расторопен, бросайся туда и сюда, гляди в оба, — не мешкай, на месте не стой, особенно, когда заряжаешь, — и не убьют, а кто уныл да вял — смотришь, и голову потерял.

Через три дня мы двинулись к Варшаве. Король прусский пошел со своей армией левым флангом, а наши — правым, и в том же порядке, верстах в трех от Варшавы, стали мы лагерем. Правее нас стояли донские казаки, с генералом Денисовым. Лошади ночью всегда были оседланы, и мундштуков с них не снимали.

У прусского короля артиллерии было много и всякого снаряду в изобилии, так что он и нас снабжал. При наших войсках, кроме легкой полковой артиллерии, другой никакой не было.

Три раза король ночью делал канонаду по городу, и один раз секретным порохом, так что не слышать выстрелов. Говорят, он белый — уж Бог его знает, даже один прусский артиллерист обещался мне дать такого пороху.

С пруссаками мы жили дружно. От них брали порох и снаряды и получали хлеб, каждый хлебец по три фунта и с клеймом — полагать надо, что его пекли в особых формочках.

Не все же мы занимались тем, что сторожили поляка: иногда, в свободное от службы время, поигрывали в карты.

— Как же назывались ваши игры?

— Играли в альбицвель — 21; играли и в одну — 31. У нас был унтер-офицер, Орликов прозывался, молодец такой, исправный и строгий. Бывало, как проиграется, придет ко мне и говорит: «Что, змей? Давай, — мол, — денег!»

На! Вот тебе деньги. Пей сколько душе угодно!

А в другой раз и откажешь: «Проиграл, брат; теперь твоя очередь, напой же ты меня!»

— Да ведь ты не пьешь?

— Мало ли что я не пью, я и в карты не играю, а теперь давай будем пить!

Со мной и так бывало, что где ведро водки рубль стоило, я не пил, а где и по четыре продавалось, так не смотрел, что дорого, пил во здравие.

На фуражировке узнал я, что из-под чепрака взяли у меня штаны, а там были защиты деньги. А как пошли под Прагу, так опять разжился. У меня была пара своих лошадей. Блокадой около Варшавы стояли мы около полутора месяцев, и ни на чем не решивши, отступили. Король прусский, узнав, что из Белоруссии идет Суворов, пошел в свои границы, а мы потянули вверх по Висле. Польское войско последовало за королем, и сказывали, у них были большие дела, так что пруссаков порядком пощипали. Они в лагерях всегда раздеваются, осторожности не наблюдают, да и в деле-то не так-то хороши! Народ слабый, где им против наших! Куда — далеко!..

Мы остановились на Висле, в местечке, где был ружейный завод. Здесь поляки спардоновались, значит, были покорны, не бунтовали. За этим местечком, на той стороне реки, поляк поделал батареи и не пуцал нас через Вислу. Когда же понтонный мост, в три дня, был окончен, то генерал Ферзен поставил на берегу 12 орудий и расшиб их батареи.

Козаки с пиками, в одних рубахах пошли вплавь и, занявши берег, начали наводить мост. Ахтырский и Харьковский легкоконные полки первые перебежали по мосту и помогли казакам прогнать неприятеля к лесу. За ними перешла вся наша армия и верстах в трех от реки остановилась лагерем. На втором переходе от Вислы повернули к Мациевицам.

Сам Ферзен с пехотою и кавалериею шел левым флангом, чистыми и открытыми местами, а наш полк послал чрез лес и болота. На дороге, в лесу, случилась трясина. Саблями нарубили фашиннику и, закидавши топь, проехали лес. Смотрим, а уж у Ферзена действие идет — из орудий палят!

Внизу с четверть версты, налево стоит наша бригада; тут и сам Ферзен, на коне. Впереди расположен неприятельский фронт, на чистом месте. До его пехоты было не более полуверсты.

С места атака! Марш-марш!

Покуда мы выстраивались, полковой командир Чичерин поехал сам к генералу Ферзену за приказанием, а оттуда скачет и, не доезжая, командует: «Господин Депрерадович, принимайте 2-й, 3-й, 4-й и 5-й эскадроны — и с места атака!» Депрерадович повторил: «С места атака! Марш-марш!» Наши эскадроны бросились дружно и смяли неприятельскую колонну.

Их первая шеренга успела только раз выпалить, а орудия почти не вредили, только убили у нас кадета да человек трех в эскадроне ранили. С левого фланга подскочил Харьковский легкоконный полк, сбил поляков с позиции и погнал их к лесу. Вскоре вся неприятельская пехота и конница рассыпались по полю; вот тут-то их много положили.

Я был за квартирмистра и имел значок. На нем у меня было приделано копьё. Верите ли, Ваше благородие, этим значком я до того колол, что плечо заболело. Одного штаб-офицера хотел заколоть, да эполеты на нем были жирные, он отбивался стоя. Казак видит, что майор отбивает значок. Как наскочит да как хватить в него пикой, так майор и повалился.

Я хотел было взять эполеты, да вспомнив, что старики говорили: в сражении не грабь, — опять стал колотить, так что во все время даже сабли не вынимал. В этот день рукам работы было много. Неприятель бежал все врозь, а за ним и мы рассыпались.

Преследование продолжалось и по лесу. Бегущим не было спасения. В это-то время уже носилось эхо, что поймали Костюшку. Его ранил сперва Харьковский легкоконного полка офицер, из пистолета, около шеи, — а потом ударил казак пикой в руку и свалил его с лошади, под деревней, близ лесу.

Пробежавши лес, я поехал по дороге. Смотрю, у деревни стоит толпа народу, человек десятка два, я

туда; отдал лошадь Воронину, разбитной был солдатик, и пошел посмотреть. По середине кружка лежал раненый. Говорят, что это Костюшко. Он лежал на левом боку, а правой рукой прикрывал голову и лицо. Пленные поляки говорили: один — что это Костюшко, другой — что нет.

Вдруг два казака приводят раздетого бригадира. Мундир уже был с него снят. Случившийся тут майор, что был при отрядном дежурстве, спрашивает:

— Кто ты такой?

— Бригадир Пинской бригады!

— Где ж мундир?

— Казаки взяли.

— Отдать сейчас мундир! — сказал майор.

Казаки вывязали из тороков* мундир, отдали его и эполеты поляку и привели его опять к майору.

— Скажи правду, кто это лежит?

Бригадир подошел к лежавшему на земле, заглянул в лицо, поднял руку раненого... упал на него, заплакал и закричал:

— Иезус Мария! Иезус Мария! Цо то видзе!..

Тут подняли бригадира, наш майор опять повторил ему: «Смотри, скажи правду, кто это?»

Он сказал: «Это Костюшко». Тогда Ферзену дали знать, что действительно поймали Костюшку. К пленному приставили караул, а потом казаки на плащах и пиках отнесли его в соседний господский дом.

Мы стали лагерем на месте одержанной победы и весело опраправлялись после боя. Пленные рассказывали, что Костюшко ожидал Потоцкого, что тот и шел было к нему на помощь, но когда услышал пушечные выстрелы, то остановился, сделал своему войску привал и приказал приготовиться к бою.

Здесь Потоцкий простоял до тех пор, покуда мы не разбили Костюшку, потом поднялся, не пошел уже к нам, а потянулся к Варшаве и засел в Праге. Когда бы Потоцкий тут не сплеховал, нам было бы тяжело.

*Торока (тороко) — ремешки с пряжками позади седла для пристежки. Приторачивать, пристегивать или привязывать в торока у задней луки седла.

На четвертый день после боя двинулись мы к Праге, а чрез два перехода встретились с Суворовым, он шел с отрядом из Белоруссии. С нами он не здоровался — проехал мимо. Вечером войска Ферзена и Суворова расположились вместе.

Примкнуть штыки и сабли подвязать!

На следующий день, рано поутру, собираясь в поход, увидали, что Суворов проезжает по войскам. Мы живо выстроились и едва успели вынуть сабли, а в пехоте — сделать на караул, как Суворов явился перед нами: «Здравствуйте, господа! Я опять к вам пришел сюда!»

Громогласно и радостно мы ему ответствовали: «Здравия желаем, Ваше сиятельство» и кричали «ура!» Он одет был по обыкновению весьма просто, в белом кительке, в егерской касочке и плеть на руке — это уже завсегда, только в сырую погоду надевал сверху что-нибудь суконненькое.

Того ж дня мы подошли к Кобылке. Неприятель выстроился перед деревней и занял лес с правой ее стороны. Наша пехота тотчас бросилась вперед, а конница ударила с правого фланга. Неприятель не устоял и пошел на уход, потом снова остановился у корчмы, возле лесу, укрепился бить из орудий.

Тут один офицер легкоконного полка прискакал к Суворову и говорит: «Ваше сиятельство, у неприятеля есть орудия!»

«У него есть орудия? Да возьмите у него орудия, — сказал Суворов, — да его же и бейте ими».

Офицер передал полковнику приказание Суворова, тот скомандовал: «С места атака!» — пехота также бросилась вперед, корчма была взята, ее зажгли, а из отбитых орудий продолжали поражать неприятеля! Как Суворов сказал, так по его и вышло. Наш полк был на левом фланге со стороны поля. Главное же действие происходило на правом фланге близ леса. Здесь неприятель понес большие потери, особенно когда погнались за ним еще верст на десять за деревню. Отсюда через трое суток мы пошли к Праге.

Не доходя семи или восьми верст до Праги, наши войска расположились лагерем. Правый фланг подтягивал к Висле, им командовал генерал Дерфельден. В пяти верстах от него стоял наш полк, а генерал Денисов с пехотою, кавалерией и казаками стал на самом конце левого фланга.

Суток через трое пошли рассматривать Прагу. За этим ходила малая часть войска и генералитет — только для того, чтобы неприятель открыл огонь и дал высмотреть, где у него батареи. Во время осмотра под генералом Исленьевым была убита лошадь. Граната ударила позади седла в самый крестец лошади, но генерал уцелел. Ему подвели другую, видно, Бог его спас.

Потом нам приказано было готовить лестницы, туры* и фашинник**. Этим делом занималась пехота: в кавалерии и без того было чем заняться. На следующий день, когда все было готово, перед вечером, отдали приказ готовиться к штурму. Пехоте приказано быть легкоодетой, без ранцев, одни сумы и тесаки — брать туры, фашинник и лестницы, — а в кавалерии, в драгунских полках, примкнуть штыки и брать по одному пистолету за пояс. Сабли подвязать кушаками, чтобы не мешали бежать и не брэнчали.

Части легкоконцев (то есть легкой кавалерии) велено оставить на коне, в резерве, а части спешиться. Лошадей всей коннице оставить на месте. По первой ракете — строить фронт, по второй — с места трогаться, а по третьей — кричать «ура!..»

В конце приказа говорилось, чтобы солдаты на штурме воздерживались от всяких крепких напитков, ибо поляки отравили вино и водку ядом и нарочно расставили их по домам. Так и было приказано: по домам отнюдь водки не пить. Это было 23 октября.

* Тур — плетеная корзина без дна, наполненная землей и служившая в старину для устройства укрытий от пуль и снарядов.

** Фаши́на (франц.), фашинник — связка хвороста, вязанка прутьев. Войска фашинами загачивали топкие места, клали под насыпи батарей, заваливали рвы. Существовали и фашинные насыпи.

В сумерках мы поседлали коней. С каждого взвода оставили по одному человеку в шеренге, смотреть за лошадьми — всего восемь человек с эскадрона, и тут же назначили, каким эскадронам идти с полковником на правый фланг, а каким быть в четвертой колонне. Наш четвертый эскадрон поступил в четвертую колонну.

С полночи по первой ракете начали строиться. Пехота стала на левой руке, а мы — на правой, спешившись. По второй ракете с места тронулись и, пройдя с версту, выстроили колонны, эскадрон за эскадронами, и так пошли версты четыре. Сперва всё вправо, а потом поворотили налево. Когда же сблизилась к Праге, то выстроили фронт и почти сомкнулись со всеми колоннами.

Неприятельские часовые опрашивали: «Кто идет?» Разумеется, ответа не было, мы приближались тихо, офицеры подтверждали молчать, нам казалось, что этим напоминанием они сами увеличивали шум.

Кричу «пардон!» А он все бежит...

Наконец часовые начали стрелять, а из крепости стали бросать «подсветы»*. В это самое время поднялась третья ракета. Мы крикнули «ура!» — кругом все колонны... замерзлая земля только загудела — гу... гу... гу... и так побежали, что побросали на дороге туры, лестницы и фашины. Каменных стен не было. Против нас были одни окопы. Мы живо вскочили на батареи, кто где попало. Тут не было ни фронту, ни строю, кто легче на ногу, тот был впереди и колот штыком первого встречного.

Уже начинало светать, когда мы вбежали в укрепление. Тут все перемешалось и рассыпалось. Неприятель обратился в бег. Каждый действовал, как знал, только одно «ура!» Все кричали одинаково, громом. У меня пробило пулею приклад в самой щеке: это я почувствовал.

Выгнав неприятеля из укрепления, бросились за

* Подсветы — светящиеся ядра.

ним в Прагу, до нее оставалось не более версты, но нам показалось, ближе, потому что мы летели за бегущими, как на крыльях, и, стараясь не допустить их до укрепления, столкнули неприятеля к реке. Я увязался за одним офицером. Кричу «пардон!» А он все бежит. Я пал на колени — выстрелил... офицер повалился. Тут подскочил к другому офицеру, ударил его в плечи — упал.

Тут нашему солдатику картечью перебило ствол у штыка, пополам — бежит ко мне и плачет: «Что я буду делать, дяденька?» Я кричу ему в азартности: «Да брось его — бери вот это!.. вишь готовое лежит...» — «Это чужое!» — «Какое чужое? Теперь наше!» — «Да как же, оно мне дано». Солдатик-то был молодой и боялся, что взыщут за поломанное ружье. «На, бери», — сказал я ему. И отдал свое, а сам взял ружье от убитого пехотного солдата.

Неприятеля уже топили в реке, куда он бросался толпами и погибал. Тела несло по воде... Мы побежали к мосту, здесь на улице я нашел двустволку и патронташ. Патронташ навязал на себя, а двустволку закинул на плечи.

Не добегая до места, запал я за бревнами, по берегу Вислы, тут было много наших. Я выпустил несколько зарядов по неприятелю, на тот берег. Мост был пересечен Денисовым. На мосту их было навалено... Боже мой! Въезд на мост загрузили телами, так что ходу не было.

А тут наша артиллерия выстроилась на берегу Вислы ниже бревен и открыла сильный огонь по Варшаве, откуда тоже стреляли из орудий. Вдруг ядро ударило в бревно, а осколком от него задело меня в голову. Я повалился. Спасибо, Воронин оттащил меня. Отдохнул немного — слышу орудия с обеих сторон умолкли.

Мы опять побежали. Смотрю, по несчастному островку бежит один. Я приложился и повалил его. Еще все удивлялись, что на таком большом расстоянии мой выстрел был удачен.

Тут я побежал в город. Оглядываюсь — Воронин при мне... Такая каналья, что Боже упаси! Нет-нет и забежит куда-нибудь, а я ему приказывал, чтобы он

от меня покуда не отрывался, потому что разыскивать веселее двум, чем одному.

На переулке встретился с поляком. Крикнул «ура!» и ударил его штыком. Поляк отвел удар, а штык мой вонзился в деревянную стену. Я тащить назад... нейдет, я туда-сюда! Казалось, что бы стоило поляку заколоть меня? А он стоял как вкопанный и приклад опустил на землю! Я успел вывернуть ружье из штыка и тут же выстрелом повалил его.

За что б мне было его убивать? Поверишь ли, как человек на штурме переменится? Тут себя не помнишь, только стараешься и бегаешь — так и ищешь, кого бы уходить. Летаешь, как на крыльях, ног под собой не слышишь. Тут, бывало, из-под куртки и рубаха выскочит, да и то не смотришь. Ох, штурмы, беда! — и ни себя, ни других не узнаешь!

Во всем эскадроне мы недосчитались поручика Перича, душевно любимого всеми солдатами. Человек он молодой и мужественный. Во время штурма батарей сильно был ранен. Ребята подхватили его, да на их же руках он и кончился. Славный был человек, царство ему небесное!

Со всего нашего эскадрона раненых было не более человек 30, да и по прочим полкам убыль малая — по причине той, что мы их застали врасплох. Пленные потом рассказывали, что когда два раза выпалили из орудия, так они думали, что у нас был бал, и на наши сигнальные выстрелы не обратили никакого внимания.

Неприятеля было много побито, особенно подле моста. Побили бы еще больше, если бы не оплошал Денисов. Ему приказано было отрезать их от моста и завладеть им, а он вскорости не успел этого сделать, и много поляков спаслось через мост в Варшаву.

«Береги тулю в дуле...»

Ночью повалил снег, и к утру не видно стало крови.

На другой день кавалерия и пехота пошли по мосту через реку, в погоню за неприятелем. На набережной Вислы во всех почти зданиях были пробоины

или в стенах торчали ядра и гранаты. Пехоту мы догнали ближе, а кавалерию же в самом Конске. Мы хотели атаковать, да неприятель, покидав оружие и артиллерию, выбежал из местечка и спардонствовался, а мы вернулись в Варшаву.

Спустя несколько дней вся наша армия выстроилась на поле, за Варшавой, там, где прежде стояла польская артиллерия. Суворов поздоровался с нами и, объезжая ряды шагом, благодарил нас и все говорил: «Благодарю, ребята! Благодарю, ребята! С нами Бог! Прага взята! Это дело дорогого стоит! Ура! Ребята, ура! Нам за ученых двух дают — мы не берем, трех дают — не берем, четырех дают — возьмем, пойдем, да и тех побьем! Пуля — дура, штык — молодец!

Береги пулю в дуле, на два, на три дня, на целую кампанию! Стреляй редко, да метко! А штыком коли крепко! Ударил штыком, да и тащи его вон! Назад, назад его бери!.. Да и другого коли!.. Ушей не вешай, голову подбери, а глазами смотри, глядишь направо, а видишь и влево».

Это он говаривал очень часто. Бывало, никогда без этого по фронту не поедет. Тут же он в особенности много говорил. За ним была большая свита, ехали наши господа, и поляков было немало...

Мы опять стали лагерем на Праге и иногда бродили по городу и по укреплениям, они шли от Вислы и до Вислы, от верху до низу реки кругом всего города. Нам всего было страннее, как это мы на приступе не попали в волчьи ямы? А в волчьей яме был кол вбит, а на нем заостренный железный стержень. Днем-то нам трудно было ходить между ямами, а уж как спаслись мы от этого ночью, одному Богу известно. Благодарить Господа Милосердного, Бог нас защитил!..

Тела все еще валялись на Праге. Их подбирали в феврале следующего года, ибо выпавший октября 25-го сильный снег прикрыл тела убитых.

На другой день после смотра Суворова мы пошли на зимние квартиры в Люблин.

На другой год, в мае месяце, нашего полка два эскадрона пришли в Варшаву, для разъездов. Тут был и я. Нам было велено, чтобы ночью по пробитии зари

никого и нигде не допускать до сборищ, а если в домах заметим огни, то тушить, и если в доме по какому-либо случаю шумят, то брать всех под караул.

Суворов жил в Варшаве, на Долгой улице, около площади, взойдя на нее из Медовой улицы, на правую руку первый или второй дом с угла.

По взятии Праги в Варшаве у нас был отдан приказ по полку, чтобы всякий солдат, о чем бы его Суворов ни спросил, всегда отвечал: был и знаю, а чтоб не знаю или нет, отнюдь не говорить.

— Ну, дедушка, а с тобой Суворов разговаривал?

— Этим счастьем ему не случилось меня удостоить, — сказал старик со вздохом.

Сомкнись! По караулам марш!

— Разводы всегда бывали у Саксонского плаца, — продолжал старик. — Суворовский развод был короток. Махал, давал знать, когда он едет. Тут люди, заранее рассчитанные на две стороны, поставленные одна против другой, становятся в ружье. Как приехал, коляска еще не успела остановиться, а он уж из нее выскочил. Тут сделают на караул. «Здорово, ребята! Ура!» — и пошел к фронту. Все кричат: «Здравия желаем, ваше сиятельство! Ура!»

Одет он был всегда в обыкновенной форме, без орденов, очень просто. Потом сделают на плечо, на руку и «ура!» В это время линия проходит через линию, и когда обе линии, пройдя до стены или краев площади, повернутся направо кругом (тогда все ворочались направо кругом, а налево кругом не знали, — прибавил старик), то командуют: «Сомкнись! По караулам марш!» И идут мимо Суворова отделениями, скорым шагом. «Браво! Браво! Молодцы! Хорошо!!!»

Как прошли войска, он садится в карету — и домой, а там уже камердинер дожидается с ведром холодной воды. Как на крыльцо, сейчас сам быстро разденется. Камердинер и денщик помогают ему и чуть не рвут с него платье. Ведро воды на голову. Окатится весь и марш в комнаты, да там и одевается. Ведро воды, бывало, у него в передней так и дежурит. Откуда

бы ни приехал, поздно ли, рано ли, как в квартиру, так и оказывается. «Помилуй Бог, хорошо! Здорово! Помилуй Бог, здорово!»

Тут же была сочинена и песня на Прагу, да я ее не помню. А вот на Мациевицкую победу, так знаю. Ее пели в полках уж под Варшавой:

Слух Костюшки достигает —
Сераковский в прах разбит.
Из Варшавы выступает,
К Мациевицам сам спешит.

Тщетно, тщетно помышляет,
Мысль надменную питает,
Хочет русских победить!
А Ферзен, Ферзен тщится упредить.

Солнце луч едва пустило,
Россов в лагерях уж зрит;
К полдню бегу не свершило —
Враг повергнутый лежит!

Сам Костюшко в плен попался,
Тщетный, ложный сей герой!
Торжеством сим окончался
Мациевицкий славный бой.

Нас бессмертие венчает,
Слава зиждет нам алтарь!
Нас вселенна почитает —
Дивен Бог и Россов царь!

Сменившись с караула, оба наши эскадрона отправились в полк, в город Луцк, на зимние квартиры. А в 1796 году выступили в город Тульчин, на ревию (смотри).

Вот чернильница (при этом старик подвинул ее к правому углу стола), пусть она примерно будет Тульчин, грязный, жидовский городишко. Возле него стол, отдельным лагерем, особый отряд.

А вот тавли́нка* с табаком (старик подвинул тавлинку к левому углу стола) будет на этот раз Пращка — укрепление, выстроенное Суворовым к концу лагерей.

* «Тавли́нка», «тавлинка» — берестяная табакерка с плоским бурачком, с ремешком во вставной крышке. Тавлинник — нюхальщик, табачник.

А эти три пера впереди речки (он провел пальцем по нижнему краю стола) пусть будут белые шатры трех больших лагерей, в которых помещалась остальная армия, протянувшись почти до самого леса. На опушке его, по близости речки, была разбита церковная палатка. К правой стороне лагеря подходила другая речка, она текла вниз, к самому городу.

Таким образом чернильница и тавлинка, украшенная на этот раз заветным названием «Пражки», послужили старику основанием, на котором он с помощью сломанного пальца начертил Тульчинскую позицию.

— Ну вот-с, видите ли, тут (он указал на противоположный угол стола) было обширное поле!

Ох, Ваше благородие, помню я это поле! Много на нем пролито поту и конского, и нашего. Облака пыли носились, когда по нем с криком «ура!» пролетали наши эскадроны. Не однажды случалось встретить ясный взор нашего батюшки Суворова. Когда бывал он нами доволен и дружным голосом огласят равнину, тогда с окончанием ученья благодарит нас.

Кажется, и утомления не чувствовали, как-то весело бывало у него на ученьях.

— Ну, бабушка, видно, вы крепко любили Суворова?

— Да, Ваше благородие, может быть, не один найдется такой, как я, который за покой его души денно и ночью молит Бога.

Как я вам уже докладывал, вся армия стояла под Тульчином в четырех отдельных лагерях, по-бригадно, как кому позволяло место.

«Ах, когда б был жив Суворов!»

Весной 1796 года из города Луцка мы пошли под Тульчин. Туда собралась вся армия на ревию, и было объявлено, что Суворов будет смотреть все собравшиеся там войска.

Мы обрадовались надежде увидеть снова Суворова, и шли походом весело.

— Да, скажи, пожалуйста, за что вы так любили Суворова? — спросил я, удивленный неоднократными

обращениями старика к памяти героя и желая знать подробнее причины столь безграничной привязанности, ибо старик беспрестанно повторял: «Ах, когда б был жив Суворов!..»

— Помилуйте, Ваше благородие, — вскричал старик с каким-то обидным удивлением, — да он отец наш был, он все наше положение знал. Жил между нами, о нем у нас каждый день только и речи было. Он у нас с языка не сходил, он отец наш был. О, Суворов был солдатский генерал! Первое — кроток, второе — в приступах резонен. Он никогда не проигрывал, как скажет, так по его и станется.

Да, он не только был солдатский отец, но и России всей отец. Он умел побывать везде и посмотреть на правом и на левом фланге. Он прозорлив был и позицию знал хорошо.

— Походом шли около месяца, и перед Петровым днем прибыли в лагерь под Тульчин.

— Любопытно было бы знать, как вы там стояли лагерем?

— А вот извольте прослушать, я вам сейчас расскажу. Там была пехота, конница и артиллерия.

— Знаю, дедушка, что у вас войска всякого звания было достаточно, да желательно бы знать, как оно было расположено.

— Извольте-с, я вам объясню и это.

Старик, видимо, был доволен вопросом, на который мог положительно отвечать. Достал тавлінку, понюхал табаку и весело продолжал:

— Конница была во всех лагерях и располагалась везде с правого фланга пехоты.

Кавалерия стояла также в палатках, в каждом полку все эскадроны в одну линию, а четыре полковые орудия ставились по два с боков двух передних бекетов*, выставляемых перед 3-м и 8-м эскадронами и в 200 шагах впереди линии коновязей.

* Бекет, пикет (франц.) — военный пост, отводный караул, небольшая часть войска, выставленная для содержания караульных или сторожевых постов. Бекетный караул — тоже отводный, отдельный от своей части. Бекетный, или бекетчик, — казачий термин, т.е. караульный на пикете.

Таким образом, впереди полкового лагеря было два бекета, а сзади один — палочный.

По приходе в лагерь лошадей пускали в табун, а когда, бывало, объявят, что на такое-то число назначается ученье, то с вечера пригоняли табун, разлаживали лошадей и ставили их на коновязи.

Впереди располагались коновязи, за ними солдатские палатки, по 6 на каждый эскадрон. За солдатскими палатками — офицерские, а за ними — обоз и кухни.

В каждой солдатской палатке помещалось по одному капральству, которых в эскадроне было шесть. Палатки целого эскадрона вместе с тремя офицерскими палатками возились обыкновенно в одном палаточном ящике, который и ставился на правом фланге палаток своего эскадрона.

Палатки были круглые. В середине ставилось одно древко. И вся палатка на манер зонтика натягивалась веревками к шести кольцам. Солдаты ложились спать в палатках ногами к древку, головами врозь.

Кроме того, в каждом полку была церковная палатка. Службы в ней отправлял полковой священник. Под городом Тульчином тоже была разбита церковная палатка. Суворов каждое воскресенье приезжал в нее молиться Богу, а из полков ходили туда по желанию — кто хотел. Особого же наряда для этого не делали.

Обыкновенные ученья производились по полкам, когда учились пешие по конному, то есть выходили в строй без ружей, с одними саблями, а когда по пешему — так и с ружьями, и со штыками.

Разводы делались перед полком и весьма просто. Музыка играла редко. В каждом эскадроне было два трубача и один барабанщик, а в целом полку был литаврщик.

Артельщика заветный сундучок

В обыкновенные дни в лагерях утром и вечером варили кашу. В дни же воскресные кроме жидкой кашицы из гречневых круп подавали густую кашу из тех же круп. Говядину покупали на артельные

деньги очень редко. Надо было содержать на эти деньги тройку лошадей и повозку, а потому побольше ели с салом. Больных, слава Богу, было совсем малость.

Каждое капральство варило отдельно в особенной артели. Все шесть капральств ставили двенадцать котлов. Деньги каждой артели были на руках у артельщика и хранились вместе с приходо-расходною книгою в сундучке, в его палатке. А во время похода — на артельной повозке.

Все покупки делались с согласия артели и со спроса старшего вахмистра. Поверку артельных денег делал ежемесячно эскадронный командир. Неправильного расхода и мотовства в деньгах не было.

Хлеб пекли сами в трех верстах сзади лагеря, а расчиняли в земляных квашнях. Провиант принимали из города Тульчина.

Суворов часто посещал наши лагерь, проезжая верхом по фронту впереди коновязей. Для его встречи перед палатки мы никогда не выходили и не строились. Обыкновенно одни часовые отдавали честь, как на бекетах впереди, так и у палаток фронта.

Но чаще всего Суворов ездил по кухням. Там-то у нас была настоящая передняя линейка. Бывало, вздумает пробовать кашицу: «Что варите, ребята?» — «Кашицу, Ваше сиятельство!» — «Дай-ка кашицы!» Кашевар зачерпнет и подает. «Хорошая кашица! Помилуй Бог, хорошая кашица!»

Большие ученья (по некоторым воспоминаниям, в субботу), на которые собирались все войска, у нас назывались примерами. Суворов никогда не делал учений, у него все были примеры. Бывало, рано утром вся армия высыпает на поле.

В вечернем приказе уже заранее расписано, кому стоять вправо, кому влево — в западе* и каким полкам быть в линиях. В западную назначалась пехота и конница. Одни считались за неприятелей, другие за наших. Никому не хотелось быть в неприятелях, ибо знали, что неприятелей всегда побьют.

* В западе — т. е. таиться, притаиться.

Рано утром приходили, бывало, и становились линия против линии. В расстоянии полутора верст одна от другой. Иногда же в вечерних приказах обозначалось, где именно следовало стать обеим сторонам, и тогда замечали, если войска располагались в большом между собой расстоянии, то пример будет продолжителен. А если близко, то знали, что ученье кончится очень скоро. На примеры всегда брали с собой холостые патроны. Всегда отдавалось в приказе, чтобы по 15-ти или по 20-ти патронов было на человека.

Когда Суворов приезжал к войскам, то обыкновенно здоровался и объезжал ряды. Войска кричали ему «ура!».

В экипаже он никогда не приезжал, а всегда, бывало, верхом на казачьей лошади. За ним едут адъютанты и казак, а когда он проезжал по фронту, то и полковой командир... Большое начальство за ним не ездило. Это случалось очень редко...

После объезда приказывал ударить в барабаны тревогу... В это время войска закричат: «Ура!» Одна сторона бросается на другую, обе смешиваются, кричат: «Ура! Ура!..» и стреляют. Вот тут-то обыкновенно выскакивала западная, в помощь к которой-нибудь стороне. Тогда противная отступает, — а когда к этой подходила западная, то первая сторона отходила.

Тут Суворов с казаком вертится между нами, как вьюн. Сам командует полками. Распорядившись здесь, скачет в другое место и там делает распоряжения. Случалось, что полк с правого фланга очутится на левом, и там подает сикурс*, а другой и в середине.

Лошади — шпоры, сабли — перед голову!

Приказания он передавал с адъютантом или казком, а иногда и сам прискачет и принимает команду: такой-то полк принимает вправо, а такой-то иди в атаку — налево! А куда идти, так у всякого глаза были

* Сикурс (франц. «secours») — помощь, поддержка, войска, посланные на помощь.

в зубах. Случалось, что, заметив непорядок, тут же делает выговоры: «Не хорошо! Не хорошо! Почему туда-то не поместился?.. Тебе приказ был, а ты его забыл». Тут взыщет, а там похвалит — это у него живо делалось. Но не случалось, чтобы арестовал кого-нибудь из полковых командиров или отрядных.

Когда войска обеих линий попеременно сходятся рядами три или четыре, уже без западных, — тогда Суворов приказывает бить отбой. Обе линии снова выстраивались, а он опять их объезжал и благодарил войска.

«Хорошо, ребята! Хорошо, ребята!» Мы обыкновенно кричим ему: «Ура! Рады стараться, Ваше сиятельство!» — «Молодцы, ребята! — продолжает Суворов, — нам за ученого двух дают — мы не берем, трех дают — не берем, четырех дают — возьмем, пойдем и остальных разобьем. Пуля дура, а штык молодец. Пулей обмишулился, а штыком никогда. Береги пулю в дуле, на два, на три дня, на целую кампанию. Стреляй редко, да метко, а штыком коли крепко. Ударил штыком, да и тащи вон, назад, назад его бери. Да и другого коли!»

Это он говорил и объезжая на коне по фронту, и пеший, когда давал вольно. Тут, бывало, ходит взад и вперед и размахивает руками и говорит без умолку, подтверждая одно и то же: «Стреляй метко, а штыком, — говорит, — коли крепко!» Уж такой был человек, никогда не упустит случая рассказать нам эти припевы!

Такое ученье называлось примером и продолжалось не более двух часов. Пехота шла на пехоту, конница на конницу. А иногда пехота на конницу и наоборот.

Если сходились пехота на пехоту, то обе линии проходили одна сквозь другую, потом поворачивались направо кругом, устраивались, снова сближались и опять проталкивались линия через линию. В этом случае в пехоте вздваивали ряды. Но равнения никакого не было и тут всегда бывала каша. Если же, при начале сближения западная подскочит к одной стороне, то противная отсутствует.

Когда пуцали конницу, то сперва трогались шагом, особливо с дальнего расстояния, рысью шли не долго, а сейчас же марш-маршем — и в атаку. А иногда, бывало, с места скомандует: «С места атака!» Когда знамена, бывшие в каждом эскадроне, отойдут к 1-му эскадрону, то командовали: «Марш маршем!» У нас были знамена, а не штандарты*.

Марш-марш! — тут лошади шпоры, саблю перед голову и несемся как на неприятеля! Линия проскакивает через линию; а мы в это время стреляем из пистолета. Когда же устроимся, то опять начинаем ту же проделку. Если же западная подскочит к коннице, то противная сторона не отступала, а обе линии смешивались. Иногда же, если в это время подскакивал сам Суворов, то случалось, что, отведя полк в другую сторону, он бросался в атаку с фланга, но никогда назад полка не поворачивал.

Полковая артиллерия оставалась на местах и стреляла до атаки. А в атаку с полком ходила только против неприятеля.

Когда же конница атакывала пехоту, то первая всегда строилась фронтом, в одну линию по полкам.

Пехота выстраивалась или развернутым фронтом, или по-баталионно в кареях**, в одну или две линии, как случится. В кареях полковые орудия ставились по углам, а когда каре двигалось, то орудие, запряженное парой лошадей, шло внутри каре, а взводы в переднем фасе***, идя полуоборотом, прикрывали эти орудия. Когда же каре останавливалось, то взвод примыкал к переднему фасу. В первом случае орудие действовало во фланг, а в последнем — по фронту.

С конь долой! Ружья — с бушлата!

При атаке на пехоту бросались не на углы, а на фронт кареев и, проскакав через передний фас каре (пехота делала интервалы, как проскочить одному

* Штандарт — конное знамя. Штандартный — к нему относящееся. Штандарт-юнкер — унтер-офицер под штандартом.

** Каре (франц.), или карей, — строй войска квадратом и фронтом или лицом на все четыре стороны.

*** Фасы — укрепления, бока, стороны.

конному), выскакивали насквозь через задний. Тут также всегда бывала каша — случилось, что кидались и на вторую линию кареев.

Иногда во второй линии пехоты встречали нас огнем из орудий, тогда мы, заехав плечом по-взводно, убирались в интервалы и устраивались в стороне, вправо или влево от второй линии и опять ведем атаку с другого боку. Когда же случилось встретить при этом какую-нибудь часть, идущую на помощь, то бросались уже на нее.

Для того чтобы устроиться после неудачной атаки на вторую линию, никогда не возвращались через интервалы первой линии, а всегда выстраивались на стороне. Никогда не было и того, чтобы, пройдя через одно место в первой линии, возвращались назад через то же место, а всегда скачем куда-нибудь в другое место.

Случалось также, что, проскочив первую линию, спешивались и на вторую линию шли в атаку в пешем строю все эскадроны в линии. Каким эскадронам следовало спешиться, на это всегда была команда. Например: «2-й, 3-й, 4-й и 5-й эскадроны! С конь долой! Ружья с бушлата!»* Тут соскочишь и свой повод передаешь другому, так что лошадей целого взвода держат только двое, один передней шеренги с правого фланга, а другой в задней — с левого. Как спешились, так сейчас «ура!» И пошел в атаку.

Нашего полковника иногда хвалил Суворов: «Хорошо, хорошо, благодарю! Хорошо действуешь!». Это было лестно всему полку, потому что говорилось после окончания ученья при объезде полка, когда за ним следовала большая свита.

— Как же вы кидались на пехоту? — спросил я, — ведь лошадь не пойдет на штык, особенно когда тут еще стреляют?

— Как лошадь не пойдет на штык, а шпоры?

— Да и шпоры не подействуют, когда лошадь нейдет.

— Как не подействуют? Да когда я сижу на лошади, так все равно что царь государством правит, — что захочу, то она и сделает.

* С бушлата — т. е. с парусинного балахона, чехла.

Эх! В ту пору, Ваше благородие, кажется, не только что людей, и лошадей-то учил Суворов, чтобы все смять да растоптать. А как же мы под Мациевицами и под Кобылкой пехоту-то стоптали?

Противу этих доводов старика мне возражать было нечего.

— Таких примеров в продолжение лагерей было более десяти, — продолжал он. — А того, чтобы кто изувечился на ученьях, так и слуху не было. Впрочем, мне случилось, однажды проскальзывая через линию, выстрелить в руку, рукав зажегся, да тем и кончилось.

Как пример, бывало, кончится, Суворов поблагодарит нас и верхом поедет себе в Тульчин, а мы с песнями возвращаемся в лагери. Песни все пели военные, протяжно и скоро. Других же каких-нибудь учений Суворов не делал, а все вот так, как на кулачки.

Во время лагерей привезли и выдали нам медали за все три кампании: за Очаков, за Мир и за Прагу. Странная была судьба этих медалей. Их сперва везли к нам в Польшу, но поляки где-то их разграбили, а это уже привезли другие.

«Пражка» — двухнедельная крепость

В лагерях меня произвели в старшие вахмистры с переводом из 4-го в 5-й эскадрон. Звание старшего вахмистра досталось мне больно.

Месяца этак через полтора пехоте было велено вязать фашинник, плетть туры и строить лестницы — назначалось выстроить крепость на левом фланге за лагерьями, в боку, к стороне леса.

Суворов сам назначил место, дал размеры и назвал эту крепость «Пражкой». На работу ходила вся пехота, и к нам назначались для указаний пионеры. Через две недели выстроили крепость. Канавы, где следовало, были покопаны. Батареи выстроены и ворота навешаны. Валы возвышались кругом, а вдоль валов шли рвы. Одни ворота были обращены к лесу, другие где были — не помню. В середине крепости была вылетена из хворосту башня, на которую взле-

зал Суворов. Крепость эту, как я сказал, Суворов назвал «Пражкой». Во время ее постройки он часто приезжал и говорил: «Пражку» будем брать, ребята!» — «Рады стараться, Ваше сиятельство», — отвечали работавшие солдаты.

К концу стоянки в лагерях был отдан приказ всем быть готовым к штурму, «Пражку» брать, и выходить на учебное поле пополудни в три часа.

На другой день все войска в боевой амуниции, без ранцев, выступили из своих лагерей на парадное место и выстроились кругом укрепления, сперва в колоннах, а потом развернутым фронтом. И когда было все готово, пустили ракету, чтобы дать знать Суворову об окончательном построении войск, согласно его приказу. Затем стали ждать приезда Суворова.

Наш полк стоял налево, близ дороги из Тульчина, где Суворову нужно было проезжать. Когда он уже начал приближаться к полку, то наш полковник командовал: «Сабли вон!»

Суворов, увидевши это, сейчас же поворотил лошадь, ударил ее плетью и поскакал обратно в Тульчин, а мы остались его ждать. Уже настали сумерки и солнышко село, а мы все ждем, наконец, послали узнать к нему в Тульчин. «Помилуй, братец, — сказал он адъютанту, — я не успел показаться, а меня уж хотели срубить саблями!» Войску велено было отступать в лагери.

Мы растолковали себе этот случай так, что нам, знать, рано скомандовали вынуть сабли, а может быть, и совсем не следовало вынимать их, потому что мы готовились к штурму, следовательно, в присутствии неприятеля не нужно было никому отдавать чести.

Вечером опять последовал приказ: чтобы на завтрашний день приказанное исполнить по-вчерашнему и армии выстроиться по-прежнему, вокруг «Пражки».

(Интересно, что чертеж «Пражки» был снят через одно столетие, в 1890 году, в местечке Тульчине. На чертеже фронты укреплений, начертания бастионов

с рavelинами, пред куртинами*. Длина фронта — 95 сажень. Еще в конце XIX века местные жители рассказывали, что дети прежде могли всходить на валы батареи — именно так они их называли. А теперь уже стали все это пространство распахивать, за исключением некоторых бастионов западной, юго-западной и северной стороны. Примечательно, что память о Суворове сохранилась в этой местности по «кринице», то есть по колодцу, который тогда еще продолжал называться «Суворовская криница». Но вот кто был этот Суворов, никто из здешних жителей не знал. Говорят, что был «якись Суворов, що строил ботиarei и криницу делал». Близ «Пражки» с юго-западной стороны есть балка, из которой, по всей вероятности, и происходил штурм. А вот «Суворовской криницей», возможно, пользовались солдаты, построившие это знаменитое укрепление. Северная сторона этого сооружения еще в конце XIX века была изрыта, поскольку там добывали глину.)

— Наконец Суворов приехал, — продолжал старик. — Сабель уже не вынимали. И чести никакой не отдавали. Он объезжал полки, здоровался (голос у него не был сильный) и все подтверждал: «Старайтесь, ребята, «Пражку» взять!» Войска весело отвечали ему: «Рады стараться, Ваше сиятельство!»

Тут он сделал распоряжение, какие полки должны идти в «Пражку». И какие назначались на приступ. Коннице приказано оставаться на конях, а все пехотные полки рассчитаны по местам и назначено каждому, где делать приступ.

Наш полк под лесом, в сикурсе. В «Пражку» была назначена весьма малая часть, баталион или два. С этими войсками Суворов пошел сам, разместил их по валам, а сам сел в башню, чтобы оттуда лучше наблюдать за движениями атакующих войск.

Артиллерия была поставлена на батареях, в крепости, а полковые орудия остались при своих местах.

* Куртина, или бастион, — пятистороннее укрепление, получившее название от прежних бастей, представлявших последовательное видоизменение древних башен.

Покуда назначали всем места, солнышко уже село, наступили сумерки. В это время Суворов бросил ракету — войска закричали «ура!», а из крепостных батарей начали палить в наших. Полки двинулись со всех сторон «ура» не умолкало ни на минуту. Наконец все бросились бегом — пошла стрельба из ружей. Войска вскочили на окопы. Одни кинулись к башне, где был Суворов, а другие начали раскапывать валы и примерно взяли «Пражку». Этим и кончились наши ученья под Тульчином.

«..Где штыки ломаются, там и ружья валяются»

На другой день Суворов дал нам по кружке водки, а часу во втором дня сам приехал в лагери.

Мы встретили его, выстроившись перед лошадьми. Одеты были в одних кушаках (по-тогдашнему в полуформе), без сабель, в фуражках. Он поздоровался с нами, благодарил за «Пражку», мы кричали «ура!» и «рады стараться, Ваше сиятельство!» — «Что, ребята, выпили водки?» — «Выпили, Ваше сиятельство, за здоровье ваше ура!» Так он проехал по всем лагерям и везде каждый полк благодарил особо.

Дней через десять, в конце августа, мы выступили из лагерей и пошли на зимовые квартиры, в Киевскую губернию. Штаб наш был в Махновке, а эскадрон расположился в деревне Кордашове. Вдруг нас встревожили — потребовали эскадрон. В Махновку.

Здесь мы узнали, что Императрица Екатерина II умерла, — что четыре эскадрона нашего полка обращаются в пехоту и что пятый эскадрон, в котором я так недолго был вахмистром, поступает весь в Бутырский пехотный полк. Остальные три эскадрона — не помню, в какие полки были назначены.

На другой день, после присяги Императору Павлу I, мы сдали лошадей и конскую амуницию и остались в одних мундирах и плащах. Как в коннице, так и в пехоте плащи были без рукавов и у ворота застегивались на одну пуговицу. Сперва они были серые, а потом стали их шить из белого сукна. У нас был красный воротник.

Идти в пехоту нам не хотелось, но нечего было делать! Впрочем, пехотную экзерцицию мы знали хорошо — бояться нам было нечего.

— В драгунах хуже всего, — прибавил старик. — Тут знай и конное, и пешее.

— Ну скажи, дедушка, какое оружие было тебе нужнее всего? Ты ведь и на коне кидался в атаку, и пешком ходил на приступы?

— Когда на коне, — сказал старик, — сабля нужней всего, и всего чаще приходится ее употреблять. Пика была очень востра в моих руках, когда ездил за квартирмейстера — сабли не вынимал. У меня к значку было приделано копьё.

Пистолет для случая также необходим, он у меня был собственный, надевался через шею и всегда за пояс, кроме двух казенных, в ольстредях, откуда их мешкотно доставать.

А ружье в конном строю, хоть бы его и не было, — только лишняя помеха. А в пешем строю без оружия нельзя обойтись, тут оно надо.

Сабля же и тесак — лишнее оружие, было бы ружье да штык. Если же и сломался штык, так готовое ружье тут же найдешь. А если бы и не было, так ближе ударить прикладом, нежели тащить саблю или тесак. Да где штыки ломаются, там и ружья валяются, и готовые патроны есть. Бери из любой сумы!

— Ну, а где служба труднее, то есть тяжелее для солдата, в пехоте или коннице?

— Возьмите вы конного и пехотного, прослуживших 25 лет, так вы полагаете — который будет бодрее? Известно, кавалерист будет посвежее и посытнее. А пехотный будет тощ.

Таинства конской амуниции

Наш вьюк весил не более 35 фунтов, потому что седло было легкое. В потниках полсть складывалась вчетверо. Они подшивались снизу и по краям холстом, а сверху покрывались кожей. Клапанов сверх потника для запасных подков не было. А все время лошади ковались только на передки.

Арчак*, всегда накрытый чепраком**, был корневой и весьма легкий. К нему были постоянно привязаны ремнями две ольстреде с вложенными в них парю pistolетов. Pistolетные патроны помещались сверху ольстредей, в кармашках, по 6-ти с каждой стороны, всего 12 патронов.

Стремена были круглые и просторные, так что хоть какой сапог влезет.

Подхвостник, или пахвы***, с круглой медной бляшкой по середине пристегивался на пряжках к арчаку. Если приходилось седлать лошадь, то выправивши пахвы, подобьешь потник**** под арчак. Холка и спина лошади не портилась. Потом все седло подкинешь вперед к холке. Подпруга из широкого прочного ремня притягивалась к седлу на одну пряжку. Подперсье***** было тройное. На середине его, против груди — большая медная бляшка, а на персях (с боков лошади) по одной маленькой, вроде пуговицы. Свободный конец подперсья пристегивался на пряжку, к левой ольстреде, а третий ремень шел между передних ног и надевался на трок*****.

Трок обыкновенно вырезывался из толстого и мягкого ремня. К обоим концам трока приделывались два широких кольца, из которых в верхнее продевался тонкий ремень, которым затягивался трок. В этом случае кольца выгоднее пряжек, потому что ремнем удобнее затянуть трок, нежели пристегнуть

* Арчак (татар.) — деревянный остов седла, ленчик (с польск. «лучок»), состоящий из передней и задней луки и двух боковых лавок. Калмыки и башкиры мастерски связывали ремнями луки и лавки без клея. Казаки же иногда вырезали арчак из цельного березового корня.

** Чепрак (чапрак) — суконная, ковровая, меховая подстилка под конское седло, сверх потника. Чепрак в Восточной Сибири — пристегнутый к задней луке седла, под торока, кожаный лоскут.

*** Пахвы (пахви) — подхвостник, ремень с очком, от седла. В него продевается хвост лошади, чтобы седло не съехало коню на шею.

**** Потник — кошемка, войлок, подкладываемый под седло или под седёлку.

***** Перси — грудь, передняя часть лошади от шеи до живота; подперсье — часть конской амуниции в подгрудье.

***** Трок — широкая тесьма на пряжках, сверх седла, вальтрапа или попоны, верхняя подпруга.

его на пряжку. Да и все-то седло держится почитай что одним троком, который так можно перетянуть, что подпруга ослабнет.

С левой стороны у ольстреде пристегивалась деревянная баклажка*, обшитая кожей. Она назначалась для воды, но в действительности только занимала лишнее место, потому что в походах воду возили в бутылках или фляжках.

Аркан назначался для пастьбы лошадей в руках, но служил для носки сена. Он сматывался и увязывался вокруг баклажки.

С правой стороны арчака у ольстреде вешалась торба со щеткой и скребницей. Обе последние были в наше время большие и тяжелые. Плащ увязывался к передней луке**, а на арчаке положишь, бывало, что-нибудь свое. Наконец, все это покрывалось чепраком, которого с седла никогда не снимали. Для передней и задней луки были прорезы в чепраке, края которого обыкновенно сзади и спереди заворачивались на седло. Поле чепрака было из красного сукна, а края обшивались полосой из черного сукна, пальца в два ширины.

Сзади седла, по верху чепрака, пристегивался тремя неширокими ремнями чемодан*** серого сукна, где была солдатская хурда-мурда и вешались саквы с овсом.

Поверх чепрака шел круговой ремень, который, стягивая вьюк, застегивался на пряжку. В действии же противу неприятеля чепрак с передней луки отворачивался назад, и пистолеты были открыты. Но как в деле неудобно было вытаскивать пистолеты из ольстредей, то у меня в походах всегда бывал за поясом и на ремне через шею свой собственный пистолет, без которого я не выскакивал ни на одну тревогу.

Поверх недоуздка**** надевался мундштук, кото-

* Баклажка, баклага, ббклаг — фляга, деревянная, закрытая обручная или долбленая посуда разного вида.

** Лука — изгиб, дуга; седельные луки две — передняя и задняя. Изгиб переднего или заднего края седла.

*** Чемодан — сделанный из кожи, фибры раскидной дорожный баул, укладка, ящик для перевозки вещей, багажа; старинное — кожаный чехол на оружие.

**** Недоуздок, недоуздка — уздечка без удила для лошадей на стойле.

рый имел два повода и две цепочки. Верхняя из них туго застегивалась под бороду лошади, а другая, смычная, закреплялась наглухо и соединяла внизу концы мундштучных железок, чтобы они не расходились. Железо во рту лошади имело вид обыкновенных удиц, однако, несмотря на легкость мундштука, лошади были послушны и действовали хорошо. (По описанию бывшего солдата седло это предположительно было венгерское.)

Тот же недоуздок с ремненным поводом, который был на лошади в конюшне, надевался и на смотр. Тогда запасных вещей и не знали, а когда что-нибудь ветшало и приходило в негодность, то ставили новое, которое продолжало служить до износу.

Когда лошадь была совсем оседлана, то повод от недоуздка привязывался с левой стороны за круговой ремень, так что на лошади было видно всего три повода. Один вроде чумбура*, как у казаков, и два мундштучных. В поводах, бывало, никогда не запутаешься.

Если же приходилось живо седлать, в случае тревоги, то седло со всем вьюком разом накинешь на лошадь. Выправишь подхвостник, подвинешь седло ближе к холке, поднимешь потник рукою, чтобы он вошел в арчак и не тер спины лошади. Подстегнешь подпругу, подперсье и трок, а мундштук уж на руке. Повод от недоуздка заткнешь за круговой ремень, мундштук в зубы, вскочишь на коня и второчиваешь ружье дулом в бушлат, который закреплялся у правой ольстреде, а приклад обматываешь раза два ремнем, укрепленным на передней луке, и таким образом ружье всегда держится к лошади.

По команде: «Ружья из бушлата!» приклад поставишь на седло, берешь за кольцо — и на крюк. Потом оборачиваешь ружье прикладом кверху и, занеся за плечо, опускаешь приклад книзу. В таком положении ружье задерживалось плечевым погоном: в наше вре-

* Чумбур (чембур, чалбур) — повалёц, третий, одинокий повод уздечки, за который водят верхового коня, привязывают или дают валяться.

мя кованых эполет в коннице не было. Приклад до спины и боков лошади не доставал и при марш-марше ружье с плеча не спадало.

Назначили — не отпрашивайся, а велят — не отказывайся, или Гренадер сверху донизу

В декабре 1796 года, перед Рождеством Христовым, распрощались мы со Смоленским драгунским полком, в котором я прослужил с лишком 18 лет. Здесь расстался я с моими добрыми солдатами Ворониным и Користелёвым, которые не один раз меня спасали от верной смерти в бою. Они, извольте видеть, были в 4-м эскадроне, а этому эскадрону выпало на долю оставаться при полку.

— Прощайте, Илья Осипович, — сказал Воронин, когда увидел меня на полковом дворе: я сдавал там амуницию.

— Что ты, брат, ведь не на века, вот поляк или турка зашевелится, так снова где-нибудь свидимся.

— Оно так, Илья Осипович, а все бы повеселее с вами служить-то, ведь уж попривыкли.

— Спасибо, брат, на добром слове, много вами доволен; вот вам рука моя, по гроб жизни моей вас не забуду.

Тут подошли вахмистры и знакомые капралы.

— Что ж, Илья Осипович! Да вы никак и впрямь нас оставляете!

— Как видите, амуницию уже сдал, а на завтра котомку за плечи да и зашагал.

— Да вы бы попросились остаться, вам бы не отказали.

— Назначили, брат, — так не отпрашивайся, а велят — не отказывайся, вот мое правило, а там что Бог даст, во всем Его Святая воля!

— Дай Бог вам, Илья Осипович, всякого счастья, а впрочем, мы вас так на сухую не отпустим, надо поглядить дорожку.

Тут же зашли в шинок и распили 1/2 ведра водки. На другой день рано поутру наш спешенный 5-й эскадрон был на пути в Стародубскую слободу, той же

Киевской губернии, и перехода через четыре при-
был в штаб Бутырского пехотного полка.

Здесь разбили нас по-ротно, я поступил в 1-й Гренадерский баталион, в 4-ю Гренадерскую роту к капитану Кандалинцову, который меня из старших вахмистров пожаловал в каптенармусы.

В то время полки были разные: в иных в 1-м баталионе все четыре роты гренадерские, а во 2-м и 3-м баталионах мушкатерские, поэтому и баталионы назывались: 2-й мушкатерский баталион и 3-й мушкатерский баталион, а были и такие полки, где все роты состояли из одних гренадер.

Наша рота стояла у раскольников в деревне Климовой и в Еленках. Здесь нас обмундировали и всю постройку сделали до того тесную, что пуговицы на мундирах, когда приходилось их надевать, натягивали ремнями, а иначе и не застегнешь. А нынче-то просторно, хорошо, кулак за пазуху лезет.

*Пудра — не порох, коса — не штык,
я — не немец, а русский мужик*

Новый наш мундир — из темно-зеленого сукна, воротник красный, погон белый, с длинными разрезными фалдами. С заворотными красными обшлагами, застегивался на середине крючками, а на боках у лацканов пуговицами.

Штаны, зимние и летние, шили по колено, а сверху надевались щиблеты*. Они натуго застегивались с боку ноги на 9 обтяжных пуговиц. На ногах носили башмаки.

Вот уж истинная была мука, когда приходилось одеваться. Как не бережешься, а поглядишь, две или три пуговицы оторвал... Тут хватаешься их пришивать, а ноги-то спутаны в штанах, словно как в кандалах... Бывало, до того напляшешься, что черти из глаз посыплются... Ну не мұка ли это была, Ваше благородие?

* Щиблеты, штиблеты — немецк. суконные, на подкладке, реже кожаные, голенища, паголенки на крючках или пуговицах вдоль наружной стороны голени; камаши, ноговицы.

То ли дело при матушке Екатерине, когда мы были одеты в курточки и шаровары. Оно было легко и просто. Не примазывались лазить на коня, а просто садились.

Прежние плащи отменили и дали шинели с рукавами. Это было очень удобно, не в пример против плащей. Особенно в ненастную погоду или зимнюю пору. Можно всю амуницию надеть, а сверху шинели, а с плащом этого не сделаешь. Он был без рукавов.

Амуницию белили. Портупея с тесаком вешалась на правое плечо, а перевязь с боевою сумою — на левое. Медная граната об одном угле украшала сумочную крышку.

Ранец с манеркой* и шинельным чехлом носился на двух плечевых ремнях, которые застегивались пряжкой на середине груди. Это было очень тяжело. То ли дело нынче, совсем стало легко.

Голову велено расчесывать: спереди лаверчек** — его насаливать и посыпать пудрою, а чесать кверху, чтобы волос дыбом стоял. Пудру обыкновенно доставали с мельницы.

Сзади головы подкосок, а с боков плетешки связывались вместе, и все обматывалось черною ленточкой. А нечисть какая была от этого! И теперь как вспомнишь — в голове зачесется! А когда стоишь в карауле, так и не думай заснуть — того и гляди, что мыши косу отгрызут.

Прежние каски были отменены, а на голову надевалась маленькая черная шляпа, концами в бок. С левой передней стороны прикалывали красный бантик.

Ружья нам дали длинные да тяжелые, фунтов по 18 весу (то есть 7,2 кг) и начали уж очень усердно учить пехотному строю. Сначала еще было ничего, как сводили раза два на ученье да увидали, что драгуны не хуже гренадер знают свое дело, так и перестали

* Манерка — солдатская жестяная баклажка, походная фляга для воды. Манерочники — солдаты, посланные куда-либо с манерками по воду, за вином.

** Лаверчек — уменьшит. от «лавержа» (франц.) — зачес, выскоя прическа.

учить. Но вот беда, вскоре пришла перемена прежней экзерциции. Ох, эта перемена труднее нам показалась. Например, на плечо стали брать в 5 темпов. С поля в 12, этот прием по-нынешнему все равно что отмыкай штык — с последним темпом надо было ружье держать за конец дула, так, чтобы приклад торчал кверху; если приходилось идти, то ружье так и несешь.

У нас вот рассказывали, что старику Суворову новая экзерциция не нравилась... пудра, говорит, не порох, букли не пушки, коса не штык... да ведь как оно разобрать толком, так он и прав. Ох, эта экзерциция! Частенько нам окрашивали зубы. А ведь что проку-то в ней? Как пошли под француза, так она осталась на квартирах. Тут не до экзерциции, знай держи ружье наготове. Первое дело, чтобы замок ходил на спусках, словно как по маслу, второе — чтобы затравка была без нагару да чтоб штык был востер, как шило, а ствол, будь хоть чугунного цвета — нужды нет, лишь бы ржа его не ела.

Что русскому здорово — то немцу смерть!

На зимних квартирах у раскольников нам объявили, что мы пойдем в поход на австрийскую границу.

Действительно, весной 1793 года наш баталион тронулся в поход и в июне месяце прибыл на австрийскую границу, в местечко Броды. Здесь приказано было все лишнее распродать и приготовиться к дальнейшему походу, совсем налегке.

Таких приказаний мне не приходилось слышать за всю мою службу, а потому не один я думал, что мы пойдем на край света.

В Бродах мы оставили вагенбург*, распродали артельных лошадей и повозки, это досталось жидам почти за ничто. Офицерские и солдатские жены так-

* Вагенбург — обозный парк или городок, сосредоточенное построение повозок обозного эшелона (транспорта) при расположении на ночлег или дневку, а также при вынужденной остановке в пути. Если время и место позволяют, вагенбургу придают форму каре (четырёхугольника), круга, полукруга, в зависимости от местности.

же не могли далее следовать: им приказано было возвратиться в Россию. Облегчившись таким образом, мы до Успеньева дня перешли австрийскую границу в местечке Бродах.

По Галиции шли без всякого обоза, в фуражечках, потому что шляпы были оставлены вместе с вагенбургом. Сума висела с правого боку, а тесак с левого, а чтоб та не болталась, так сзади, под перевязью, небольшим ремешком застегивалась на фалдовую пуговицу.

Ранцы повесили на один ремень через плечо и несли их, как кому удобнее.

Перехода через четыре к нашему Бутырскому баталиону присоединились Апшеронский и Новгородский гренадерские баталионы, а через переход вышел же со стороны еще один егерский баталион, так что все уже четыре баталиона пошли вместе под команду генерала Милорадовича.

В Галиции перезимовали по квартирам, а раннею весной все четыре гренадерские баталиона свели вместе, и командовал нами нашего полка подполковник Санаев. Он-то и повел нас в Богемию, в богемский город Прагу. Тут уж были при нас казаки и артиллерия, только немного.

Вот здесь, Ваше благородие, по немцам идти было очень хорошо, они принимали нас радушно и по квартирам кормили хорошо. Каждому, бывало, поднесут по рюмке водки, сколько бы ни поставили на квартиру. А случалось так, что в иной дом поставят целую роту, а в другой и две (расположение и довольствие по квартирам производилось по распоряжению местных властей).

Всего им удивительнее было, что водку, по ихнему брант-вейн, вместо рюмок стаканами пили. Они, бывало, покачивают головами и говорят: «Кранк! кранк! О Иезус Мария!» (то есть «болен будешь!») А мы говорим: «Ладно, мол, по-вашему, может быть, и так, а по-нашему нет: что русскому здорово — то немцу смерть».

Продовольствие везде шло от хозяев; хлеб, бывало, режут ломтиками, а нам подавай его караваями.

Особенно как на квартиру привалит целая рота, ну где тут нарезаться? Добрые немцы, бывало, без устали только и знай, что режут хлеб.

Наши деньги брали они охотно, и шли они у нас хорошо: медный екатерининский пятак отдавали немцам за два гульдена.

Из Праги после двухдневной дневки пошли далее и вскоре переправились через Дунай по большому каменному мосту. Мост, я вам доложу, сработан отлично. Посредине устроен подъем для прохода судов, и так это все на нем ловко прилажено, что просто загляденье. Такого моста я и не видывал. На противной стороне был большой город, названья его не припомню, а внизу под город, у самого берега Дуная, такое ровное да привольное место, тут мы и расположились лагерем, а получать продовольствие ходили в город.

Ни на язык, ни на память...

Отсюда пошли в Баварию... Тут больших гор не было, дорога была хорошая, а горы оставались в стороне. Кажется, мы шли уже легко, легче и требовать нельзя. Обозу за нами не было. Однако со вступлением в границы Италии, перехода этак через два, приказано оставить ранцы и сдать их немецкому начальству.

Делать было нечего — побросали и ранцы! Шинели покатали через правое плечо, летние штаны закатали в шинели, а сами пошли в зимних, закинув за плечи одни торбочки, в них поклати кое-какие вещи: рубахи, да у кого были — зимние сапоги, другой запас, положил туда же и провиант.

От ранцев отвязали манерки и обратили их в котелки для кашицы, а когда варить ее было некогда, то отвечали одни сухари. Каждый из нас, подпоясавшись плащевиком*, увязывал вокруг себя все свое имущество.

* Плащевик — ремень, которым привязывается скатанная шинель к ранцу.

В таком виде мы были действительно легки. Патронные ящики едва успевали за нами следовать.

Вот тут уж мы узнали, кто будет нами командовать, и радовались встретить своего победоносного вождя, нашего батюшку Суворова.

Помнится мне, что был большой город... уж не знаю, как его звали, там названия все такие твердые, не даются они русскому человеку ни на язык, ни на память, как ни ломай его, а все не выговорить, как следует. Только что мы подошли к этому городу и успели выстроить все 4 баталиона во фронт, как Суворов из того города выехал встречать нас, по обыкновению на казачьей лошади и очень просто.

Как у него и все так делалось... а выходило хорошо, вот уж истинно, как, бывало, он говаривал: «Где просто, там ангелов со ста, а где хитро — там ни одного».

Мы сделали ему на караул... он поздоровался с нами... и «ура» загремело в наших рядах.

— Здорово, ребята!.. Я опять к вам прибыл! Пойдем, врага побьем! Не робей, ребята!

Вы учёны — нам за ученого двух дают — не берем, трех дают — не берем, четырех... мы возьмем, да и тех побьем...

Эти приповести, как я уже вам не однажды докладывал, он любил всегда подтверждать, здесь же после долгого отсутствия с нами он опять повторил их, как будто боялся, чтобы мы их не забыли. Голос-то у него был не сильный, впрочем, говорил внятно.

Тут велел нам обрезать косы и лавероки, слава тебе, Господи, говорили мы. Суворов прибыл, нас облегчил; от его распоряжений мы были в полном удовольствии.

Французы, побросав биваки...*

На следующем переходе подошел к нам князь Багратион — у него была и конница. Отсюда с Багратионом мы сделали три перехода вольно, при нас ехал

* Бивак (франц.) — расположение войск временно, под открытым небом, не под кровлей, становище, стан.

Суворов. Тут вдруг последовал от него приказ, чтобы штыки были у всех востры.

Для чего это он велит вострить штыки, думали мы, потому что они у нас были остры, как шилья.

После уж узнали, что Суворов, объезжая полки, попробовал рукой штык у одного солдата и нашел его тупым — вот и отдал приказ, чтобы все вывострили штыки.

После этого сделали сильно большой переход, верст до 80. Шли день и ночь, и на заре захватили неприятеля почти врасплох; он помещался в лагерях за речкой (река Ауда, хотя наши солдаты и не удостоили эту дрянь названием реки). Едва мы перешли ее вброд, как с криком «ура!» прямо ударили в штыки и такой страх нагнали на французов, что они, побросав биваки и багажи, метались во все стороны как угорелые, произнося какие-то незнакомые нам ругательства. Думаю, что от этого их больше и побито было.

В этом деле были все русские войска, австрийских в бою мы не видали, полагать надо, что они были влево от нас.

Суворов все время был при нашем отряде и каждому баталиону сам давал назначение, оттого французов так ловко и поколотили. На другой день после разбития французов дневали*, а на следующий рано утром пошли с Милорадовичем и сделали сильный переход вправо, а князь Багратион пошел влево. Тут погода сделалась дождливая, солнце уступило свое место ненастью. Наши сухари стали киселем, под стать старым бабам, а не нашим храбрым гренадерам, как называл нас Милорадович.

Наша колонна шла целый день, потом всю ночь, и на свету, откуда ни возмись, опять явился Суворов. «Ура» от задних рядов донеслось к нам. В Италии его уже иначе не встречали, как с шумными криками «ура!» Наш баталион и Апшеронский всегда шли впереди. Француз долго не держался и обратился в бег. Да им и нельзя было держаться, потому что напор наших был дружный. Сами изволите знать: сражались

* Дневать — пробыть где-нибудь день, провести целый день.

перед лицом победоносного любимого вождя, так всякому хотелось заслужить его спасибо.

Веселый и довольный, объезжая полки и встречая по полю одиночных солдат, не тяготился он приветствовать каждого: «Благодарю, ребята! Благодарю, чудо-богатыри! Французов разбили! Вот мы пойдем и еще разобьем!»

Давно уж мы его знали, но не могли привыкнуть к нему — этот герой был нам на удивленье! Ведь всю планиду небесную знал, и какие святые ему говорили, где и кого он найдет?

Куда ни вел нас, мы всюду побеждали, точно как будто кто ему говорил... где скрывается неприятель: день и ночь идем, а на заре бьем французов! Конечно, и у нас был урон; да ведь без этого нельзя: где дрова рубят, там и щепки валяются. Однако большая была разница от неприятельского; на одного нашего насчитаешь три, четыре француза, а где и больше.

Но вы, Ваше благородие, не думайте, чтобы француз был плохой воин; его надо бить умеючи. Нам случилось один раз видеть, что и у него вместо шерсти бывает щетина. Это было на берегу реки (при Бассиньяно, 1 мая), когда с нами не было Суворова; вот мы почитай что не двое ли суток бухались с ним и что проку-то? — все дело было дрянь. Да спасибо нашему Милорадовичу, что хоть выручил, а то просто так француз расходился, что прямо к морде так и лезет.

Отсюда пошли под Тур-Тон (так Попадичев называет Торнтону) и стали тут лагерем. Вот здесь видели, что Суворов проезжал мимо наших биваков с каким-то штаб-офицером. Нам, привыкшим видеть его всегда одного с казаком да адъютантом, показалось это новостью. Вот и любопытствовали знать, кто это такой ехал возле Суворова? Говорят, что подполковник князь Мещерский — из себя такой мужественный и плечистый.

«Без сапогов — что без подков»

А тут, поглядишь, к нам под Тур-Тон прибыли новые войска из России — нашего полка пришло два баталиона.

Ну, они почище были одеты нашего. Более всего, я вам доложу, мучались мы обувью. Бывало, никак не напасешься. Одни сапоги одел, а другие готовь про запас, а чуть прозевал — смотришь, и бос. Первое дело — марши были очень частые и дождливые, а второе — дороги совсем неспособные или вода. Шли по колено; от воды сапоги поразмокнут, а на каменьях изорвутся. А при наших походах до шитья ль тут сапогов? Без обуви солдат все равно что без подков: долго не находит.

— Что ж вы от комиссии-то получали? — спросил я, удивленный рассказом старика.

— Из комиссии? — с усмешкой сказал старик, — ровно ничего!

Но ведь сказано, Ваше благородие, что голь хитра на выдумки, так случилось и с нами... Наделали поршни* и стали ходить словно французы какие, в башмаках. А надолго ли поршни-то? — бывало, недели не поносишь.

Нет уж, по-моему — лучше я буду ходить без рубахи, нежели без сапогов. Бывало, как пришли куда и есть где расстараться, так что? — сапоги первое дело что справно: одни на ногах, а другие всегда в торбочках в запасе.

Теперь, Ваше благородие, пойдёмте на реку Требию бить французов! Вот тут-то пошли частые и сильные сражения! Бывало, ночь кое-как отдохнешь, а потом целый день пройдет в действии. Перестрелки шли жаркие да упорные, так что кроме своих 60-ти патронов иногда на случай возьмешь патронов 100 и таскаешь их за обшлагами, по карманам, а суму порой набьешь, так что и крышки не закрываешь.

Сначала мы сбили француза с биваков и, прогнав за речку, ночевали. Но с рассветом началась сильная перестрелка с часовыми, а потом он повалил колон-

* Поршни (от переть), или порушни, кожанцы, калиги, — род сандалий. Поршни не шьются, а гнутся (выражение «загни поршни») из одного лоскута сырой кожи или шкуры с шерстью на вздёржке, ременной оборе. Обычно поршни — из конины, лучшие — из свиной шкуры, существуют и тюленьи поршни. Их носят летом, налегке. Зовут поршнями и обувь из сапожных опорков.

нами. По его приготовлениям видно было, что он решился крепко стоять.

Тут и наши с апшеронцами выстроились по-ротно в колонны — каждая рота, по тогдашнему расчету, стала особо в колонну по 4 взвода, и пошли у нас движения, где колоннами, а где выстраивали и фронт.

Позиция наша с правого фланга близ речки была бугристая, каменья торчали из земли, как волы или бараны какие — место было скверное. А так влево виднелся город и башни, как будто крепостные, впереди его небольшие курганчики.

Я был в стрелках

Бой разгорелся, и смесь сделалась сильная. Французы перемешались с нашими... тут не было порядку: каждый только думал о том, чтоб неприятелю не дать ходу и сбить его в кучу.

Я был в стрелках и, пробравшись с тремя товарищами влево, стрелял по французам. Наконец, от частых выстрелов ружье так разгорелось, что в руках нельзя было держать. А заряжали мы вот как: бывало, патрон всыпьем и, не приколачивая его, ударишь прикладом о камень — и порох уже на полке*. Взведешь курок и бух — и всё в неприятеля! Так вот-с, затравка так нагорела, что ружье начало давать вспышку, а на полку понадобилась подсыпка. Я припал за камень, чтоб оправить ружье, — а действие идет горячее. Тут еще двое прибежали ко мне. Оправивши наскоро ружье, мы втроем выскочили на бугор — посмотрим: французы отступают.

После этого долго еще перестреливались, покуда наконец к вечеру умолкнул бой. Здесь между нашими колоннами частенько вертелся сам Суворов и направлял полки, где было более опасности, и везде подавал помощь. Сам трудился и старался не хуже нашего.

На другой день прогнали неприятеля и были в городе, но его уже там не было — он пошел на уход. Вот

* Полка ружейная — корытце, выступ для насыпки пороха у кремневого ружейного замка.

здесь обогнали нас венгерские гусары. Нечего сказать, славное войско — а австрийцев мы не видали.

Заметивши, что старик совсем прекратил разговор, я спросил его:

— Ну, дедушка, а под Новией был?

— В Италии, — отвечал он, — мы с Багратионом вертелись в разные стороны, делали большие переходы и сейчас же шли в бой; кто их упомнит, в каких именно боях мы бывали? А на Требии-то реке, так это верно знаю, что были. Я вам сейчас рассказывал. Этот бой был для нас трудней прочих, да и больше об нем говорили. Да и под Новией-то были... и как еще ловко французов полонили! В то время они были как-то полегче, на ногах как-то не твердо стояли, а потом выучились, каналы!.. А все больше потому, что Наполеон стал ими командовать.

По швейцарским горам за французом

Покончивши с французом в Италии, пошли воевать с ним в Швейцарию.

Здесь он был очень увертлив и в чистом поле стоять не любил, а больше прятался в щель (то есть ущелье). Чаше приходилось нам побеждать скалистые камни и снеговые горы, нежели драться с французом, — он хитрил, как лисица, — а где можно, так и по-волчьи оскаливал зубы.

Подойдя к горам, каждый из нас получил порцию сухарей, и этим запасом пришлось продовольствоваться чуть ли не все время странствования по голодной Швейцарии.

Князь Багратион и великий князь Константин Павлович повели войска прямо в горы. Наш санаевский баталион шел вперед с князем Багратионом. Часто приходилось идти по таким местам, что, кажется, не человек, а зверь прокладывал дорогу. Да не смотрели на то, а шли, когда надо было бить французов.

Погода была ненастная, туман висел на горах, и как будто шла изморось. Нам, нагруженным провиантом, с непривычки трудно было подниматься в горы; люди беспрестанно отставали. Суворов, бывший

при нашем отряде, объезжал тянувшиеся в горы ряды и говорил солдатам: «Молитесь Богу, ребята! Бог поможет! С нами Бог! Вперед, вперед, чудо-богатыри! Вот ты шаг ступил и ближе — все меньше остается!»

Горы были трудно-каменистые. Мы досадовали на скалы, они съедали нашу обувь. Но на Суворова не роптали.

На марше в горы он то и дело сновал мимо нас на казачьей лошади и отечески говорил с нами: «Не бойсь, ребята! Не бойсь, чудо-богатыри! Мы в горы пойдём и их пройдем, враспloch француза возьмем и в пух его разобьем!» И мы твердо верили, что по его словам все станется.

— Вот, дедушка, ты сейчас сказал, что на Суворова вы не роптали, а я так слышал напротив... говорят, солдаты так были им недовольны, что не хотели далее идти, — старик, мол, наш из ума выжил!

— Ну, Ваше благородие! Хоть присягнуть сейчас, сам я этого не видал и не слышал, а рассказывать то, чего не знаю, — греха на душу брать не буду!

Впереди нас шли егеря, а сзади их наш полк и сводно-гренадерский батальон. Так если бы и было что-нибудь такое, как же товарищам-то не знать? Ведь этого скрыть нельзя! С первого привала разнеслось бы по всему корпусу.

Нет, Ваше благородие, это так, дурные слухи, бабьи сплетни. Суворов отец наш был; да кто бы осмелился это сделать? Разве по глупости рекрут какой, а не старый солдат, какими тогда были почти все. Да разве Суворов по своей воле воевал? На то был указ Государя. С нами был тут же и Константин Павлович, сын природного нашего Государя. Нет, Ваше благородие, не верьте этому — это так... все пустое.

Три дня подымались мы до вершины горы, сбивая со скал французов. Кони, как дикие козы, попадались нам на пути. Потом спускаться начали в ущелье. Пройдя оное, встретили на дороге так себе не мудрую деревушку и через переход отсюда соединились с Милорадовичем.

Вот тут уж он пошел впереди, а мы за ним. При спуске с гор было много отсталых. Каждый думал, что скатиться вниз легче, чем подняться, а потому надеялся, не торопясь, догнать передних. Начальники докладывали Суворову, что много отсталых. На это он им спокойно отвечал: «Я и сам видал, что много отсталых; да ведь никогда не видал, чтобы кто назад шел, он отдохнет, отдохнет и придет, а все тут же будет».

Между всеми начальниками князя Багратиона Суворов отличал более прочих и говаривал об нем, что он «по мне будет!» — «Молодец! Молодец, Багратион!» — он везде его хвалил и ставил первым.

После бала к разводу ль ходить?!

А Милорадовичу однажды сказал: «Господин Милорадович! Я бы вам не советовал после бала ходить к разводу!» — «Виноват, Ваше сиятельство, опоздал». Так отвечал Милорадович.

Спустившись еще ниже, пошли по ущелью. Вдруг слышим, что неприятель укрепился за каким-то Чёртовым мостом. И точно, мы как будто опускались в чёртово гнездо: на каждом шагу натыкались на скалы и крутые обрывы, а внизу, в пропасти, реку ворочает, словно камни в пыль перемалывает.

Теснота такая, что двум человекам в ряд идти опасно: а где из щели ветром так и хватит, что не устоишь на ногах! Туман, словно кисель какой, — так и висит на плечах.

Однако у Чёртова моста передние войска сбили неприятеля. Нам пришлось проходить уже по готовому мосту, около которого господа офицеры сами хлопотали и уцелевшие бревна связывали шарфами.

Француз ухитрился было растащить бревна, чтобы не дать нам ходу, — да не поддержало и это. Кто через мост, а иные так просто вброд перебрались на ту сторону и погнались француза. Версты четыре преследовали его вниз по берегу реки и только в сумерки оставили его в покое, когда нам приказано было остановиться, чтоб обождать тянувшиеся по ущелью войска.

Спустились с гор, каждый из нас сказал: «Ну, слава Богу! Горы вон где — мы теперь на ровных местах».

После этого, кажется на следующем переходе, раздавали Анненские кресты, по три в каждую роту. На них было сказано, что за отличие. Все равно как нынче Георгиевский крест, то же тогда значил и Анненский. А кресты-то навешивал сам полковник Санаев, да не кому-нибудь, а тем, кого именно знал, что по заслугам стоил. И подлинно, что новые кресты мы увидали на молодцах из молодцов!

Однако, Ваше благородие, не в похвальбу будь сказано, за Швейцарский поход все были достойны получить хоть не по кресту, так по крайности по медали. Оно, во-первых, более потому, что труды наши были очень тяжкие, было голодно, да и холодно, а движения частые да скорые, а второе, что места, где проходили, были никак не способные: все горы да скалы, под ногами грязь или голый камень — обувь наша совсем поизносилась.

А что касается до неприятеля, так он не запугал нас: словно как воронье черное, понасажался на горах, мы знали, как надо подходить к этой дичи!

Вот хоть бы тут мы опять полезли в горы и снова с князем Багратионом пошли впереди всех. А неприятель — он, сказывают, укрепился у Швеца*. Ну, думаю себе, слава Богу, хоть один город попался с русским прозвищем, а то пришлось бы пройти Швейцарию, не запомнивши ни одного названия. Другой бы, пожалуй, и не поверил: словно как там и не был!

Так вот-с, через гору-то мы и ползем. Кто станет, оправится, сумку перебросит на другое плечо, а кто так остановится, прикладом постучит, товарища сождет, табуку понюхает да опять побежит...

А князь тут же с нами едет да иногда оборачивается назад. Уж совсем на спуске он вдруг остановил нас, а сам вперед поскакал.

Тут немного отдохнули, а народ тем временем сзади подошел. Уж сумерки наступают, глядишь, он, наш отец, подъезжает к нам и говорит:

* Точнее, Швиц.

— Ну, братцы, отдохнули?

— Отдохнули, Ваше сиятельство!

— Теперь с Богом за мной! Да как за деревней крикну «ура!», так принимать не зевай, да так... чтоб у неприятеля душа дрогнула! В улицы бегом и кто с ружьем попадется, коли его!

Ведь вот, Ваше благородие, Багратион так умел сделать, что француз, покидавши все пожитки, удирает от нас, как собака, поджавши хвост. Ничего, здесь мы славно переночевали на их квартирах.

*Палка от собаки не уйдет — француза колотить
успеем...*

К Швецу-то в гости так и не заходили, а пошли отсюда направо к Корсакову.

— Да разве ж вы знали, что идете к Корсакову?

— Помилуйте, да об этом только и речи было, это всем было известно.

Тут уж мы неприятеля не видали, сказали, что Розенберг, оставшись сзади, делал ему сильный отпор и положил его порядком. Хорошо, что хоть этот помозолил ему зубы, а то ведь вот, Ваше благородие, горет нас постигло. Как узнали, что Корсаков разбит, вот тут-то тоска взяла нас: эх, жаль стало, что не дождался! А мы-то как поспешали, шли без дневок, словно как знали, что не быть добру в этих голодных горах! Разумеется, как бы он ни вступил в действие, мы бы подоспели к нему, и французы были бы разбиты!

Делать-то нечего — горем, видно, беды не исправишь. И пошли ж мы драться опять с французами: загнали их в ущелье, да дальше и не пошли. Ну, думаем себе: палка от собаки не уйдет — поколотить его успеем!

— Что это ты, дедушка, так разгневался на французов, ведь они народ храбрый!

— Помилуйте, Ваше благородие, нечего про это говорить. Да ведь вот-с, я вам доложу, не будь его в этих-то горах, так мы бы не вешались по кручинам-то, а то совсем обосели*.

* Обосеть — от слова босой, босый.

Отсюда повернули к своим границам; значит, к Корсакову идти было незачем! Зато попали на снеговые горы, дали они себя знать!

Да тут не то что лошадей, тут и нашего брата много перекалечилось.

Суворову докладывали, что многие переморозили себе ноги... На это он отвечал так: «Эти Богу неуютны! А что касается до меня, так в сильный холод я всегда отдувался и не познабил себе ничего».

Вот здесь, Ваше благородие, пришлось нам расстаться с Суворовым. В последний раз видел я нашего батюшку по переправе через Рейн, когда мы подошли к первому городу и на ровном чистом поле стали биваками. Здесь мы сделали две дневки, армия наша стянулась и поотдохнула.

На следующий день Суворов объезжал все полки. Выстроились в две линии, одна противу другой. Наш полк как шел сзади, так и встал на левом фланге. Объезд Суворов начал с правого фланга. Перед каждым полком останавливался и особо благодарил.

Войска ему кричали «ура».

Подъехавши к нам, он сказал: «Благодарю! Благодарю, чудо-богатыри! Всё Бог! Всё Бог нам пособляет! Вот мы пошли, взяли, разбили! Кто храбр — тот жив! Кто смел — тот цел!»

Тут он говорил много... «Ну, ребята, теперь мы разойдемся!.. Прощайте, чудо-богатыри! Мы еще увидимся!»

Вот так-то и увидались!.. Царство ему небесное!..

Орден на нем не видывал...

Одет он был по обыкновению весьма просто — была уже осень, но на нем не было ни плаща, ни теплой одежды, — сверху было накинуто что-то суконное. На голове касочка и без орден. Да орден на нем я никогда и не видывал.

По присоединении к двум своим баталионам сводно-гренадерские баталионы разошлись. Дорóгой немцы, бывало, спрашивали нас, а зачастую и на квартирах: «Какого корпуса?» — «Корпуса Суворо-

ва». — «Неш — гут! Неш — гут!». А если кто скажет, что корпуса Корсакова, то говорят: «Нихт — гут, нихт — гут!» Ужасно как немцы были привязаны к Суворову.

Не доходя Кракова, войска наши разошлись в разные места на зимние квартиры, а наш полк выступил в Краков — тут мы и зимовали.

За все походы из нашего баталиона выбыло из строя более 100 человек. Полки в походе были 3-баталионные. Один баталион гренадерский и два мушкетерских.

В Краков пришли к зимнему Николе. Тут мы были Рождество и Новый год. На нас страшно было смотреть — кругом ощипаны и оборваны, зато штыки блестящие. Здесь же мы узнали о смерти Суворова. Вечное блаженство! Вечный душе его покой. Такой человек едва ли будет!..

Весной нас поставили в местечко Музлы, обмундировали. На другой год тут же зимовали и принимали присягу — сперва было Константину, а через три дня Императору Александру. Перезимовали и третью зиму в Польше. В 1803 году пошли в Полтавскую губернию и стали в Прилуках.

На этом старик закончил свой рассказ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	6
<i>Глава первая</i> «ВЕСЕЛАЯ ЦАРИЦА БЫЛА ЕЛИЗАВЕТ...»	
Повседневная жизнь — от гвардии к армии	10
«Сверх комплекта, без жалованья»	10
Солдат Суворов	13
Удальцы-семеновцы!	15
От щедрот государей	16
Новые времена — новые нравы	18
«Чиноплавильня»	21
Посты у Летнего дворца	24
«Шествие» в Первопрестольную	25
Военачальник или вельможа?	29
Гардероб из многих сот кафтанов	29
Фельдмаршал — баловень царицы	32
«Обсервационный корпус» графа	34
Верхоконные... в пешем строю	36
Шуваловская партия	39
Фельдцейхмейстер — о семи ролях	41
«Стреноженный» фельдмаршал	42
Всюду деньги, всюду деньги, всюду деньги, господа!	44
Измена либо... сохранение солдат	46
Удивив закаленных пруссаков	49
Очередной рескрипт Елизаветы	52
Ретирада — плод ли бестужевской интриги?	55
Великий инквизитор	57
Бестужев — хождение по мукам	60
Без вины виноватый или... ..	63
Паркетный этикет	65
Солдаты-князя	66
Четверкой цугом... ..	67
В традициях и духе корпоранства	69
«Обучен языкам и шпажской битве...»	72
Праздник с военным уклоном	75
Скачет, стреляет в охотку	79
Воспоминания бывшего офицера	82
Негромкий быт служилого дворянства	84
Междоусобицы отправленных в отставку	87
Елисавет — Преображенского полка полковник	90
Лейб-кампанцы и их капитан	92

Глава вторая
ВЕК ЗОЛОТОЙ ЕКАТЕРИНЫ

Трон, покачнувшийся в июньском Петербурге	96
Голштинская кичка	103
«А дед мой — в крепость, в карантин...»	110
Великий шум в полку Преображенском	112
Санкт-петербургские ведомости — информация для размышлений	120
Былой пособник — ныне не у дел	122
Шегольской мундир Талызина	125
«Всегда иметь пред глазами» — Екатерина	126
Сколько ж было под ружьем?	128
Куда, кому и сколько?	131
«Дело вещает, каков был труд»	133
В дни новизны — преданья старины	134
Миссия временной «военной комиссии»	136
Учреждены кавалергарды	137
Лейб-кампанцы — новые шансы	140
Разной ли «масти» особые части?	143
Мушкетеры	144
Гренады, гренадеры, гренадерки	145
«...По званию легкой пехоты...»	147
С фузеей короче мушкетерской	148
Почти что всё сохранено, но... ..	151
От лопастей зеленых до серебра эполет	153
От «панинских» егерей до павловских	155
Пандуры, вольтижёры и особые «егеря Фрица»	158
Екатерининские конно-егеря	159
Драгуны	160
Карабинеры «екатерининской эры»	163
Монаршия слабость — гусары	167

Глава третья
ПАВЛОВСКИМ СТРОЕМ

Гатчинцы — от парика до каблука	172
Каков он, Саблуков? или Английский подлинник русского конногвардейца	177
Шеф и полковник всех гвардии полков	181
Гатчинцами завоеванный Петербург	185
Гатчинский капрал или рыцарь печального образа? ...	189
Красные мундиры с черными лацканами	190
«Без лести предан»	195

Глава четвертая
ИРРЕГУЛЯРНЫЕ — КУБАНЦЫ, ТЕРЦЫ И ДОНЦЫ

Авангард татарских конниц	197
Иррегулярные времен Екатерины	200
Императрицыны конвойцы	202
Кубанцы	205
Суворовский запал	207
Сечевики	208
С серебряным блеском синие черкески	213
Мундиры новые — привычки старые	215
Зеленый, в талию чекмень и белая черкеска	218
«Жалуются знамя войсковое»	221
Лихие казачьи кордоны	225
Пластуны	226
«Залоги», конные разъезды	227
Старики — в донском покрое, молодежь — в черкесках	231
Терцы	233
Цепь постов, кордонов и станиц	233
Гребенцы	235
Совет почтенных казаков	239
Десятки, сотни, полусотни	240
Давние годы — былые походы	241
Терек бурлит — казак лежит; Терек молчит — казак не спит	245
На ночь «выряжаются» секреты	247
Канонир-«ювелир»	249
Одним увидел то, что и двумя не разглядишь	250
Штабс-капитан Якубович — отголоски былого	252
Донцы-удальцы	254
«Якши, Боклю!»	255
Учебная «Седьмая сотня»	259
«Голая атака»	260
«Не хочешь ли убить Боклю?»	262
«Всевеликая» охота	264
Казачий абордаж	269
Колокола, отлитые из пушек	271
«Казачьему роду нет переводу»	272

Глава пятая
МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ...

Воспоминания 101-летнего суворовского солдата	274
Под тяжестью регалий	275
Начинал я драгуном	277
Ружья, сабли... городки	278
Каска с передним «памомажем»	279
Сам с усам... ..	280
Нежданно-негаданно, или «В каске он и в кительке и с нагайкою в руке»	281
Неделю спустя	283
И тот же стол... ..	285
В головах по мешку денег... ..	286
Русак — не трусак!	287
В фуражирах	289
Конь подо мной, а Бог надо мной!	291
Кавалерия — на сабли, а пехота — на штыки	293
Когда захочешь, так достанешь... ..	295
Уныл и вял — глядишь, и голову потерял... ..	297
С места атака! Марш-марш!	299
Примкнуть штыки и сабли подвязать!	301
Кричу «пardon!» А он все бежит... ..	303
«Береги пулю в дуле...»	305
Сомкнись! По караулам марш!	307
«Ах, когда б был жив Суворов!»	309
Артельщика заветный сундучок	311
Лошади — шпоры, сабли — перед голову!	313
С конь долой! Ружья — с бушлата!	315
«Пражка» — двухнедельная крепость	317
«...Где штыки ломаются, там и ружья валяются»	320
Таинства конской амуниции	321
Назначили — не отпрашивайся, а велют — не отказывайся, или Гренадер сверху донизу	325
Пудра — не порох, коса — не штык, я — не немец, а русский мужик	326
Что русскому здорово — то немцу смерть!	328
Ни на язык, ни на память... ..	330
Французы, побросав биваки... ..	331
«Без сапогов — что без подков»	333
Я был в стрелках	335
По швейцарским горам за французом	336
После бала к разводу ль ходить?!	338
Палка от собаки не уйдет — француза колотить успеем... ..	340
Орден на нем не видывал... ..	341

Охлябинин С. Д.

О 92 Повседневная жизнь Русской армии во времена суворовских войн. — М.: Мол. гвардия, 2004. — 345[7] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества.)

ISBN 5-235-02544-X

В книге рассказывается о повседневной жизни Русской армии в XVIII столетии: о нравах, царивших в те времена, о привычках, причудах и забавах военных людей, представителей различных сословий и различных родов войск, об их экипировке и вооружении, предметах повседневного быта, давно уже ставших музейными экспонатами. Тема эта увлекательна и поучительна в равной степени, ибо без обращения к ней нельзя в полной мере понять причины триумфальных побед русского оружия в этом столетии русской славы.

**УДК 355.1•17»
ББК 63.3(2)47**

Охлябинин Сергей Дмитриевич

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЕНА
СУВОРОВСКИХ ВОЙН**

Главный редактор А. В. Петров

Редактор А. Ю. Юрьев

Художественный редактор А. Ю. Никулин

Технический редактор Н. А. Тихонова

Корректор Е. В. Феоктистова

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 17.05.2002. Подписано в печать 26.09.2003. Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл.-печ. л. 18,48+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 22663.

Издательство АО «Молодая гвардия». 127030, Москва, Сушевская ул., 21.
Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». 127030, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02544-X

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

А.-Г. Аман

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПЕРВЫХ ХРИСТИАН. 95—197»**

Э. Драйтова

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
А. ДЮМА И ЕГО ГЕРОЕВ»**

П. Фор

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ
ВО ВРЕМЕНА ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ»**

И. Клауас

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
В ЗАМКАХ ЛУАРЫ
В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

Ф. Декрузет

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА К. ГОЛЬДОНИ»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87

<http://mg.gvardiya.ru.dsel@gvardiya.ru>

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутинной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Ги Шоссинан-Ногаре

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЖЕН И ВОЗЛЮБЛЕННЫХ
ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕЙ»**

П. Монтэ

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН
ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКИХ ФАРАОНОВ»**

В. Марочкин

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО РОК-МУЗЫКАНТА»**

Ж. Ленотр

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕРСАЛЯ ПРИ КОРОЛЯХ»**

М. Дефурно

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИСПАНИИ В ЗОЛОТУЮ ЭПОХУ»**

Ж. Брюнель-Лобришон, К. Дюамель-Амадо

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВО ВРЕМЕНА ТРУБАДУРОВ. XII—XIII ВЕКА»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87

<http://mg.gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

в самое ближайшее время
представит на суд читателей следующие издания:

М. Бувье-Ажан
«АТТИЛА»

Н. Черкашин
«АДМИРАЛ КОЛЧАК»

М. Вострышев
«МОСКОВСКИЕ ОБЫВАТЕЛИ»

К. Жиль
«МАКИАВЕЛЛИ»

С. Федякин
«СКРЯБИН»

М. Брион
«МОЦАРТ»

Ж.-П. Ру
«ТАМЕРЛАН»

Р. де Кастр
«БОМАРШЕ»

И. Клулас
«ИАНА ПУАТЬЕ»



Отзывы, творческие и коммерческие предложения:
787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87
<http://mg.gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

в самое ближайшее время
представит на суд читателей следующие издания:

Ю. Лошиц
«ГОНЧАРОВ»

В. Томсинов
«АРАКЧЕЕВ»

Ю. Селезнев
«ДОСТОЕВСКИЙ»

Н. Старосельская
«СУХОВО-КОБЫЛИН»

Л. Выскочков
«НИКОЛАЙ I»

В. Андриянов
«КОСЫГИН»

А. Варламов
«ПРИШВИН»

П. Декс
«ГОГЕН»

А. Бегунова
«НАДЕЖДА ДУРОВА»



Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87

<http://mg.gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА



открытый при издательстве «Молодая гвардия»



В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

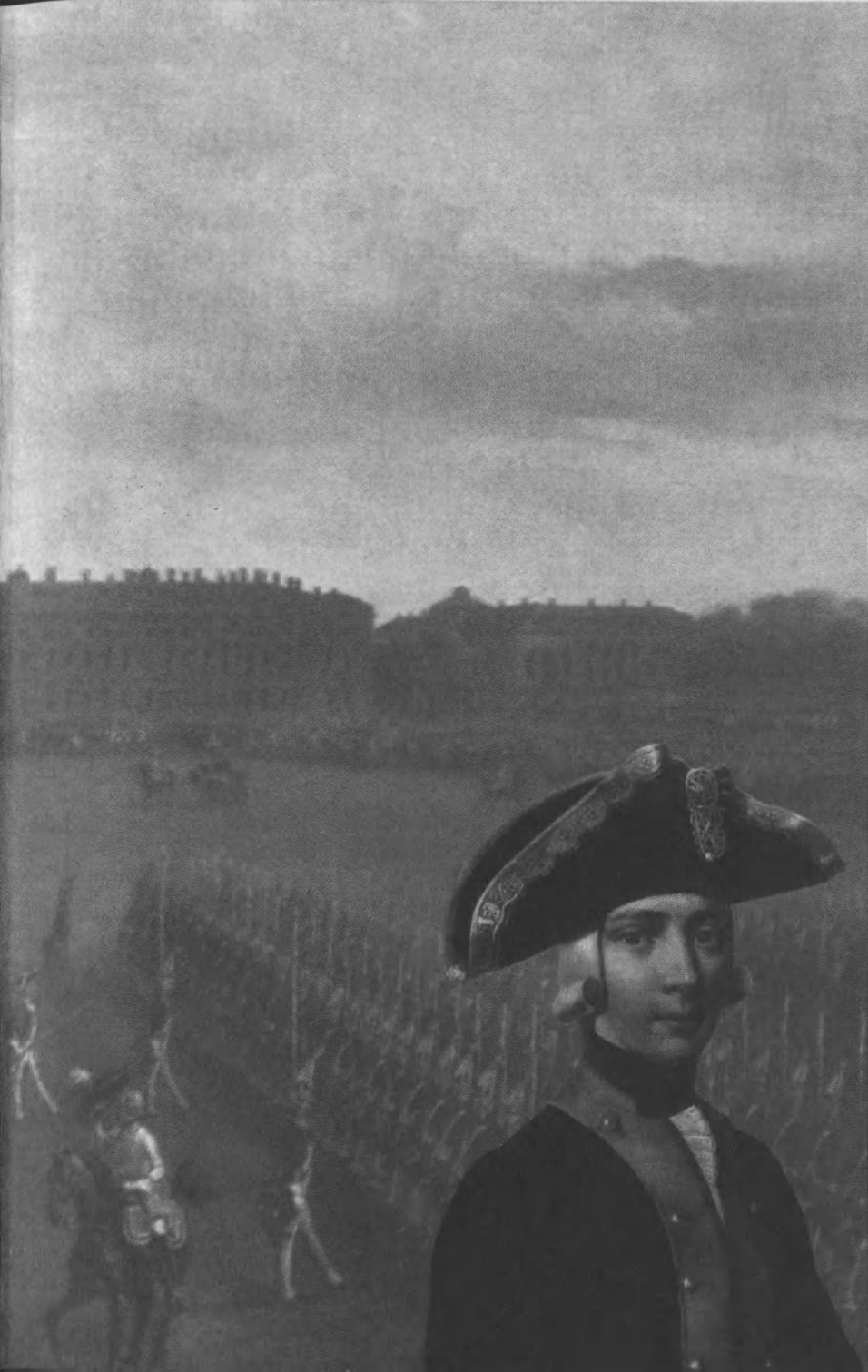
Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

www://mg.gvardiya.ru © book@gvardiya.ru









СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

П. Фор

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА
ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Л. Крете

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КАЛИФОРНИИ ВО ВРЕМЕНА
ЗОЛОТОЙ ЛИХОРАДКИ

Ж. Бордонов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ТАМПЛИЕРОВ В XIII ВЕКЕ

Л. Адлер

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕВРОПЕЙСКИХ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ

М. Дефурно

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИСПАНИИ ЗОЛОТОГО ВЕКА

ISBN 5-235-02544-X



9 785235 025448

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ